Учреждение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Периодический сборник научных статей

Электронное научное издание

Выпуск 3

Москва 2011

Редакционная коллегия

В.А.Виноградов
М.Е.Алексеев
В.З.Демьянков
П.С.Дронов
А.В.Дыбо
Е.Р.Иоанесян (отв. редактор)
Д.Б.Никуличева
Н.М.Разинкина
Н.К.Рябцева
К.Я.Сигал
И.И.Челышева

Проблемы описания языка

С.Ю. Бочавер (ИЯз РАН)

S.Û. Bočaver

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Особенности драматургического синтаксиса (на материале пьесы Ф. Гарсия Лорка «Кровавая свадьба») [1]

Specific features of the dramatic syntax (based upon Federico García Lorca's *Bodas de Sangre*)

Аннотация

С целью выявления системно повторяющихся черт в синтаксической организации драматургического диалога была разработана процедура синтаксического анализа, при выполнении которой в фокусе находятся элементы, отличающие письменный дискурс от устного. Пьесы занимают промежуточное положение между письменными и устными текстами. Следовательно, можно предположить, что в пьесах одновременно представлены признаки устных и письменных текстов. Анализ пьесы Ф. Гарсия Лорка «Кровавая свадьба» подтвердил это предположение. Видимо, представления автора об устной диалогической речи заставляют его изменять структуры письменной речи и вводить элементы устной речи.

The aim of this study is to show specific syntactic features of the dramatic dialogue. For this purpose, a procedure of syntactic analysis was developed, focusing on differences between the written and the oral discourse. Plays stand between oral and written texts, therefore this kind

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (государственный контракт № 02.740.11.0370) и в рамках гранта ведущих научных школ № НШ-5837.2010.6.

of analysis may be fruitful. We suppose that in a dramatic text there appear syntactic features of oral and written texts. This hypothesis was confirmed. Apparently, authors' notions of oral dialogic speech make them change structures of written speech and introduce elements of oral speech.

Ключевые слова

Диалог, синтаксис, театр

Dialogue, syntax, theatre

Данная статья представляет собой фрагмент исследования, посвященного изучению особенностей диалогической речи в драматургии. Диалог — одна из основных форм межличностного взаимодействия, одна из важных составляющих жизни человека. Видимо, именно это заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к диалогу. О диалоге, об устной речи известно многое [1; 4; 5; 9; 14; 19], то же можно сказать и о письменных текстах и письменной речи [10; 13]. Гораздо меньше мы знаем о промежуточных формах, одной из которых является драматургия [3; 20]. Как отмечает В. Херман, «почти отсутствуют исследования драматического диалога как дискурса, как системы речевого обмена, их нет даже в работах, посвященных языку драматургии» [18, 3]. Пьеса создается как письменный текст. По всей видимости, неизвестны случаи существования пьес без письменного текста. Особенностью большинства драматических текстов является то, что это тексты, созданные для того, чтобы быть представленными и быть воспринятыми аудиторией.

Для выявления систематически встречающихся особенностей драматического диалога в данном исследовании используется синтаксический анализ. Лексико-семантический уровень в тестах такого объема едва ли может обладать свойствами системы. Прагматика драматургии также изменчива [2; 15]. Представляется, что именно в синтаксисе театрального диалога кроются его особенности, все то, что делает его отличным от диалога повседневного или диалога прозаического. Сходными наблюдениями И.И. Ковтунова предваряет свою работу о поэтическом синтаксисе: «В

поэтическом синтаксисе можно увидеть более регулярную, чем в лексике, и более строго очерченную систему средств выражения. Это естественно, поскольку грамматические категории и формы носят обобщенный характер, обладают регулярной воспроизводимостью, легче складываются в систему и легче обозримы» [8, 4]. Ниже будет рассмотрена синтаксическая организация пьесы Ф. Гарсиа Лорка «Кровавая свадьба» (*Bodas de sangre*, 1933).

С целью выявления системно повторяющихся черт была разработана процедура синтаксического анализа, которую можно разделить на две части. Каждая из частей состоит из нескольких операций.

1. Определить тип предложения (простое/сложное). Если предложение сложное, указать тип связи (сочинительная/ подчинительная/бессоюзная). Если предложение является сложноподчиненным, определить тип придаточного. Кроме того, следует указать, есть ли в предложении эллипсис.

2. Отметить наличие причастий и деепричастий, серий предложных групп, обращений, частиц, междометий и дискурсивных маркеров.

Первая часть согласуется как с традиционной схемой синтаксического анализа [6; 11; 17], так и с недавними исследованиями в области лингвистики текста и дискурс-анализа [7; 12]. При отборе составляющих второй группы использовались результаты исследований [7; 16], также были добавлены два параметра: обращения и междометия. Таким образом, в ходе анализа в фокусе должны быть именно те элементы, которые, по мнению указанных авторов, отличают письменный дискурс от устного.

Исследование драматургического синтаксиса может дать нам информацию о том, какое место занимают пьесы среди устных и письменных текстов. Для театральных текстов типичны письменная фиксация в момент создания и устно-визуальная форма репрезентации. Иначе говоря, с письменными текстами их роднит способ создания, а с устными — бытование. Следовательно, мы можем сформулировать гипотезу: в

синтаксической организации пьес одновременно представлены признаки устных и письменных текстов.

Перед проведением исследования необходимо было решить вопрос о способе подсчета. В исследовании У. Чейфа все показатели вычислены для каждой тысячи слов [16]. Другой способ подсчета предлагает А.А. Кибрик, который определяет значение того или иного параметра на каждые сто предикаций [7]. В данном исследовании значения каждого показателя вычисляются на 100 предложений. Предложение — это лингвистическая единица, которая действительно присутствует в письменных текстах, оформленных в соответствии с нормами литературного языка. Иначе говоря, именно эту единицу удобно в данном случае выбрать в качестве минимальной, поскольку это позволяет, с одной стороны, не вводить дополнительных теоретических объектов, с другой стороны, позволяет обойти вопрос о границах слова [1].

Для пьесы Ф. Грасия Лорка «Кровавая свадьба» были получены следующие результаты. В среднем на каждые сто предложений приходится:

1. Простых предложений: 81. Из них полных [2]: 48.

2. Сложных предложений: 19. Из них полных: 13 [3].

3. Синтаксические связи (между частями сложного предложения):

   А. Бессоюзные: 1.

   Б. Сочинительные: 2.

   В. Подчинительные: 23.

4. Предложные группы: 0.

---

[1] С этим связано то, что данные подсчетов, в которых минимальной единицей является слово, будет трудно использовать в исследовании, предполагающем сопоставление материала различных языков. Там, где по-русски нужно сказать три слова *дай мне это*, по-испански нужно сказать одно *dámelo*. Некоторые формы глагола в испанском языке, а именно инфинитив, императив и герундий, могут присоединять к себе возвратные местоимения и местоимения в косвенных формах. Есть и другие характеристики данных языков, которые делают количество слов нерелевантным параметром. К этим характеристикам относятся артикль и различие в построении предикативной основы предложения.

[2] В испанском предложении подлежащее крайне редко выражается личным местоимением, поэтому предложения с эллипсисом подлежащего не рассматривались как неполные.

[3] Число неполных сложных предложений существенно превышает число неполных простых предложений. Видимо, это связано с тем, что сложные предложения, как правило, длиннее простых и состоят из большего числа элементов. Чем больше элементов, тем выше вероятность потерять или пропустить один из них.

5. Обращения: 2.

6. Причастия и деепричастия: 2.

7. Частицы и дискурсивные маркеры: 14.

Эти результаты подтверждают приведенную выше гипотезу, но теперь можно определенно сказать, по каким параметрам драматургический текст сближается с письменным, а по каким — с устным. Сопоставим эти данные с данными У. Чейфа [1]:

1. Проявления оппозиции фрагментация vs. интеграция, согласно [16], (встречаемость на тысячу слов) [2]

	Номинализация	**Причастия**	Атрибутивные прилагательные	**Сочинение**	**Серии предложных групп**	**Дополнительные придаточные**	**Относительные придаточные**
Устная речь: фрагментация	4,8	8,3	33,5	5,8	1,8	8,9	9,7
Письмо: интеграция	55,5	35,6	134,9	23,8	16,2	19,2	15,8

2.Проявления оппозиции вовлеченность vs. отстраненность, согласно [16], (встречаемость на тысячу слов)

	Пассив	1-е лицо	**Маркеры ментальных процессов говорящего**	**Маркеры отслеживания информацион-ного потока**	**Эмфатические частицы**
Устная речь: вовлеченность	5	61,5	7,5	23,6	12,6
Письмо: отстраненность	25,4	4,6	0	0	0,4

Количество предложных групп, причастий и деепричастий, частиц и дискурсивных маркеров говорят о близости проанализированного текста к устному

[1] В таблицах полужирным шрифтом выделены те параметры, по которым будет проводиться сопоставление.
[2] Воспроизводится по [7].

дискурсу. Наиболее однозначно можно интерпретировать значения, полученные для частиц и дискурсивных маркеров. Там, где у У. Чейфа были нули для письма и высокие показатели для устной речи, мы получили 14. Кроме того, наличие обращений и полное отсутствие предложных групп сближает текст пьесы с устным дискурсом. Однако в данном тексте есть и тенденция к интеграции. Эта тенденция характерна для письменных текстов и выражается в стремлении к последовательности и связности. В данном случае это выражается в абсолютном преобладании подчинительных связей между частями предложения над подчинительными связями, а также в большом количестве полных предложений (примерно 50%).

Подводя итог, можно сказать, что устный характер сценической коммуникации оказывает существенное влияние на организацию драматического текста. Несмотря на то, что пьесы создаются и фиксируются посредством письменной речи, а не устной, в драматургии обнаруживается ряд черт, характерных для устной речи и совсем не типичных для письменной. По всей видимости, представления автора об устной диалогической речи заставляют его изменять структуры письменной речи и вводить элементы устной речи, например, обращения, частицы, дискурсивные маркеры и т.п. Иначе говоря, он выбирает те параметры, по которым устная и письменная коммуникация наиболее удалены друг от друга.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.,1999.

2. Бочавер С.Ю. Коммуникативные максимы на сцене // Коммуникация-2010. V международная конференция РКА. Коммуникативное пространство: измерения пределы, возможности. Тверь, 2010. [Электронный ресурс]

3. Вайман С. Драматический диалог. М., 2003.

4. Винокур Т.Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи // Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955.

5. Демьянков В.З. Тайна диалога: (Введение) // Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования. М., 1992.

6. Ибрагимова Э.Р. Синтаксис сложного предложения. Елабуга, 2004.

7. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // ВЯ, 2009. №2.

8. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.

9. Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М., 2010.

10. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.

11. Русская грамматика. Т.1-2, М., 1980.

12. Скулачева Т.В., Буякова М.В. Стих и проза: сочинение и подчинение // ВЯ, 2010. №2.

13. Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб., 2003.

14. Якубинский Л.П. О диалогической речи. // Русская речь. Петроград, 1923.

15. Bochaver S. Pragmatics of theatre performance // 4th International Conference Intercultural Pragmatics. Madrid, 2010. (http://conference.clancorpus.net/p=1398).

16. Chafe W. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // D. Tannen (ed.). Spoken and written language: exploring orality and literacy. Nordwood, 1982.

17. Conde X.F. Introducción a la sintaxis del español // Inaua. Revista Philologica Romania, 2002.

18. Herman V. Dramatic discourse: dialogue as interaction in plays. Taylor & Francis e-Library, 2005.

19. Sidnell J. Conversation Analysis: an Introduction. Oxford, 2010.

20. Ubersfeld A. Lire le théâtre. Le dialogue de théâtre. Vol 3. Paris, 1996.

Я.В. Желонкин (ИЯз РАН)

Â.V. Želonkin

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Гастрономическая метафора в обозначении понятия ‘нищета’ (‘бедность’) во французском языке

Gastronomic metaphor in denotation of such notions as ‘poverty’, ‘penury’ in French

Аннотация

В статье рассматриваются способы выражения концептов ‘бедность’, ‘нищета’ фразеологизмами с «пищевыми» словами-компонентами или переносным значением таких лексем во французском языке

The article deals with the notions of ‘poverty’, ‘penury’, the ways these notions can be expressed with “alimentary” idioms or with figurative sense of such lexemes in French

Ключевые слова

Французский язык, гастрономическая метафора, внутренняя форма слова, метафорические модели, идиома.

French, gastronomic metaphor, underlying form of the word, metaphoric models, idiom.

1. В этой статье нас будет интересовать способ указания на концепты ‘бедность’, ‘нищета’, зафиксированный во внутренней форме фразеологизмов с «пищевыми» словами-компонентами или в переносных значениях подобных лексем во французском языке. Вслед за Е.М.Кирсановой, мы будем называть лексические единицы, обозначающие продукты питания, трофонимами [1] [7]. В качестве одного из способов обозначения понятия ‘бедность’ (область цели) во французском языке используются

[1] Под термином «трофоним» в работе понимаются существительные, обозначающие продукты питания и названия блюд (от греч. τροφη ‘пища’ и ὄυομα ‘имя’).

более конкретные концептуальные структуры, связанные с вербальными знаками пищевого кода (область источника). Таким образом, объектом нашей статьи является описание способов означивания понятия ‘бедность’ французскими трофонимами.

Для описания метафор, лежащих в основе переносных значений трофонимов и фразеологизмов с указанными лексемами, обозначающих концепты ‘нищеты’ и ‘бедности’, мы воспользуемся аппаратом метафорических моделей, или концептуальных метафор, разработанных Дж. Лакоффом в рамках его когнитивной теории метафоры [8].

Как показало наше исследование, такие онтологические свойства, как ‘вязкость’, ‘густота’, характерные для некоторых пищевых продуктов (например, для пюре, густого супа и т.п.), были переосмыслены во французском языковом сообществе в ценностных категориях культуры ‘бедность/богатство’, ‘нищета/достаток’. Другими словами, во французском языке в метафоризации концепта ‘бедность’/‘нищета’ используется одна общая метафорическая модель: БЕДНОСТЬ — ЭТО НАХОЖДЕНИЕ В ГУСТОЙ/ВЯЗКОЙ СРЕДЕ.

Мы специально хотим оговорить, что эта концептуальная метафора верна как для фразеологических единиц с «пищевыми» компонентами, так и для переносных значений соответствующих лексем [2]. Иными словами, уподобление состояния бедности/нищеты нахождению в густой, вязкой среде, с одной стороны, является источником фразеологических единиц с соответствующими компонентами-трофонимами, с другой — лежит в основе переносных значений трофонимов, порождая, таким образом, синхронную полисемию: ‘название продукта питания’ — ‘состояние бедности/нищеты’. Это очень важное положение, принимаемое не всеми лингвистами: «Обратим внимание на одно, представляющееся бесспорным, хотя и часто оспариваемое традиционной фразеологией положение: образность идиом не имеет качественных отличий от образности слов в метафорическом употреблении, речь идет скорее о количественных отличиях — для большинства идиом образность является конститутивным признаком.

[2] Для некоторых лексем, обозначающих продукты питания, смысл ‘нищета’/‘бедность’ является переносным значением, для других — этот смысл передается фразеологическими сочетаниями с этими лексемами.

Так, идиома *продрать с песочком* в отношении образной составляющей ничем не отличается от глагола *пропесочить*»[2, 123-124].

Приведем примеры:

MARMELADE (n.f.)

1. мармелад;

2. неразбериха, каша.

Être dans la marmelade — ‘быть без гроша, на мели’.

Например: *Mon pauvre vieux, j’ai bien compris que tu étais dans la marmelade et je suis venu te proposer un peu d’argent* [Гр., Гр.] ‘Бедняжка, я понял, что ты на мели и пришел, чтобы предложить тебе немного денег’.

MOUISE (n.f.)

1. суп (воен. арг., уст);

2. бедность, нужда, трудное положение.

Примеры: 1) *Depuis le début, c’est la même histoire. On est dans la mouise, on se débat, on espère ci ou ça...* (R.Ikor, Le Tourniquet des innocents) [Гр., Гр.] ‘С самого начала все то же самое, бедность, барахтаешься, надеешься на то и на се…’. 2) *Oui, Ernestine, je vous sors de la dèche, de la mouise, de la débine! Je vous sors de la pauvreté, de la misère, de l’indulgence. Je vous ferai couvrir de bijoux, vous!* (R.Queneau, le Chiendent) [Le G.R.] ‘Да, Эрнестина, я Вас вытащу из нищеты, из бедности и нужды! Я помогу Вам уйти от бедности, нищеты и индульгенции. Я Вас одарю драгоценностями!’ 3) — *Eh! parce que j’en ai assez de la mouise où je me débats depuis un an! — La mouise? — Oui, c’est-à-dire la purée. — La purée? — La débine. — La débine? — La crotte.* (G.Feydeau, Occupe-toi d’Amélie) [Гр., Гр.] ‘Так вот! Потому что мне надоела бедность, с которой я бьюсь уже целый год! — Бедность? — Да, то есть нищета. — Нищета? — Безденежье. — Безденежье? — Нужда’.

Необходимо отметить, что в настоящее время у лексемы *mouise* осталось только значение ‘нищета, безденежье’, в то время как в середине XIX в. это слово означало ‘армейский суп’ (см. комментарий 1).

MÉLASSE (n.f.)

1. меласса, патока;

2. нужда, материальные трудности, сложности, трудное положение.

Например: 1) *...Tu fais tout ce que tu peux pour nous mettre dans la mélasse* (B.Clavel, La Maison des autres) [Гр., Гр.] '… Ты делаешь все возможное, чтобы загнать нас в нужду'. 2) *Quelle mélasse! Être, tomber dans la mélasse. Deux francs de l'heure, c'est à regarder quand on est dans la mélasse* (Bloy, Femme pauvre) [TLFI] 'Какая бедность! Быть, впасть в нищету. Два франка за час, надо считаться с этим, когда ты в трудном положении'. 3) *Que ce soit avec deux jours d'avance ou bien trois mois de retard, toujours la même mélasse* (Queneau Loin Rueil) [TLFI] 'Будь это двумя днями ранее или на три месяца позже, все та же нищета'.

PANADE (n.f.)

1. хлебная похлебка (уст.);

2. нужда, нищета; несчастье, беда, горе.

Примеры: 1) *Mais Charles n'aimait pas la tragédie et se foutait bien de la panade de la mère et du fils* (Y.Gibeau, Et la fête continue) [Гр., Гр.] 'Но Шарль не любил трагедии и плевал на нищету матери и сына'. 2) *Mais, moi aussi, il me dégoûtait, dit Anny. Il nous dégoûte toutes. Mais quand on est dans la panade ... qu'est-ce que ça peut faire?* (M.Druon, Les grandes familles) [TLFI] 'Но мне он тоже противен, — сказала Анни. Он нам всем противен. Но коль скоро не вылезаешь из нужды, что еще остается делать?' 3) *D'ordinaire, elles choisissent pour ce rôle d'anciens amants tombés dans la panade auxquels ils donnent l'apparence d'hommes de Bourse sérieux.* (M.F.Goron, L'Amour à Paris) [TLFI] 'Обычно эти стареющие кокетки избирают для такой роли бывших любовников, впавших в нищету, которым они стараются придать вид солидных биржевиков'. 4) *Je me suis mis dans la panade pour l'aider* (A.Bruant). [TLFI] 'Я впал в нужду, чтобы только ей помочь'.

PURÉE (n.f.)

1. пюре;

2. нужда, безденежье.

Примеры: 1) *Tu m'es mis à jouer plus gros, parfois de fortes sommes. Et, quelques jours plus tard, tu étais à nouveau dans la purée* (G.Simenon, Maigret et l'homme au blanc) [Гр., Гр.] 'Ты заставил меня играть по-крупному, иногда на очень солидные суммы. И несколько дней спустя, ты был снова без денег'. 2) *Qu'est-ce qu'il est venu faire? — Ce qu'ils font tous quand ils sont dans la purée ... Me demander de l'argent ...* (G.Simenon, Les Petits cochons sans queue) [Г.М.] 'Зачем явился Марсель? — Зачем все они приходят, когда сидят без гроша ... Просить у меня денег ...'. 3) *Si bien qu'ils s'aperçurent un beau matin qu'ils avaient mangé, bu plutôt tout leur argent. Plus le sou, pas un rotin. C'était la mouise, la purée complète: que faire?* (L.Forton, Les Aventures des Pieds-Nichelés) [Le G.R.] 'Так хорошо, что они заметили друг друга утром, когда они съели и пропили все деньги. Ни копейки, ни гроша. Это полное отсутствие денег, нищета: что делать?' Этот пример интересен тем, что в нем мы встречаем одновременно два трофонима — *mouise* и *purée* — в интересующем нас значении.

LIMONADE (n.f.)

1.лимонад.

Être (tomber) dans la limonade — 'жить в нищете, горе мыкать'

Tomber dans la limonade — 'впасть в бедность'

Tirer qqn de la limonade — 'вытащить кого-то из нищеты'.

Например: *Je suis dans une purée épatante, ayez pitié de moi, Seigneur! envoyez-moi un généreux bienfaiteur qui me tirera de la limonade* (G.Courteline, Femmes d'amis) [TLFI] 'Я живу в невероятной нищете, пожалей меня, Боже! Пошли мне щедрого благодетеля, который вытащит меня из нищеты' [см. комментарий 2].

2. Следует отметить, что модель БЕДНОСТЬ — ЭТО НАХОЖДЕНИЕ В ГУСТОЙ/ВЯЗКОЙ СРЕДЕ работает не только для трофонимов, но и для других единиц, обозначающих реалии, обладающие свойством вязкости. Приведем примеры.

CIRAGE (n.m.)

1. вакса, крем, гуталин;

2. неприятности, сложности; плачевное положение, безденежье.

Примеры: 1) *On reparlera de ta proposition un peu plus tard, quand les affaires iront mieux, pour le moment je suis en plein cirage* [Гр., Гр.] ‘Мы поговорим о твоем предложении немного позже, когда дела пойдут лучше, а сейчас я в трудном финансовом положении’.

2) *Quand on a une culture politique et l’habitude des coups durs, c’est facile de mépriser les pauvres gars qui sont dans le cirage* (J.P.Sartre, La Mort dans l'âme) [TLFI] ‘Когда ты политически образован и привык к неприятностям, легко презирать бедняг, которые находятся в острой нужде’. 3) *Il ne voulait donc pas lui réjouir trop le coeur en lui avouant qu’il allait se trouver dans le cirage...* (R.Queneau, Pierrot mon ami) [TLFI] ‘Итак, он не хотел радовать его, признаваясь в том, что вскоре испытает сильные финансовые затруднения’.

POISSE (n.f.)

1. Словарь «Le Trésor de la Langue Française Informatisé» [17] дает следующую дефиницию: *Matière molle, collante, visqueuse* ‘мягкое, клейкое, вязкое вещество’. Приведем пример использования лексемы *poisse* в этом значении: 1) *Maman, papa, grand’mère, me ferment la bouche avec des bonbons que je crache d’ailleurs, parce que je n’aime pas les poisses ni les sucres* (L.Daudet, Astre noir) [TLFI] ‘Мама, папа, бабушка мне забивают рот конфетами, которые я, впрочем, выплевываю, потому что я не люблю ни это клейкое вещество, ни сладости’. 2) *Après cet effort, ses orbites semblaient s’être creusées. Et son visage était gluant d’une sueur malsaine pareille à de la poisse* (H.Montherlant, Bestiaires) [TLFI] ‘После этой попытки его глазные орбиты, казалось, еще больше увеличились. По его лицу стекал липкий, болезненный пот, похожий на клейкое вещество’.

2. нужда, бедность.

Например: 1) *Ma femme était furieuse que j’aie perdu mon travail. Nous nous sommes disputés [...] Et puis une telle poisse, pendant tant d’années. Elle a dû se mettre à croire, à la fin, que je le faisait exprès* (R.Grenier, Chère petite madame...) [Гр., Гр.] ‘Моя жена была в бешенстве из-за того, что я потерял работу. Мы поссорились […] И потом, такая бедность в течение стольких лет. Должно быть, она подумала, что я это сделал нарочно’. 2) *... pourtant vous*

mangez à votre faim. Que vous est-il arrivé, Jibé? Des malheurs. Peux pas vous expliquer. Ce serait trop long. Mais ça ne va pas fort, patron. Maintenant, c'est la grande faim, la grande poisse, la grande mouise (G.Duhamel, Journal de Salavin) [TLFI] '…тем не менее, все же Вы едите досыта. Что случилось, Жибе? Невзгоды. Не могу Вам объяснить. Это заняло бы много времени. Дела идут неважно. Сейчас голодное время, большая разруха, нищета'.

3) *Je veux bien te plaindre, avoir pitié de toi, mais si tu as cru que notre misère, notre poisse, notre crasse étaient des titres de noblesse, tu t'es trompé* (J.Anouilh, La Sauvage) [TLFI] 'Я очень хочу тебя пожалеть, испытать сострадание к тебе, но если ты подумал, что наша нищета, наша бедность, наше незавидное положение — это признак благородства, ты ошибся'.

BOUE (n.f.)

1. грязь;

2. нищета.

Необходимо оговорить, что во французско-русских словарях, изданных в нашей стране, это значение не отмечается, однако, большинство французских толковых словарей фиксируют это значение. Ср., например, в словаре Ж.Ф.Нико [13]: "*tirer qn de la boue, de la misère*" — 'вытащить кого-л. из нищеты'. См. также толкование этой единицы в словаре «Le Grand Robert»: Spécialt (dans quelques loc.). État misérable, extrême pauvreté. *Tirer qqn de la boue* 'Специально (в некоторых выражениях). Состояние бедности, крайней нищеты. Вытащить кого-л. из нищеты'.

FANGE (n.f.)

1.грязь, тина; топь.

Barboter dans la fange — 'влачить нищенское существование'.

Например: *C'est un préjugé de croire qu'un honnête homme ne pouvait pas épouser une honnête fille, fût-elle née dans la fange* (G.Sand, M. Sylvestre) [TLFI] 'Это предубеждение, считать, что порядочный человек не мог жениться на порядочной девушке, если она была рождена в нищете'.

BOUILLASSE (n.f.)

1. грязь;

2. нищета.

Например: *J'ai trop marné dans la mistoufle, dans la bouillasse et l'désespoir!* (J.Rictus, Les Soliloques du pauvre) [TLFI] 'Я слишком долго вкалывал в нищете, в безденежье и отчаянии'.

Как утверждает словарь «Le Trésor de la Langue Française Informatisé» [17] , этимология данной лексемы обусловлена «переплетением» двух лексических единиц *boue* ('грязь') и *bouillie* ('каша') при помощи суффикса *-asse*: *Mot formé par croisement de boue et bouillie; suff. -asse.* Совершенно очевидно, что такое «соединение» произошло из-за того, что оба слова имеют общее онтологическое свойство 'вязкость/густота', и ассоциируются с бедностью, сложной ситуацией. Во внутренней форме лексемы *bouillasse* ясно видны морфемы лексических единиц *boue*, и *bouillie*; учитывая тот факт, что слово употреблялось в разговорной речи, выбор суффикса *-asse* вполне понятен.

CRASSE (n.f.)

1. грязь; густая, вязкая жидкость;

2. Словари под редакцией отечественных ученых (Гак В.Г., Ганшина К.А. [4] и др.) не выделяют у данной лексемы значение 'бедности/нищеты', однако французские толковые словари выделяют такое значение. См., напр., толкование из словаря «Le Trésor de la Langue Française Informatisé» [17]: *Spéc. Extrême dénuement. Synon. misère, mouise (pop.), merde (fam.).* 'Особенно: крайняя нужда. Синонимы: Нищета, безденежье (просторечье), бедность (разговорный стиль)'

Tomber dans la crasse — 'Стать бедным'.

Être né dans la crasse — 'Родиться в нищете'

Tirer qqn de la crasse; le sortir de sa crasse.. — 'Вытащить кого-то из нищеты, вытянуть из бедности'.

Например: *Un dénuement parfois, aux moments sombres, qui touche à la crasse* (Arnoux, Zulma) [TLFI] 'Иногда нужда, в мрачные минуты, которая доходит до бедности'.

CROTTE (n.f.)

помет; уличная грязь.

Être dans la crotte — ‘быть в нищете’

Vivre dans la crotte — ‘жить в нищете’

Tomber dans la crotte — ‘впасть в нищету’

Tirer qn de la crotte — ‘вытащить кого-либо из нищеты’.

Например*: Bien que cela ne soit pas dans ma nature, je me suis mis en colère. C’est son air, surtout, qui me poussait à bout. Ce n’est peut-être pas un très joli sentiment, mais je pensai que je l’avais tiré de la crotte et que maintenant il me défia.* (R.Grenier, Chère petite madame) [Г.М.] ‘Хотя это и противно моей натуре, но я разозлился. Особенно его вид вывел меня из себя. Может быть, это было не очень красиво, но я подумал о том, что я его вытащил из нищеты, а он мне насолил’ (см. также пример № 3 на употребление лексемы *mouise).*

3. Ситуация безденежья — это один из видов сложной, неприятной ситуации, и такие ситуации могут быть описаны более общей метафорической моделью, а именно: НЕПРИЯТНАЯ/СЛОЖНАЯ СИТУАЦИЯ — ЭТО НАХОЖДЕНИЕ В ГУСТОЙ/ВЯЗКОЙ СРЕДЕ. В основе этой модели лежит, возможно, то обстоятельство, что нахождение в вязкой среде осмысляется как ограничение свободы движений (действий) человека, и отсюда — восприятие подобного положения дел как неприятного и сопряженного с трудностями.

Помимо названных выше (в п. 1) лексических единиц, смысл ‘неприятная, трудная ситуация’ наличествует в переносных употреблениях еще целого ряда французских трофонимов или фразеологизмов с «пищевыми» лексемами. Например:

CONFITURE (n.f.)

1.Варенье, конфитюр.

Être dans la confiture — ‘иметь неприятности, здорово влипнуть’.

Например: *Il est dans la confiture jusqu’au cou, ne lui demande pas d’être aimable. Tous ces ennuis le rendent incroyablement irritable* (Гр., Гр.) ‘Он по уши в неприятностях (дословно: по шею в конфитюре), не просите его быть любезным. Все эти невзгоды делают его невообразимо раздражительным’.

POTAGE (n.m.)

1.суп.

Être dans le potage — ‘быть в отчаянном положении’.

Например: *Il ne faut pas que tu attendes d’être dans le potage pour chercher une solution de rechange* [Гр.,Гр.] ‘Не следует ждать, пока окажешься в неприятной ситуации, для того, чтобы искать выход из положения’.

Несмотря на то, что сейчас лексема *potage* переводится на русский язык как ‘суп’, в XIX в., значением этой лексемы было ‘суп с большими кусками’, то есть довольно густой суп, о чем свидетельствует словарь «Le Trésor de la Langue Française Informatisé» [17]: *Dans l’usage actuel, potage et soupe sont largement confondus et désignent une préparation plus ou moins liquide; ce n’était pas le cas au XIXe s. où le potage pouvait contenir des aliments solides* ‘В современном употреблении, слова *potage* и *soupe* часто путают и используют для описания более или менее жидкого блюда; иная ситуация была в XIX в., когда *potage* (т.е. суп) мог означать суп с большими кусками пищи’.

PASTIS (n.m.), PASTAGA (n.m.)

1. анисовый ликер (аперитив);

2. сложная, запутанная ситуация, неразбериха, бедлам.

Примеры: 1) *Ma patte? dit l’autre. C’est bien ma veine! Tout à la fin, tu imagines [...] Avoir fait trois ans de front, et comment! sans rien...pour... Et tu sais que je n’étais pas de ces ballots qui se jettent dans tous les pastis...* (L.Aragon, Aurélien) [Гр., Гр.] ‘Моя рука? Сказал другой человек. Это моя удача! В конце концов, ты представь […] Провести три года на фронте и как! Без всего…для… И ты знаешь, что я был не из тех растяп, которые ввязывались во все передряги’. 2) *Que se passe-t-il? (...) il y a que mon nom est sur la liste. Je dois passer au quatrième étage. Qu’est-ce que c’est que ce pastis?* (A.Camus, Un cas intéressant) [TLFI] ‘Что происходит? (…) в списке только мое имя. Я должен пройти на пятый этаж. Что это за сумятица?’ 3) *Alors, comme il y avait des appareils océanographiques à réparer, (...) tu comprends, ces appareils, on ne peut pas les réparer n’importe où. Il faut les ramener à ceux qui les ont faits. Parce que ça, c’est de la précision.... Un pastis terrible, quoi!* (M.Pagnol,

Fanny) [TLFI]. ‘В таком случае, так как есть океанографические аппараты, которые нуждаются в ремонте, (…) ты понимаешь, эти аппараты, их нельзя чинить неизвестно где. Их надо отвезти тем, кто их сделал. Потому что это, это очень точные приборы. … Ужасная ситуация!’

SAUCE (n.f.)

1.соус, подливка; приправа.

Être dans la sauce — ‘попасть в затруднительное, неприятное положение’.

Примеров употребления данного фразеологизма нет, однако «Новый Большой французско-русский фразеологический словарь» под ред. В.Г.Гака [10] выделяет такое значение.

SIROP (n.m.)

1. сироп, патока;

2. сложная и опасная ситуация.

Например: *Séquestration, vol, complicité et recel! Je m’étais filé dans un drôle de sirop [...]* [Гр., Гр.] ‘Заточение, кража, пособничество и укрывательство! Я попал в сложную ситуацию […]’

BÉCHAMEL (n.f.)

1. бешамель (соус);

2. трудное положение, сложная ситуация.

Следует отметить, что примеров употребления данного трофонима во втором значении нет, однако такие словари, как «Le Trésor de la Langue Française Informatisé» [17] и «Словарь разговорной лексики французского языка» [5] его выделяют.

CHIPOLATA (n.f.)

1. См. толкование этого выражения в словаре «Trésor de la langue française informatisé»: *Petite saucisse courte qui renfermait primitivement de la ciboule, employée autrefois dans ces préparations* ‘маленькая, короткая сосиска, в состав которой первоначально входил лук-татарка’

2. сложная, запутанная ситуация.

Например: *D'autres difficultés survenaient (...) Elles se nouent les unes dans les autres, c'est une vraie chipolata* (L.F.Céline, Mort a crédit) [TLFI] 'появлялись другие сложности (…) Они переплетались одна с другой, это, действительно, сложная ситуация'. Стоит отметить, что авторы отечественных словарей не выделяют данное значение лексемы, даже в словаре «Le Grand Robert» подобного значения нет, однако словарь «Le Trésor de la Langue Française Informatisé» [17] дает толкование при помощи синонимов: *Par métaph. mélasse, panade.*

Следует уточнить, что первым значением этой лексемы было устаревшее на данный момент значение 'густая приправа', которое и определило, на наш взгляд, появление значения 'трудная ситуация': 1) *Ragoût à l'oignon, aux ciboules, de l'ancienne cuisine italienne* [TLFI] 'острая приправа из лука, лука-татарки; блюдо итальянской кухни'.

4. Необходимо отметить, что во французском языке неприятная, трудная ситуация может быть описана не только лексемами пищевого кода, но и такими словами, как *coaltar, goudron, vase, gadoue, cirage, bourbier* и т.п., для денотатов которых также характерны свойства вязкости, густоты (см. выше п. 2). Например:

COALTAR (n.m.)

1. каменноугольная смола, пек;

2. путаница, неразбериха.

Être dans le coaltar — 'быть в трудном положении; в полной растерянности; попасть в хорошенькую историю'.

Например: *... des repas froids pour jusqu'à notre destination. Sans lui on suce des clous et puis la destination après Orléans, c'est le coaltar!* (A.Boudart, Les Combattants du petit bonheur) [Гр., Гр.] '…холодная еда до самого пункта назначения. Без него обсасывают гвозди и потом, назначение после Орлеана, это самое тяжелое!'

GOUDRON (n.m.)

1.гудрон, деготь, смола;

Être dans le goudron — 'быть в трудном положении'.

Например: *[...] moi? je suis en plein goudron. Qu'est-ce que je vais devenir? Avec la femme et les gosses!* (R.Queneau, Pierrot mon ami) [Гр., Гр.] '[...] я? Прочно сижу на мели. Что теперь будет? С женой и детьми!'

Обозначение затруднительной ситуации во французском языке описывается с помощью лексем, обозначающих грязь: *boue, fange, bourbier, bourbe, gâchis, vase.*

BOURBIER (n.m.)

1. грязь; топь, трясина;

2. сложная, безвыходная ситуация.

Например: *J'ai mal conduit toute ma vie, répéta-t-il plusieurs fois; je suis dans un bourbier sans issue.* (Stendhal, Lucien Leuwen) [TLFI] 'Я поступал плохо всю мою жизнь, повторил он несколько раз; я в безвыходной ситуации'.

BOURBE (n.f.)

грязь, тина, ил.

S'enfoncer dans la bourbe — 'попасть, влипнуть в неприятную историю'.

Следует отметить, что примеров употребления данного фразеологизма нет, однако «Новый Большой французско-русский фразеологический словарь под ред. В.Г.Гака» [10] его выделяет. Кроме того, от существительного *bourbe* образован глагол *(s') embourber,* у которого есть значение букв. 'ввергнуть кого-л. в трудную ситуацию': *Engager (qqn) dans une situation difficile* [Le G.R.]. Например: *j'espérais à force de travail arriver à reconstituer notre fortune; mais le démon s'en mêle! je n'ai réussi qu'à nous enfoncer jusqu'au cou dans les dettes et dans la misère (...) A présent, c'est fini, nous sommes embourbés* (…) (A. Daudet, le Petit Chose) [Le G.R.] 'Я надеялся, что с помощью работы мне удастся восстановить наше финансовое положение; но демон вмешался! Мы оказались в еще больших долгах и нищете (…) Теперь, все кончено, мы попали в неприятную историю'.

GÂCHIS (n.m.)

1. штукатурка;

2. грязь, месиво.

Être dans le gâchis — ‘попасть в переплет, быть в затруднительном положении, оказаться в тупике’.

Примеры: 1) *Quel gâchis! C’est du gâchis; un joli gâchis. Acclimater chez nous ces utopies, ce serait préparer un beau gâchis!* (R.M.Du Gard, Les Thibault: l'Épilogue) [TLFI] ‘Все насмарку! Это тупик! Забавное положение. Прививать нам эти утопии, это означает хорошенькое дело!’ 2) *Eh bien! oui!... nous sommes dans le gâchis! nous avons le nez dedans!...* (GYP, Docteurs) [TLFI] ‘Итак, да! Мы по пали в переплет! Мы влипли!..’

VASE (n.f.)

1. ил, тина, грязь, шлам.

Être dans la vase — ‘попасть в переплет, влипнуть’.

Примеров употребления данного фразеологизма нет, но «Новый Большой французско-русский фразеологический словарь» под ред. В.Г.Гака [10] отмечает такое значение.

Необходимо остановиться на следующем обстоятельстве. Смысл ‘безденежье’, ‘нищета’, который ассоциируется с такой реалией, как грязь во французском языковом сообществе (см. выше примеры использования лексем *fange, boue, bouillasse, crasse* в переносном значении), не характерен для русской культуры. Ср., например, культурологический комментарий к фразеологизму *Из грязи* [*да*] *в князи* в Большом фразеологическом словаре русского языка под ред. В.Н. Телия: «В основе образа фразеологизма лежит метафора, уподобляющая быструю смену социального статуса человека — из низкого в более высокий, привилегированный — резкому переходу из грязи, выступающей в обиходном сознании в роли символа непрестижного происхождения (ср. в фольклоре: *подобрать кого-л. в грязи, сделать из грязи человека*)» [3, 266]. И хотя авторы пишут далее, что этот фразеологизм описывает также переход от бедности к богатству («фразеологизм в целом выступает в роли стереотипного представления о быстром продвижении человека из низов общества в его социальную верхушку, от бедности к богатству» [там же, 268]), тем не менее, нам представляется, что данная фразеологическая единица говорит в первую очередь о смене социального

статуса, а переход от бедности к богатству осмысляется лишь как обстоятельство, сопутствующее этому продвижению.

Таким образом, мы попытались показать в этой статье, что для описания концепта ‘бедность’ (и шире — для обозначения трудной, неприятной ситуации) во французском языке используется необычная для русского языка метафорическая модель: БЕДНОСТЬ — ЭТО НАХОЖДЕНИЕ В ГУСТОЙ, ВЯЗКОЙ СРЕДЕ. Следует обратить особое внимание на тот факт, что данная модель лежит в основе переносных значений не только «пищевых» лексем и фразеологизмов с этими компонентами, но и переносных значений лексических единиц других семантических групп и, соответственно фразеологизмов с этими словами.

Комментарии

1. Возможно, что появление значения ‘нищета’ у слова *mouise*, связано также с тем, что военные — довольно большой класс людей в любом государстве, в своей речи они называли суп, который ели *mouise*, т.е. это был жаргонизм. Постепенно слово, которое употребляли военные, но которое не было понятно для гражданских людей, утратило свое прямое значение ‘армейский суп’, но стало употребляться в переносном значении — значении ‘нищета, безденежье’ (ведь солдатам мало платили, часто они были вынуждены сами добывать себе провиант).

2. Определенный интерес представляет фразеологизм *être dans la limonade*. Возможно значение ‘находиться в затруднительном положении, жить в нищете, горе мыкать’ у трофонима *limonade*, производного от лексемы *limon* ‘лимон’, индуцировано наличием омонимичной формы *limon*, имеющей значение ‘ил; тина; грязь’. Реалиям, обозначаемым этим словом, присущи свойства вязкости и густоты, которые, как мы попытались показать, могут переосмысляться в категориях бедности/богатства, нищеты/достатка.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка// Под рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2003.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Ответственный редактор В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
4. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М.: Дрофа, 2008.
5. Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка. М.: Русский язык, 1988.
6. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
7. Кирсанова Е.М. «Прагматика единиц семантического поля «ПИЩА»: системный и функциональный аспекты (на материале английского и русского языков). Дисс. канд. филол. наук. М., 2009.
8. Лакофф Дж., М.Джонсон Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
9. Назарян А.Г. Словарь устойчивых сравнений французского языка. М.: Изд-во РУДН, 2002.
10. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь под ред. В.Г.Гака. М.: Русский язык, 2005.
11. Французско-русский фразеологический словарь под ред. Я.И.Рецкера. М.: Рос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963.
12. Auzou Philippe Dictionnaire encyclopédique Auzou. Paris: Partenaires-Livres, 2006.

13. Féraud J.F. Dictionnaire critique de la langue française (1787-1788): http://artflx.uchicago.edu.

14. Larousse Petit dictionnaire de français. Paris, 2006.

15. Le Grand Robert de la langue française version électronique.

16. Le nouveau Petit Robert 2009. Paris, 2009.

17. Le Trésor de la langue française informatisée: http://atilf.atilf.fr/

Список условных сокращений

1. Гр.Гр. — Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка. М.: Русский язык, 1988.

2. Г.М. — Новый Большой французско-русский фразеологический словарь под ред. В.Г.Гака. М.: Русский язык, 2005.

3. FD — Féraud J.F. Dictionnaire critique de la langue française (1787-1788).

4. TLFI — le Trésor de la langue française informatisé.

5. Le G.R. — le Grand Robert.

Е.Р.Иоанесян (ИЯз РАН)

E.R. Ioanesân

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Аргументативные свойства кванторных слов

Argumentative features of quantors

Аннотация

В статье рассматриваются особенности использования одного из вида кванторных слов в аргументативном дискурсе. Автор показывает параллелизм аргументативных свойств кванторных единиц и предикатов модуса безразличия

The article analyses specific uses of one of the quantor types in argumentative discourse. Parallel argumentative features of the indifference modus predicatives are exemplified.

Ключевые слова

Аргументативный дискурс; аргументативное значение; ассерция; импликация; импликатура; коммуникативные постулаты; эпистемические единицы; пропозиция; истинность.

Argumentative discourse, argumentative sense, assertion, implication, implicature, communicative postulates, epistemic entities, proposition, truth.

1. Предметом изучения данной статьи являются кванторные слова *любой*, *всякий*, *какой угодно*, *что угодно*, *где угодно* и т.п. Каждая из этих единиц, помимо общего семантического компонента, позволяющего отнести их к классу универсальных кванторных единиц, имеет свои семантические особенности, которые определяют их функционирование в языке. Однако мы позволили себе абстрагироваться от этих различий, поскольку нас будут интересовать такие аспекты использования этих единиц, которые базируются на семантических признаках, которые их объединяют.

Объектом исследования являются специфические свойства этих кванторных слов, а именно — их способность использоваться в аргументативном дискурсе. Мы попытаемся показать, что высказывания с этими единицами могут выступать аргументами в пользу совершенно определенных выводов. Ниже будут подробно рассмотрены указанные особенности анализируемых единиц, здесь же мы приведем несколько простых примеров:

(1) *С этой задачей справится любой.*

(2) *Это кого угодно напугает.*

(3) *Это всякий поймет.*

Высказывания (1) — (3) могут использоваться для выводов вида ‘Эта задача простая’, ‘Это — серьезная угроза’, ‘Это легко понять’ и т.п. В основе закрепления

подобного аргументативного за указанными фразами лежат обыденные представления (максимы) о том, что тó, что могут сделать все, не представляет сложности, или что тó, что пугает всех, является действительно страшным и т.д.

В зависимости от того, какое актантное место занимает кванторная именная группа при глаголе, меняется аргументативное значение фразы. Так, если в примере (1) мы переместим лексему *любой* из субъектной группы в объектную, то получим высказывание, нацеленное на другой вывод:

(4) *Петя справится с любой задачей.*

Подобная фраза может использоваться как аргумент для выводов вида ʻОн очень умный’, ʻОн очень умелый’ и т.п. [1]. Ср. другие примеры такого рода:

(5) *Иван нокаутирует любого* [→ Иван очень сильный боксер].

(6) *Ивана любой нокаутирует* [→ Иван очень слабый боксер].

(7) *Таню любое слово может обидеть* [→ Таня очень обидчивая].

(8) *Такие слова любого обидят* [→ это очень неприятные, обидные слова].

Во многих случаях вывод выражен во фразе эксплицитно, например:

(9) *Наивный человек! Всему и всякому с полуслова верит.* (А. Житков. Кафедра (2000); НКРЯ).

Во фразах, приведенных выше, присутствует либо модальный глагол *мочь*, либо временные формы, имеющие потенциальное значение (мы позаимствовали этот термин из работы Ю.Д.Апресяна [2, 527). Поэтому в выводах могут фигурировать лексемы, являющиеся значениями лексической функции $Able_1$ – если кванторное слово стоит в группе подлежащего, и $Able_2$ – если кванторное слово стоит в группе дополнения. Так, у глагола *обижать* прилагательное *обидный* является значением функции $Able_1$, прилагательное *обидчивый* — значением функции $Able_2$ [2].

2. Семантика кванторных слов *любой X, всякий X, какой угодно X* и т.п. казалось бы не предполагает выделенности какого-либо элемента из множества X. И

[1] См. примечание 1 в конце статьи.
[2] Или функции $Able_1$ от глагола *обижаться*.

действительно в большинстве случаев говорящий, используя эти лексемы, ставит знак равенства между разными элементами множества X:

(10) *Мне кажется, что выбирая один из этих вариантов или действуя похожим способом любой медик (мед. сестра, фельдшер-лаборант, фельдшер СМП, акушерка, врач) сможет и помочь в рамках правил и не навредить* (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005); НКРЯ).

(11) *Это может быть друг, это может быть жена, это может быть брат, сын, дочь, кто угодно — тот, кто самый близкий и кто останется, кто будет при больном все время* (митрополит Антоний (Блум). Пастырь у постели больного (1993-1994); НКРЯ).

(12) *Прохожий мог быть кем угодно — русским или эстонцем, евреем или татарином, цыганом или греком — а старушка тем более: это было нормой жизни, и я не помню, чтобы кто-либо из заигравшихся детей не выполнил подобного распоряжения* (Б. Васильев. Оглянись на середине // «Октябрь», 2003; НКРЯ).

Однако очень часто употребление указанных кванторных единиц свидетельствует, как нам кажется, о том, что говорящий ориентируется не на всю шкалу возможных X, а на предельные точки этой шкалы — на самое большое или самое маленькое значение некоторого параметра X [3], например:

(13) *Но, добавил Иван Карлович, Дольский— очень дорогой адвокат, берёт такие баснословные гонорары, что мы не можем себе и вообразить. Мама ответила, что гонорар— это не довод, она заплатит любой гонорар, если понадобится, продаст дом и с себя всё продаст и с детей, мы готовы остаться голыми, босыми, без крыши над головой, лишь бы выручить отца* (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977); НКРЯ) [*любой гонорар* = ‘самый большой гонорар’].

[3] Это означает, что на основании сравнения и градуирования объектов класса X по какому-то признаку, говорящий выстраивает эти объекты по шкале оценок.

(14) *В тугом свитере, в простой юбке с тесным поясом видно было, какая она гибкая, ладная, не устанет день нагибаться на любой работе* (А. Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990; НКРЯ) [= на самой тяжелой работе]

(15) *С посетителями другого рода разговаривать было значительно легче, у них как будто всё было в порядке — речь, одежда, воспоминания; им можно было задавать вопросы любой сложности, и они отвечали спокойно, толково и деловито* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964); НКРЯ) [*вопросы любой сложности* = ʻсамые сложные вопросы’].

(16) *Они ради этого готовы были пойти на любой риск, но одним лишь не хотели рисковать — принять на себя ответственность в случае неудачи* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960); НКРЯ) [самый большой риск].

(17) *синдикатом выпущенного займа, с целью подбирать то, что предлагается к продаже слабыми держателями, нередко готовыми продавать облигации по какой угодно цене, лишь бы только сбыть их с рук* (В. Н. Коковцов. Из моего прошлого / Части 1-4 (1933); НКРЯ) [по самой низкой цене].

(18) *Бедный Григорий! Что бы он дал, Обрубок, чтобы стать таким «бедным», с руками и ногами, — пусть пожилым и полуграмотным солдатом. Кем угодно, на какой угодно грязной работе. Каторжником — да, и каторжником. Даже шпионом! Любая жизнь лучше его жизни* (М. А. Осоргин. Сивцев Вражек (1928); НКРЯ) [*кем угодно* = ʻсамым обездоленным; человеком, находящимся в самом низу социальной лестницы’ и т.п.; *любая жизнь* = ʻсамая тяжелая, самая безрадостная’ и т.п.].

(19) *Она оставила ему записку, что будет в прокуратуре, чтобы он не бросился ее искать. А в прокуратуре — значит тягомотина бескрайняя. Она тут и была, приготовившись к какому угодно ожиданию* ([В. Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана (2003) // «Наш современник», 2003.11.15; НКРЯ) [самому долгому ожиданию].

(20) *В труппу его рекомендовали как крайне талантливого писателя, способного переписать что угодно для кого угодно в какие угодно сроки* (М. Варденга. Лохматое счастье Кейт Бланшетт (2002) // «Домовой», 2002.11.04; НКРЯ) [самые маленькие сроки].

(21) *Я ему сейчас сверток вынесу: это прямо стало невыносимым, с этими людьми какие угодно нервы испортишь* (А. П. Платонов. Котлован (1930); НКРЯ) [самые крепкие нервы].

Нам представляется очевидным, что во всех подобных случаях употребления кванторных слов *любой X, всякий X, какой угодно X* и т.п. акцент делается именно на полюсах шкалы, а не на всем спектре X. Косвенным подтверждением этого является синонимичность предложений типа (22) и (23):

(22) *И пусть он не так быстр, как хотелось бы, но зато любой груз увезёт. Тогда смело в любой путь можно отправляться, самый дальний, самый трудный!* (Ф. Неверов. В защиту правительства (2003) // «Советская Россия», 2003.04.24; НКРЯ).

(23) *И пусть он не так быстр, как хотелось бы, но зато любой груз увезёт. Тогда смело в любой путь можно отправляться.*

В предложении (22) слова *самый дальний, самый трудный* могут быть элиминированы без особого ущерба для общего смысла фразы. Ср. также (24) и (25), (26) и (27):

(24) *Дело должно иметь абсолютно законченный вид — так, чтобы его можно было показать любой, самой высокой инстанции* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978); НКРЯ).

(25) *Дело должно иметь абсолютно законченный вид — так, чтобы его можно было показать любой инстанции.*

(26) *Ведь каждое решение в той или иной мере сопряжено с риском, поскольку в ходе боевых действий приходится иметь дело с противником, немедленно использующим любой промах, любую ошибку в принятом решении. ...В результате любой, даже небольшой прорыв обороны может привести к катастрофе* (Искусство принятия решения на оборонительную операцию (2004) // «Военная мысль», 2004.11.15; НКРЯ).

(27) *Ведь каждое решение в той или иной мере сопряжено с риском, поскольку в ходе боевых действий приходится иметь дело с противником, немедленно использующим*

любой промах, любую ошибку в принятом решении. ...В результате любой прорыв обороны может привести к катастрофе.

Естественно, что элиминация слов, обозначающих предельные точки шкалы невозможна, если вместе с этими словами вводится еще какая-то дополнительная информация, потеря которой обеднит значение фразы. Ср. примеры (28) и (29):

(28) *Любая, самая мелкая на непрофессиональный взгляд, помарка ставит крест на амбициозных планах: чтобы исправить её, уже просто не хватает метров* (А. Митьков. День Попова. Александр Великий неожиданно проиграл спринт и блестяще выиграл эстафету (2002) // «Известия», 2002.08.05; НКРЯ).

(29) *Любая помарка ставит крест на амбициозных планах: чтобы исправить её, уже просто не хватает метров.*

Очевидно, что для автора фразы указание на незначительность ошибки с точки зрения человека, не являющегося профессионалом, может быть значимым и поэтому предложение (29) может восприниматься не синонимичным предложению (28).

Еще одним свидетельством в пользу тезиса о том, что рассматриваемые кванторные слова «высвечивают» именно крайние значения шкалы X, является, с нашей точки зрения, использование при этих словах лексем и выражений *хоть*, *пусть*, *пусть даже* и т.п., которые в одном из своих значений употребляются — мы здесь и далее пользуемся толкованиями В.Ю.Апресян — «при описании разного рода крайностей, чего-то предельного» [1, 662]. Аналогичным значением обладают конструкции вида К-местоимение + *ни…*(там же, с. 657). Примеры:

(30) *Я жить хочу, жить! Пусть кем угодно —негодяем, бандитом, гадом ползучим, червем, тараканом, но только жить!* (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969-1975); НКРЯ).

Пример (30) интересен тем, что в нем перечисляется ряд слов, обозначающих отрицательные полюса разных шкал: *негодяй* — шкалы «плохой/хороший», *бандит* — шкалы «честный (законопослушный)/нечестный (незаконопослушный)» и т.п. При этом

используются стереотипы — червь, таракан, символизирующие самые простые (низшие) формы существования, жизни.

(31) *Поэта радует любая, пусть даже маленькая примета того, как выразилась сама Ольга Фокина, «справедливого» жизнеустройства* (С. Викулов. Проступают граниты... (2004) // «Наш современник», 2004.03.15; НКРЯ),

В этом примере, подобно примерам (22), (24) и (26), кусок фразы с эксплицитно выраженным пределом — *пусть даже маленькая* — может быть опущена без особого ущерба для смысла:

(32) *Поэта радует любая примета того, как выразилась сама Ольга Фокина, «справедливого» жизнеустройства.*

Другие примеры:

(33) *Любая работа мира, какой бы трудной она ни была, становится легко выполнимой.* (М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию (2003); НКРЯ).

И в этой фразе конструкция, эксплицирующая «предельность» — *какой бы трудной она ни была*, по сути дублирует смысл кванторной именной группы.

(34) *Через неделю я побежала в Литфонд с мольбой дать мне путевку в какой угодно дом творчества, пусть даже самый захудалый* (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975-2003); НКРЯ).

(35) *Один фронтовик, обращавшийся в полном отчаянии к «полномочному Совету», сказал, что окопам нужен мир во что бы то ни стало, какой угодно, хоть бы «какой-нибудь похабный», но все же мир, а не теперешнее невыносимое положение* (Н. Н. Суханов. Записки о революции / Книга 6 (1918-1921); НКРЯ).

(36) *Срочно нужен узбек. Причём любого качества, хоть тунеядец... Постарайся, голубчик, век не забуду...* (С. Довлатов. Чемодан (1986; НКРЯ).

Следует оговорить, что языковые единицы *хоть, пусть, пускай* и т.п., о которых мы писали выше, многозначны, и в других значениях они необязательно указывают на предельность. Так, в частности, *хоть* выступает как разделительный союз *хоть…хоть*, который с определенными оговорками синонимичен союзам *ли…ли*; *ли … или* [6, 209). В

этом случае в конструкции *хоть X, хоть У* (как и в конструкциях *X ли, У ли*) X и У может относиться как к элементам, противоположным по смыслу (т.е. стоящим на разных полюсах одной шкалы), так и к произвольно взятым элементам из множества возможных (там же, с. 205-209). Например:

(37) *Вкратце способ мой сводится к следующему: вы берете часы, какие угодно, хоть стенные, хоть башенные, можно даже игрушечные, все равно* (А. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля (1960-1980); НКРЯ).

(38) *А вот гель Акнэ можно наносить когда угодно, хоть утром, хоть вечером: следов никаких, а угри и клещи исчезают синхронно* (Инна Щепеткова. Сладкая парочка: угри + прыщи (2002) // «Семейный доктор», 2002.09.15; НКРЯ).

3. Итак, мы усматриваем у фраз с кванторными лексемами типа *любой X, всякий X, какой угодно X* и т.п. возможную ориентированность на крайние полюса шкалы X — самый большой X / самый маленький X, самый плохой X /самый хороший X, самый трудный X/ самый легкий X и т.д. Этим определяется следующее немаловажное обстоятельство: фразы со словами *любой X, всякий X, какой угодно X* и т.п. могут служить в качестве аргументов для выводов, которые можно сделать из высказываний, содержащих сочетания *самый большой X, самый маленький X, самый плохой X, самый хороший X, самый трудный X, самый легкий X* и т.п.

Иными словами, характеризуя кого-нибудь, например, как человека ловкого, в качестве аргумента мы можем сказать и фразу (39), и фразу (40):

(39) *Он выкрутится из любого положения.*

(40) *Он выкрутится из самого трудного положения.*

Или, аргументируя в пользу тезиса о чьей-то силе, мощи, мы в равной степени можем прибегнуть и к предложению (41), и к предложению (42):

(41) *С ними можно победить любого врага.*

(42) *С ними можно победить самого сильного врага.*

Приведем другие примеры, иллюстрирующие аргументативную направленность фраз с описываемыми кванторными единицами:

(43) *Самое забавное, что сейчас этих поэтов «шестидесятников» зачисляют в жертвы тоталитаризма, в диссиденты, гонимые суровым режимом. Ну не фарс ли? Абсолютно ангажированные мальчики боролись за «очищение ленинских принципов» от искажений– и, вдруг, гонимые? В те годы им была доступна любая командировка на казенные деньги. Они жили при коммунизме* (В. Князев. Либеральный интим (2003) // «Спецназ России», 2003.01.15; НКРЯ) [им были доступны самые лучшие командировки → они жили замечательно, как при коммунизме].

(44) — *Говорят, операция несложная, рядовая — вырежут желчный пузырь, и никаких проблем не будет. Вы согласны с этим? » — Нет, не согласна. Любая операция ослабляет организм* (А. Тартак. Обойдемся без операций? (2003) // «Сельская новь», 2003.10.07; НКРЯ) [даже самая легкая операция ослабляет организм → проблемы будут].

(45) —*А винтовка, — спросил Чик, — она пошла на дно или её тоже течением унесло? — Конечно, пошла на дно, — сказал дядя Сандро и добавил: — Винтовка для любого течения слишком тяжёлая* (Ф. Искандер. Чик чтит обычаи; НКРЯ) [винтовка для самого сильного течения тяжелая → она пошла на дно].

(46) *Это общество …с глубоко коррумпированным, абсолютно недееспособным и абсолютно бесконтрольным госаппаратом и опереточными, хотя очень большими и «любимыми народом» вооружёнными силами, проигрывающими любую войну любому противнику* (А. Храмчихин. Комплекс полноценности // «Отечественные записки», 2003; НКРЯ) [войска, проигрывающие самую легкую войну самому слабому противнику → опереточные вооруженные силы].

(47) — *А вы знаете, там абсолютно безопасно. Люди там спят и ночью, и днем. Можно ночь напролет бродить по любым городским закоулкам, и никто тебя даже пальцем не тронет*….(А. Логинов. Растрепанные заметки о мотыльковой сущности туриста (2004) // «Лебедь» (Бостон), 2004.01.11; НКРЯ) [там можно ходить даже по самым страшным закоулкам, и никто тебя не тронет → там безопасно].

(48) *Мексиканцы, — сказал наш спутник своим пьяным говорком, — любят жить в грязи. Дай им какой угодно заработок, они все равно будут грязные. Это уж такие люди.* (И. Ильф, Е. Петров. Одноэтажная Америка (1936; НКРЯ).

(49) *Шеффера поставит кто угодно, а таких «Мещан», как у нас, не сделает никто*...[В. Рецептер. Ностальгия по Японии (2000); НКРЯ) [Шеффера может поставить самый бездарный режиссер → в этом нет никакой заслуги (→ наш театр самый лучший)].

(50) — *Ортопедическое лечение больных, утративших все зубы, было у нас едва ли не лучшим в мире. В Москве делали себе зубные протезы не только руководители Болгарии, Венгрии, ГДР, но и президент Югославии Тито, шахиншах Ирана Реза Пехлеви. Наверное, эти люди могли позволить себе стоматологическое обслуживание где угодно!* (Е. Светлова. Мастер Дент (2003) // «Совершенно секретно», 2003.04.08; НКРЯ)! [эти люди могли себе позволить лечиться в самых лучших клиниках, а лечились у нас → наше лечение было лучшим в мире].

(51) — *Иван Петрович мастер! Он когда угодно скажет речь! — заметил кто-то благотворительной даме, тоже не лишенной способности говорить без удержа о благотворительности. — Разбудите Ивана Петровича ночью и попросите речь— он мигом ее произнесет! — подтвердил какой-то господин* (К. М. Станюкович. Жрецы; НКРЯ) [Иван Петрович может произнести речь даже в самое неудобное время, хоть ночью → Иван Петрович — мастер произносить речи].

(52) *Сплавщики -- все дюжие ребята, целые дни проводящие на окатке брёвен, -- в один голос уважительно отзываются о его силе: «Любому вязы скрутит»* (В. Тендряков. Тройка, семерка, туз; КРЛЯ) [самому сильному «вязы скрутит» → он сильный].

4. Ориентированность высказываний с кванторными словами *любой X, всякий X, какой угодно X* и т.п. на крайние полюса шкалы может быть представлена шестью разными случаями.

4.1. Объекты класса X выстраиваются по шкале «Величина», «Объем», «Высота», «Длина» и т.п., т.е. по шкале с параметрическими признаками. В этом случае

конструкция вида *любой X* ориентирует на значения ʻсамый большойʼ — ʻсамый маленькийʼ [4], ʻсамый высокийʼ — ʻсамый низкийʼ и т.п.

(53) *«Или скалой, — придумал Фантик, — о которую любой ураган расшибётся!»* (А. Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», № 1-5, 2003; НКРЯ) [самый сильный ураган].

(54) *Говорят, разведчик должен быть смелым, решительным, быстрым, всё это так, но главное — хорошо ориентироваться на местности, без компаса, ночью, запоминать каждый кустик, каждую берёзку, слышать любой звук, любой шорох, слиться с местностью, раствориться в ней* (А. Рыбаков. Тяжелый песок; НКРЯ) [слышать самый тихий звук].

(55) *Работящая. В любую стужу и дождь за реку шастала. Одна за трёх человек на пекарне чертоломила..* .(Ф.А.Абрамов. Алька; КРЛЯ) [в самую сильную стужу].

(56) *Они ради этого готовы были пойти на любой риск, но одним лишь не хотели рисковать — принять на себя ответственность в случае неудачи* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960); КРЛЯ) [самый большой риск].

(57) *Для меня рядом с этой тварью любой артобстрел — щекотание нервов* (Г. Шергова. Об известных всем (2002-2004); НКРЯ) [самый сильный артобстрел].

(58) *У меня бронхиальная астма и раньше любая простуда переходила в воспаление легких* (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005); НКРЯ) [самая легкая простуда].

(59) *Любая неприятность становилась менее досадной, если выглядела литературной* (Г. Маркосян-Каспер. Кариатиды // «Звезда», 2003; НКРЯ) [самая большая неприятность [5]]

(60) *Космический объект, как_правило, находится на орбите в течение длительного времени, и любое нарушение его герметичности может привести к*

---

[4] При этом языковыми обозначениями этих полюсов при разных X часто являются не прилагательное *большой — маленький*, а множество других разнообразных средств. В терминах модели «Смысл-Текст» такие лексемы суть выражения лексических функций Magn и AntiMagn, соответственно.

[5] Для объектов, оцениваемых негативно, оценка «самый большой» означает, естественно, одновременно и оценку «самый плохой».

серьёзным нарушениям режима бортовых систем, к неполадкам аппаратуры. (В. Карин, А. Халдеев, И. Юдин. Космодром // Наука и жизнь; КРЛЯ) [самое незначительное нарушение].

(61) *Иначе говоря, если, например, семья или организация готовы оплатить услуги вперед, то они получают определенную скидку, и наоборот, любая задержка оплаты автоматически увеличивает стоимость услуг* (С. Орлов. Реформа на три буквы (2003); НКРЯ) [самая небольшая задержка].

(62) *После гудка надо ещё собрать инструмент, отнести его в кладовую, сдать, построиться, пройти две из десяти ежедневных перекличек под матерную бран конвоя, под безжалостные крики и оскорбления своих же товарищей, пока ещё более сильных, чем ты, товарищей, которые тоже устали и спешат домой и сердятся из-за всякой задержки* (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961); НКРЯ) [из-за самой небольшой задержки]

(63) *Павел был защищён надеждой, покрыт ею словно крепчайшей бронёй, способной противостоять любому удару…* (А. Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир, № 1-2, 2001; НКРЯ) [самому сильному удару].

(64) *Какая жара, пропадет. — Не пропадет. — Я не верил своим ушам. — Я знаю, как сохранить тело на какой угодно срок* (В. Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002; НКРЯ) [на самый большой срок].

(65) *Пусть тюрьма, пусть голод, пусть какие угодно страдания, пусть даже смерть, но только на родной русской земле* (Н. Карпов. Крым -- Галлиполи -- Балканы (2002); НКРЯ) [самый тяжелые страдания].

(66) *Мама тоже страшно сдала, все делает сама, по-прежнему ради нас готова на какие угодно лишения* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря (1997-2002); НКРЯ) [на самые большие лишения].

(67) *Неужели он подсознательно рад всякому промедлению и готов воспользоваться случаем, чтобы немножко потянуть время?* (В. Валеева. Скорая помощь (2002); НКРЯ) [самому небольшому промедлению].

(68) *Всякому терпению рано или поздно наступает предел* (С-Петерб. вед. сентябрь 1997; МФРЯ).

4.2. Объекты класса X выстроены по шкале общеоценочных признаков «хороший» — «плохой». Соответственно, конструкция вида *любой X* ориентирует на значения ‘самый хороший’ — ‘самый плохой’.

(69) *20 апреля 1997 года, в праздник Входа Господня в Иерусалим, начались регулярные богослужения, проходившие при любой погоде* (Великое освящение Храма пророка Илии в селе Лемешово (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.04.26; НКРЯ) [даже при самой плохой погоде].

(70) *Там конкурс небольшой; по его словам, достаточно сдать без двоек. И военную кафедру не отменили. Да господи, в какой угодно, лишь бы поступил. В армию разве можно сейчас?* (М. Бутов. Свобода // «Новый Мир», 1999; НКРЯ) [пусть даже в самый плохой институт].

(71) *Философ знает усталость, которая какой угодно конец предпочитает продолжительному скитанию* (Л. И. Шестов. Апофеоз беспочвенности (1905); НКРЯ) [самый плохой].

(72) *—Геннадий Николаевич, очевидно, что свой отпуск вы могли бы проводить где угодно: хоть на горном европейском курорте, хоть в Сочи, хоть на каких-нибудь экзотических островах. Но каждый год вы приезжаете отдыхать в Петербург. Почему?* (А. Рабковский. Отпуск для меня -- не только отдых... (2003) // «Санкт-Петербургские ведомости», 2003.04.15; НКРЯ) [вы могли бы проводить отпуск на самых лучших курортах].

(73) *В «Бараке» вы вывели уникальный тип человека, своего рода «хомо советикус», который может выстоять в любой ситуации, выжить везде где угодно...даже в сортире* (Т. Сергеева. В. Огородников: «Режиссер -- это не профессия» (2003) // «Искусство кино», 2003.06.30; НКРЯ) [выжить в самых ужасных условиях, местах].

(74) *Я в такой грозе дома выросла, с кем угодно и где угодно уживусь* (Б. В. Шергин. Изящные мастера (1930-1960); НКРЯ) [уживусь с самым неуживчивым человеком+ в самом сложном коллективе/семье].

(75) *Я пущу вас, только в хате места нет у нас: самим тесно... — Да нам где угодно хорошо будет, — все тем же ноющим голосом перебил Левушка* (А. И. Свирский. Рыжик (1901); НКРЯ) [даже в самом плохом месте].

4.3. Объекты класса X выстроены по шкале частнооценочных признаков, например, по шкале «Ум», «Доброта», «Важность», «Доверчивость», «Талант» и т.п. (см. [3, 62]. Любая оценочная шкала «развертывается в двух направлениях — в сторону увеличения и в сторону уменьшения количества данного признака» (там же, с. 49). Мы условимся называть полюс максимального значения признака (любого — как позитивно, так и негативно оцениваемого) положительным полюсом, полюс минимального значения признака — отрицательным полюсом. Мы подчеркиваем, что наше обозначение «положительный» — «отрицательный полюс» не несет общеоценочного смысла «плохой» — «хороший», тем более, что для многих признаков знак оценки не может быть определен. См. у Е.М.Вольф: «…у многих слов, включающих оценку, знак не детерминирован. Так, *трудный, легкий, важный* — «хорошо» это или «плохо». Знак «+» или «_» часто нельзя приписать не только отдельным словам, но и словосочетаниям, если они находятся вне контекста» (там же, 19).

Если объекты класса X располагаются по частнооценочной шкале, то конструкция вида *любой X* ориентирует на положительный или отрицательный полюса, т.е. на значения типа ʻсамый важный’ — ʻсамый неважный’, ʻсамый доверчивый’ — ʻсамый недоверчивый’, ʻсамый талантливый’ — ʻсамый бесталанный’ и т.п. Примеры:

(76) *Нина для командира корпуса незамедлительно прервёт любой разговор, но зато, когда он кончит говорить, никогда не забудет того, кого прервала, позвонит ему сама и предложит продолжить* (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977); НКРЯ) [даже самый важный разговор].

(77) *Отсутствие работы вынуждает граждан соглашаться с любой работой, независимо от ее характера* (17-я МКСТ об актуальных проблемах развития статистики труда (2004) // «Вопросы статистики», 2004.03.25; НКРЯ) [даже с самой тяжелой работой].

(78) *Если в обществе роль матери и хозяйки ценится ниже любой работы в общественном производстве, будь то укладка асфальта и сборка часов на конвейере, женщине приходится ставить на задний план то, что общество считает второстепенным, менее престижным, и заниматься тем, что оно считает более важным и соответственно оценивает* (Проблемы охраны материнства и детства (2004) // «Жизнь национальностей», 2004.06.16; НКРЯ) [ценится ниже даже самой непрестижной работы].

(79) *Вы действительно считаете, что лучше любая популярность, чем никакой?* (Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004); НКРЯ) [даже сомнительная популярность].

(80) *Ресурс массированной антикоммунистической пропаганды тоже почти исчерпан: любая пропаганда когда-нибудь приедается, такова уж психология людей, а если она ведется в течение 12 лет в одних и тех же формах, то тем более* (Р. Вахитов. Нам предлагают сюжет с бесом (2003) // «Советская Россия», 2003.02.15; НКРЯ) [даже самая умная пропаганда, даже самая искусная пропаганда и т.п.].

(81) *Неважно, куда выйти, важно — выйти, и любая власть лучше безвластья* (А. Варламов. Пришвин или Гений жизни // «Октябрь», 2002; НКРЯ) [самая плохая власть, самая слабая власть и т.п.].

(82) *Куртка из мягкой светло-серой замши тоже смотрелась неплохо — особенно потому, что была все-таки темнее Алиных волос и оттеняла их цвет. Так что, реши они просто прогуляться по бульварам, Аля выглядела бы достойно рядом с любым спутником* (А. Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005); НКРЯ) [рядом с самым невзрачным спутником, например, или, наоборот, рядом со спутником самого вальяжного вида и т.п.].

(83) *Если он плел со столь же убежденным видом, что теперь — кто угодно бы поверил* (В. Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993); НКРЯ) [поверил бы самый недоверчивый].

(84) *Он по данному адресу к знакомой дамочке приехал, а охрану в подъезде расставил... Вот я и говорю, не пропускают никого, с жильцами конфликтуют... Да кто-то из соседей и стукнул, наверное. Тут кому угодно надоест* (В. Мясников. Водка (2000); НКРЯ) [надоест самому терпеливому].

4.4. Четвертый случай можно рассматривать как разновидность предыдущих с тем, однако отличием, что заданная шкала объектов имеет языковые обозначения для крайних полюсов или, по крайней мере, для одного из полюсов. Для шкалы «Величина», например, — это лексемы *великан*, *гигант*, *исполин*, *карлик*, *лилипут*, *дюймовочка* и т.п. (см. [7]), т.е. существительные, обозначающие «ингерентно большие и ингерентно малые объекты» (Н. Спиридонова, цит. по [7, 728]). Для шкалы «Смелость», например, это лексемы *смельчак*, *храбрец*, *трус* и т.п.

(85) *Простому человеку, жившему, предположим, в границах нынешней Московской области, лет триста назад ничто не угрожало смертью — если не считать, конечно, голода, холода, диких зверей, лёгкой простуды, которая в несколько дней сводила любого богатыря в могилу, и жестокости других людей* (А. Кабаков. Великие стройки апокалипсиса // «Коммерсантъ-Власть», № 35, 2000; НКРЯ) [*богатырь* — обозначение положительного полюса шкал «Здоровье», «Сила» и т.д.].

(86) *В рецензируемой книге Зализняк добавляет к исаченковскому аргументу дюжину других, излагая их с предельной ясностью, которая не должна оставить сомнений у любого тугодума* (В. М. Живов. Чего не может фальсификатор // «Отечественные записки», 2004; НКРЯ).

(87) *Возможно, дело в том, что на фоне сформировавшегося образа Ким Дэчжуна и развернутой им в первый период своего правления тотальной борьбы с коррупцией любая соринка в его собственном глазу кажется местным обозревателям*

бревном (К. Асмолов. Борьба с коррупцией в Южной Корее (2002) // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.12.30; НКРЯ).

(88) *К тому же его учение было понятно любому невежде, каждый становился посвящённым* (Д. Гранин. Зубр (1987); НКРЯ).

(89) *Семь серьезных покушений могли устрашить какого угодно храбреца с железными нервами* (Г. И. Чулков. Императоры: Психологические портреты (1928); НКРЯ).

(90) *С такой задачей справится любой дурак (не говоря уже о членах правительства)* (Моск. комс. декабрь 1997; МФРЯ).

(91) *Человека сделать всякий дурак может, это не танк, не самолёт* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960); НКРЯ).

(92) *Любой идиот знает, что Америку открыл Колумб--мореплаватель и большой молодец* (А. Геласимов. Ты можешь (2001); НКРЯ).

(93) *А я-то — в самый раз: кто поширше не везде пролезут, а я — запросто, это нам — ни сядь, ни ляжь. В любую щелю просунусь. Как ты-то разобрал?* (Г. Шергова. Об известных всем (2002-2004); НКРЯ) [*щель* — лексема, соотносящаяся с отрицательным полюсом шкалы «Ширина»].

(94) *Дважды набивался он кормщиком к Тимофееву, шел за любой алтын, но не брал Антип; на третий взял весельщиком, — уж больно было лестно Антипу: первый по здешним местам кормщик за честь принял наняться к нему* (Ю. П. Герман. Россия молодая. Часть первая (1952); НКРЯ).

(95) *Да любому барану понятно, что вина здесь Косаря...* (А. Мельник. Авторитет (2000); НКРЯ) [лексема *баран* выступает здесь как обозначение отрицательного полюса шкалы «Ум» [6]].

(96) *...при любой искре (например, зубец комбайна ударяет по кремнистому стяжению или пириту) происходит взрыв* (Новые рубежи использования

[6] Следует, однако, отметить, что в толковых словарях русского языка это значение не выделяется.

нефтегазопоисковых геохимических методов (2001) // «Геоинформатика», 2001.08.23); НКРЯ) [*искра* — ʻмельчайшая частица горящего или раскаленного вещества’ [7]].

(97) *Если какой-либо предмет, например, зеленую цветущую ветку, поместить в жидкий азот, имеющий температуру испарения в тысячу раз более отрицательную, чем любой лед, ветка эта, совершенно не изменив внешнего вида, рассыплется от первого прикосновения* (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997); НКРЯ).

Нам представляется, что в отличие от трех предыдущих случаев, где сочетание вида *любой X* может ориентировать на значения ʻсамый большой X’ — ʻсамый маленький X’, ʻсамый хороший X’ — ʻсамый плохой X’, ʻсамый трудный X’ — ʻсамый легкий X’ и т.п., в конструкциях рассматриваемых в п. 4.4., сравнения как такового нет. На наш взгляд, предложения типа, например, *эта болезнь может любого богатыря свести в могилу…*- синонимичны предложениям вида *эта болезнь может и богатыря свести в могилу*, фразы типа *Ему любой президент не указ* — фразам вида *Ему и президент не указ* и т.д. Иными словами, объекты, обозначаемые лексемами *богатырь, смельчак, невежда, тугодум* и т.п., занимают на соответствующей шкале точку, а не отрезок: в языковой картине мира богатыри не различаются между собой величиной заданного параметра (силы или здоровья) — все богатыри по этому признаку как бы равны, и, следовательно, сравниваться друг с другом не могут. Ср. у Е.В.Урысон: «Существенно, что объекты, которые мыслятся как большие или маленькие, с трудом допускают сравнение с объектами собственного класса. Так, если один океан больше другого, мы ни один из них не назовем ни большим, ни маленьким: океан предстает как некий образец водоемов очень больших размеров. Аналогичным образом, если одна букашка больше другой, мы не назовем ее большой; говоря *маленькая букашка*, мы сравниваем данный объект не с другими букашками, а с другими насекомыми. Иными словами, букашка выступает как образец очень маленького насекомого. Точно так же не сравниваются между собой деревца или деревеньки: говоря *маленькое деревце* или *маленькая деревенька*, мы

[7] Толкование взято из словаря А.П.Евгеньевой (СРЯ).

сравниваем данное дерево или данный населенный пункт с обычными деревьями (населенными пунктами), а не с другими деревцами (деревеньками) [7, 729-730].[8].

Необходимо оговорить, что, наряду с существительными типа *букашка* или *песчинка*, в языке есть лексемы, которые тоже содержат указание на размер, но при этом соотносятся не с точкой, а с отрезком на шкале «Величина», ср. у Е.В.Урысон в той же работе: «Разумеется, данное ограничение распространяется не на все существительные, в значении которых есть указание на размер. Так, слово *клоп* обозначает очень маленькое насекомое, причем размер его мал как относительно абсолютного, антропоцентричного стандарта, так и относительно других насекомых. …Однако нормальны как сочетания *маленький <небольшой, малюсенький> клоп*, так и сочетания *большой <крупный, колоссальный> клоп*: данные объекты допускают сравнения с объектами своего класса. Аналогично ведет себя слово *крошка*: оно обозначает очень маленькую часть какого-либо объекта, причем размер крошки мал относительно двух стандартов сразу, однако при этом крошки свободно сравниваются между собой, ср. *маленькая крошка, большая крошка*» [7, 730]. Таким образом, некоторые объекты способны выступать для нас образцом, стереотипом чего-то большого или маленького, красивого или некрасивого и т.п., другие — нет.

К этому же типу употреблений мы относим лексемы, обозначающие высшие и низшие позиции в различных иерархических структурах — такие, как, например, *президент, министр, принц, директор* и т.п. Примеры:

(98) — *Я сегодня проделал такую комбинацию, что у любого министра финансов живот бы заболел от зависти* (А. И. Куприн. Поединок (1905); НКРЯ).

[8] Ср. также у Е.М.Вольф: «Не все предметы составляют естественные классы сравнения. Так, такие естественные классы, как числа, геометрические фигуры, атомы, песчинки, части речи не предполагают различия между их элементами по оценочным признакам. Сравнение, а, следовательно, и оценка всегда предполагают различие по некоторому признаку или группе признаков [3, 18].

(99) *Опять же — политика. Допустим, не понравился тебе какой-нибудь министр — отлично. Пишешь в редакцию: министр — говно! Любому президенту можно в рожу наплевать* (С. Довлатов. Чемодан (1986); НКРЯ).

(100) *На совещании он мог «срезать» любого директора или министра, если те допустили неточность в цифрах* (В. Костиков. Роман с президентом (1996); НКРЯ).

(101) *Пока мы разговаривали, мне пришло в голову, что в Америке легко можно назваться кем угодно, хоть президентом страны* (Р. Нахапетов. Влюбленный (1998); НКРЯ) [9].

(102) *Просится в монастырь — хоть простым монашком, хоть истопником, кем угодно, только снова в монастырь — нет сил в миру жить* (П. Алешковский. Жизнеописание Хорька (1990-1993); НКРЯ).

4.5. Пятый тип употреблений представлен конструкциями вида *любой X*, где X не соотносится с какой-либо шкалой, но обозначает, например, какое-либо средство или инструмент, предназначенные для строго определенных действий, или некоторую профессию, которая в сознании социума ассоциируется с наивысшим мастерством во владении определенными навыками. Так, валериана хорошо успокаивает, математик (и бухгалтер) хорошо считает, психолог хорошо разбирается в поведении людей, врач — правильно ставит диагнозы и лечит, художник прекрасно рисует и т.п. Выражения типа *считать лучше любого математика*, *ставить диагноз лучше любого врача* и т.п. означают самую высокую оценку этих действий со стороны говорящего. Так же, как и в случаях, описанных в п. 4.4., здесь, на наш взгляд, отсутствует сравнение с самым лучшим математиком или с самым лучшим врачом — есть сравнение просто с математиком или просто с врачом как с теми, кто должен делать определенные действия лучше других — не математиков и не врачей. Примеры:

(103) *Думаю, вы лучше любого психолога свою дочу знаете* (Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум) (2005); НКРЯ).

---

[9] Единицы *кто угодно*, *где угодно* и т.п. могут вводить объект X только после тире, двоеточия, после слова *хоть* и т.п.

(104) *И мы справляемся с этой задачей лучше, чем любой страховщик, поскольку страховщик меньше нас знаком со спецификой управления рисками в лизинге, со спецификой наших клиентов»* (В. Кошкин, А. Мурзина. Цена роста (2004) // «Эксперт», 2004.12.13; НКРЯ).

(105) *Высокое качество его колец лучше всякой экспертной комиссии подтвердил факт появления на рынке поддельных изделий с маркой завода в Петушках* (Е. Толстых. Петушки против Детройта (2003) // «Совершенно секретно», 2003.03.02; НКРЯ).

(106) *Вы скажете, что это невозможно, чтобы король с королевой — и безо всякой охраны... Да, но над ними всегда летели зоркий Орёл и мудрый Филин. Впереди бежал стремительный Заяц, а позади — могучий, храбрый Лев. И поверьте, эти звери и птицы были куда лучше любых телохранителей....* (С. Седов. Доброе сердце Робина // «Мурзилка», № 7, 2002; НКРЯ).

(107) *Зная точный диагноз, родные могут облегчить страдания больного, а иногда и помочь ему лучше любого врача* (А. Шубин. Путь к благополучию (2000); НКРЯ),

(108) *И еще он брался лучше любого врача поставить диагноз каждому заболеванию и очень бывал доволен, когда он оправдывался* (О. Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997); НКРЯ).

(109) *Хотя, с другой стороны, я могу сказать про себя, что да, я парикмахер, потому что, не будучи парикмахером, или, как вы выразились «брадобреем», я могу все же заткнуть за пояс любого парикмахера ...* (Л. Лагин. Старик Хоттабыч (1955; НКРЯ).

(110) — *Шьет, гладит, брюки отпаривает, все сам! — негромко, но с гордостью в голосе произнес Шарипов. — Заштуковать может лучше любого портного* (Ю. Герман. Дорогой мой человек (1961); НКРЯ).

(111) *И вы создадите эффектную «лохматую» шубку, которой позавидует любая модница* (Модная шубка из ниток (2003) // «Сельская новь», 2003.11.11; НКРЯ).

(112) *Но давайте зададимся простым вопросом от кого прячут информацию народные избранники? От уголовников, которые лучше любой милиции знают состояние своих дел?...* (Д. Новик. Утомлённые властью // Известия-Петербург. — 1997; КРЛЯ).

(113) *Безумна была мысль, что можно найти на земле заместителя Христа, что можно обожить человеческую природу превращением Церкви в государство, а не свободным принятием внутрь себя Христа. Ведь в св. Франциске Ассизском больше было священства, чем в любом папе* [Н. А. Бердяев. Философия свободы (1911); НКРЯ).

(114).[Паганель, Николай Черкасов, муж, 33, 1903] *Я проведу вас через Кордильеры лучше всякого проводника* (В. Вайншток и др. Дети капитана Гранта, к/ф (1936) НКРЯ).

(115) *А у нас они знают свою землю лучше чем любой агроном* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003; НКРЯ).

(116).*Мычанье коров, цикады, щелчки пастушьего кнута, поскрипывание ворот, собачий лай — эта пасторальная идиллия действует на меня лучше всякой валерианы* (Р. Нахапетов. Влюбленный (1998); НКРЯ].

К этому же типу употреблений мы относим конструкции вида *любой X*, где X обозначает разного рода носителей информации, призванных давать максимально достоверные сведения в какой-либо области, например:

(117) *«Встретил тут Хантера, у него в кармане была маленькая обезьянка — совершенно пьяная». Эта фраза, сказанная между делом кем-то из знакомых Х.С.Т. девушке-биографу, дает исчерпывающее представление о том, насколько прекрасен этот человек. Эта трагическая обезьянка, которую мучительно тошнит, у которой в глазах вековая печаль и немой укор, говорит о писателе больше, чем любая биография.* (Р. Волобуев. Полпинты сырого эфира. Экстремальные заветы Хантера С. Томпсона -- не верь, не бойся и пиши (2002) // «Известия», 2002.03.03; НКРЯ).

Сюда же относятся конструкции вида *любой X*, где X обозначает национальности, в ситуациях, описывающих степень владения языком, знакомство с обычаями, реалиями конкретного народа и т.п., например:

(118) *Этот Ивановский владеет немецким языком не хуже любого немца* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977); НКРЯ).

(119) *Мне даже отвечать на вопрос приятно. Я уже председателя КНР знаю не хуже, чем любой китаец, и уважаю не меньше* (Независимая газета (12.11.1997); ККТРГ).

В этот же класс попадают конструкции, где X обозначает либо объекты, имеющие какие-то свойства, которые у них развиты сильнее, чем у других однотипных объектов, либо объекты, способные к действиям, которые не могут производить другие объекты, либо объекты, способные выполнять определенные действия лучше других объектов. Например:

(120) *В ту же секунду у принявшего его обострялось обоняние, да так, что любая собака может просто отдыхать* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004); НКРЯ) [известно, что у собаки очень тонкое чутье по сравнению, например, с человеком].

(121) *Но он цепляется за жизнь крепче, чем они. И он выносливей любого животного* (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961); НКРЯ) [в сравнении с животными человек проигрывает в выносливости].

(122) *Бакли, однако, не принимал в ней никакого участия и только на всякий случай приготовился к отпору, поскольку владел теперь копьем и бумерангом не хуже любого австралийца* (А. Епатко. Дикость какая-то (2004) // «Парадокс», 2004.05.01; НКРЯ).

Интересно использование конструкции *любой X* во фразах, где описывается такое использование объекта X или объекту X приписываются такие свойства, которые противоречат обыденным представлениям об этом объекте, например:

(123) *Кроме того, природные ландшафты не требуют идеальности в соблюдении геометрии и симметрии, их главный критерий — естественность и неброская красота, которую не обязательно «причёсывать» и «вылизывать». Здесь*

любой подорожник или репейник — не сорняк, а дорогой гость (Т. Ефимова. Скажи: легко! (2003) // «Сад своими руками», 2003.09.15; НКРЯ) [обычно сорняки подорожник и репейник воспринимаются как «нежелательные гости»].

(124) — *Она не должна звучать, не понимаю, почему она вообще звучит. А она звучала в руках Володи фантастически. Один старый питерский мастер как-то сказал: — Вовочка, с тобой хорошо продавать скрипки — любая кастрюля через три минуты начинает звучать. Это правда — у Спивакова уникальный звук, и не я это придумала; редкий дар владения звуком, способность извлекать свой особенный звук* (С. Спивакова. Не всё (2002); НКРЯ) [кастрюля здесь олицетворяет объект, наименее всего подходящий для извлечения звуков].

(125) *Он весь был переполнен текстами, они рвались наружу — и он устраивал небольшие чтения для узкого круга, а частенько это случалось само собой, как бы совершенно нечаянно — и тогда любая скамейка становилась первым рядом партера, любая береза — кулисой, из которой стремительно выходил на сцену артист Михаил Козаков* (Р. Полищук. Портреты (2003) // «Вестник США», 2003.12.10; НКРЯ).

4.6. Шестой тип употреблений представлен конструкциями вида *любой X*, где в качестве X фигурируют лексемы, обозначающие объект или ситуацию, которые с точки зрения социума являются носителем некоторого признака в максимальной или, наоборот, минимальной степени.

4.6.1. Этот случай очень близок предыдущему. И в том, и в другом случае в качестве X выступают языковые единицы, отсылающие к таким объектам реального мира, которые в представлении социума олицетворяют некоторое свойство в предельной степени. Различие между ними, как нам кажется, заключается в степени объективированности выбора какого-то объекта в качестве такого образца, эталона. В первом случае (п. 4.5.) выбор продиктован объективными свойствами объекта: так, врач, по определению, лучше других должен уметь ставить диагноз, бухгалтер в силу специфики своей работы должен хорошо считать и т.п. В том типе употреблений, о котором пойдет речь в этом пункте, выбор эталонного объекта в достаточной степени

произволен. Часто в качестве такого эталона может выступать целый ряд объектов. Так, финансовая независимость, например, может ассоциироваться и с министром, и с президентом, и с олигархом и т.п., трудности в постижении какой-либо информации — с дояркой, крестьянином, уборщицей и т.д. Примеры:

(126) *Еще один канал оборота участков — покупка старых объектов, предприятий. Но сегодня это тоже непростой процесс — за любой сарай идет борьба* (И. Ступин. Мастер девелоперских компромиссов (2004) // «Эксперт», 2004.12.13; НКРЯ) [здесь *сарай* как символ наименее ценных построек].

(127) *Для коммунистов и прочих левых бедственное положение культуры — удобный козырь в политической борьбе, вечный повод поговорить на завлекательную тему «прежде и теперь». Схема тут типовая: советская власть для культуры была как ласковая мать — холила ее и лелеяла, средств не жалея. При ней социальный статус самой культуры и ее деятелей поднялся до заоблачных высот, и любая доярка после свершения своего трудового подвига могла отправиться в колхозный клуб и приобщиться к «высокому», то есть томик Пушкина взять в библиотеке или послушать умного человека — присланного Всесоюзным добровольным обществом «Знание» лектора («Есть ли жизнь на Марсе? »)* (Культбеспросвет (2003) // «Профиль», 2003.06.23; НКРЯ) [*доярка* — как человек наиболее далекий от культуры, как человек, имеющий минимальные возможности приобщиться к культуре и т.п.; вместо слова *доярка* в эту фразу без ущерба для смысла можно было бы поставить целый ряд других лексем, например, *кухарка*, *уборщица*, *посудомойка* и т.п.].

(128) *Его посмертно вышедшая книга "Лоскутное одеяло" — изумительный документ эпохи. И читать её — для меня, например, — занимательнее любого детектива* (Ф. Чеханков: Ненависть меня разрушает (2002) // «Витрина читающей России», 2002.09.13; НКРЯ) [слово *детектив* могло бы быть заменено существительными *роман*, *фантастика* и т.п.].

(129) *Заработки у меня раз в десять больше, чем у любого министра* (А. Тарасов. Миллионер (2004); НКРЯ).

(130) *Если содержание "Космографической тайны" Кеплер брался объяснить «любому крестьянину», то смысл открытий «Новой астрономии» оставался неясным ему самому* (В. Шевченко. Демон науки: Космический кубок // «Знание — сила», 2003; НКРЯ).

(131) *Если его не задевать, он смиреннее всякой овцы* (А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1932-1935); НКРЯ) [10].

(132) *Паук Симкин, слышавший своими волосатыми ногами полет любой мухи в радиусе десяти дворов, сразу эту пылинку сладости запеленговал* (А. Эппель. Сладкий воздух (1990-2000); НКРЯ) [с полетом мухи ассоциируется движение с минимальным шумом, ср. фразеологизм *Слышно как муха пролетит*].

4.6.2. В качестве эталона встречается два вида объектов: 1) объекты, которые в картине мира социума устойчиво ассоциируются с каким-либо качеством или параметром; 2) объекты, выбор которых в качестве эталона носит окказиональный характер.

4.6.2.1. Класс объектов, которым в картине мира социума приписываются какие-то ярко выраженные свойства, достаточно широк. С одной стороны, он имеет национальную специфику [11], с другой стороны, в определенной мере классы таких объектов в разных языках пересекаются [12]. Примеры:

(133) *...несмотря на дружбу и помощь осточертела вся эта шобла хуже любых комаров, и последней каплей стал беззубый дед с пегой бородой, наивно выкативший синие глаза:* (М. Тарковский. Кондромо // «Октябрь», 2003; НКРЯ) [комары как символ назойливости].

---

[10] В принципе этот пример можно было бы отнести к классу употреблений, которые изучались в 4.4., рассматривать лексему *овца* как обозначение положительного полюса шкалы «Терпение» или шкалы «Смирение». Однако нам ближе трактовка, при которой овца выступает символом соответствующих качеств.

[11] Ср., например, во французском языке выражение *paresseux comme une couleuvre* букв. ‘ленивый как уж’.

[12] Так, у многих народов символом смирения является овца (см. выше пример 131), хитрости — лиса, смелости — лев, драчливости — петух и т.д.

(134) *Важно, заложив руки в карманы своих брюк и покуривая коротенькие трубки, они, как-то стиснув зубы и нехотя, говорят с покупателями только по-немецки, отзываясь незнанием русского языка, но, сцепившись с какой-нибудь чуйкой, ругаются по-русски так отчетливо, хорошо и сочно, что любой ломовой извозчик признал бы за ними полнейший авторитет в этом деле* (Н. А. Лейкин. В Биржевом сквере (1879); НКРЯ) [13].

(135) *Разве не хуже всякого ада то, что я переживаю?* (В. М. Гаршин. Происшествие (1878); НКРЯ).

(136) *Поначалу закусили луком и бычками, хлеб макали в подсолнечное масло, майор похвалил, сказал, что это вкуснее всякой черной икры* (Аркадий Львов. Двор (1981); НКРЯ).

(137) *Доброе слово за хорошую работу, а тем более перед коллективом, дороже всяких денег* (Шатров М. Погода на завтра // М. Шатров. Избранное. — М.; КРЛЯ).

(138) [Осужденный 1, муж] *Ну жизнь была у меня / мужики хуже собаки всякой!* (В. Студенников и др. Комедия строгого режима, к/ф (1992); НКРЯ) [14].

(139) *К сожалению / цивилизация не дает человеку полного счастья / скажем так / понимаете / потому что / может / любой московский бомж более счастлив / чем обладатель шестисотого Мерседеса и в личной жизни* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001; НКРЯ).

(140) *Но порою данное кем-то слово может цениться дороже любой официальной бумаги с сургучными печатями* (Н. Михалков, Р. Ибрагимбеков. Сибирский цирюльник, к/ф (1998);НКРЯ).

(141) *А этот по всякой запятой в толковании лезет с навязыванием своего мнения* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003; НКРЯ) [Запятая символизирует самую незначительную

---

[13] Ср. выражение *ругаться как извозчик*.
[14] Ср. выражение *собачья жизнь*.

часть текста, которая расценивается как знак, практически лишенный смысловой нагрузки].

Конструкции с лексемами, обозначающими объекты рассматриваемого типа, интересны тем, что они проявляют подчас не осознаваемые представления социума о месте некоторого объекта или явления в ценностной картине мира. Так, из предложений (142) — (148) следует, что вербальный акт обычно оценивается как наиболее надежный способ получения информации о чем-либо, хотя очевидно что, иногда мимика человека или, например, его поступки могут больше говорить о реальном положении дел, чем его слова (или слова о нем). Примеры:

(142) *Но если молчание «индиговцев» было красноречивее любых слов, то их ответ не лез, как говорится, ни в какие ворота* (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004); НКРЯ).

(143) *Калерия Матвеевна воздержалась от всяческих характеристик, что было красноречивее любых слов* (М. Баконина. Школа двойников (2000); НКРЯ).

(144*) И тут на глазах у двух тысяч гостей произошел эпизод, на мой взгляд, лучше любых слов говорящий о Фишере* (Г Каспаров. Великий отшельник (2004) // «64 — Шахматное обозрение», 2004.09.15);НКРЯ).

(145) *Не ответив, она сморщила нос, и эта ее гримаса, исполненная чисто женского, даже скорее девичьего презрения, была внятнее любых слов* (Л. Юзефович. Костюм Арлекина (2001); НКРЯ).

(146) *Даллес показывал группе конгрессменов увеличенные до необъятных размеров фотографии советских городов, ракетных установок и военных объектов, которые были получены У-2. По его мнению, они лучше любых слов доказывали, почему необходимы эти полеты для обеспечения безопасности США* (О. Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997); НКРЯ).

(147) *Старик не отвечал ни слова, но взгляд, брошенный им на барыню, передавал его благодарность лучше всякой речи* (Д. В. Григорович. Бобыль (1847); НКРЯ).

(148) *На могиле погибших альпинистов вдруг вот высекают строки этих песен —это выше всякой похвалы для меня* (Выступление Владимира Высоцкого перед студентами геологического факультета МГУ (1978); НКРЯ).

Для рассматриваемого класса эталонных объектов сочетание вида *любой X* наиболее часто встречается во фразах, в которых X сравнивается с некоторым У-ом по определенному признаку Z и сравнение делается в пользу У-а (т.е. утверждается, что признак Z выражен сильнее у объекта У), например:

(149) *Но эта правда оказалась для него страшнее любой лжи* (В. Розов. Удивление перед жизнью (1960-2000); НКРЯ).

(150) *Я правду о тебе порасскажу такую, что краше всякой лжи* (Г. Горин. Иронические мемуары (1990-1998); НКРЯ).

(151) *Потому что нет такой правды, которую нельзя опровергнуть. Особенно ту, «что хуже всякой лжи». Какую такую «правду» я должен донести?* (В. Писигин. Письма с Чукотки // «Октябрь», 2001); НКРЯ).

(152) *Правда неприкрашенная, правда, идущая вразрез с насущными человеческими потребностями, хуже всякой лжи* (Л. И. Шестов. На весах Иова (1929); НКРЯ).

(153) *Я не смею повторять то, что говорят о них все иностранные путешественники, потому что иногда и правда покажется невероятнее всякой лжи, но скажу только, что в этом отношении Москва может смело состязаться с каким угодно европейским городом* (М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842-1850); НКРЯ).

(154) *Мы жили своим укладом, в котором все перемешалось: старомодное почитание дедов и строгость к молодым, легенды, что лучше правды, и правда хуже всякой выдумки, грязища в цехах и февральская «снегоборьба», вечные бдения диспетчеров и обстоятельные, нудные, похожие друг на друга планерки* (В. Чивилихин. Про Клаву Иванову (1964); НКРЯ).

Подобные фразы характеризуются следующими свойствами:

1. X и У обозначают некие антиподы; оценки, которые социум дает сущностям, обозначаемым с помощью X и У, тоже противоположны.

2. Во фразе утверждается, что признак Z объекта У оказался выражен более сильно, чем у объекта X.

3. В соответствии с обыденными представлениями именно объект X обладает признаком Z в максимальной степени: у объекта У либо вообще нет этого свойства, либо оно присутствует в минимальной степени.

Так, фраза (150) сообщает нам, что правда оказалась красивее лжи, и, одновременно «проявляет» стереотип «Правда некрасива, ложь красива». Предложение (151) проявляет стереотип «Правда — хорошо, ложь — плохо» и т.д. Ср. невозможность инверсных конструкций: ?*ложь оказалась красивее/хуже любой правды*.

Жизнь, действительность могут противопоставляться вымыслу, фантазии и как одному из видов вымысла — литературе, искусству в целом. Причем в картине мира социума вымысел предстает более интересным, насыщенным, изощренным, непредсказуемым, чем реальная жизнь. Примеры (155-161) описывают ситуации, противоречащие этому стереотипу:

(155*) Сочиняя рассказ о ночном происшествии, заранее предвкушая их изумление и недоверие. Жизнь порой фантастичнее любого романа. Уж полицейским ли этого не знать?* [И. Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001; НКРЯ).

(156) *И, скажем, жизнь покойного короля Хуссейна, отца Абдаллы, впечатляет посильнее любого романа* (Ю. Зубцов. Такие же, как мы (2002) // «Домовой», 2002.05.04); НКРЯ).

(157) *Кажется, рассказ такой был. Фантастический... Но на это Сергей Степанович ответил: — Жизнь неизмеримо мудрее и неожиданней любой фантастики!* (К. Шахназаров. Курьер (1986); НКРЯ).

(158) *Она, как осенний ветер листья возле дороги, крутит и перевивает слово за слово вокруг какого-нибудь одного человека, мешая выдумку с жизнью и саму выдумку подчас так оживляя и делая её такой верной и точной, хотя бы на самом деле этого и*

не было никогда да и быть не могло, что выдумка эта становится сама любой правды правдивей и интересней (С. А. Клычков. Чертухинский балакирь (1926); НКРЯ).

(159) *Сочиняя рассказ о ночном происшествии, заранее предвкушая их изумление и недоверие. Жизнь порой фантастичнее любого романа. Уж полицейским ли этого не знать?* (И. Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001); НКРЯ).

(160) *И, скажем, жизнь покойного короля Хуссейна, отца Абдаллы, впечатляет посильнее любого романа* (Ю. Зубцов. Такие же, как мы (2002) // «Домовой», 2002.05.04); НКРЯ).

(161) *Он мне раз такое из своей жизни рассказывал, что не во всякой книжке прочтёшь* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963); НКРЯ).

Другой стереотип противопоставляет действительность и умозрительные науки, признавая за последними бóльшую объективность в оценке действительности и — как следствие — бóльшую дидактическую силу:

(162) *Чему учить других, когда жизнь учит лучше всякого философа?* (М. А. Осоргин. Сивцев Вражек (1928); НКРЯ).

Напомним, что мы говорим о тех стереотипах, которые закреплены в языке. Ложь, вообще говоря, мало кому представляется красивой, тем не менее, сочетания типа *краше всякой лжи/вымысла* кажутся естественными, а сочетания вида *краше всякой правды/реальности* представляются сомнительными.

4.6.2.2. Во многих случаях выбор объекта в качестве эталона является субъективным, индивидуальным, но, тем не менее, абсолютно понятным. Например:

(163) *Дармоеды эти, лбы широкие, хуже любого пастуха считают: тот и неграмотен, а стадо гонит, на ходу знает, все ли телята* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961); НКРЯ).

(164) *Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружьё из чехла — и туда; я за ним* (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841); НКРЯ).

(165) *Свернуть какой-нибудь памятник — с нашим удовольствием. Тут мы любым талибам не уступим. Но ведь даже в дикой Африке до сих пор не тронуты*

монументы, воздвигнутые проклятыми колонизаторами: ну были и были какие-то там чужеземные адмиралы, генералы (Б. Грищенко. Посторонний в Кремле (2004); НКРЯ).

(166) *В принципе, по степени дубоголовости и пуленепробиваемости товарищ Мерфи может сравниться с любым нашим омоновцем, только вот в плане неподкупности, физической подготовки и равнодушия к примитивным транкам вроде водки он даст реальным стражам правопорядка сто очков вперед* (Тор 10 веселых роботов (2004) // «Хулиган», 2004.08.15; НКРЯ).

(167) *Какая счастливая мука, как сладко ноет внутри! Лучше всякой музыки, всяких стихов. Куда девается при пробуждении его сновидческий гений?* (С. Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002; НКРЯ).

(168) *Лиза очень любила её, открывала ей все свои тайны, вместе с нею обдумывала свои затеи; словом, Настя была в селе Прилучине лицом гораздо более значительным, нежели любая наперсница во французской трагедии* (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830); НКРЯ).

4.6.3. Наиболее ярко сущность рассматриваемых в этом пункте конструкций проявляется тогда, когда в качестве X выступают имена собственные, носители которых олицетворяют какие-то качества в максимальной степени (здесь тоже могут фигурировать «авторские» эталоны»):

(169) *На фоне этой драматической истории, которой Сахаров посвятил несколько страниц в «Воспоминаниях», блекла любая Бразилия* (Г. Горелик. А. Сахаров. Наука и свобода (2004); НКРЯ).

(170) *В среднем каждый квадратный метр газона или дорожки Александровского сада обошелся России в 6 тысяч рублей, или, если перевести в денежные единицы, более милые сердцу россиян, — в $200. Согласитесь, этим цифрам позавидовали бы любая коза ностра с «Триадой», привыкшие деньги «закапывать» или «закатывать в асфальт»* (А. Чернов. На юбилеях деньги не считают (2003) // «Вслух о…», 2003.06.09; НКРЯ).

(171) *Аля только удивлялась про себя Катиной вере в чудо, которой позавидовала бы любая Золушка* (А. Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005); НКРЯ).

(172) *Кто заставит напряженно размышлять на тему «Где кончается искусство и начинается не-искусство? » — это не всякому Лотману под силу* (И. Новикова. Преодоление иллюзий? (о романе Александра Мелихова «Любовь к отеческим гробам») // «Октябрь», 2003; НКРЯ).

(173) *И мне страшно подумать, что будет в Чечне, когда и если она станет самостоятельной. Это может получиться почище всякой Африки* (Право на самоопределение и будущий миропорядок (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.07.16; НКРЯ).

(174) *Вспомним неистовое богоборчество миссионеров коммунизма (куда там всяким варфоломеевским ночам) их догматизм, когда каралось всякое отступление от буквы «Писания» суды инквизиции, правда, без аутодафе...* (Странная дорога к храму. Обратная связь (2002) // «Известия», 2002.10.15; НКРЯ).

(175) *Вон председателя нашего сельсовета возьми — Татьяну Шемякину. Дела ворочает лучше любого Путина. К ней придешь — какой хочешь вопрос решит* (Д. Соколов-Митрич. Дайте бабе удочку. Корреспондент «Известий» принял участие в бесплатной раздаче женского счастья на селе (2002) // «Известия», 2002.04.02; НКРЯ).

(176) *Я предвижу, да и сейчас уже вижу, в человечестве бесконечно много неожиданного, бесконечно. Составленного из банальностей и дешевки, по отдельности скучных, но в таких, а главное, в стольких комбинациях, что любой Шекспир-расшекспир и вообще любой самый-рассамый один могут собой представить в лучшем случае что-то лишь отдаленно с этим сравнимое* (А. Найман. Любовный интерес (1998-1999); НКРЯ).

(177) *Так что эти страхи, когда москвичи друг от друга прячутся за охрану, — это полная фигня. Кого не надо, того и бабуля задержит. А мужики вроде меня — они через любых Ван-Даммов пройдут* (А. Абраменко. Трус-город (1997) // «Столица», 1997.12.22; НКРЯ).

(178) *Стилистика группы «Кино» была однозначно роковой, но ее популярности в СССР сегодня мог бы позавидовать любой Шура, который даже при очень хорошем пиаре вряд ли соберет что-нибудь, превосходящее по вместительности средних размеров гей-клуб* (Русский рок: без приставки «г...» (2004) // «Хулиган», 2004.08.15; НКРЯ).

4.6.4. Некоторые фразы, рассматриваемые в п. 4.6., иногда оказываются очень похожими на те, о которых шла речь в пп. 4.1, 4.2, 4.3. Тем не менее, мы усматриваем между этими случаями существенное различие. Так, например, фраза *Пояс миостимулятор ABGYMNIC — легче и лучше любой диеты* [15] в принципе допускает два осмысления: 1) лучше самой лучшей диеты (п. 4.2.); 2) лучше диеты как признанного лидера среди способов снижения веса (п. 4.6.). Иными словами, второе понимание равносильно сравнению двух способов похудения — использования пояса миостимулятора и диеты.

5. Вернемся к аргументативной ориентации фраз с кванторными словами. Как мы попытались показать, в конструкциях вида *любой X* компонент X может обозначать объекты совершенно разных типов, но важно, что при этом предложения с разными компонентами X могут служить аргументами в пользу одних и тех же выводов. Приведем самые простые примеры. Так, желая усилить утверждение о том, что некто виртуозно водит автомобиль, можно произнести и фразу (179), и фразу (180), и фразу (181):

(179) *Он любого за пояс заткнет.*

(180) *Он любого профессионала/гонщика за пояс заткнет* [объект-эталон, описанный в п. 4.5.].

(181) *Он любого Шумахера за пояс заткнет* [объект-эталон, описанный в п. 4.6.3.].

При этом, как кажется, аргументативная сила высказывания возрастает от фразы (179) к фразе (181).

---

[15] Пример взят из: Электронное объявление (2004); НКРЯ.

Другой подобный пример: расхваливая чью-то фигуру, мы можем для придания своим словам бóльшей убедительности произнести одну из следующих четырех фраз:

(182) *Ее фигуре может позавидовать любая (женщина).*

(183) *Ее фигуре может позавидовать любая девушка* [если речь идет о немолодой женщине; в картине мира девушка наделена хорошей фигурой, ср. выражение *девичья фигура*; см. объект-эталон, описанный в п. 4.6.2.].

(184) *Ее фигуре может позавидовать любая манекенщица* [объект-эталон, описанный в п. 4.5.].

(185) *Ее фигуре может позавидовать любая Клаудиа Шиффер* [объект-эталон, описанный в п. 4.6.3.].

Особенно наглядно аргументативная направленность фраз с сочетанием типа *любой X* видна в контексте союза *но*. Рассмотрим в качестве примера две фразы:

(186) *Иван не учился, но он поет лучше любой эстрадной звезды.*

(187) *Иван не учился, но он поет лучше любого Кобзона.*

В конструкции вида *X, но У* союз *но* маркирует противопоставление аргумента У, направленного на вывод R, и аргумента X, направленного на вывод не-R, причем вся конструкция в целом ориентирована на вывод R. Предложения (186) и (187) могут быть произнесены, например, в ответ на высказанное кем-то сомнение, что Иван, из-за отсутствия музыкального образования, не сможет хорошо исполнить песню. И возможность использовать эти предложения в таком контексте определяется аргументативной направленностью конструкции *любой X*: первая часть фраз (186) и (187) ориентирует на вывод ‘Иван плохо поет’ [следовательно, он плохо споет песню], вторая часть — на вывод ‘Иван прекрасно поет’ [следовательно, он прекрасно споет песню].

6. Любопытно, что при разных предикатах кванторные конструкции вида *любой X* ведут себя по-разному. При одних предикатных единицах эти конструкции в субъектной позиции ориентируют на положительный полюс соответствующей шкалы, при других — на отрицательный. Ср, например, предложения (188) — (191), с одной стороны, и предложения (192) — (196):

(188) *И любая девочка считала за честь потанцевать со мной. А когда мы создали ансамбль“Аргонавты”, я вообще уже был первым парнем на деревне* (Н. Склярова. Казаки-разбойники (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.01.10; НКРЯ) [самая лучшая, самая красивая и т.п.].

(189) *Любое пирожное со временем приедается* [даже самое вкусное].

(190) *Этого любой испугался бы* [даже самый храбрый].

(191) *Любая работа становится от этого невыносимой* [самая хорошая, самая легкая, самая интересная и т.п.».

(192) *В это любой поверил бы* [даже самый недоверчивый].

(193) *С ней любой уживется* [даже самый неуживчивый, с самым плохим характером и т.п.].

(194) *Такую пьесу любой поставить может* [даже самый бесталанный].

(195) *Мне любая работа сгодится* (даже самая тяжелая, неинтересная, не престижная и т.п.].

(196) *Любая простуда может оказаться для него смертельно опасной* [даже самая легкая].

Но даже при одном и тоже предикате ориентация сочетаний вида *любой X* может быть направленной на противоположные полюса в зависимости от того, какую валентность предиката это сочетание заполняет. Ср., например, фразы (197) и (198), (199) и (200), (201) и (202), (203) и (204):

(197) *Он любого одолеет* [даже самого сильного].

(198) *Его любой одолеет* [даже самый слабый].

(199) *Эта операция может ослабить любой организм* [даже самый сильный, самый крепкий].

(200) *Любая операция ослабляет организм* [даже самая легкая].

(201) *Тут у любого опустились бы руки* [даже у самого стойкого, самого сильного]

(202) *У него при любой неудаче опускаются руки* [даже при самой маленькой, самой незначительной].

(203) *Для меня отдых на даче лучше любого курорта* [отдых на курорте — символ престижного, качественного отдыха (положительный полюс)].

(204) *Любая власть лучше безвластия* [даже самая плохая, самая слабая власть].

У некоторых антонимических предикатов сочетания вида *любой X*, заполняя одну и ту же валентность, ориентируют на противоположные полюса. Ср., например, предложения (205) и (206) и предложения (207) и (208):

(205) *Это легкий экзамен — его любой может сдать, даже не готовясь* [может сдать даже самый глупый, самый неподготовленный и т.п. — отрицательный полюс].

(206) *Это жуткий экзамен — его любой может завалить* [самый умный, самый подготовленный и т.п. — положительный полюс].

(207) *Он согласится на любую работу* [самую плохую, низкооплачиваемую и т.п. — отрицательный полюс].

(208) *Он откажется от любой работы* [самой хорошей, самой престижной и т.п. — положительный полюс].

У других антонимических предикатов сочетание вида *любой X* при заполнении одной и той же валентности ориентирует на один и тот же полюс. Ср., например, предложения (209) и (210) и предложения (211) и (212):

(209) *Он огорчается из-за любой неудачи/мелочи* [самой незначительной].

(210) *Он радуется любой удаче/мелочи* [самой маленькой, самой незначительной].

(211) *Любая задержка/мелочь может усложнить работу* [самая незначительная].

(212) *Любая помощь/мелочь может облегчить работу* [самая незначительная].

Таким образом, ориентированность сочетаний вида *любой X* на тот или иной полюс шкалы зависит не только от того, валентность какого предиката они заполняют, но и от характера самой этой валентности: с одной стороны, сочетание вида *любой X*, заполняющее разные валентности одного и того же предиката, может ориентировать на

противоположные полюса; с другой стороны, сочетание вида *любой X*, заполняющее одну и ту же валентность при разных предикатах, тоже может ориентировать на противоположные полюса. В некоторых случаях ориентированность рассматриваемых сочетаний определяется более широким контекстом. Существуют, однако, и некоторые закономерности. Так, в частности, при заполнении валентности каузатора сочетание *любой X* всегда ориентирует на отрицательный полюс, см. выше примеры (209) — (212). Другие подобные примеры:

(213) *Хотя такого быть не может... сон очень чуткий, просыпаюсь от любого шороха* (Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004); НКРЯ) [самого тихого].

(214) *А я, честно говоря, был даже рад всей этой возне — с едой и со шляпой. Я был рад любой отсрочке. Эта газета...* (В. Белоусова. Второй выстрел (2000); НКРЯ) [даже маленькой].

(215) *Даже Галахов, неплохо умевший писать о любви, давно сполз на эту принятую манеру писать как бы не для людей, а для дурачков, которые жизни не видели и по слабоумию рады любой побрякушке* (А. Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990; НКРЯ).

(216) *Да, но есть виды бизнесы, в которых любая остановка деятельности оборачивается значительными потерями* (М. Демидова. Малому бизнесу пока невыгодно выходить из тени (2003); НКРЯ) [*оборачивается* = ‘приводит к’; любая остановка = ‘ даже самая короткая].

(217) *Иначе говоря, если, например, семья или организация готовы оплатить услуги вперед, то они получают определенную скидку, и наоборот, любая задержка оплаты автоматически увеличивает стоимость услуг* (С. Орлов. Реформа на три буквы (2003); НКРЯ) [самая маленькая].

7. Таким образом, мы усматриваем у конструкций вида *любой X* аргументативную ориентацию на полюса соответствующей шкалы. Альтернативой нашему решению была бы попытка сформулировать какое-то общее значение этой конструкции в разных

контекстах [16]. Однако нам это решение представляется трудновыполнимым. В ряде случаев конструкция вида *любой X ← V* может описываться как ʻтакой X, который меньше всего подходит для выполнения действия V’ [17], например: *Ее любое слово может обидеть* ≈ ʻЕе может обидеть даже такое слово, которое в принципе не может вызвать обиду’; *Он может взбесить любого* ≈ ʻОн может взбесить даже такого человека, которого трудно вывести из себя’. Но в других случаях это толкование не подходит, например, оно не годится для предложений типа *Она готова заплатить любую сумму*, *Он это сделает лучше любого врача* и т.д.

8. Универсальные кванторные слова, которые мы до сих пор рассматривали, опосредованно относятся к модусу безразличия. Наиболее эксплицитно этот модус выражен в словах *кто угодно, какой угодно, где угодно* и т.п. Ср. толкование этих единиц в словаре [18]: *где угодно* ʻбезразлично где, везде’, *как угодно* ʻбезразлично как, любым образом’, *какой угодно* ʻбезразлично какой, всякий’ и т.п.

8.1. Логически переход от всеобщности к «безразличию» в целом понятен. Использование универсальных кванторных единиц свидетельствует о том, что с точки зрения говорящего все объекты некоторого класса в каком-то определенном аспекте ведут себя одинаково. Произнося, например, фразу *Все первоклассники знают таблицу умножения*, мы сообщаем, что в отношении знания таблицы умножения все первоклассники равны. Если в некотором отношении объекты определенного класса равны, если, например, все они обладают определенным навыком, то это означает, что безразлично, какой объект будет выбран для рассмотрения [19], он будет обладать указанным навыком.

---

[16] Т.е. при разных предикатах, при заполнении разных валентностей и т.п.

[17] Ср. описание значения союза *ли ... ли*, когда он используется для указания на всеобщность, у В.З.Санникова: в конструкции *X ли, У ли* в качестве X и У могут выступать «те из возможных элементов, которые, казалось бы, меньше всего соответствуют описываемой ситуации, ср. (4) *Дождь ли, зной ли несносный, — взбредет царю — иди, шут его знает куда и зачем* (А. Толстой. Петр I) [6, 205].

[18] Толкования взяты из словаря А.П. Евгеньевой (СРЯ).

[19] Безразлично, какими другими свойствами он будет при этом характеризоваться.

8.2. Итак, мы считаем, что в кванторных словах *любой*, *всякий*, *какой угодно* и т.п. присутствует модальный смысл ʻбезразличноʼ, ʻне важноʼ. И именно этот модальный смысл определяет сходство аргументативных свойств указанных кванторных слов и русских единиц *безразлично*, *не важно* и т.п. Для описания функционирования последних мы будем пользоваться формулой *НЕ ВАЖНО, Р ли* — в тех случаях, когда эти единицы вводят общий вопрос, и формулой *НЕ ВАЖНО Р(Х)* — в тех случаях, когда за ними следует косвенный вопрос.

Используя формулы *НЕ ВАЖНО, Р ли* и *НЕ ВАЖНО Р(Х)*, говорящий сообщает о том, что он с какой-то определенной точки зрения ставит знак равенства между ситуациями Р и не-Р или между ситуациями имеет место X_1 X_2 X_3 и т.д. Ему безразлично, имеет ли место ситуация Р или нет, ему безразлично, имеет ли место ситуация с параметром X_1или с параметром X_2 и.т.д. Иными словами, семантика этих конструкций не выделяет ни одну из альтернатив. См. самые распространенные случаи использования этих единиц:

(218) *И для нас не важно, кто производит данную услугу: крупный монополист или небольшая компания, главное, как это поможет читателям журнала в достижении комфортного ведения бизнеса* (Журнал рекомендует (2004) // «Управление персоналом», 2004.11.15; НКРЯ).

(219) *Прекрасны были те нежные, сложные чувства, что пробудила в ней встреча с некрасивым человеком, в котором текла необычная кровь, ибо ведь, в конце концов, и не важно, что именно пробуждает девичью душу, — деньги ли, слава ли, знатность ли рода...* (И. А. Бунин. Господин из Сан-Франциско (1915); НКРЯ).

(220) *Мы всегда тщательно отбираем тех, кого намечаем пригласить на фестиваль в Осташков. И не важно, известные это исполнители с уже громкими именами или молодые музыканты, только вступающие в творческую жизнь. Главное — степень их таланта, мастерства..*(И. А. Архипова. Музыка жизни (1996); НКРЯ).

(221) *Он её понюхал, на птиц и внимания не обратил. Щеглы, канарейки побаиваются. Не подскакивают близко к Пуньке. А тому безразлично, есть тут птицы*

или нет их. Он лёг и спит около ёлки (Е. И. Чарушин. Тюпа, Томка и сорока (1946); НКРЯ).

8.3. В действительности использование конструкций *НЕ ВАЖНО, Р ли* и *НЕ ВАЖНО Р(Х)* сложнее. Мы выделили несколько таких случаев.

8.3.1. С точки зрения «житейской логики» альтернативы Р и не-Р [или альтернативы $P(X_1)$, $P(X_2)$ и т.п.] не равноценны. Реплики *не важно, безразлично, все равно* ориентированы на такое Р, которое в глазах говорящего «менее удобно», «менее приятно» и т.п., в целом — в сравнении с другими вариантами — в наименьшей степени соответствует интересам говорящего (или какому-то общему представлению о том, как это должно быть в идеале) [20]. Примеры:

(222) — *Тебе погладить костюм?*

- *Все равно* [можно и не гладить; очевидно, что выглаженный костюм в принципе представляет более предпочтительный вариант].

Подобная ориентированность конструкций вида *НЕ ВАЖНО, Р ли* и *НЕ ВАЖНО Р(Х)* определяет возможность их использования в качестве аргументов для выводов о нетребовательности человека, о его готовности к компромиссам и т.п., например:

(223) *Человек она без претензий: комната, угол — не важно, лишь бы было тепло и не сыро* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря (1997-2002); НКРЯ).

(224) *Да он неприхотлив в еде — ему все равно, морковка так морковка, капуста так капуста.*

Этим же объясняется возможность распространения указанных конструкций сочетаниями вида *хоть У*, где У обозначает отрицательный полюс некоторой шкалы, например:

(225) — *Кто должен подписать этот документ?*

- *Да все равно, хоть уборщица* [21] (**хоть директор*).

---

[20] См. примечание 2 в конце статьи.

[21] Уборщица олицетворяет самую низшую ступень в иерархической структуре любой организации.

(226) — *Постановление подписано Ежовым, — напомнил сотрудник НКВД. — Мне безразлично, кем оно подписано. Вы меня можете выдворить отсюда только силой* (А. Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986-1990); НКРЯ).

В отличие от предложения (225) в последнем примере лицо, подписавшее документ, занимает один из самых высоких постов в системе страны (положительный полюс шкалы) [22]. Но поскольку речь идет о карательной системе, и для говорящего ситуация оказывается в таком случае наиболее опасной и плохой (отрицательный полюс общеоценочной шкалы), то «безразличие» говорящего относится к самому плохому для него исходу [23].

(227) — *И что мне делать с этим завещанием?*

- *Да все равно, хоть порви* [24] .

(228) *А если бы бог благословил ещё одним свободным мгновением, можно было бы успеть заколоться и самому, избежав смерти на столбе. Впрочем, последнее мало интересовало Левия, бывшего сборщика податей. Ему было безразлично, как погибать. Он хотел одного, чтобы Иешуа, не сделавший никому в жизни ни малейшего зла, избежал бы истязаний* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940); НКРЯ) [возможная аргументативная ориентация — ʻон был готов и на самую мучительную смерть’].

Направленность конструкций *НЕ ВАЖНО Р(Х)* на отрицательный полюс шкалы определяет их функционирование в качестве обоснования отрицательных характеристик людей в тех случаях, когда речь идет о безразличии к выполнению каких-то конструктивных действий или о безразличии к выбору объектов своей деятельности, чувств, интересов и т.п.:

(229) *Некоторые— их следует назвать эпигонами — охотятся за шлягерами, да еще такими, которые уже кто-то проверил на себе, нашел для них стиль исполнения, и*

---

[22] Поэтому, в частности, реплику с предикатом *безразлично — Мне безразлично, кем оно подписано* — можно было бы даже усилить, например, так: *Да хоть Сталиным*.

[23] Иными словами, и для примера (226) сохраняется ориентация на отрицательный полюс шкалы.

[24] См. примечание 2 в конце статьи.

пытаются на этом создать свое творческое благополучие. Для таких не важно, что петь, как петь. Шумные аплодисменты, похлопывание по плечу, похвала: «Молодец, Вася!» — предел их мечтаний (Л. Утесов. «Спасибо, сердце!» (1982); НКРЯ).

(230) *И естественно, что течения, настроенные по адресу советской власти революционно, заинтересованы в скорейшей победе объединенной оппозиции. Им «нужны великие потрясения». Им безразлично, как эти потрясения отразятся на стране, на государственном хозяйстве, на прихотливом аппарате государственной экономики*

(Н. В. Устрялов. Под знаком революции (1927); НКРЯ).

(231) *Троцкий был «летучим голландцем» мировой революции. Ему было не важно, где, когда и с кем затевать смуту. Как и Ленин, он ничего не мог созидать* (А. Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001); НКРЯ).

8.3.2. Второй случай носит более общий характер — здесь речь не идет о конкретном лице, для которого постулируется важность или неважность некоторого положения дел. В рассматриваемом употреблении конструкции вида *НЕ ВАЖНО P(X)*, *НЕ ВАЖНО, P ли* очень близки по значению к конструкциям «*к-местоимение + ни…P; Q*» и «*к-местоимение + бы+ ни…P; Q*» и к конструкциям со словами синонимического ряда *хоть 5*, *пусть 3*, *пусть даже*, *даже если* 2 и т.п.. Например:

(232) *Чтобы на сцене театра могла появиться одна классическая оперетта, требовалось поставить три-четыре советских. И не важно, какого уровня были эти произведения* [Т. Шмыга. Счастье мне улыбалось... (2000); НКРЯ) [= пусть даже очень низкого уровня; какого бы уровня они ни были].

(233) *В нашей стране всегда первостепенное значение придавалось содержанию — тому, что ты делаешь. Не важно, какой ценой, сколько к тебе прилипло нахлебников, есть ли полное понимание целей или все сводится к формулировке узкого спектра задач в определенном диапазоне науки или технологии* («Профессионал», 1998.07.01; НКРЯ) [пусть даже неимоверной ценой, пусть даже прилипло огромное количество нахлебников, пусть даже нет полного понимания целей и т.п.].

(234) *Смена партнерши, как правило, — потеря года, не меньше, и не имеет значения, занималась она в прошлом танцами или нет* [Н. Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000-2001); НКРЯ) [= даже если она в прошлом занималась танцами].

(235) *Но серому это жить не мешает. Ему главное — вовремя увидеть врага, а тот может появиться с любой стороны. И не важно, какое до него будет расстояние, всё равно надо пускаться наутёк* (Как спасаются зайцы? // «Знание — сила», № 7, 2003; НКРЯ) [пусть даже до него большое расстояние].

(236) *Как правило, у прокатных организаций она безусловная, т. е. не важно, виноваты ли вы в ДТП или нет, с вас всё равно удержат некую сумму* (Д. Литошик. Автомобиль напрокат /Тариф на час (2002) // «Автопилот», 2002.05.15; НКРЯ) [даже если вы не виноваты, с вас все равно удержат некую сумму].

Мы приведем толкование конструкций со словами синонимического ряда *хоть 5* [25], которое предложила В.Ю.Апресян [1, 664]:

Хоть 5 <пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если 2*, если и 2, хотя бы 3, хоть бы 3 > P, Q* = ʻможет иметь место P в очень высокой степени; говорящий уверен, что имеет или будет иметь место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Компонент ʻговорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’ этого толкования, на наш взгляд, требует корректировки в двух отношениях:

1. Логический акцент должен стоять не на событии P, а на событии Q. Это очень важный момент, смысл которого будет понятен из последующих рассуждений. Ср. толкование слов этого ряда у В.З.Санникова [6, 454]:

Пускай/пусть X, (но/а) У =

ʻ1) Реально существует (или возможно) событие X или:

[25] Мы не приводим толкований двух других конструкций, поскольку они имеют с приводимым толкованием очень большую общую часть, а те отличия, которые существуют, для наших целей являются несущественными.

2) существует мнение, что для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие X и степень его реальности;

Я не оспариваю это мнение, которое считаю ошибочным или сомнительным, и надеюсь, что будет проявлено внимание и к моему мнению;

3) При любых условиях считаю излишним обсуждать событие X и степень его реальности, поскольку для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие У [26], не зависящее от наличия, возможности или отсутствия события X'.

2. Второе соображение касается не значимости компонентов P и Q. а самого утверждения, что в картине мира говорящего существует такая жесткая связь: если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q. Хотя во многих случаях такую трактовку можно было бы принять — например, для фразы (237), в других случаях такое толкование выглядит уже натянутым — например, для фразы (238) [27]:

(237) *Переведи меня отсюда в одиночку* [Q] [28]*,пускай лед на стенах и днем прилечь не дают* [P] (Ю. Алешковский. Кенгуру).

Для фразы (237) толкование В.Ю.Апресян применимо: если имеет место ситуация P ('в одиночной камере лед на стенах, прилечь нельзя'), то в соответствии с обычной логикой просьба о переводе в одиночную камеру [Q] является неестественной.

(238) *Да хоть бы он принц крови был* [P]*, моя дочь ни в ком не нуждается!* [Q] (Л.Н.Толстой. Анна Каренина).

Если следовать предложенному толкованию, то из примера (238) мы должны сделать вывод о довольно странной закономерности в картине мира говорящего: если человек является принцем крови, то в нем нуждаются.

Связь между ситуациям P и Q, безусловно, есть. Но, на наш взгляд, в фокусе находится именно событие Q, хотя говорящий отдает себе отчет в возможности ситуации

[26] Разрядка наша.
[27] Оба примера взяты нами из указанной работы В.Ю.Апресян.
[28] В качестве Q здесь выступает сам акт произнесения этих слов.

P, которая в глазах социума [29] является мощным препятствием для осуществления события Q.

Необходимо отметить, что связь между ситуациями P и Q может быть отражением чьих-то индивидуальных представлений, а может опираться на стереотипы. В последнем случае в позиции P часто фигурируют объекты, символизирующие крайние полюса какой-то шкалы и, в частности, конкретные люди, например:

(239) *Да хоть к президенту обращайся, правды не добьешься!*

(240) *Испугал тоже — да хоть Медведеву жалуйся!*

Итак, мы считаем, что толкование В.З.Санникова более точно отражает семантику синонимического ряда *пусть, пускай* и т.п., чем толкование В.Ю.Апресян, поскольку оно подчеркивает первостепенное значение события Q [30]. Однако, на наш взгляд, в этом толковании должно также содержаться указание на то, что говорящий признает, что событие P может оказаться сильным препятствие [31], способным помешать осуществлению события Q.

Именно наличие акцента на значимости ситуации Q в сравнении с ситуацией P и определяет близость по смыслу конструкций со словами *хоть 5, пусть 3, пусть даже, даже если* 2 и т.п. и конструкций вида *НЕ ВАЖНО P(X), НЕ ВАЖНО, P ли*. Ср., например, предложения (232) и (241), предложения (242) и (243):

(232) *Чтобы на сцене театра могла появиться одна классическая оперетта, требовалось поставить три-четыре советских* (Q). *И не важно, какого уровня были эти произведения*(P) [Т. Шмыга. Счастье мне улыбалось... (2000); НКРЯ) [= пусть даже очень низкого уровня; какого бы уровня они ни были].

(241) *Чтобы на сцене театра могла появиться одна классическая оперетта, требовалось поставить три-четыре советских* (Q)*, даже если эти произведения были очень низкого уровня* (P).

---

[29] Иногда говорящий разделяет мнение социума, иногда он от него дистанцируется.
[30] У В.З.Санникова в толковании другие переменные: нашей переменной P у него соответствует переменная X, переменной Q у него соответствует переменная У.
[31] Или может выглядеть таковым в глазах социума.

(242) *На груди у него ботинки курочками сидят — не важно, какие, какого износа и размера, не важно, что на одну они ногу, лишь бы для отчета годились* (В. Астафьев. Веселый солдат (1987-1997) // «Новый Мир», 1998; НКРЯ).

(243) *На груди у него ботинки курочками сидят —пусть поношенные и не того размера, пусть даже на одну они ногу, лишь бы для отчета годились.*

Особенно показательны примеры, в которых одновременно — при обсуждении одного и того же события Q — указываются два события P — P_1 и P_2, при этом P_1 вводится конструкцией вида *НЕ ВАЖНО P(X)*, *НЕ ВАЖНО, P ли* , а компонент P_2 , который уточняет значение компонента P_1, вводится конструкцией с лексемами ряда *хоть 5*, *пусть 3*, *пусть даже*, *даже если* 2 и т.п. Например:

(244) *А бывает, что врач или водитель ну очень привыкли обедать дома, и не важно, в каком районе они проживает, пусть даже на другом конце Саратова* (Скоро ли приедет «Скорая»? (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.05.15; НКРЯ).

Таким образом, мы считаем, что конструкции *НЕ ВАЖНО P(X), Q* и конструкции *Хоть 5 <пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если* 2, *если и 2, хотя бы 3, хоть бы 3 > P, Q* близки по значению. Но между ними есть существенное различие: в предложениях с лексемами ряда *хоть 5* говорящий называет конкретное событие P, о котором идет речь; в предложениях с конструкциями *НЕ ВАЖНО P(X)* не указывается, какое P имеется в виду — P как бы «вычисляется»; значение P меняется в зависимости от того, какая пропозиция выступает в качестве компонента Q. В указанной конструкции P обозначает такое событие, которое представляется говорящему наиболее сильным препятствием для осуществления события Q (или необычно сильной причиной не делать действие Q, если речь идет о намеренных действиях). Очевидно, что для разных Q такое препятствие P имеет разный характер, например:

(245) *А однажды неким продюсером мне было сделано заманчивое предложение: снять "Мастера и Маргариту" и «не важно, сколько это будет стоить»* (А. Стародубец. ЭМИР КУСТУРИЦА: Я БЫ СЫГРАЛ КОТА // Труд-7, 2004.06.26; НКРЯ) [P

= ‘очень высокая стоимость проекта’, что представляется мощным препятствием для реализации постановки].

(246) *Как и водится, назревшую потребность в законе о цензуре упорно забалтывают, отвлекаясь от концептуального на частности. Не нужны, мол, нам никакие договоры, прописанные условия и правила игры на информационном поле: кто урвал, тот и прав. И не важно, как урвал и за счёт чего* [В. Плотников. СМИ без цензуры — диктатура халтуры (2003) // «Советская Россия», 2003.08.19; НКРЯ) [P = тот факт, что действия осуществляются недостойными методами, является препятствием для того, чтобы признать их правомерными].

Аналогично конструкция *Не важно, P ли, Q* и *Не важно, P или не-P, Q* сближаются по значению с фразами вида *Хоть 5 <пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если* 2, *если и 2, хотя бы 3, хоть бы 3 > P_1, Q*, где P_1 соответствует той из альтернатив — P или не P, которая обозначает ситуацию, являющуюся наиболее сильным препятствием для осуществления события Q. Например:

(247) *Теперь же любая информация о нарушениях в ходе голосования, не важно, соответствует она действительности или нет, будет трактоваться однозначно против новой Думы»* (ОБСЕ пошла на скандал // РБК Daily, 2007.11.19; НКРЯ) [P_1 = информация о нарушениях не соответствует действительности — это является помехой для обвинений, направленных против новой Думы].

8.4. Постулируемое нами значение конструкций с предикатами безразличия определяет их аргументативную направленность. Мы выделили несколько таких случаев.

8.4.1. Употребляя фразы вида *НЕ ВАЖНО P(X), Q; Не важно, P ли, Q* и *Не важно, P или не-P, Q*, говорящий утверждает, что ситуация Q имеет место, при этом компонент с предикатом безразличия, указывающий, что ситуация Q имеет место даже в самых неблагоприятных для ее осуществления условиях, тем самым усиливает это утверждение. Ср. примеры (248) и (249):

(248) *Петр очень ее любил* [вывод R]*: он всегда дарил ей роскошные подарки* [аргумент A].

(249) *Петр очень ее любил* [вывод R]*: не важно, сколько у него было денег* [32]*, он всегда дарил ей роскошные подарки* [аргумент А].

Наличие компонента *не важно, сколько у него было денег* в предложении (249), как нам кажется, делает аргумент А в пользу вывода о сильной любви Петра более весомым. Ср. также фразы (250) и (251):

(250) *Ира очень ответственный человек*[вывод R]: *она не пропустила ни одной лекции* [аргумент А].

(251) *Ира очень ответственный человек*[вывод R]: *не важно, как она себя чувствовала, она не пропустила ни одной лекции* [аргумент А].

Аналогично, компонент с предикатом *не важно- не важно, как она себя чувствовала* — усиливает аргумент А в пользу вывода об ответственности Ирины.

8.4.2. Особенно ярко аргументативная ориентированность конструкций вида *НЕ ВАЖНО P(X), Q; Не важно, P ли, Q* и *Не важно, P или не-P, Q* проявляется во фразах с союзом *но*. Здесь мы усматриваем два возможных случая.

8.4.2.1. В первом случае наблюдается параллелизм аргументативных свойств указанных конструкций и конструкций с универсальными кванторами типа *любой.*

Как известно, в одном из своих значений союз *но* маркирует противопоставление двух аргументов P и Q, направленных на противоположные выводы. В конструкции *P, но Q* компонент Q является аргументом в пользу некоторого вывода R, P — в пользу противоположного вывода — не-R, при этом более сильным аргументом, с точки зрения говорящего, является аргумент Q, и вся конструкция ориентирована на вывод R [33].

Как известно (см. работы О.Дюкро и его последователей [9; 10]), в качестве аргументов часто выступает смысл компонента P и аргументативное значение компонента Q, или наоборот [34]. Так, фразы типа (252) *Ванька* <u>*сопротивляется* (P)*, но слабо* (Q)</u> (В. Шукшин. Далекие зимние вечера (1963); НКРЯ) и (253) *Было только очень*

---

[32] Аргументативное значение: дарил роскошные подарки даже тогда, когда у него было мало денег.
[33] В частном случае, компонент Q может являться выводом R (см. [4, 52-54]).
[34] Ср. другой взгляд на суть подобных примеров в работе В.З.Санникова [6, 249-265].

холодно — *топились голландские печи* (P)*, но редко* (Q)*, дров было мало, и стоили они очень дорого* (С. Пилявская. Грустная книга (2000); НКРЯ) логически не противоречивы: с логической точки зрения Q имплицирует P. Возможность же подобных фраз определяется тем, что фразы с деинтенсификаторами аргументативно коориентированы с соответствующими отрицательными предложениями — в наших примерах с фразами *Ванька не сопротивляется* и *Печи не топились*, соответственно. Иными словами, согласно концепции О.Дюкро, союз *но* во фразе (252) маркирует противопоставление значения компонента P — ʻВанька сопротивлялся’ — и аргументативного смысла компонента Q — ʻВанька не сопротивлялся’.

Существование фраз, подобных предложениям (252) и (253), отражает, таким образом, нетривиальную оценку действий, характеризующихся невысокой степенью проявления, а именно: эти действия воспринимаются нами как не вполне осуществившиеся, «ущербные», «неполноценные».

Помимо деинтенсификации, на которую указал О.Дюкро, существуют и другие факторы, которые аналогичным образом влияют на нашу оценку того или иного действия. Так, столь же «неполноценными» представляются действия, совершенные некачественно, или действия с неподходящими объектами, или же действия, которые требуют сверхусилий и т.п. Например:

(254) *Таня решила задачу* (P)*, но с ошибками* (Q) [решение задачи с ошибками — это «как бы» и не решение].

(255) *Таня вышла замуж* (P)*, но за какого-то неудачника* (Q).

(256) *Иван добился своего* (P)*, но какой ценой: друзей потерял, заработал кучу болячек* (Q).

В аргументативном отношении фразы вида *НЕ ВАЖНО P(X), но Q* могут вести себя подобно предложениям с деинтенсификаторами: конструкция *НЕ ВАЖНО P(X)* вводит такое событие/фактор P, которое в глазах говорящего или социума «обесценивает» событие Q (ср. *неважно как, но решила — с ошибками, но решила*).

(257) *Он создан был состоять при начальнике и, сознавая себя безнаказанным, руководить. Не важно чем, но— руководить* (Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999); НКРЯ).

Аналогичную картину дают фразы с кванторными словами типа *любой* и со слова типа *пусть, пускай* и т.п. Например:

(258)

Это его жизненное кредо →
- *не важно какой ценой, но добиться своего*
- *любой ценой, но добиться своего*
- *какой угодно ценой, но добиться своего*

(259) *Насмотревшись на жизнь матерей-одиночек, она еще в юности приняла твердое решение: не важно за кого/за кого угодно/хоть за простого инженера, но выйти замуж.*

Тот факт, что в конструкции *НЕ ВАЖНО P(X), Q* компонент P обозначает очень сильное препятствие для осуществления события Q, порождает, таким образом две возможности аргументативного использования этой конструкции, в некотором роде противоположные:

1. Утверждение, что событие Q имеет место даже в самых неблагоприятных для его осуществления условиях, усиливает утверждение, что Q имеет место (п. 8.4.1.; ср. аргументативный смысл союза *несмотря на*).

2. Утверждение, что событие Q имеет место в самых неблагоприятных для его осуществления условиях, «обесценивает» событие Q, чем и объясняется возможность конструкции вида *НЕ ВАЖНО P(X), но Q*.

8.4.2.2. В другом своем значении союз *но* маркирует «ненормальное следствие»; мы еще раз приведем толкование этого союза из работы В.З.Санникова [35] [6, 257]:

> *X, но У* = ʻX; воздействие X-а на описываемую ситуацию (или на общую оценку) ослаблено или устранено ненормальным для ситуации наличием У-а; решающим для описываемой ситуации (или для общей оценки) является У’.

[35] См. также работу Е.В. Урысон [8].

Итак, союз *но* употребляется «там, где нарушено представление (единое для всех говорящих!) о нормальном развитии ситуации или нормальном положении дел» (там же, с. 259). Например, во фразе *День был дождливый, но Коля не взял зонт* союз *но* вводит указание «на ненормальное следствие (ведь взять зонт в дождливую погоду — вполне естественно)» (там же, с. 255). Ср. другой пример:

(260) *Я не запомнила всех событий этого удивительного дня, но ощущение праздника осталось у меня на всю жизнь.*

Как следует из этого и подобного ему примеров, в нормативной картине мира если человек забывает о каком-то событии, то стирается не только ментальный образ этого события, но теряются и чувственные ощущения, связанные с ним.

Ср. пример (260) и пример (261):

(261) *Не важно, запомнит ли она все события этого удивительного дня, но ощущение праздника у нее останется на всю жизнь.*

Возможность предложения с конструкцией *Не важно, P ли* в левой части предложения (241) говорит о том, что эта конструкция аргументативно коориентирована с отрицательными конструкциями *Вряд ли она запомнит все события этого удивительного дня* [36], *Скорее всего, она не запомнит все события этого удивительного дня* [37] и т.п. Это подтверждается возможностью продолжения конструкции с предикатом безразличия указанными отрицательными фразами:

(262) *Не важно, запомнит ли она все события этого удивительного дня. Скорее всего, нет, но ощущение праздника у нее останется на всю жизнь.*

См. аналогичный пример из КРЛЯ:

(263) *…будет расти, уже подпитывая себя информацией «всемирной паутины»; пространство её бытия гигантски расширится. Другое детство. Другая жизнь. Другой век. И не важно, будет ли она помнить наши велосипедные прогулки. Скорее всего, нет.*

---

[36] Ср. предложение (262) и предложение *Вряд ли она запомнит все события этого удивительного дня, но ощущение праздника у нее останется на всю жизнь.*

[37] Факт ‘Она не запомнит события этого удивительного дня’ является сильным препятствием для осуществления события Q ‘у нее останется от этого дня ощущение праздника’.

Но ощущение вечного настоящего в ней, я знаю, останется... (И. Гамаюнов. И тогда повеет ветер странный // Литературная газета; КРЛЯ).

8.5. Следует остановиться на одном очень важном моменте. Предикаты модуса безразличия широко используются в аргументативном дискурсе. Конструкции вида *НЕ ВАЖНО P(X), Q;НЕ ВАЖНО, P ли, Q*; *НЕ ВАЖНО, P или не-P, Q* и *НЕ ВАЖНО, что P*, Q, в соответствии со своей семантикой, указывают на то, что, каково бы ни было P, это не оказывает влияния на истинность утверждения Q. Например:

(264) — *Это бандиты* (Q).

- *Почему бандиты, они называют себя социал-демократами* [аргумент, направленный на вывод ʻneQ’].

- *Не важно, как они себя называют, это просто бандиты* (Q).

При этом говорящий может и не знать значения P:

(265) *От этих людей нельзя ждать ничего хорошего. И не важно, как будет называться их партия, они обычные функционеры, жаждущие власти* [Q — они функционеры, жаждущие власти, название их партии не может изменить этот вывод].

Приведенные примеры представляют собой стандартные случаи функционирования конструкций вида *НЕ ВАЖНО P(X)* и т.п., определяющиеся семантикой этого модального предиката. Ср., однако, предложения (266) и (267):

(266) … *окружают тебя самые настоящие отбросы общества. И не важно, как они выглядят внешне, сколько у них стильных костюмов, кредитных карточек, машин и недвижимости* (М. Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000); НКРЯ).

(267) … *окружают тебя самые настоящие отбросы общества. И не важно, что они выглядят внешне вполне пристойно, что у них много стильных костюмов, кредитных карточек, машин и недвижимости.*

Эти фразы близки по смыслу и аргументируют в пользу одного и того же вывода Q. Однако, как нам представляется, в примере (266) аргументация базируется на аргументативном значении конструкции *НЕ ВАЖНО P(X)*, а в примере (267) — на семантике конструкции с этим предикатом. В предложении (266) смысл ʻони выглядят

внешне вполне пристойно, у них много стильных костюмов, кредитных карточек, машин и недвижимости’ не может быть выведен из семантики фразы *И не важно, как они выглядят внешне, сколько у них стильных костюмов, кредитных карточек, машин и недвижимости*; этот смысл суть аргументативное значение указанного фрагмента.

В соответствии с выделяемым нами аргументативным значением конструкции *НЕ ВАЖНО P(X), Q* для предложения (266) мы имеем следующую картину: ситуация P = ‘Эти личности выглядят внешне вполне пристойно, у них много стильных костюмов, кредитных карточек, машин и недвижимости’; утверждение Q = ‘Эти личности — самые настоящие отбросы общества’; ситуация P является сильным препятствием для того, чтобы считать утверждение Q истинным [38].

Ср. аналогичные примеры — (268) и (269), с одной стороны, и (270) и (271), с другой:

(268) *Противно понимать, что твое начальство работает рука об руку с какой-то мразью, и не важно, в каких костюмах мразь эта щеголяет.*

(269) *Противно понимать, что твое начальство работает рука об руку с какой-то мразью, и не важно, что мразь эта… в костюмах от Армани щеголяет* (П. Галицкий. Цена Шагала (2000; НКРЯ).

(270) *Иногда у меня было по двадцать спектаклей в месяц. И не важно, как ты себя чувствуешь, здорова ты или нет — выходи и играй. Болеть мне было нельзя — сразу обвинят: «Жена главного режиссера отлынивает!»* (Т. Шмыга. Счастье мне улыбалось... (2000); НКРЯ).

(271) *Иногда у меня было по двадцать спектаклей в месяц. И не важно, что ты себя плохо чувствуешь, что ты больна — выходи и играй. Болеть мне было нельзя — сразу обвинят: «Жена главного режиссера отлынивает!».*

Таким образом, конструкции *НЕ ВАЖНО P(X), Q*, *НЕ ВАЖНО, P ли,Q* и т.п. могут использоваться при аргументировании двумя способами:

---

[38] Наличие ситуации P является, в глазах социума, аргументом в пользу ложности Q.

1. В своем обычном значении. В этом случае говорящий при употреблении указанных конструкций, не выделяя ни одну из альтернатив P, утверждает, что наличие P (любого) не влияет на истинность утверждения Q.

2. Во втором случае (аргументативное значение конструкции) говорящий, используя эти конструкции, имеет в виду конкретную альтернативу, а именно: говорящий утверждает, что Q истинно, даже если имеет место такая ситуация P, наличие которой является очень сильным контраргументом против истинности утверждения Q.

8.6. Другой стандартный случай использования конструкций вида *НЕ ВАЖНО P (X)*, *НЕ ВАЖНО, P ли* и т.п., базирующийся на семантике указанных конструкций, представлен ситуациями сопоставления разных аргументов, направленных на противоположные выводы.

(272) *Не важно, что у тебя нет какой-то части тела* [A 1]. *Главное, что у тебя есть голова на плечах* [A 2] (Л. Проноза. КРАСКИ И ХОЛСТ — ЛЕКАРСТВО // Труд-7, 2007.05.25; НКРЯ).

В приведенном примере аргумент A 1 может выступать в пользу выводов R типа ‘Я бесполезный человек’, ‘Я ущербный человек’, ‘Я конченный человек’ и т.п., аргумент A 2 — в пользу противоположных выводов, соответственно, ‘Ты не бесполезный человек‘, ‘Ты не ущербный человек’ и т.д.

Фразы вида *Не важно P(X), важно/главное У* иногда могут показаться синонимичным конструкциям *Не важно P(X), но У*, которые мы рассматривали в п. 8.4.2.1. Ср., например, (273) и (274), (275) и (276):

(273) *Не важно, в каком виде, но посылки доходили.*

(274) *Не важно, в каком виде, главное — посылки доходили.*

(275) *Не важно, по каким ценам, но можно было купить все.*

(276) *Не важно, по каким ценам, главное — можно было купить все.*

Однако, на наш взгляд, различие между указанными конструкциями все же есть. В частности, они различаются своими функциями в аргументативном дискурсе. Так, предложения (274) и (276) уместны в качестве ответов на жалобы, например, что почта в

те годы работала плохо, посылки доходили в ужасном состоянии [пример (274)], или, что были очень тяжелые времена, и продукты продавались по диким ценам [пример (276)]. Напротив, предложения (273) и (275), скорее всего, подходят для аргументирования в пользу того, например, что почта (хорошо, ли плохо) все же работала и выполняла свои функции [пример (273)], или — для примера 275 — что времена были неплохие, в магазинах было изобилие товаров. См. реальный пример из НКРЯ:

(277) *В это время в российских магазинах и на ярмарках было ВСЕ, что только душе угодно, не важно по каким ценам, но все можно было купить не из-под полы* (А. Ли. Там лучше, где нас нет (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.10.26).

Предложения (274) и (276), как нам кажется, уместны именно в ситуациях несогласия с собеседником, при этом в них представлен и аргумент собеседника и контраргумент самого говорящего.

8.7. Существует одно использование конструкции *НЕ ВАЖНО, что Р*, которое, на наш взгляд, представляет интерес. Примером такого рода является приведенный ниже отрывок из статьи М.Классона:

(278) *Лучшего способа, чем забота об избирателе с помощью понижения энерготарифа, не найти. Не важно, что рубль, вроде бы сэкономленный населением на низком электрическом тарифе, оборачивается пятикратным приростом стоимости покупаемых им товаров. Не важно, что доля убыточных региональных энергокомпаний при тарифе, поднятом лишь на 14%, может увеличиться с трети до половины* (М. Классон. Тарифный переплет (2003) // «Время МН», 2003.04.28; НКРЯ).

Подобного рода примеры отличаются от примеров, в которых при предикате безразличия имеется актант [39] ‘лицо, для которого ситуация Р безразлична’. В частности, введение этого актанта в примере (278) меняет смысл всего отрывка:

(279) *Лучшего способа, чем забота об избирателе с помощью понижения энерготарифа, не найти. Им не важно, что рубль, вроде бы сэкономленный населением на низком электрическом тарифе, оборачивается пятикратным приростом стоимости*

[39] Не важно, получил ли он в тексте поверхностно-синтаксическую реализацию или нет.

покупаемых им товаров. Им не важно, что доля убыточных региональных энергокомпаний при тарифе, поднятом лишь на 14%, может увеличиться с трети до половины.

В примере (279) утверждается, что кандидатам в депутаты, грубо говоря, «до лампочки», что сэкономленный рубль обернется резким увеличением стоимости покупаемых населением товаров, при этом говорящий осуждает подобное отношение [40]. В примере (278) автор не говорит о равнодушии кандидатов в депутаты к тому, чем обернется понижение энерготарифов для избирателей — скорее, он утверждает, что народным избранникам (а, может быть, и всем остальным) это даже не приходит в голову. Автор же призывает об этом задуматься, потому что это очень важно. Структуру высказываний, подобных примеру (278), можно, на наш взгляд, представить следующим образом:

НЕ ВАЖНО, что P =

ʻ[Первый субъект: X [41]].

Говорящий: X ложно (вывод) ← P (аргумент)ʼ.

Для примера (278) имеем, соответственно, такой смысл: ʻКандидаты в депутаты утверждают, что надо понизить энерготарифы [утверждение X]; понижать энерготарифы неправильно [=X ложно], потому что понижение энерготарифов обернется для населения увеличением стоимости покупаемых ими товаров [это аргумент в пользу вывода ʼутверждение X ложноʼ].

Аналогичные примеры:

(280) *Нетерпимость процветает. К слову сказать, меня обвинили в разжигании антирусских (!)настроений только за то, что я решил написать книгу о завоевании Сибири русскими в 17-м веке. Не важно, что есть историческая правда и факты, миф о*

---

[40] Конструкция вида *для S не важно, что P* не обязательно свидетельствует об отрицательной оценке позиции субъекта S со стороны говорящего.

[41] Утверждение X может содержаться в тексте в завуалированном виде.

«мирном присоединении» дороже (М. Дорфман, Д. Верхотуров. Время собирать камни (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.09.21; НКРЯ) [42].

(281) *Но что некоторые «спецы» придумали? Любой, кто был посажен при Сталине,— это жертва политических репрессий. Не важно, что он был в немецком мундире, полицейский, сжигал села, ту же Хатынь, расстреливал советских людей. Он — жертва сталинского режима. Уголовник, бандит, насильник, вор, казнокрад, который оказался в тюрьме либо его расстреляли за действительно уголовные дела,— он жертва сталинского режима* (В. Баранец. «Не надо вешать всех собак на Сталина» // Комсомольская правда, 2006.12.22; НКРЯ).

9. Ни семантика кванторов типа *любой X*, ни семантика конструкций вида *НЕ ВАЖНО P(X), Не важно, P ли* и *Не важно, P или не-P* не предполагает выделенности какого-либо из элементов множества X или какой-либо из альтернатив — P или не-P. Тем не менее, как мы попытались показать, реальное употребление этих единиц очень часто свидетельствует о том, что говорящий ориентируется не на всю шкалу возможных значений X, а на предельные точки этой шкалы, или на определенную альтернативу из альтернатив P и не-P. Это определяет тип выводов, в пользу которых высказывания с предикатами безразличия и с кванторами типа *любой X* могут использоваться в качестве аргументов. Указанные особенности не вытекают из информационного содержания рассматриваемых единиц, иными словами их нельзя вывести из того значения, которое традиционно приписывается универсальным кванторным единицам типа *любой* и предикатам безразличия.

Нам представляется, что функционирование указанных единиц следует описывать в терминах теории аргументации, разработанной французскими лингвистами. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что, подобно другим аргументативным значениям, описываемое значение, является факультативным и может нейтрализоваться при переходе от фразы к высказыванию или в более широком контексте. Ср., например, (282) и (283):

[42] Утверждение X для данного высказывания = ‘Я разжигаю антирусские настроения’

(282) *Он говорил, что мир устроен для сильных, что только сильные имеют право на жизнь. Им предоставлены все удобства. И не важно, чем занимаются они.*

(283) *Он говорил, что мир устроен для сильных, что только сильные имеют право на жизнь. Им предоставлены все удобства. И не важно, чем занимаются они — грабежом, торговлей или коммерцией* (П. Ф. Нилин. Последняя кража (1937); НКРЯ).

В примере (282) возможная аргументативная ориентация — ʻсильным мира сего предоставлены все удобства, даже если они занимаются неправедной деятельностью’. В примере (283) указанного аргументативного смысла нет.

Интересно, что в языке, в процессе развития, у конструкций типа *любой X* и *НЕ ВАЖНО P(X)* может закрепляться значение отрицательного полюса шкалы X. Так, например, во французском языке конструкция *N’importe quoi/qui/comment* и т.п., наряду со смыслом ʻбезразлично, что/кто/как’, может вводить отрицательную оценку объекта, например:

(284) — *Prends-en de la graine et trouve-toi un type sérieux, au lieu de batifoler avec n’importe qui* (A. Nothombe) ʻБери с нее пример и найди себе серьезного парня вместо того, чтобы дурачиться неизвестно с кем’.

(285) *Vous m’énervez. Vous dites n’importe quoi* (A. Gavalda) ʻВы меня нервируете. Говорите бог знает что…’.

(286) *Oui. Quelle cochonnerie… C’est n’importe quoi* (A.Gavalda) ʻНу да. Какая глупость… Бог знает что такое’.

(287) — *De toute façon, Jean est avant tout ton ami. Tu peux lui faire ou me faire n’importe quoi, il te pardonnera* (F. Sagan) ʻ— Что ни говори, Жан — прежде всего твой друг. Ты можешь делать с ним или со мной что угодно, он тебе все простит’ [43].

Ср. также русское прилагательное *неважный* в значении ʻне очень хороший’ [44].

---

[43] Этот пример, на наш взгляд, можно толковать и другим способом, а именно, как и для русской конструкции *Не важно, P(X)*, усматривать здесь реализацию аргументативного значения выражения *n’importe quoi*.
[44] См. примечание 3.

Итак, мы рассмотрели функционирование универсальных кванторных слов типа *любой* и конструкций, относящихся к модусу безразличия, и постарались продемонстрировать некоторые особенности их поведения в аргументативном дискурсе.

Примечания

1. Вообще говоря, утверждения вида *Петя справится с любой задачей* могут быть как аргументами в пользу выводов ‘Петя очень умный’, ‘Петя очень умелый’ и т.п., так и выводами, вытекающими из утверждений *Петя очень умный*, *Петя очень умелый* и т.п.

Оценочные суждения предполагают мотивировки, которые являются разновидностью аргументов [3, 117-121]: «мотивировки, притом обычно развернутые, часто встречаются в текстах, аргументируя оценки предметов, лиц и событий» (там же, с. 118). Например: *Петр очень умный: он решал самый сложные задачи* (мотивировка равняется аргументированию в пользу утверждения ‘Петр очень умный’). Иными словами, тот факт, что Петру удавалось решать самый трудные задачи, определил оценку интеллекта Петра (и является аргументом в пользу истинности этой оценки). Но если мы уже поместили Петра в класс умных людей, если высокий интеллект Петра является для нас непреложным фактом, то мы можем использовать этот факт как аргумент в пользу выводов о том, что подвластно Петру, и мы, следовательно, можем утверждать, что Петр сможет решить любую, самую сложную задачу, поскольку он очень умный. Таким образом, нам представляется, что отношение «аргумент → вывод» между пропозициями ‘Петр очень умный’ и ‘Петр может решить самую сложную задачу’ может реализоваться двумя способами:

1) Петр может решить самую сложную задачу’ →‘Петр очень умный’.

2) ‘Петр очень умный’ → ‘Петр может решить самую сложную задачу’.

Ср. также другое оценочное высказывание *Задача легкая*: в одном случае оно может использоваться как аргумент в пользу того, например, что ее можно быстро решить (пример 289), в другом случае оно может являться выводом из того, что ее кто-то быстро решил (пример 288):

(288) *Задача легкая: Таня ее быстро решила, да к тому же двумя способами.*

(289) *Таня ее быстро решит: задача легкая, да к тому же мы с ней много таких задач решали.*

Тот факт, что в примере (289**)** пропозиция ‘Задача легкая’ выступает именно в качестве аргумента, подчеркивается выражением *к тому же*, функцией которого является введение дополнительного аргумента в пользу некоторого вывода. Другими словами, структуру предложения (289) можно представить следующим образом: Вывод R ← Аргумент 1 + Аргумент 2. *Таня быстро решит задачу* [вывод R]*: задача легкая* [Аргумент 1]*, да к тому же мы с ней много таких задач решали* [Аргумент 2]. Структура предложения (288) такова: *Задача легкая* [вывод R]*: Таня ее быстро решила* [Аргумент 1]*, да к тому же двумя способами* [Аргумент 2].

2. Аргументативная ориентация фразы — это в некотором роде факультативный элемент, это как бы предрасположенность фразы к определенным заключениям. Фраза, обладающая определенной аргументативной направленностью, может использоваться говорящим для обоснования своих выводов, но может выступать и в своем «чистом» виде, для передачи собственно ассертивного смысла. Аргументативное значение предложения может аннулироваться или игнорироваться при переходе от предложения к высказыванию, оно может нейтрализоваться в определенном виде контекстов [45]. Так, в частности предложение с оборотом *все равно* из примера (227) могло бы выглядеть по-другому:

(290) — *И что мне делать с этим завещанием?*

- *Да все равно: можешь положить в сейф, можешь отдать на хранение нотариусу.*

Необходимо напомнить, что аргументативное значение единицы не входит в собственно смысл языковой единицы или конструкции, и в большинстве случаев нельзя

[45] Однако подобное поведение является характерным для многих неассертивных компонентов значения.

установить прямое соответствие между семантикой языковой единицы и ее аргументативной ориентацией

3. В целом, как кажется, зона безразличия, срединная зона, в языке «сползают» в сторону негативного. Ср. у Е.М.Вольф по поводу оценки: «…как заметила А.Вежбицка, имеется асимметрия в оценках, направленная в сторону «пессимизма»… Так, слова из семантической зоны «среднего» склоняются к сфере плохого; ср. *средний, посредственный, ни то, ни се* [3, 20]. Как мы попытались показать в статье про игноративные предикаты, одной из языковых максим является следующая: «В случае незнания люди часто склоняются к гипотезе об осуществлении именно нежелательного для них течения событий» (см. [5]).

Литература

1. Апресян В.Ю. Уступительность в языке // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.

2. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикография. Т. 1: Парадигматика. М., 2009.

3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

4. Иоанесян Е.Р. Функциональная семантика эпистемических предикатов (на материале французского языка). М., 2000.

5. Иоанесян Е.Р. Функционирование эпистемических предикатов в аргументативном дискурсе // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. М., Институт языкознания РАН. 2009. Электронный сборник.

6. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

7. Урысон Е.В. Семантика величины // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.

8. Урысон Е.В. Семантика союза *НО*: данные языка о деятельнос ти сознания // Вопросы языкознания. № 5, 2006.

9. Ducrot O. Dire et ne pas dire. Principes de sémantique linguistique. P., 1972.

10. .Ducrot O. et al. Les mots du discours. P., 1980.

Условные обозначения

ККТРГ — Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX в.

КРЛЯ — Корпус русского литературного языка.

МФРЯ — Машинный фонд русского языка.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка.

СРЯ — Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Под ред. .Евгеньевой А.П. М., 1983.

Н.Ю.Казакова (ИЯз РАН)

N.Û. Kazakova

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Общечеловеческая ценность «успех» в языковом сознании русских и немцев на современном этапе

“Success” as the universal value in the linguistic consciousness of the Russians and the Germans of today

Аннотация

В статье в качестве основного материала для анализа общечеловеческой ценности «успех» на уровне общественного сознания используются, структурируются и сопоставляются дефиниции из философских, социологических, психологических, лингвистических, толковых и энциклопедических словарей, а также данные, полученные исследователями в процессе проведения и обработки результатов ассоциативного и

психосемантического экспериментов, которые материально презентуют обыденное сознание ценности «успех» носителями разных культур.

The article deals with the analysis of “success” as the universal value at the level of public conscience and everyday awareness of representatives of different cultures. The basic material for this analysis comes from definitions from philosophic, sociological, psychological and linguistic dictionaries, lexicons and encyclopaedias as well as data obtained and processed after carrying out associative and psychosemantic experiments.

Ключевые слова

Общественные ценности, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, экспериментальная психосемантика, ценность успех.

Universal values, linguistic consciousness, free associative experiment, experimental semantics, “success” as the universal value.

В условиях глобализации культурных и миграционных процессов, активного взаимопроникновения и расширения межкультурных связей исследования общечеловеческих ценностей в языковом сознании носителей разных языков становятся всё более актуальными в отечественной и зарубежной психолингвистике. Проблематика, связанная с моделированием русской национальной и языковой личности занимает важное место в публикациях последних десятилетий таких отечественных исследователей как Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, А.А. Залевская, И.А. Стернин, Ю.Н. Караулов, Д.А. Леонтьев, В.Н. Телия, В.В. Воробьев и др. В секторе психолингвистики Института языкознания Российской академии наук под руководством доктора филологических наук, профессора Е.Ф. Тарасова проводится успешная работа по психолингвистическому и лингвокультурологическому анализу общечеловеческих ценностей в языковом сознании, по проведению экспериментальных исследований [11].

В данной статье, стараясь следовать данному направлению, мы попытаемся описать и выявить особенности общечеловеческой ценности УСПЕХ в языковом сознании

носителей разных культур. В качестве основного материала для анализа используются дефиниции ценности УСПЕХ из философских, социологических, психологических, лингвистических, толковых и энциклопедических словарей, дающих представление об общественном сознании; а также данные, полученные исследователями в процессе проведения и обработки результатов ассоциативного и психосемантического экспериментов, которые материально презентуют обыденное сознание носителей культуры.

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания позволяет распознать в знаках языка не только знаки культуры, но и феномен национально-культурной специфики языкового сознания. Именно язык выступает как основной носитель культурных ценностей и регулятор общественных отношений. В условиях постмодернистской картины мира культуры разных народов в целом характеризуются многомерностью, динамичностью, связью с глобальными процессами, кризисом традиционной, в том числе и гендерной идентичности.

Попытки решения проблемы соотношения ментальных образов и их вербальной репрезентации предпринимались многими отечественными и зарубежными учёными. А.А. Леонтьев в своих работах определял сознание как «отражение действительности, как бы преломленное через призму общественно выработанных языковых значений, понятий» [5, 105–106]. Но языковое сознание непосредственно не наблюдаемо, и психолингвистическому исследованию доступны лишь образы языкового сознания, формируемые и овнешняемые, как считает Е.Ф. Тарасов, при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей. Языковое сознание не только антропоцентрично, но, по мнению А. Вежбицкой, и этноцентрично, так как образ мира меняется от одной культуры к другой. Не существует двух абсолютно тождественных этнолингвокультур и образов мира, так как ментальные структуры существуют не автономно, а в возникающую в результате отражения объективной реальности картину мира включены действия и поступки самого

субъекта, не только осознанное, структурированное и вербализованное знание, но и неосознанное.

Этническое окрашивание политических и экономических процессов, пристальное внимание к особенностям межъязыковых контактов и межэтнических конфликтов выдвинули на передний план феномен национально-культурной специфики языкового сознания. Учитывая то, что в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, сознание человека всегда этнически обусловлено. Сегодня необходимо учитывать, что при концептуальном заимствовании в повседневную реальность вводится новое явление, сопровождающееся формированием новой совокупности перцептивных и концептуальных знаний, результаты которого непосредственно влияют на процессы языкового картирования и предполагают различную степень национальной маркированности языковой единицы с вариабельным коэффициентом национально-культурной детерминированности. [7, 10–17].

Недостаточная разработанность проблемы языковой объективации национально-культурной специфики языкового сознания предопределяет актуальность и востребованность исследований российских учёных в области анализа языкового сознания в психолингвистике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, лингвострановедении, социолингвистике. Реалии динамичного XXI века диктуют необходимость усиленного общения носителей разных языков и культур, т.е. неидентичных языковых сознаний, и поэтому, чем точнее мы будем понимать общность и различие языковых сознаний коммуникантов, тем адекватнее и плодотворнее будем преодолевать ментальную несовместимость.

Особую значимость на рубеже XX–XXI вв. приобрёл (в силу резкого усиления напряженности, нетерпимости, труднопреодолимой ментальной несовместимости людей) анализ общечеловеческих ценностей, способных в отсутствие системы общественно значимых целей сплотить этнос и обеспечить его дальнейшее развитие.

Актуальность обращения к лингвокультурологическому анализу общечеловеческих ценностей, в частности, для современной России обусловлена, прежде всего, кризисным состоянием российского менталитета: старая система ценностей, сложившаяся в советский период, оказалась разрушенной, а новая, — либерально-демократическая, — еще только формируется.

Аксиологическое сознание функционирует с опорой на вербальные и невербальные знаковые объективации (овнешнения), анализ форм которых неизбежно подводит к необходимости определить онтологию процесса объективации (овнешнения), т.е. указать фрагмент реальной действительности, которым является протекающая в процессе речевого общения совместная деятельность членов социума. Совместная деятельность коммуникантов и полимодальность овнешнений общечеловеческих ценностей является их онтологией. Центральное место в теории аксиологического сознания в лингвокультурологии занимает положение о применимости триангуляционного подхода к анализу аксиологического сознания в лингвокультурологии и о реализации этого подхода при описании общечеловеческих ценностей, содержание которых трансформируется во времени и обусловлено жизнью конкретного социума в определенный исторический период. В рамках всероссийского мониторинга «Ценности и интересы россиян», который с 1990 г. осуществляет Центр изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук, получены интересные данные о структуре и динамике базовых ценностей населения современной России. В результате этого появилась реальная возможность сопоставлять результаты мониторинга с материалами программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», которая также реализуется по методике, разработанной Центром изучения социокультурных изменений. При обработке полученных результатов учитывались национально-этнические, половые и возрастные особенности респондентов.

Особое место при изучении культуры занимают универсалии, или общечеловеческие репрезентации накопленного культурного опыта, в которых можно выделить два основных блока. Первый охватывает категории, которые описывают

предметный мир, преобразуемый в деятельности, а второй блок содержит категории, характеризующие человека как члена социума, т. е. описывают его в структуре социальных отношений, таких как *труд, сознание, истина, добро, красота, вера, надежда, долг, совесть, справедливость, свобода, успех* и др. [9, 98]. На данном этапе развития цивилизации социальные ценности, в том числе и ‘успех’, проходя через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности как ценности личностные и становятся источниками её мотивации.

Необходимо подчеркнуть, что понятие *успех* сравнительно ново для языкового сознания русского народа и является заимствованной реалией западной культуры. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля, изданного в 1882 году, данная дефиниция отсутствует [3]. Представлена данная дефиниция в «Толковом словаре русского языка», изданного в 4-х томах в 1935-1940 гг. под редакцией Д. Н. Ушакова как 1. удача в задуманном деле, удачное достижение поставленной цели; 2.признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-н., чьих-н. достижений; 3. внимание общества к кому-н., признание чьих-н. достоинств. Примерно так же значение слово *успех* определяется и в Словаре русского языка С.И. Ожегова [6, 729], вышедшем в свет в 1949 г. и переизданном около 20 раз. Анализ дискурсивных определений ценности *успех*, содержащихся в современных словарях и философских работах, свидетельствует о том, что сам дискурс, в рамках которого функционирует представление об успехе деятельности членов русского социума, в настоящее время является достаточно проработанным. Но необходимо отметить, что анализ ценности *успех* до сих пор не был предметом специального многоаспектного психолингвистического изучения, ещё не получил своего целостного описания как языковой, когнитивный и культурный феномен, не исследованы его корреляции в разных лингвокультурах.

Для анализа восприятия ценностей применяется несколько методик экспериментальной психосемантики, среди которых особое место занимает разработанная Ч. Осгудом в 1952 году методика семантического дифференциала,

являющаяся одним из самых точных методов анализа и фиксации содержания языкового сознания. Хотя сама форма фиксации содержания языкового сознания при помощи семантических пространств не совсем привычна для его исследователей, и, следовательно, в известной мере трудна для интерпретации, но именно семантические пространства позволяют овнешнять сознание испытуемых в категориях сознания самих же испытуемых.

Ценность УСПЕХ в сознании современных русских непосредственно связана с ценностями РОДИНА, ПРОЦВЕТАНИЕ, СВОБОДА, ЗДОРОВЬЕ и опосредованно, с одной стороны, с ценностями ЗАКОННОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ, ПРАКТИЧНОСТЬ, БЕЗОПАСНОСТЬ, БОГАТСТВО, а с другой — с ценностями ПРОГРЕСС и РАЗВИТИЕ [9, 209–210].

Многочисленные психолингвистические эксперименты, направленные на исследование языкового сознания, продемонстрировали национально-культурную зависимость слов-реакций от значения стимульного понятия. Большие возможности для анализа ценности УСПЕХ предоставляет «Русский ассоциативный словарь» [8], где ассоциативное поле слова-стимула *успех* (прямой словарь) имеет следующий вид:

УСПЕХ: большой 40; огромный 28; удача 24; радость 21; обеспечен 17; дела, победа 14; пришел 13; полный 12; неудача, цветы 11; счастье 9; в делах, в деле 8; иметь, слава 7; в работе, колоссальный, поражение 6; блестящий, потрясающий, придет 5; бешеный, в обществе, грандиозный, ошеломляющий, у женщин, шумный 4; аплодисменты, в любви, громкий, дело, долгожданный, друга, закономерен, легкий, на сцене, неожиданный, первый, провал, случайный, театр 3; артиста, безусловный, великий, в жизни, в игре, вскружил голову, в учебе, выигрыш, гарантирован, головокружительный, громадный, деньги, достижение, заслуженный, крупный, любовь, начало, овации, овация, сопутствует, сцена, триумф, ура, чужой 2.

Ассоциативное поле слова-ассоциата *успех* (обратный словарь) имеет такой вид:

УСПЕХ — гарантировать 11; огромный 10; крупный 8; получаться 7; иметь 6; удача, шумный 5; абсолютный, большой, добиваться, материальный, победа, предвидеть, результат 4; блестящий, будущий, громадный, громкий, добиться, желать, общий,

определенный, относительный 3; безуспешный, в любви, достижение, мимолетный, надеяться, найти, нежданный, полнейший, принести, серьезный, слава, средний, талант, уверенность, удастся, усердие, успеть 2 [8].

Ассоциаты *большой, огромный, колоссальный, грандиозный, громадный, крупный* — это характеристики УСПЕХА, принятые в русской культуре по критерию величины. Ассоциат *абсолютный, определенный, относительный, общий, полный* выделен по критерию полноты/неполноты. Ассоциаты *блестящий, бешеный, ошеломляющий, громкий, безусловный, великий, головокружительный, заслуженный* выделены по критерию оценки. Ассоциаты *долгожданный, неожиданный, случайный* выделены по критерию предсказуемости. Ассоциат *случайный* вычленяется по критерию легкости/трудности достижения, ассоциат *первый, будущий* — по критерию очередности, ассоциат *шумный* — по критерию произведенного эффекта, ассоциат *'материальный'* — по критерию материальности/идеальности.

Ассоциаты *удача, радость, победа, счастье, слава, выигрыш, деньги, достижение, любовь, триумф, результат, талант* — эквиваленты успеха, оказывающиеся контекстуально-речевыми синонимами в дискурсе современных русских.

Ассоциаты *дела, в делах, дело, в деле, в работе, в обществе, у женщин, в любви, на сцене, сцена, театр, в жизни, в игре, в учебе* обозначают сферу деятельности, где хорошие результаты называют успехом. Ассоциат *неудача, поражение, провал* обозначают отсутствие успеха. Ассоциаты *цветы, аплодисменты, вскружил голову, деньги, овации, овация, ура* обозначают атрибуты успеха в русской культуре.

Ассоциаты *получаться, желать, обеспечен, пришел, иметь, придет, добиться, добиваться, предвидеть, гарантировать, принести, успеть, сопутствует* указывают на стандартные действия, связываемые с успехом в русском языковом сознании. Однако необходимо учитывать, что ассоциативное поле является фиксацией обыденного сознания русских, которое лишено строгой системности, являющейся, вероятно, научной идеализацией. Кроме того, нужно иметь в виду, что «Русский ассоциативный словарь» — своеобразное овнешнение сознания русских, живших в определенный период истории

России, т.е. в нем отображены реалии именно этого периода. Однако нельзя упускать из внимания то обстоятельство, что частотная составляющая ассоциативного поля обладает стабильностью и существует в неизменном виде длительные периоды в жизни этноса, обеспечивая традиции общения носителей русской культуры. Об этом, в частности, свидетельствуют сравнения одних и тех же слов «Ассоциативного словаря русского языка» под редакцией А.А. Леонтьева [10] и «Русского ассоциативного словаря» [8].

Но сегодня, особого внимания заслуживает проблема резкой деформации общественных ценностей россиян в 90-е гг. XX в. и проблема их трансформации в современной России; необходимо учитывать возрастную и гендерную специфику отношения к ценности УСПЕХ. Основными ассоциациями на слово *успех* являются языковые единицы русского языка, обладающие безусловной положительной коннотацией. В русском синонимическом словаре качество *успешный* сопоставляется с близкими по значению единицами *удачный, счастливый, благополучный*, общим значением является положительный результат, слова *успешный и счастливый* являются интенсификаторами данного смысла, *благополучный* указывает на благоприятное, без каких-либо осложнений, завершение какого-либо дела, предприятия.

Интересные наблюдения о языковой картине мира в плане правил и норм поведения содержатся в работах польско-австралийского лингвиста А. Вежбицкой [2, 198]. По ее убеждению, несмотря на внешнее разнообразие языков и культур, человечество обладает несомненной культурной общностью, которая позволяет постулировать универсальный семантический метаязык. Концепт УСПЕХ, содержанием которого является положительно оцениваемая реализация усилий по достижению цели, имеет большое значение для любой культуры. В.И. Карасик видит следующую модель фрейма, представляющего ситуацию успеха: (я знаю, что) 1) X хотел, чтобы было положение дел A, 2) он действовал, чтобы было A, 3) были препятствия P, которые X должен был преодолеть, 4) могло быть так, чтобы не было A, 5) X преодолел препятствия P, и A существует, 6) (и поэтому я думаю, что) X заслуживает положительной оценки за действия по достижению A». Ассоциативный круг концепта УСПЕХ включает следующие

смыслы: 1) положение дел А достижимо; 2) Х рад тому, что существует А, 3) при оценке действий Х учитываются средства, используемые Х для достижения цели (положения дел А), 4) степень успеха зависит от величины препятствий Р, 5) успех связан не только с усилиями Х, но и с везением, 6) успех уточняется в концептуальном пространстве — цель, средство, препятствие, амбиция, победа, поражение, неудача, достижение, признание, карьера, награда, состязание, борьба, 7) существуют символические знаки успеха [4, 182–183].

Словарные дефиниции из английских толковых словарей соответствуют приведенной модели:

Success is the achieving of desired results. ‘успех — это достижение желаемых результатов’ [12].

Success is 1.1. the achievement of something that you have been trying to do; 1.2. the achievement of a high position in a particular field, for example in business or politics; 2. A success is someone or something that achieves a high position, makes a lot of money, or is popular. («Успех — это 1.1. достижение того, что человек пытался добиться; 1.2 достижение высокого положения в определенной сфере деятельности, например, в бизнесе или политике; 2 Успешным является человек, который достиг высокого положения, добился материального благосостояния или объект, который является популярным») [13].

Success — 1) the accomplishment of an aim; a favourable outcome (their efforts met with success); 2) the attainment of wealth, fame, or position (spoilt by success); 3) a thing or person that turns out well; 4) archaic a usu. specified outcome of an undertaking (ill success). («1) достижение цели, благоприятный исход (когда усилия увенчались успехом); 2) достижение богатства, славы или определенного положения (избалованный успехом); 3) успешный человек или успешный исход дела; 4) *архаизм* как правило, конкретный результат какого-либо действия; *антоним* — неудача») [14].

В английском тезаурусе выделяются следующие смысловые уточнители успеха:

success — 1. [the fact of succeeding] — syn. achieving, gaining, prospering, attaining, accomplishing, progressing, advancing, triumphing, making a fortune, finishing, completion, consummation, doing, culmination, conclusion, termination, resolution, end, attainment, realization, maturation, breakthrough, victory, triumph, accomplishment, benefiting, having good luck; being out in front, making a noise in the world, making a ten strike; ant. failure, disappointment, failing. 2. [the fact of being succeeded to a high degree] — syn. fortune, good luck, achievement, gain, benefit, prosperity, victory, advance, attainment, progress, profit, prosperous issue, bed of roses, favorable outcome; — ant. defeat, loss, disaster. 3. [a successful person or thing] — syn. celebrity, famous person, leader, authority, master, expert, man of fortune; somebody, star, gallery hit, bell-ringer, VIP. — ant. failure, loser, nonentity («1. [факт достижения успеха] синонимы — достижение пользы, выгоды, процветание, продвижение, завершение, решение проблемы, победа, триумф, приобретение выгоды, удача; *антонимы*- поражение, разочарование, провал. 2. [факт достижения определенного положения] — *синонимы* — удача, достижение, прибыль, процветание, победа, продвижение, прогресс, благоприятный исход; *антонимы* — поражение, потеря, катастрофа. 3. [успешный человек или предприятие] синонимы — знаменитость, известный человек, лидер, авторитет, знаток, эксперт, счастливчик; антонимы — «лузер», неудачник, ничтожество») [16].

Этимология концепта означает «движение, быстрое следование» (так, в китайском языке концепт УСПЕХ — кит. *chénggōng* — передается с помощью иероглифов, состоящих из идеограмм со значениями ‘закончить’ + ‘работа’ + ‘усилия’). Если сравнить специфику понимания концепта УСПЕХ в английской и русской лингвокультурах, то можно выделить что: 1) для русской лингвокультуры характерен акцент на везении и учете средств, используемых для достижения цели (моральный аспект), для английской — акцент на успехе как таковом, символизация успеха, акцент на усилиях индивида; 2) в английской лингвокультуре успех ассоциируется с карьерой, богатством и славой, в русской — с победой в бою, достижениями в познаниях и завоеванием симпатий; 3) к людям, которые не добились успеха, по-русски относятся с жалостью, по-английски — с элементом

презрения. Отсюда следует, что в английской культуре успех напрямую связывается с усилиями личности, в русской — с везением и способностями человека [4, 184–185].

В толковом немецком словаре *Deutscher Wortschatz* [15] дефиниция *успех* имеет следующий вид:

Beschreibung: günstiges Ereignis; gutes Ergebnis; positives Ergebnis («Описание: благоприятный исход, хороший результат»).

Relationen zu anderen Wörtern («Языковые связи с иными языковыми единицами»):

falls positiv bewertet Supererfolg, Spitzenerfolg, Haupterfolg («Позитивные коннотации — “грандиозный успех”»).

falls negativ bewertet Misserfolg, Mißerfolg («негативные коннотации — “провал”»).

Grundform: Erfolg («Основная форма: успех»).

Antonym von: Nichterfolg («Является антонимом слова: провал»).

Ist ein(e) Auswirkung («является результатом/исходом»).

Teilwort von: Erfolg haben, ohne Erfolg, großer Erfolg, ein großer Erfolg, Schlüssel zum Erfolg, von Erfolg gekrönt, hat Erfolg, Weg zum Erfolg, Aussichten auf Erfolg, der große Erfolg, durchschlagender Erfolg, Erfolg eines Unternehmens, zum Erfolg beitragen, ein durchschlagender Erfolg, ein Erfolg sein, Erfolg vorweisen, finanzieller Erfolg, Gradmesser für den Erfolg, bedeutender Erfolg, ist von Erfolg gekrönt, guter Erfolg, von Erfolg verwöhnt, ein gewaltiger Erfolg, Erfolg der Arbeit, ein zweifelhafter Erfolg, ein glänzender Erfolg, ein herausragender Erfolg, Weltcup – Erfolg («Входит в состав следующих словосочетаний: увенчаться успехом, безуспешный, большой успех, ключ к успеху, увенчавшийся успехом, путь к успеху, шансы на успех, ошеломительный успех, успех какого-либо предприятия, способствовать успеху, финансовый успех, показатель успеха, значительный успех, увенчавшийся успехом, избалованный успехом, успешная работа, сомнительный успех, значительный успех, успех в Чемпионате Мира»).

Form(en) ‘форма, формы’: Erfolg, Erfolge, Erfolgen, Erfolgs, Erfolges

Unterbegriffe: Misserfolg, Wahlerfolg, Teilerfolg, Torerfolg, Saisonerfolg, Achtungserfolg, Riesenerfolg, Mißerfolg, Fahndungserfolg, Welterfolg, Auswärtserfolg,

Überraschungserfolg, Doppelerfolg, Unternehmenserfolg, Heimerfolg, Verkaufserfolg, Tageserfolg, Bildungserfolg, Weltcup-Erfolg, Publikumserfolg, WM-Erfolg, Schulerfolg, Gesamterfolg, Auftakterfolg, Lernerfolg, Geschäftserfolg, Markterfolg, Kinoerfolg, Turniererfolg, Etappenerfolg, Ermittlungserfolg, Dreifach-Erfolg, Pokalerfolg, Prestigeerfolg, Vorjahreserfolg, Sensationserfolg, Kassenerfolg, Einzelerfolg, NPD-Erfolg, Verhandlungserfolg, Karriere-Erfolg, Dreifacherfolg, Finalerfolg, Weltcuperfolg, Prestige-Erfolg, Lacherfolg, Behandlungserfolg, Quotenerfolg, Doppel-Erfolg, Karriereerfolg («Словосочетания: провал, успех на выборах, частичный успех, гол, холодный прием, ошеломительный успех, успех розыска, видимость успеха, неожиданный успех, успех предприятия, выигрыш хозяев поля, успехи в образовании, успешные продажи, успех в Чемпионате Мира, успех у публики, успехи в школе, общий успех, успехи в учебе, успех в бизнесе, успех на рынке сбыта, успех в киноиндустрии, сенсационный успех, успех на турнире, успешные розыскные работы, успешное лечение, успешная карьера»).

Signifikante Kookkurrenzen für Erfolg (Anzahl: 32523) («Значимые примеры совместной встречаемости для *Erfolg*; общее число: 32523»)

den (2612), großen (1736), ohne (1679), großer (1666), feierte (1654), zum (1605), größten (1416), gekrönt (1359), mit (1324), großem (1303), Schlüssel (1293), ein (1203), der (1201), Aussicht (958), wertete (935), voller (933), Mit (928), versprechend (827), war (825), : (800), verbuchen (799), Misserfolg (797), sportlichen (784), haben (749), einen (744), keinen (733), dem (732), wirtschaftlichen (731), gegen (674), für (660), führen (627), durchschlagenden (603), ersten (603), Mannschaft (591), seinen (574), feierten (571), mäßigem (567), Sieg (557), Vereinsgeschichte (553), einem (514), seinem (504), - (496), Der (489), Karriere (481), Team (477), gewünschten (460), versprechende (458), als (442), " (436), perfekt (412), Trainer (409), zweiten (398), hängt (398), blieb (396), Serie (387), wertet (375), Grundstein (368), durchschlagendem (365), Klage (364), gefeiert (362), dritten (360), , (360), gewertet (353), auch (353), beschieden (352), nach (351), größter (338), wiederholen (335), anknüpfen (322), verdienten (319), Zuschauern (318), gehabt (312), bei (312), Für (311), werten (310), verdammt (305), Mißerfolg (304), beigetragen (303), ihren (301), zählbaren (297)

(«Определенный артикль в аккузативе, большого, без, большой, праздновать, к, наибольший, увенчавшийся, с, большим, ключ, неопределенный артикль в номинативе, определенный артикль в номинативе, перспектива, признанный, полный, С, предвещающий, был, провал, спортивный, иметь, неопределенный артикль в аккузативе, нет, определенный артикль в дативе, экономический, против, для, вести, решающий, первый, команда, его, умеренный, победа, история компании , неопределенный артикль в дативе, его, карьера, команда, желанный, многообещающий, как, идеальный, тренер, второй, зависит, остается, серия, оцененный, краеугольный камень, решающий, жалоба, прославленный, третий, признанный, тоже, скромный, после, более значительный, повторять, связывать, заслужить, зрители, имел, у, для, ценить, проклятый, неудача, содействовать, ее, поддающийся учету»).

Mehrwortkookkurrenze («Примеры наиболее употребительных словосочетаний со словом»):

Erfolg haben (9965), ohne Erfolg (8834), ein großer Erfolg (3957), Schlüssel zum Erfolg (2461), von Erfolg gekrönt (1621), großer Erfolg (1598), Erfolg versprechend (1172), nach dem (894), hat Erfolg (758), Erfolg versprechende (689), Weg zum Erfolg (540), der große Erfolg (390), Aussichten auf Erfolg (379), Erfolg versprechenden (333), Erfolg eines Unternehmens (287) («иметь успех, безуспешно, большой успех, ключ к успеху, увенчавшийся успехом, с хорошими шансами на успех, путь к успеху, возможность успеха, успех предприятия»).

Signifikante linke Nachbarn von Erfolg («Слова и служебные части речи, предшествующие слову *Erfolg*»)**:**

zum (7362), den (7187), ohne (4751), großen (4362), großer (4093), größten (3930), ein (3449), Der (3314), großem (2722), keinen (2648), voller (2571), einen (2406), einem (1932), dem (1841), wirtschaftlichen (1786), sportlichen (1673), als (1533), nach dem (1275), ersten (1197), mäßigem (1066), größte (1035), diesen (970), gewünschten (967), durchschlagenden (940), größter (828), Mit (795), mit (751), ihren (707), verdienten (697), vollen (696), vom (679), seinen (657), viel (632), seinem (603), Ein (576), sportliche (563), Den (558), Dieser

(549), durchschlagendem (546), weiteren (536), dritten (526), ihrem (517), klaren (499), an den (476), zählbaren (475), wenig (471), toller (463), der (462), riesiger (453), erhofften (437), zweiten (431), durchschlagender (422), diesem (422), wichtigen (422), sportlicher (409), schöner (394), vierten (391), kommerziellen (371), unterschiedlichem (361), wirtschaftlicher (359), kommerzieller (349), beruflichen (344), überraschenden (344), am (337), wirtschaftliche (321), langfristigen (308), überwältigenden (299), souveränen (295), sportlichem (294), einigem (293), knappen (277), unerwarteten (271), sensationeller (260), ungefährdeten (251), wachsendem (238), dieser (233), deutlichen (232), internationalen (229), bescheidenem (224), nachhaltigen (223) («к, определенный артикль в аккузативе, без, большого, большой, самого большого, неопределенный артикль в номинативе, определенный артикль в номинативе, большому, никакого, полный, неопределенный артикль в аккузативе, неопределенный артикль в дативе, определенный артикль в дативе, экономический, спортивный, как, после, первый, умеренный, большего, этот, желанный, ошеломительный, большего, с, с, ее, заслуженный, полного, от , его, много, его, неопределенный артикль в номинативе, спортивный, определенный артикль в аккузативе, этого, дальнейший, третий, ее, очевидный, к, исчислимый, мало, отличный, определенный артикль в номинативе, огромный, ожидаемый, второй, ошеломительный, этому, значительный, спортивный, прекрасный, четвертый, коммерческого, отличительный, экономический, коммерческий, профессиональный, удивительный, к, экономические, долгосрочные, подавляющий, суверенный, спортивный, собственный, незначительный, неожиданный, сенсационный, вне опасности, растущий, этот, отчетливый, международный, скромный, постоянный»).

Signifikante rechte Nachbarn von Erfolg ‘слова и служебные части речи, идущие после слова *Erfolg*’**:**

haben (2821), des (2724), gekrönt (2313), der (2044), versprechend (1421), führen (1395), : (1277), gegen (1131), gehabt (1060), für (1036), verbuchen (981), im (932), bei (890), seiner (877), versprechende (794), zu haben (688), ihrer (672), verdammt (622), beschieden (619), hat (603), zu (589), in (578), seines (551), gewertet (510), feierte (460), von (446), beim

(432), über (399), errungen (377), gefeiert (360), erzielt (349), versprechenden (347), verhelfen (319), verbucht (313), war (311), geführt (305), hatte (289), verspricht (273), führt (257), versprechender (251), beigetragen (226), hintereinander (224), ausbleibt (221), blieb (220), wertete (217), eines (207), bringen (204), ist (202), geblieben (197), feiern (187), gebracht (185), wird (169), dieser (160), nacheinander (155), verwöhnten (148), ihres (148), gewesen (147), hängt (144), versprechen (141), brachte (138), perfekt (131), verbuchte (129), verdankt (127), anknüpfen (126), dieses (120), unserer (119), versprechendes (112), verwöhnt (111), einstellt (108), werten (107), teilhaben (107), ? (97), hatten (93), beitragen (87), unseres (84), beteiligt (82), vermelden (82), bringt (80) («Иметь, определенный артикль в генитиве, увенчавшийся, определенный артикль, предвещающий, вести, против, получивший, для, подводить итоги, в, у, его, обещающий, чтобы иметь, ее, проклятый, скромный, имеет, к, в, его, признанный, отпразднованный, от, у, о, достигнутый, отпразднованный, добившийся, предвещавший, ведет, содействующий, последовательно, отсутствующий, остался, оцененный, неопределенный артикль в генитиве, приносить, является, оставшийся, праздновать, принесенный, будет, этот, последовательный, баловать, ее, был, зависит, предвещает, принес, идеальный, отмечать, благодаря, связанный, этот, нашего, предвещающий, избалованный, являться, ценить, принимать участие, ?, имели, приняли участие, участвующий, сообщать, приносить»).

Таким образом, анализируя совместную встречаемость слова *Erfolg*, можно сделать вывод, что в языковом сознании немцев общечеловеческая ценность УСПЕХ неразрывно связана с достижением поставленной цели, посредством приложения усилий, что совпадает с результатами изучения дефиниции в английском языковом сознании.

В заключительной части статьи хотелось отметить, что понятие УСПЕХ складывалось в России, Европе и США в различных социокультурных условиях, и потому имеет разные истории своего рождения и развития. Американская и европейская модели успеха сложились на протяжении нескольких столетий в системе вековых ценностей. В России проблемой успеха стали заниматься более предметно и детально

только на рубеже XX–XXI вв., когда начались процессы модернизации экономики и политики.

Проанализировав общечеловеческую ценность УСПЕХ и обобщая все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Общечеловеческие ценности существуют на уровне общественного сознания, содержание которых на этом уровне изучается при анализе дефиниций философских, социологических, психологических и иных толковых словарей; и на уровне обыденного сознания, содержание ценностей на этом уровне вскрывается в психосемантическом и свободном ассоциативном экспериментах.

2. В рамках подготовки данной статьи была описана и проанализирована общечеловеческая ценность УСПЕХ в русском, немецком и английском языках. Сделаны выводы о сходстве и различии восприятия данного концепта.

3. Практической целью данной работы было описать отношение носителей русского, немецкого и английского языкового сознания к общечеловеческой ценности «успех», которая является важной составляющей при разработке алгоритма успешной межкультурной коммуникации.

4. Для дальнейшего исследования как базовой ценности УСПЕХ, так и иных общечеловеческих ценностей на уровне обыденного сознания на современном этапе развития немецкого и русского языка необходимо проведение психосемантического эксперимента с носителями языков.

Литература

1. Ассоциативный тезаурус современного русского языка (АТСРЯ). Часть I, II, III / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой. М., 1994–1998.

2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, Вступ. ст. Е.В. Падучевой. — М. : Рvсские словари, 1996. 416 с.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 М.: Русский язык, 1998.

4. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

5. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. «Языковое сознание», Москва, 30 мая — 2 июня 1988 г. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987.

7. Привалова И.В. Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка // Язык. Сознание. Коммуникация. — Вып. 18. М.: МАКС Пресс, 2001.

8. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: "Помовский и партнеры", 1994.

9. Синячкин В.П. Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании. М.: Российский университет дружбы народов, 2010.

10. Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977.

11. Тарасов Е.Ф. Соотнесение деятельности и общения // Брагина М.А., Дронов В.В., Красс Н.А., Синячкин В.П. Лингвокультурологические аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка. М., 2008.

12. Cambridge International Dictionary of English, 1976.

13. Collins COBUILD Advanced Dictionary, 2007.

14. Concise Oxford Dictionary, 2000.

15. Deutscher Wortschatz, 2005.

16. WNW Dictionary and Thesaurus, 2000.

А. В. Калашников (НИУ — ВШЭ; ИЯз РАН)

A.V. Kalašinkov

(National Research University Higher School of Economics,

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Традиции и подходы к переводу характеристических имен в литературе

Traditional approaches towards translating charactonyms in fiction

Аннотация

Статья посвящена традициям использования характеристических имен собственных (прежде всего, антропонимов и топонимов) в русской и английской литературе, отношению к ним критиков и способам передачи таких имен в произведениях, ставших неотъемлемой частью мирового литературного наследия. Эти имена рассматриваются как прием, начавший активно развиваться в литературе Великобритании в произведениях иносказательных жанров и получивший свое продолжение в произведениях XVI–XIX вв. Также представлены мнения русских и английских критиков об использовании характеристических имен и рассматриваются основные приемы передачи ономастического пространства в переводах произведений XVII–XIX вв.

This article is devoted to the tradition of applying charactonyms—primarily, anthroponyms and place names—in Russian and British fiction, the way literary critics treat these names and translation of charactonyms in the works which have become an integral part of the world literary heritage. The paper treats charactonyms as a device which had started

rapidly develop in the British literature in allegoric works and continued in the works written in the period from the 16th to 19th centuries. Opinions of Russian and British critics on using charactonyms and basic approaches to rendering onomastic space in the translations of works written in the 17th century and 19th century are also included.

Ключевые слова

Характеристические имена собственные, перевод, ономастическое пространство, нарицательная основа

Charactonyms, translation, onomastic space, common stem

При создании текста огромную роль играет выбор слова. В художественном произведении помимо подбора лексических единиц для изложения необходимо назвать персонажей. В литературе имена подбирают в соответствии с образами, профессией, личными качествами персонажей, и писатель пытается перенести некоторые из этих признаков на имя и фамилию персонажа. Разумеется, внимание придается соответствию между именем и социальным положением персонажа, его национальностью и временной отнесенностью. Литературный критик А.Л. Бем писал: «Если представить себе, что писатель в романе из великосветской жизни переименовал своих героев в порядке наугад выхваченных фамилий телефонной книжки, то можно заранее сказать, что он погубил свое произведение с первых же слогов» [2, 11]. Соответствие имени социальному положению, иными словами, стилизацию, можно рассматривать как один из постулатов литературного реализма, поскольку имена нужно давать в соответствии с действующими в языке ономастическими моделями. Писатель моделирует в произведении ситуацию, близкую к реальной, и в его задачу входит воспроизвести ситуацию, похожую на ту, которая могла бы гипотетически иметь место в жизни под влиянием внешних обстоятельств.

Родовитость подчеркивается личным именованием из нескольких имен. Есть имена роскошные, экзотические, преимущественно иностранного происхождения, с аффиксами из латинского и греческого языков *-елла, -ида, -исса*: Изабелла, Мелисса,

получившие в России и Великобритании распространение через французский язык, считавшийся языком аристократии и элиты. Экзотичность фамилии или псевдонима достигается использованием названия экзотического места. Часто для этих целей используются слова итальянского и испанского языков.

Вспоминается один эпизод из «Мертвых душ». Манилов, принимая у себя в доме Чичикова, представляет гостю сыновей, которым были даны имена героев древнегреческих мифов Алкид и Фемистоклюс. Комического эффекта писатель добивается, комментируя поведение детей за обедом, которое, не соответствует изысканным именам.

В XVIII–XIX вв. значимые имена и фамилии при неоднозначном отношении к ним со стороны критиков и литературоведов были чуть ли не неотъемлемым атрибутом художественного произведения как в России, так и в Великобритании, но в переводах многих произведений значимые имена собственные, хотя и передавались, но, преимущественно, выборочно, без сохранения ономастической системы произведения.

В XIX в. значимые антропонимы становятся характерной чертой в произведениях многих писателей. Назначение этих имен остается прежним — дать характеристику, но каждый из писателей старается привнести в систему имен частицу индивидуального стиля. В русской литературе XIX вв. значимые имена встречаются у Достоевского (Раскольников, Смердяков, Карамазов, Девушкин), Гоголя (Яичница, Хлестаков, Коробочка), Салтыкова-Щедрина (Угрюм-Бурчеев, Брудастый), Чехова (Пришибеев, Кляузов, Очумелов, Хрюкин).

У английских писателей значимыми именами полны произведения таких классиков, как У.М. Теккерей и Ч. Диккенс. У.М. Теккерей, мастер антропонимов с сатирико-юмористическим дополнительным значением, в своих крупных произведениях с множеством действующих лиц — романах «Ньюкомы» и «Ярмарка тщеславия» — умело характеризует и эпизодических, и главных персонажей с помощью таких фамилий, как Finch — Птич [14, 114] или Sharp от *sharp* — ‘умный, сообразительный, хитрый, ловкий’.

Имена в произведениях Диккенса становятся воплощением сущности самого персонажа, при этом их дополнительное значение осознается не сразу, а постепенно по мере раскрытия художественного образа. В его творчестве мы находим критику юриспруденции, парламентского правительства, системы образования, выражающуюся в говорящих фамилиях: сэр Дедлок — в «Холодном доме» — глава вырождающегося аристократического рода (*deadlock* — ʻмертвая точка, тупик’), мистер Крук (там же) - старьевщик (*crook* — ʻобманщик, плут’), мистер Тэнгл — адвокат, знаток головоломного дела Джарндисов (*tangle* — ʻклубок, путаница’), Хэдстон — школьный учитель, самоуверенный, эгоистичный человек (*headstone* — ʻнадгробный камень’).

Интересно рассмотреть сочетание имени и фамилии на примере персонажа из «Рождественских рассказов» Скруджа (Scrooge), которое стало нарицательным. Основой этого искусственного имени служит омофон *screw*, имеющий разговорное значение ʻскряга, сквалыга’, что вполне подходит этому образу. Его фамилия Ebenezer (Эбенизер) служит аллюзией на одну из библейских легенд, в которой упоминался камень с тем же названием. Персонаж с суровым сердцем вполне соотносим с фамилией, служившей для обозначения камня.

У значимых имен собственных как особого приема характеристики персонажей в английской литературе богатая история. В средневековье значимые имена получили распространение в иносказательных жанрах — аллегориях, притчах, баснях, моралите. Персонажи олицетворяли различные пороки, добродетели и именовались этими же абстрактными понятиями. В качестве примеров можно привести персонажи книги Уильяма Ленгленда (ок. 1330 — ок. 1400) «Видение о Петре Пахаре (Vision of Piers the Ploughman): Truth (Правда), Patience (Терпение), Reason (Благоразумие). Появляются признаки персонификации, и перед именами персонажей встречаются слова *Mr*, *Lady*, например, Lady Meed (ʻнаграда’) [25].

В XVI–XVII вв. в произведениях писателей-елизаветинцев — Дж. Лили, К. Марло, Т. Кида, Т. Нэша, Б. Джонсона, У. Шекспира и авторов комедий нравов эпохи Реставрации У.Уичерли, У. Конгрива, Т. Мидлтона, Дж. Ванбру, Дж. Фаркера — как

особый литературный прием сатирической характеристики возникают значимые фамилии: Grace Wellborn (*well-born* — ʻродовитый’), Adam Overdo (*overdo* — ʻсделать лишнее, переусердствовать’) [7]. Появляются форманты фамилий *-son, -man*: Frank Gullman (*frank* — ʻискренний’, *gullman*- ʻобманщик, плут ’ (Кайус Грешен — в переводе), Mr Badman (bad man — ‘плохой человек’), Wiseman (wiseman — ‘мудрец’) [4].

В произведениях аллегорической направленности персонажам даются прозвища, представленные прилагательными. Например, в религиозном произведении «Путь паломника» (Путешествие Пилигрима в Небесную страну) Джона Беньяна (1628 — 88) персонажи именуются Mr. Attentive (Внимательный), Talkative (Краснобай), Hopeful (Уповающий) [23]. Необходимо отметить, что эти аллегорические имена были переданы в переводе на русский язык Ю.Д. Засецкой (1835 — 1882).

Богат на значимые имена в английской и русской литературе XVIII в. Русская литература, сравнительно поздно включившаяся в общеевропейский литературный процесс Нового времени, активно осваивала европейский художественный опыт. Литературные традиции перенимались через переводы произведений европейских писателей, в том числе английских. В Англии начинает развиваться просветительский роман, изображающий нравы.

Для эпохи просвещения было свойственно бичевание общественных пороков, идеал человечности был представлен образом достойного гражданина, строгого блюстителя закона, «истинно честного человека», «друга честных людей». Мастерами жанра просветительского романа считаются С. Ричардсон, Г. Филдинг, Т. Смоллетт. Их произведения становятся популярными за пределами страны, в том числе в России, по переводам с французского и немецкого языков, например: Смоллетт Тобайас. Похождения Родрика Рандома. Переведены с аглинского языка на французской, а ныне с оного на российской. 1788 год и др. [11; 12; 15].

В Англии наиболее ярко драматургия XVIII в. представлена у Р. Шеридана. Он изначально выступает против засилья на сцене ложной чувствительности и мещанской морали. Написанная в форме комедии нравов «Школа злословия» представляет собой

вместе с тем замечательную социальную сатиру. Леди Снируэл (*sneerwell* — ‘хорошо ухмыляться’), миссис Кэндер (*candour* — ‘искренность’), Снейк (*snake* — ‘змея’), сэр Бенджамин Бэкбайт (*backbite* — ‘злословить’) — эти мастера клеветы и злословия составляют в миниатюре модель светского общества Англии. Их нетерпимость, себялюбивая завистливость типичны для английских социальных кругов того времени. Пьеса Шеридана пользовалась популярностью и в России. Первый перевод (переделка) на русский язык «Школы злословия» был сделан в 1791 г. В XVIII в. пьеса была издана еще дважды в переводе И.М. Муравьева-Апостола (1794–1795 гг.). В этом переводе комедия была впервые поставлена в России в 1793 г. За перевод «Школы злословия» бралась и Екатерина II. Ею вольно переложена часть первого действия под заглавием «Злоречивые, или Клеветники».

В русской литературе наблюдается развитие двух основных направлений — высокой гражданско-патриотической поэзии и критического, сатирического обличения пороков русского общества и государства. Последнее направление было представлено в первую очередь сатирой, басней и прозаической бытовой комедией нравов. Произведения второго направления считались недостойными жанрами для писателей классицизма. Тем не менее, русская литература XVIII в. создала интересные образцы бытовой повести, романа, находившие своего усредненного читателя — обывателя дворянской и третьесословной, купеческой среды. Большой любовью пользовались рукописные и печатные сборники переводных и оригинальных рассказов, анекдотов и авантюрных повестей, в том числе «Похождение шута и плута Совестдрала» (переделка польского перевода немецкой народной книги о Тиле Уленшпигеле), «Жизнь и приключения Ваньки Каина» — московского вора и разбойника, ставшего впоследствии сыщиком.

Из «опалы» этот жанр выходит со вступлением на престол Екатерины II, желавшей привлечь на свою сторону симпатии общества и осознававшей воздействие литературы на общество. Она и сама берется за перо, выступая в качестве переводчика, историка и плодовитого драматурга. В связи с темой значимых имен нельзя не отметить ее комедии «Именины госпожи Ворчалкиной» (1785). В 1769 г. императрица выступила в

качестве негласной издательницы сатирического журнала «Всякая всячина». Издания подобного рода не заставили себя долго ждать: «И то и се» (1769) М.Д. Чулкова, «Адская почта» (1769) Ф.А. Эллина. Наиболее ярким изданием явился журнал «Трутень» (1769 — 1770) Н.И. Новикова. В образах Злорадова, Стоземеева, Себелюбова, Несмыслова, Недоумова, Безрассудова Новиков и его сотрудники создают целую галерею вельможных «Трутней».

Для драматических произведений того времени характерно вместо отражения династических, государственных или гражданско-патриотических интересов описание столкновения пороков и добродетелей частной жизни. С традицией сатирических журналов связано творчество Д.И. Фонвизина, автора этапного в русской литературе произведения — комедии «Недоросль» (1782), знаменитой своими хрестоматийными характеристическими персонажами. Одной из первых и распространенных моделей образования имен-полупрозвищ эпохи классицизма типа Стародум, Чужехват, Рифмоплет послужила украинская модель (Вернигора, Болибрух, Козорез). По мнению исследователя русских фамилий Б.О. Унбегауна, двухкомпонентные фамилии как в русском, так и в английском языках обладают весьма сильным экспрессивным потенциалом, что всегда привлекало писателей-юмористов и драматургов, см. [16, 223]. А модели имен, оканчивающиеся на *-он,* возникли под влиянием заимствований из романских языков, скорее всего, французского (с ударением на последнем слоге): Милон, Честон. Такие имена нельзя категорически назвать фамилиями, так как при них нет ни личных имен, ни отчеств, ни прозвищ, к тому же они лишены и специальных фамильных суффиксов. Некоторые из них близки по звучанию к личным именам, но отнести их к личным именам тоже будет неточно, так как, с одной стороны, в эпоху написания произведений указанные имена не входили в живой общенародный личный ономастикон, а с другой — каждое из них является единственным собственным именем персонажа.

Недостатками значимых имен в русской литературе того периода считают прямолинейность, шаблонность, неумеренность в использовании, подражание. Поскольку собственные имена с функцией семантической характеристики, получившие

широкое распространение в русской литературе XVIII в., стали шаблонами, впоследствии в литературоведении установился взгляд вообще на имена «со значением», встречающиеся и в произведениях (комедиях) не классицистических, как на «мелочь», пережиток классицизма. А.С. Пушкин в рецензии на произведение Булгарина (1789–1859) иронизировал: «Фад. Венед. гений, ибо изобрел имя Выжигина и сим смелым нововведением оживил пошлые подражания Совестдралу и Английскому Милорду…Г. Булгарин наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него — Ножевым, взяточник — Взяткиным, дурак — Глаздуриным и проч. Историческая точность одна не позволила ему назвать Бориса Годунова — Хлопухиным, Дмитрия Самозванца — Каторжниковым, а Марину Мнишек — княжною Шлюхиной; зато и лица сим представлены несколько бледно» [10, 341-342].

Значимые имена, даваемые лишь как дань традиции, жестко критикуются. Так, Н.Г. Чернышевский в рецензии на пьесу «Не в свои сани не садись» осуждает драматурга А.Н. Островского за подражание комедиям старого времени, проявляющееся в наивности, идеализации персонажей и именах типа Коршунов, Гуслин, Разлюляев и т. д: «Но прежде, нежели говорить о содержании, скажем об именах действующих лиц. В «Не свои сани не садись» представителя (мнимо) русских по преимуществу понятий называли уже Русаковым, представителя верности старинным обычаям — Бородкиным, представителя модной пустоты и ветрогонства — Вихоревым. Такое блистательное нововведение, заимствованное из комедий старого времени, понравилось г. Островскому, в «Бедность не порок» все фамилии лиц «заимствованы» от их качеств: Коршунов (фабрикант свирепого нрава), Гуслин (русский виртуоз), Разлюляев (т. е. гуляка и весельчак)» [17, 232].

В литературоведении при неослабевающем интересе к значимым именам отношение к ним остается неоднозначным. Нередко эти имена сравнивают с ярлыками, которые приклеиваются к персонажу, навязывая соответствующее (чаще негативное) к нему отношение. В них видят неспособность писателя выразить характеристику другими

средствами. Прослеживается связь с устным народным творчествам в противоположность авторскому стилю.

Среди английских литературоведов высказывается схожее мнение: «Эффект от таких имен зависит от степени их изящности. Если они слишком явные, они становятся неуместным, примитивным приемом, например, Мистер Светер, (*sweater* — в значении ‘эксплуататор, наемщик рабочей силы’)» [31, 101]. В связи с переводом значимых имен собственных отметим, что наличие значимых имен собственных позволяет судить о качестве произведения, его художественной ценности, поскольку есть мнение, что наличие значимых имен упрощает произведение.

Имена в литературе выполняют и художественно-стилистическую функцию. Использование имен, не свойственных тому или иному народу, обычно обосновано замыслом произведения, например, китайский мальчик по имени Петер из сказки А. Линдгрен «Пеппи Длинныйчулок». Отсутствие объяснения в тексте выбора имени, не соответствующего национальности носителя, будет свидетельствовать о нарушении стиля.

Достаточно выразительно будут смотреться в переведенном с английского языка тексте русские фамилии. По функции в тексте подобные антропонимы будут близки к экзотизмам, поскольку на фоне остальных антропонимов, принадлежащих языку оригинала, они будут выходить за рамки ономастической системы произведения. В частности, привлечет внимание русского читателя, фамилии: Kosloffsky и Knoutoff из произведений У.М. Теккерея. Также и французские имена и фамилии в романе Л.Толстого «Война и мир» (Пьер, Жюли, Метивье, Ларрей, Сюза) во французском переводе будут выделяться на фоне остальных русских антропонимов.

Подбор имен собственных можно обосновать еще одним обстоятельством. Писатель хочет сделать свое произведение ярким и запоминающимся, и одним из средств добиться такого эффекта являются имена, особенно характеристические, поскольку они служат своеобразными якорями, с помощью которых читатель цепляется за сюжет. Бывает так, что произведение забывают, а имена из него остаются в культурной

коллективной памяти. Если фамилии персонажей будут обычные, заурядные, к которым все привыкли, таких персонажей забудут, поэтому роль имен особенно в новых, еще неизвестных произведениях весьма важна.

Таким образом, писатели всегда внимательно относились к выбору имен собственных, и в переводе ономастическая составляющая произведения также должна учитываться. Роль значимых имен собственных возрастает, если они образуют целую систему в произведениях, и при передаче на иностранный язык переводчику необходимо определиться, как он будет и будет ли вообще эту систему передавать.

В переводах XVIII–XIX вв. произведений Смоллетта [11, 12], Филдинга [15] , Диккенса [5], Теккерея [13], Шеридана [21] и Байрона [1] имена переданы с помощью транслитерации и транскрипции без учета характеристик:

Писатель	Смоллетт	Имена:	Булинг
Произведение	«Похождения Родрика Рэндома»		Страпъ
Переводчик	не указан		Стайтап
год издания перевода	1788		

Писатель	Смоллетт	Имена:	Брамбль,
Произведение	«Хамфри Клинкер»		Гриффинъ,
Переводчик	Иван Захаров		Ригсъ
год издания перевода	1789		

Писатель	Филдинг	Имена:	Геартфрей	Страдле
Произведение	«Джонатан Уайльд»		Приг	Рубберсъ
Переводчик	Иванъ Сытенской		Сампл	Пунсе
Год издания перевода	1772		Багшотъ	Круллъ

Писатель	Теккерей	Имена:	Пунтер	Гаммерштейнъ

Произведение	«Ньюкомы»	Блекболь	Кракстонъ
Переводчик	Е.Г. Бекетова	Гудинофъ	Кутлер Шарп
Год издания перевода	1894-1895	Буджъ	Пинниферъ

Писатель	Диккенс	Имена:	Мордстонъ
Произведение	«Давид Копперфильд»		Микоберъ,
Переводчик	И. Введенский		Стилфорс
Год издания перевода	Не указан		

Писатель	Диккенс	Имена:	Скроджъ
Произведение	«Рождественские рассказы»		Тини Тимъ
Переводчик	М. И. Манн		Калебъ Плуммеръ
Год издания перевода	1898		

Писатель	Шеридан	Имена:	Снэкъ	Фризль
Произведение	«Школа злословия»		Снируэлъ	Роули
Переводчик	не указан		Серфэсъ	
Год издания перевода	1898		Примъ	

Писатель	Байрон	Имена:	Поттельдипъ
Произведение	«Дон-Жуан»		Дэшъ
Переводчик	П. Козлов		Паррольсъ
Год издания перевода	1904		Мильпонд

Следует отметить, что некоторые литературоведы, в частности М.М. Морозов (1897 — 1952), отмечали, что «перевод «говорящих» фамилий часто практиковался русскими переводчиками прошлого века» [73, 45]. При этом каких-либо документальных подтверждений приведено не было. На материале представленных выше примеров из переводов с английского языка, сделанных в XVIII–XIX вв., подтверждения данному факту не найдено.

Приведем основные стратегии передачи характеристически имен как единой системы произведения:

1. Транскрипционно-транслитерационная передача. В пьесе Шеридана «Школа злословия» в переводе М. Лозинского (1937) [19] антропонимы передавались без учета характеристики носителей. Например, леди Curricle (*curricle* — ʻдвухколесный экипаж’) предпочитала проводить свободное время, катаясь в экипаже, но в переводе связь характеристики с контекстом не отражена:

Sir Benjamin.… *as Lady Betty* <u>*Curricle*</u> *was taking the dust in Hyde Park, in a sort of duodecimo phaeton, she desired me to write some verses* ... [32, 27]. ʻСэр Бенджамин Бэкбайт. *…леди Бетти Кэррикль, глотая пыль Гайд-парка в игрушечном фаэтончике, пожелала, чтобы я написал стихи*…’[19, 285].

В английской переводческой традиции значимые имена в произведениях русских классиков тоже практически не передаются. Основы сатирических фамилий в переводе «Мертвых душ» Н.В. Гоголя [24] — Tchichikof, Nozdref, Manilof, Sobakevitch, Korobochkina — и в переводах рассказов А.П. Чехова [22; 23] — Akhineyev, Prishibeyev, Kanavkina — транскрибируются. К изменениям, которые, однако, не связаны с характеристикой, можно отнести добавление форманта *-ina* как указание на женский род фамилии Коробочка.

2. Транскрипционно-транслитерационная передача в тексте с переводом нарицательных основ имен собственных в комментариях. В переводе пьесы «Школа злословия» (1892) В. Е. Чешихиным (псевдоним — Ч. Ветринский), использовалась именно такая стратегия. Приведем комментарий из издания 1937 г: «В самом именовании

действующих лиц дана их характеристика. Имя Тизл взято от глагола to tease — раздражать, сердить, Сэрфес — наружность, Бэмпер — полный до краев стакан, Бекбайт — от глагола to backbite — злословить за глаза, Кейрлесс — беззаботный, легкомысленный, Снэйк — змея, Кребтри — дерево, дикая яблоня, Раули — шум, суматоха, Трип — обмолвка, Снируэл — насмешница, Кэндер — откровенность» [18, 187].

Иногда при повторном издании произведения отказываются от передачи значимых имен в пользу транскрипции и транслитерации. В издании перевода пьесы Р. Шеридана «Соперники», выполненном в 1939 г. Т.Л. Щепкиной-Куперник., многие имена были переведены: Fag — Фертик, миссис Malaprop — миссис Невпопад, Lidia Languish — Лидия Томность, Lucius O'Trigger — Люциус О'Курок [20], а в переводе 1954 г. имена транскрибировались: Фэг, Малапроп, Лэнгвиш, О'Триггер [19].

В переводах пьес А.Н. Островского [27; 28] на английский язык большинство имен тоже транскрибируется: Tortsov, Guslin, Razlyulyayev, Dikoy, Kabanova, Tikhon. Может даваться общая ссылка, например: «Островский часто наделяет персонажей пьес именами, выражающими характеристику» [27]. Иногда на странице, где перечислены действующие лица, к некоторым именам даны сноски: Nadezhda* (*Hope) (пьеса «Воспитанница» («A Protegee of the Mistress»)), Afrikan Savvich Korshunov* (**vulture* — 'стервятник') («Бедность не порок» («Poverty is no Crime»)), Valentin Pavlych Babayev* (**womanish* — 'женоподобный') («Грех да беда на кого не живет» («Sin and Sorrow are common to all»)), Samson Silych Bolshov* (*Samson Strengthson Bigman), Lazar Elizarych Podkhalyuzin* (**sneaky* — 'трусливый, льстивый'), Sysoy Psoich Risopolozhensky* (**unfrocked* — 'лишенный духовного звания') («Свои люди — сочтемся!» [«It's a Family Affair — We'll settle it ourselves»]).

3. Создание характеристических имен. В этом случае передается значение нарицательной основы имени. Сатирические фамилии в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, в частности в «Истории одного города», можно считать самоценными, и при переводе произведения на английский язык в 1982 году американской переводчицей

Сюзан Браунсбергер [29] это обстоятельство было учтено. Фамилии персонажей были переведены в соответствии с характеристикой: Blockhead (Баклан), Wolfhound (Брудастый), Pimple (Прыщ), Gloom-Grumblev (Угрюм-Бурчеев). В приложении был дан еще подробный комментарий: «Gloom-Grumblev. Вторая часть русской фамилии (Угрюм-Бурчеев) образована от слова, означающего бурчание в животе, а также дурное настроение», или «Wolfhound. Русская фамилия (Брудастый) относится к ныне исчезнувшей породе собак» [29, 199].

Среди переводов на русский язык к такой передаче можно, в частности, отнести произведения У. Теккерея, в частности, «Ньюкомы». В приведенном ниже отрывке характеризуются владельцы дешевых пансионов *Bugsby, Cribb, Muttons:*

Many persons who let lodgings in Brighton have been servants themselves — are retired housekeepers, tradesfolk and the like. With these surrounding individuals Hannah treated on a footing of equality, bringing to her mistress accounts of their various goings on; "how No. 6 was let; how No. 9 had not paid his rent again; how the first floor at 27 had game almost every day, and made-dishes from Muttons; how the family who had taken Mrs. Bugsby's had left as usual after the very first night, the poor little infant blistered all over with bites on its dear little face;… how Mrs Cribb still went cuttn' pounds and pounds of meat off the lodgers' jints, emptying their tea-caddies, actually reading their letters [33, 96]. ‘Владельцы брайтонских пансионов нередко сами из прислуги или из торгового сословия — в прошлом экономки, лавочники, приказчики. Эти люди принимали Ханну как ровню, и она приносила своей хозяйке всякие истории, об их житье-бытье: номер шесть сдали, а номер девять опять не заплатил за квартиру; жильцы первого этажа из номера двадцать седьмого чуть не каждый день картежничают и берут готовые обеды от Баранни; а от миссис Клопли еще и эта семья уехала, прямо наутро, — у бедного малютки все личико было искусано; миссис Скупердэй по-прежнему режет с жаркого у постояльцев мясо, фунт за фунтом, таскает у них чай из чайницы и даже письма ихние читает’ [14, 114].

Внутритекстовая передача без дополнительной адаптации применяется в английском переводе 1917 г. поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [26]. В Прологе перечисляются деревни и села, из которых были родом крестьяне:

The year doesn't matter,
The land's not important,
But seven good peasants
Once met on a high-road.
From Province «Hard Battered»,
From District «Most Wretched»,
From «Destitute» Parish
From neighbouring hamlets —
«Patched», «Barefoot», and «Shabby»,
«Bleak», «Burnt-Out», and «Hungry»,
From «Harvestless» also,
They met and dispated
Of who can, in Russia
Be happy and free?
(перевод Джулиет М. Соскис) [26, 1].

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков.
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень —
Заплатова, Дырявина,
*Разутова, Знобишин*а,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси? [9, 450]

В качестве заключения следует отметить, что необходимость передачи ономастической системы произведения обусловлена тем, что, будучи результатом творческих поисков писателя, характеристические имена связаны со всей образной системой произведения в единстве ее многообразных составляющих, что требует соответствующей передачи в переводе.

При сопоставлении хода развития в использовании значимых имен собственных в русской и английской литературе очевидно, что в Англии такие имена имеют более богатую историю. Они использовались в фольклоре, произведениях моралите, пьесах. В России использование характеристических имен начинается с активным развитием

литературы в XVIII в., хотя отдельные случаи характеристических имен встречаются и ранее. Позднее характеристические имена в связи с частым и не всегда уместным употреблением стали считаться неоправданным приемом для серьезных произведений.

Рассмотрение переводов XVIII–XIX вв. английских и русских произведений с характеристическими именами показало, что характеристические имена, будучи распространенным художественно-стилистическим приемом в произведениях и русской, и английской литературы, в переводах, как правило, не учитывались, и, следовательно, не отражали авторского замысла. Имена с учетом их роли в контексте начинают переводиться только в XX в.

Литература

1. Байрон Дж. Дон-Жуан. Перевод Павла Козлова / Байрон Дж. Полное собрание сочинений. Том 4. Издание Брокгауз-Эфронъ. С.- Петербург, 1904.

2. Бем А. Л. Личные имена у Достоевского / Сборникъ въ честь на проф. Л.Милетичъ. София, 1933.

3. Беньян Дж. Путешествие Пилигрима в Небесную страну //**Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**.

4. Джонсон Б. Варфоломеевская ярмарка. Перевод Т.Г. Гнедич. М.: Искусство, 1957.

5. Диккенс Ч. Рождественские рассказы. Перевод М.И. Манна./ Диккенс Ч. Собрание сочинений в 35 тт. Т. 16. СПб.: Тип. Пантелеева, 1898.

6. Диккенс Ч. Давид Копперфильд. Перевод И. Введенского / Собрание сочинений в 32 тт. Т. 1. Спб.: Просвещение, 1909.

7. Младшие современники Шекспира. Сборник под редакцией А.А. Аникста. М.: Издательство московского университета, 1986.

8. Морозов М.М. Пособие по переводу. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956.

9. Н.А.Некрасов. Кому на Руси жить хорошо / Библиотека мировой литературы для детей. Том 5. М: Дет. лит., 1981.

10. Пушкин А.С. Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов / Пушкин — критик. Сост. Н.В. Богословский. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1950.

11. Смоллетт Тобайас. Похождения Родрика Рандома. Переведены с аглинского языка на французской, а ныне с оного на российской. М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1788. Ч.1.

12. Смоллетт Тобайас. Путешествие Гумфрия Клинкера. Переведены с немецкого Иваном Захаровым. Спб.: Печатано при Императорской Академии наукъ. 1789. Ч.1.

13. Теккерей У. Ньюкомы. Перевод Е.Г. Бекетовой / Теккерей У. Собрание Сочинений в 12 тт. Т. 5. СПб.: Пантелеев, 1895.

14. Теккерей У. Ньюкомы: Жизнеописание одной весьма почтенной семьи, составленное Артуром Пенденнисом, эсквайром. Перевод Р. Померанцевой / Теккерей У. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 8. М.: Художественная литература, 1978.

15. Филдинг Г. Деяния господина Ионафана Вилда Великого. Перевел с немецкого Иванъ Сытенской. В Санктпетербурге: При Императорской Академии Наукъ. 1772 года.

16. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989.

17. Чернышевский Н.Г. Статьи и рецензии 1853-1855 / Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 16 томах. Том 2. М.: Гослитиздат, 1949.

18. Шеридан Р. Б. Школа злословия. Перевод Ч. Ветринского. М.-Л.: Искусство, 1937.

19. Шеридан Р. Б. Драматические произведения. М.: Искусство, 1955.

20. Шеридан Р.Б. Соперники. Комедия в пяти действиях. Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник. М-Л.: Искусство, 1939.

21. Шеридан Р.Б. Школа злословия. М.: Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К, 1898.

22. Chekhov A.P. Nine humorous tales. Translated by Isaac Goldberg&Schnittkind. Boston: Stratford Co., 1918.

23. Chekhov A.P. Ward six and other stories. Translated by Ann Dunnigan. New York: Scarborough (Ont.), 1965.

24. Gogol N.V. Dead Souls. Lnd.: Dent, 1937.

25. Langland W. Piers Plowman http://www.courses.fas.harvard.edu/~chaucer/special/authors/langland/

26. Nekrasov N.A. Who can be happy and free in Russia. Translated by Juliet M. Soskice. Lnd.: Humphrey Milford Oxford University press, 1917.

27. Ostrovsky A.N. Plays. New York: Scribner, 1917.

28. Ostrovsky A.N. The Storm. English version by George F. Holland & Malcolm Morley. Lnd.: Allen&Unwin, 1930.

29. Saltykov-Shchedrin M.E. The History of a Town. Translated by Susan Brownsberger. Michigan: Ardis Publishers, 1982.

30. Scott A.F. Current Literary Terms. A Concise Dictionary, Lnd.: Redwood Burn Limited, 1970.

31. Sheridan R.B. The School for Scandal. M.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1949.

32. Thackeray W. M. The Newcomes: Memoirs of a Most Respectable Family, Whitefish: Kessinger Publishing, 2005.

В.И.Карпов (ИЯз РАН)

V.I. Karpov

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Феномен *CODE-MIXING* как объект исторической текстологии

Code-mixing as an object of historical textual studies

Аннотация

В статье рассматривается круг вопросов, связанных с изучением смешения языковых кодов на материале малоформатных фольклорных текстов. В фокусе внимания оказываются немецкие лечебные заговоры, которые привлекаются в качестве основного источника диалектологической информации, представляющей особую ценность для историко-лингвистического анализа феномена code-mixing на немецком языковом пространстве.

The paper deals with specific types of variation between the standard language and dialects in the German-speaking community. Special attention is brought to the investigation of the phenomenon of code-mixing in German folklore texts, with the historical medical charms taken as a main source of dialectological information.

Ключевые слова

Языковой код, лечебный заговор, диалект, языковой стандарт, текстология

Linguistic code, medical charms, dialect, language standard, textual studies

Одной из наиболее актуальных и широко обсуждаемых в зарубежной и отечественной лингвистике последних десятилетий является проблема смешения языковых кодов (*code-mixing*), которое можно определить как попеременное использование элементов двух языков в рамках одного коммуникативного акта двуязычными говорящими [2, 123–127]. Языковую ситуацию на современном немецкоязычном пространстве многие исследователи характеризируют как диглоссию —

относительно равноправное использование двух генетически родственных языковых вариантов: общенационального стандарта и диалекта [8]. Особый интерес представляет проблема смешения языковых кодов в условиях взаимодействия близкородственных языков или языковых вариантов в границах отдельно взятого диалектного ареала.

Феномен *code-mixing*, исследуемый на материале немецко-диалектной диглоссии, напрямую связан с историческими особенностями развития самого немецкого языка. Смешение языковых кодов в его современной модификации сигнализирует об исторической победе «вторичности»: выделяются наддиалектные формы языка, которые постепенно вытесняют исконные местные диалекты, на их стыке возникают региональные языковые варианты (*Regionalsprachen, регионолекты*).

История формирования наддиалектных форм на немецкоязычном пространстве четко делится на три этапа: 1. «письменный диалект» (*Schriftdialekt*) — язык письменных памятников VIII–XV вв. носит территориально ограниченный, ареальный характер; 2. «письменный язык» (*Schriftsprache*) — язык письменных памятников XVI–XVIII вв. воспринимается как особый идиом с присущими только ему чертами; существование наддиалектной языковой нормы является дифференциальным признаком литературно-письменного языка данной эпохи; 3. языковой стандарт (*Standartsprache*) окончательно оформляется к концу XVIII — началу XIX вв. и доминирует на всем немецкоязычном пространстве [3, 961-990].

Первый этап хронологически совпадает с традиционно выделяемыми периодами истории немецкого языка — древневерхненемецким (750-1050) и средневерхненемецким (1050-1350). Для письменных текстов данных периодов исключительным языковым признаком является их смешанный диалектный характер; корпус письменных памятников представлен вторичными образованиями — текстами, зафиксированными не на диалектной территории своего происхождения. С появлением наддиалектных вариантов усложняется система взаимоотношений существующих письменных форм: адаптации подвергаются как тексты, проникающие из соседних диалектных зон, так и созданные на наддиалектных койне; высокий авторитет койне поддерживается статусом

самих письменных (канцелярские документы) и литературно-письменных памятников (куртуазная и религиозная литература) и не допускает серьезных отклонений от оригинала при последующих фиксациях. Наддиалектные формы начинают доминировать над прочими языковыми вариантами, однако общенациональный стандарт формируется гораздо позже, когда окончательно удается политически объединить немецкие земли и последовательно проводить политику языковой унификации. Появление стандарта несколько меняет характер межъязыковых отношений — язык текстов стремится к норме, на стандарте создаются литературно-письменные тексты и редактируются диалектные и просторечные, происходит языковое выравнивание на всех уровнях вплоть до устранения диалектных различий.

История становления немецкого литературного языка повлияла и на характер генезиса типов текстов. Известное утверждение о том, что история языка немецкого народа может и должна изучаться по истории типов текстов (*Sprachgeschichte des Deutschen als Textsortengeschichte*) [4], в определенной степени верно, с одним уточнением, которое необходимо внести с учетом специфики материала: например, конкретные типы фольклорных текстов не столько соответствуют этапам немецкого глоттогенеза, сколько зеркально отражают языковую ситуацию на каждом из этих этапов. Данное обстоятельство подводит к формулированию комплекса вопросов, связанных с письменной фиксацией фольклорных текстов в разные эпохи истории немецкого языка и их повторным проникновением в народную языковую среду.

Фольклорный текст жестко привязан к родному диалекту и одновременно чутко реагирует на общеязыковую ситуацию. Этим объясняется тот живой интерес, который лингвисты проявляют к вербальным артефактам низовой народной культуры, зафиксированным в различных диалектных областях на конкретном этапе языковой истории народа. Как отмечал известный исследователь фольклорной диалектологии И.А. Оссовецкий, традиция изучения фольклорного текста как явления устного словесного творчества опирается на понимание языка фольклора как сложного по генезису образования, «где диалектически сплавлены его образующие, т.е. и конкретные

народные говоры, и диалектный язык как система всех соответствующих диалектных явлений, и общенародный язык в целом как метасистема» национального языка [1, 66–78]. На протяжении истории немецкого языка далеко не все типы фольклорных текстов сохраняют живую связь с диалектом; наблюдения за фольклорным текстогенезом показывают, что только немецкие лечебные заговорные тексты представляют собой тот исключительный языковой материал, который полностью отвечает требованиям, предъявляемым в исследованиях по специфики употребления языковых кодов в условиях диалектной полиглоссии.

Письменная фиксация фольклорного текста как продукта устного народного творчества выводит нас к рассмотрению проблемы взаимодействия устно-письменных форм в т.н. лиминальном текстовом пространстве. С точки зрения теории лиминальности (теории «границы»/«порога»), в бесписьменных этноязыковых сообществах, к которым в целом можно отнести и диалектные группы, преобладают устные формы народного творчества, традиции и тексты передаются из уст в уста, накопителем информации выступает культурная память этноса; с появлением письменного аппарата, более или менее приемлемого для фиксации информации, артефакты народной устной культуры обретают новую форму бытования: устность (*Oralität*), облеченная в письмо (*Literalität*), образует пограничную зону (лиминальное пространство) между двух культур — устно-словесной и письменной; текст еще сохраняет живую связь со средой своего бытования, но стоит как бы на пороге (*die Schwelle*) проникновения в литературно-письменное пространство [5; 6; 7]. Последующие редакторские манипуляции с фольклорными текстами превращают их полностью в олитературенный продукт (*Literarität*), т.е. заставляют текст перешагнуть через порог. Вербальные артефакты оказываются в новом текстовом пространстве (*Textuliatät*), обретают полноценные литературно-письменные черты и становятся достоянием общенациональной культуры. С одновременным проникновением из разных диалектных зон и накоплением однотипных текстов запороговое (транслиминальное) текстовое пространстве обретает гипертекстуальный характер, выявляются инварианты, которые окончательно закрепляются в

унифицированной языковой форме в сборниках различной тематической направленности. Общедоступность материала (печатная форма издания и близость к наддиалектному стандарту) и его относительная «сакральность» способствуют вторичному проникновению текстов в диалектно-фольклорную среду с полной или частичной адаптацией к местным языковым условиям. Этим объясняется наличие общенемецких аналогов лечебных заговоров на всем языковом пространстве вне зависимости от диалектного ареала.

Говоря о моменте письменной фиксации древневерхненемецких и средневерхненемецких текстов, мы не предполагаем участия активных коммуникантов, но и не отрицаем их наличия: в этой роли выступают носители местных древнегерманских диалектов — переписчики (непосредственные участники акта) и опосредованно — текст как представитель иноязычной территории. В естественной коммуникативной ситуации участник иноязычного/инодиалектного происхождения вынужден перейти на местный диалект, даже если не достаточно хорошо им владеет: он осваивает язык местного населения, адаптирует его под свои коммуникативные потребности, допуская незначительные отклонения в его использовании, связанные с незнанием всех языковых особенностей (т.е. множественные кодовые флуктуации), замены тех элементов местного диалекта, которые иноязычному говорящему пока неизвестны. С текстом переписчики ведут себя иначе: они бережно обращаются с диалектом оригинала, старательно переписывают текст, но все же поддаются искушению и постоянно подстраивают его под звуковые особенности местного диалекта. Так возникают кодовые флуктуации и в текстах, разница лишь в том, что в доминирующей позиции находится диалект-гость (*Schriftdialekt*$_{2.}$), а не диалект-хозяин (*Schriftdialekt*$_{1}$).

Древневерхненемецкие и средневерхненемецкие тексты характеризуются, таким образом, исключительно высокой степенью кодовых флуктуаций на уровне *Schriftdialekt*$_{1}$ — *Schriftdialekt*$_{2}$. Наддиалектные формы усложняют схему взаимоотношений, добавляется дополнительный компонент *Schriftsprache*$_{1}$ и модифицируется третий — вместо *Schriftdialekt*$_{2}$ выступает любое множество региональных наддиалектных

вариантов *Schriftsprache*$_{2,3,4...n}$ и принимающих диалектов: *Schriftdialekt* $_{1,2,3...n}$. Посредником выступают письменные (позже — печатные) сборники, частично содержащие переводные и оригинальные латинские тексты. Широкое распространение образцов не ведет в этот период к их активному проникновению в низовую народную культуру из-за низкого уровня образования, тексты «кочуют» из одной медицинской книги в другую и, соответственно, из одного наддиалектного варианта в другой.

С утверждением восточносредненемецкого койне в качестве надрегионального варианта и формированием на его базе общенационального стандарта устраняется плюрализм наддиалектных форм. Стандарт пропускает через себя все, что фиксируется в письменной/печатной форме, подвергает каждый текст жесткой языковой корректировке, проводит унификацию на всех языковых уровнях. Сборники народно-медицинских рецептов и медицинские книги XVIII-XX вв. содержат в своем составе и лечебные заговоры, отредактированные с учетом норм общенемецкого стандарта; однако живой этнографический интерес ко всем областям фольклора, проявившийся во второй половине XVIII в., заставил собирателей фиксировать материал в автохтонной языковой форме. С этого момента мы можем говорить о смене типов коммуникативных ситуаций: с искусственных (иноязычный текст ↔ переписчик текста) на условно приближенные к реальным речевым (информант ↔ собиратель фольклора). Условность обусловлена тем, что собиратель выступал не пассивным наблюдателем речевого акта, а провоцировал собеседника, программируя его на предоставление определенной информации; выбор языкового варианта для собирателя был не релевантен, а для информантов представлял серьезные сложности — поскольку в восприятии носителя местного диалекта этнограф выступал значимой, авторитетной, статусной фигурой, то он старался подстроиться под языковые особенности этого человека, не искажая предоставляемую в распоряжение собирателя информацию.

В заговорных текстах последних двухсот лет мы наблюдаем те типы *code-mixing*, которые характерны для коммуникативных ситуаций с колебаниями в выборе языкового варианта — *code-switching* («переключение языковых кодов» — более или менее

последовательное использование обоих языковых вариантов в акте коммуникации) и *code-shifting* («смена языковых кодов» — постепенный переход с одного языкового кода на другой) и почти отсутствуют случаи *code-fluctuation* («колебание языковых кодов» — включение в речь фонетических, синтаксических, морфологических или лексических элементов другого языкового варианта), разница проявляется в векторе направления кодовых переключений: информантам не удается переключиться на языковой код собирателя фольклорного материала, в то время как в естественной коммуникативной ситуации собеседники обязательно переходят либо на престижный стандарт, либо остаются при своем более удобном местном варианте. Как и на более ранних этапах языковой истории, заговорный текст навязывает носителю/обладателю свои правила языковой реализации, ограниченно допуская варьирование на отдельных участках языковой системы.

Литература

1. Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. №5. С.66-78.

2. Проценко Е.А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) // Вестник ВГУ, Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. 2004. № 1. стр.123-127.

3. Besch W. Dialekt, Schreibdialekt, Schriftsprache, Standartsprache. Exemplarische Skizze ihrer historischen Ausprägung im Deutschen // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Bd.1, Halbbd. 2. Berlin, New York, 1983. S. 961-990.

4. Barz; U. Fix; M. Schröder; G. Schuppener (Hg.). Sprachgeschichte als Textsorten-Geschichte. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford u.a.: Peter Lang, 2000.

5. Geisenhanslüke, Achim./ Mein, Georg (Hg.). Grenzräume der Schrift. Reihe Literalität und Liminalität. Verlag Transcript, 2008. 292 S.

6. Geisenhanslüke, Achim./ Mein, Georg (Hg.). Schriftkultur und Schwellenkunde. Reihe Literalität und Liminalität. Verlag Transcript, 2008. 320 S.

7. Günther, H./ Ludwig, O. (Hg.). Schrift und Schriftlichkeit. Ein interdisziplinäres Handbuch internationaler Forschung. Berlin, 1994.

8. Petkova, Marina. Das Korpus des Projekts «Mischphänomene zwischen Dialekt und Standardsprache in der Deutschschweizer Diglossie». Über die Schwierigkeit, selten vorkommende Phänomene zu dokumentieren // Linguistik online. № 2 (38). 2009. http://www.linguistik-online.de/38_09/petkova.html

И.Б.Кульчицкая (ИЯз РАН)

I.B. Kul'čickaâ

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Квантитативная вариативность слова в китайской речи

Quantitative variability of words in Chinese speech

Аннотация

Современный китайский язык демонстрирует новый вид вариативности слова — квантитативную вариативность; в качестве научной эта проблема впервые была поставлена российским синологом А.А. Драгуновым. В статье речь идет о факторах, которые определяют выбор количественного варианта.

Автор провел направленный эксперимент с китайскими информантами для того, чтобы понять, как носители языка выбирают уместный вариант в конкретный момент речи.

Modern Chinese demonstrates a new kind of a word variety known as quantitative variety. The scientific problem in question was first posed by A.A. Dragunov, the famous

Russian sinologist. The paper focuses on factors for using nessesary quantitative variant in modern speeking process.

The author has carried out the directed experimental research assisted by the informants whose first language is Chinese, in order to explain how native speakers select the most appropriate variant in a particular moment of speech.

Ключевые слова

Квантитативная вариативность; структура китайского слова; психолингвистический эксперимент.

Quantitative variability; Chinese word structure; psycho-lingvuistic experiment

Как известно, по мнению отечественного китаиста А.А. Драгунова, одной из двух основных проблем китайской грамматики является проблема структурных единиц китайской речи (см. [3, 7]). Тем самым он обратил внимание на важность и необходимость учета количества слогов в лингвистических единицах при рассмотрении особенностей их функционирования в современном китайском языке (далее по тексту — СКЯ). В формоизолирующем языке, каким является СКЯ, количественно-слоговой состав слова является одним из условий формирования синтаксических связей единиц крупнее, чем слово, равнозначное связывание единиц является также одним из требований китайской стилистики. Это приводит к тому, что в процессе речевого функционирования слова могут менять свою протяженность, появляясь в речи в виде вариантов разного количественного состава. Наиболее типичным случаем является варьирование доминирующих в СКЯ слов двусложного состава и односложных.

Предложенный А.А. Драгуновым подход применяется не только в чисто лингвистических исследованиях, но и при проведении литературоведческого анализа художественного перевода современной китайской литературы. Характерно, что именно так начинает свою статью об особенностях китайского художественного текста, а именно

рассказов известного современного писателя Фэн Цзицая, Н.А. Спешнев[1], предлагая подойти к его рассмотрению прежде всего с точки зрения лингвистики «в плане выявления некоторых его формальных (точнее количественных) характеристик», а потом уже учитывать и качественную (литературоведческую) сторону, потому что для него характерно типичное «лингвистическое оформление»[16, 14–15]. К важнейшим лингвистическим параметрам языка он относит фонетику, лексику, морфологию и синтаксис.

Автор вводит по отношению к художественному тексту такое понятие как эвфония (китайский термин 谐音 xieyin *сеинь* или 悦耳语音 yue'er yuyin *юээр юйинь*), когда речь идет о звуковом подборе слов для большей выразительности речи. Для художественного текста это означает, что автором будет из равновозможных выражений выбираться то выражение, звучание которого будет наиболее ощутимым, потому что в китайском языке эти две стороны «тесно переплетены друг с другом» [16, 16]. Китайской звучащей речи свойственен определенный ритм, создаваемый речевыми тактами. «В произношении мы объединяем по несколько слов в некоторое единство». «Ритм прозы лежит в структуре и системе объединения речевых тактов. Порядок ударений важен лишь как один из признаков структуры речевого такта. Ритмическая организация речи подчинена определенным правилам. Скажем, в расположении ударений избегают ставить два ударения подряд. В китайском языке, например, два соседних ударных слога, т.е. слоги, в которых полностью реализован тон, непременно отделены друг от друга паузой» [16, 17]. Правильное сочетание ритмического членения с синтактико-семантическим создает такую характеристику китайской речи как эвритмия (подробнее см. раздел «Интонация» в [15, 123–140]).

---

[1] Спешнев Николай Алексеевич (род. в 1931г. в Пекине) — профессор Санкт-Петербургского университета, окончил 8 классов китайской средней школы. Его детство и юность прошли в древней китайской столице. При изучении китайского речевого узуса представляют значительный интерес рассуждения Н.А. Спешнева о специфике китайского слова, т.к. они отражают его многолетний опыт «языкового существования» в среде носителей китайского языка, а также его собственный опыт экспериментального изучения ритмической природы языка. Более полно о нем рассказывается на сайте восточного факультета Санкт-Петербургского университета [17].

Требованиями ритма обусловлен выбор количественных характеристик лингвистических единиц. «Как известно, в основе внутреннего ритма китайского текста лежит бином — двусложное сочетание морфем, которое представляет собой опорную лингвистическую единицу, необходимую при восприятии текста носителем языка. О бинарности китайского языка говорилось много, этот феномен позволяет создать тот ритм языка, благодаря которому его носитель ощущает внутреннее равновесие ритмической группы или целого предложения» [16, 17] (ср. в этом контексте Ошанина и Драгунова [12; 3])

О признании существования количественной вариативности слова говорится в его анализе далее: «Внутренний ритм можно определить как равномерное чередование соизмеримых языковых единиц, чередование замедления и ускорения, напряжения и ослабления, пауз и звучания. Все это определяется композиционно-синтаксической организацией речи, где в китайском языке важную роль играет вопрос количественного соотношения слогов в составе языковых единиц, т.е. принципы слоговой организации речи. Для создания внутреннего ритма хорошо организованной речи существенное значение имеют принципы и приемы сочетания односложных и двусложных слов. Для китайского языка характерна стройная и симметричная организация речи. Китайские ученые считают, что стремление довести лексическую единицу до двусложного состава является важнейшей тенденцией ритмической организации китайской речи. Двусложные и четырехсложные сочетания создаются ежечасно бесчисленное количество раз, причем весьма свободно. Объединение двусложных сочетаний в четырехсложные также является важнейшей тенденцией ритмической организации китайской речи» [16, 17–18].

Нам бы хотелось привести еще два очень важных вывода из цитируемой работы, значение которых выходит за рамки только художественного текста и распространяется, как показали наши эксперименты, на область не только письменного текста, но и обычной разговорно-бытовой речи. «Надо полагать, что в китайском языке четкий фиксированный ритм позволяет китайцу при восприятии речи предсказать количественный состав слова или словосочетания в составе высказывания» [16, 19].

Квантитативная вариативность, как показывает дальнейшее заключение, является также одним из средств создания эстетических достоинств текста: «Музыкальная эстетика китайского языка состоит именно в упорядоченности и равновесности текста, в гармоничности его звучания, <…> текст произведения прежде всего должен радовать слух, иначе — быть благозвучным» [16, 19]. И это создается не только за счет определенного рисунка чередования разных тонов, хотя «китайскому языку не чужды приемы эвфонии. Качественная эвфония имеет дело с благозвучием и выразительностью». Ссылаясь на экспериментальные работы А.В. Венцова и В.Б. Касевича [2, 123–124], которые доказали, что «чем больше выражена скоррелированность синтактико-семантического членения с ритмическим — чем совершеннее эвритмия, тем в принципе выше уровень избыточности текста и соответственно легче его восприятие», Н.А. Спешнев объясняет создание благозвучия за счет чередования тонов, а в прозе, по его словам, кроме того «равновесие заключается в том, что в пределах одного предложения синтаксически одинаково построенные отрезки состоят из одинакового числа слогов. На равновесность предложения принципиальным образом влияет количество слогов в слове или словосочетании» [16, 19]. (Подробнее о данных экспериментах излагается в книге «Проблемы восприятия речи».)

По свидетельству самого автора, а также китайских и отечественных ученых, приведенных автором, для носителей языка при восприятии звучащей речи очень важной опорой является именно ее слоговая группировка: «слоги в предложении группируются по два и по четыре» и данный ритмический рисунок «радует слух и позволяет гладко произносить» (Лу Чживэй), «чем больше выражена скоррелированность синтактико-семантического членения с ритмическим — чем совершеннее эвритмия, тем в принципе выше уровень избыточности текста и соответственно легче его восприятие» (А.В.Венцов, В.Б.Касевич [2].).

Н.А.Спешнев приводит в своей работе мнение известного китайского лингвиста Люй Шусяна о примате двусложных слов для построения китайского предложения «равновесного с точки зрения стилистики», потому что «в современном китайском языке

односложные слова не могут употребляться самостоятельно, а обязательно требуют своего расширения до двух слогов. Они воспринимаются как более отточенные, законченные по форме и к тому же из них удобнее, в свою очередь, создавать четырехсложные сочетания. Именно поэтому многосложные слова или словосочетания нередко сокращаются до двух слогов» [16, 21].

Проблема квантитативной вариативности невольно затрагивается, когда китайские и отечественные исследователи говорят о такой отличительной особенности слов современного китайского языка, как их возможности «сжиматься» или «увеличиваться». Так, выдающийся китайский лингвист Люй Шусян в «Очерке об особенностях современного китайского языка» касается этой особенности, и в его терминологии это лингвистическое явление называется проблемой одно- и двусложности [китайского слова]. «В современном китайском языке структура слова часто оказывается под влиянием одно- и двусложности, наиболее очевидно проявляется тенденция к «обретению двусложности». Например, количество слогов в односложном слове увеличивается до двух: если у некоего человека фамилия Чжан, то его зовут или «лао Чжан» или «сяо Чжан», но если у него фамилия Оу Ян, то его так и зовут — Оу Ян, а не «лао Оу Ян», «сяо Оу Ян» [11, 2].

Люй Шусян приводит и другие примеры увеличения количества слогов в именных односложных словах из разных областей жизни. Например, односложным географическим названиям всегда сопутствует родовое понятие, в котором нет необходимости у двусложных, мы можем сравнить следующие названия уездов: Дасин, Шуньи или уезд Тун, уезд Чжо, в название которых обязательно входит само слово ‘уезд’; другой пример — это двусложные названия стран Япония 日本 riben *жибэнь*, Индия 印度 indu *иньду*, с одной стороны, и, с другой стороны, Франция 法国 faguo *фаго*, Англия英国 yingguo *инго* (в название которых входит иероглиф ‘страна’). Показывая, что это явление никак не связано с грамматическими характеристиками определенной части речи (существительных), а имеет отношение только к особенностям функционирования в языке односложных слов, Люй Шусян предлагает рассмотреть и похожую ситуацию у

числительных. Так, например, если про первые десять дней какого-нибудь месяца необходимо говорить «первое число», «второе число», то начиная с одиннадцатого числа можно добавлять, а можно не добавлять к цифровому выражению само слово «число». «Обратной стороной» только что рассмотренного явления является способность двусложных слов при образовании сложных слов «сжиматься» в их составе до односложных. Мы приводим авторские примеры, когда двусложное слово в составе сложного слова сокращается до односложного: 电影dianying *дяньин* ‘кино’ > 影片 yingpian *инпянь* ‘кинокартина’; 地雷dilei *дилэй* ‘сухопутная мина’, 水雷 shuilei *шуйлэй* ‘морская мина’ > 布雷bulei *булэй* ‘закладывать мины’, 扫雷 saolei *саолэй* ‘разминировать’; 黄豆 huangdou *хуандоу* ‘соевые бобы’ > 豆腐doufu *доуфу* ‘соевый творог’ > 腐乳 furu *фужу* ‘засоленный соевый творог’.

Люй Шусян выводит строгие правила квантитативной сочетаемости на уровне словосочетания, когда «количественная» величина управляемого слова зависит от количества слогов в главном слове. Воспользуемся опять авторскими примерами:

进行 学习jinxing xuexi *цзиньсин сюэси* ‘продолжать учебу’ (при невозможности сказать *进行 学jinxing xue *цзиньсин сюэ*, употребив односложное слово ‘учеба’) | 打扫街道dasao jiedao *дасао цзедао* ‘подметать улицы’ (невозможно употребить односложное слово ‘улица’ *打扫街dasao jie *дасао цзе*). Но в случае, если впереди стоящее слово превращается в односложное, то следующее за ним слово тоже лучше превратить в односложное, приведем уже использовавшийся пример: *дасао цзедао* ‘подметать улицы’ > *да цзе*. В свою очередь большое количество четырехсложных слов современного китайского языка образовано из двух двусложных слов [11, 2–3]. (В отечественной китаистике для обозначения подобных процессов используется термин «морфемная контракция», предложенный И.Д. Клениным, см., например, его работу «Проблема морфемной контракции в современном китайском языке» [8, 7]).

Подобные же случаи изменения «протяженности» слов приводит и Н.А. Спешнев, на примере словосочетаний из двух двусложных слов, когда оба слова «сокращаются» до односложных: 义务 yiwu *иу* ‘бесплатный’ и 演出yanchu *яньчу* ‘спектакль’ превращаются в

义 演 yiyan *иянь*, а 互相 帮助 huxiang bangzhu *хусян банчжу* ‘помогать друг другу’ сокращается до 互助huzhu *хучжу* [16, 23–24].

Данная языковая способность отразилась и на процессах словообразования в СКЯ. Как отмечают современные лексикологи, «двусложные слова не всегда справляются со своим предназначением эффективного средства общения. В силу этого появляются неологизмы большей количественной структуры. В основном информационная нагрузка разрешается с помощью четырехсложных и трехсложных образований (они называются в порядке роста их продуктивности). Трех- и четырехсложные образования в количественном отношении явно превосходят двусложные новые слова» [5, 15]. Но появляющиеся в языке неологизмы сложного количественного состава тоже стремятся образовывать более простые варианты, которые будут удобны в общении. Подтверждение этого содержится на страницах самого словаря — два количественно различающихся варианта термина ‘кнопочный телефон’ [5, 36-37], двусложные сочетания наименований непристойной (порнографической) продукции, где первое слово сокращено до одного иероглифа со значением ‘желтый’: 黄书huang shu *хуан шу* ‘книга с непристойным содержанием’, 簧片 huangpian *хуанпянь* ‘порнографические кино- и телефильмы’, 黄带 huangdai *хуандай*‘ «желтая» видеокассета’ [5, 240–241]. Название всемирно известных спортивных соревнований — Олимпийские игры — в сокращенном варианте (первый иероглиф китайского названия) вошло в ряд терминов: 奥班 ao ban *аобань* ‘специальные группы будущих участников’, 奥星 ao xing *аосин* ‘олимпийская звезда’ и др. [5, 38]. Приведем еще пример. После того, как в состав Китая вернулась бывшая португальская колония Аомынь (Макао), по административному делению КНР она получила название «Специального административного района Аомынь». Это название было сокращено до 澳 区 Ao qu *Аоцюй* (дословно: «первый иероглиф из названия» + «район») [5, 39].

Приведенные словарные примеры — это уже зафиксированные факты языка, попавшие в язык из речевого общения. Количественно-вариативные формы слов осознаются носителями языка, и помещаются в словарную статью. В качестве примера

мы хотим привести словарную статью из нормативного китайского словаря Сяньдай ханьюй цыдянь [18,7] с ключевым словом ‘седло’, которое проверялось нами в эксперименте, о котором будет рассказано далее. В статье даются оба варианта: односложный 鞍an *ань*, значение которого не описывается, но раскрывается через двусложную форму, и в этом случае помещается пример употребления 马鞍ma’an *ма’ань* (дословно: «лошадь» + «седло») и 鞍子anzi *аньцзы* с подробным словесным разъяснением значения этого слова. Особенностью словарных статей варьирующихся единиц является то, что другие возможные вариантные формы могут встретиться при описании значений других лексических единиц или в примерах к ним. В данном случае при толковании значения выражения 鞍韂anchan *аньчань* ‘седло и чепрак’ встречается трехсложное образование马鞍子ma’anzi *ма’аньцзы* в качестве объяснения значения первого из компонентов сочетания. Как мы видим, словарные статьи (а приведенная является типичной) не содержат никаких комментариев о правилах выбора того или иного варианта. Требования ли ритма, или какое-то ограничение на функционирование послужило, например, причиной выбора трехсложной формы в последнем случае — сказать трудно. Для выбора этого варианта могли быть и другие причины, что показали наши первые работы с информантами по методу close procedure [9, 103–106; 10].

Для проведения нынешнего эксперимента с информантами были отобраны двадцать лексических единиц СКЯ с разной степенью частотности употребления в речевом узусе. Эти лексические единицы не относятся ни к одной из групп специализированных в своем употреблении слов, например, неологизмов, архаизмов или окказионализмов. Это все так называемые «базовые» лексические единицы СКЯ. Часть слов — более широко употребительные обиходные слова, а часть — менее широко употребительные наименования предметов, встречающихся в определенных ситуациях, как уже приводившееся ‘седло’, ‘мишень’, ‘опухоль’ и др. Единственно, что объединяет отобранные слова — это их способность к количественному варьированию. Проверка речевого функционирования этих слов проводилась последовательно с шестью информантами, китайскими студентами в возрасте 20–25 лет, приехавшими в Институт

русского языка им. А.С. Пушкина на стажировку по русскому языку, уже пройдя курс обучения в высших учебных заведениях КНР.

Информанты приехали в Москву из разных мест Китая, среди них были представители и севера, и юга страны, принадлежащих к различным речевым узусам [4]. Информанты, среди которых были лица и мужского и женского пола, свободно пользовались русским языком в рамках обсуждаемой тематики. Задания информантам формулировались на русском языке, их просили употребить предлагавшуюся лексическую единицу в определенной ситуации в высказывании на родном языке или перевести предлагавшуюся фразу. В качестве вида общения с информантами был выбрана управляемая беседа, сопровождавшаяся необходимым комментарием со стороны испытуемых. Для удобства изложения информантам были присвоены порядковые номера, под которыми их речевые реакции будут употребляться в тексте. На примере слова ‘седло’ мы продемонстрируем, насколько разные факторы, кроме уже описанных ритма и эвфонии, влияют на выбор вариативной формы. Информант № 4 во всех речевых реакциях употреблял только односложный вариант, по его утверждению, это слово нельзя употребить в вариативной форме с суффиксом *-цзы*. По словам информанта № 1, жителя Пекина и говорившем на литературном языке, наоборот, односложный вариант употребить нельзя как наименование предмета, о котором идет речь, но при переводе нескольких атрибутивных сочетаний разной сложности он употребил разные квантитативные варианты: ‘большое седло’ 大鞍da an *да ань*, ‘маленькое седло’ 小鞍xiao an *сяо ань*, ‘новое большое седло’ 新的大鞍子 xinde da anzi *синьдэ да аньцзы*, ‘новое войлочное седло’ 新毡鞍子xin zhan anzi *синь чжань аньцзы*. Этот же информант предоставил интересный комментарий, основанный на личном опыте — у деревенских жителей существуют устойчивые ассоциации с лошадью и седлом, они могут называть ‘седло’ либо 鞍an *ань* либо 鞍子anzi *аньцзы*. Как показали ответы других информантов, на употребление вариантов в большой степени влияет и привычка пользоваться более близкой родной диалектной разновидностью языка, особенно если речь идет о таком предмете, который знаком в домашней обстановке. Одна информантка, которой было

предложено перевести атрибутивные сочетания с проверяемым словом, подчеркнула, что ‘новое седло’ лучше сказать 新鞍子xin anzi *синь аньцзы*, «принято говорить именно так». По ее словам, употребить двусложный вариант было бы правильнее и в сочетании ‘хорошее седло’ 好鞍子hao anzi *хао аньцзы,* ведь здесь они употребляются изолированно, но во фразе эти сочетания будут употребляться с односложным вариантом: 新鞍xin an *синь ань*, 好鞍 hao an *хао ань* и т.д. Когда ей предложили для перевода атрибутивное сочетание со значением принадлежности, то она отреагировала: ‘седло дедушки’ 爷爷的鞍子 yeyede anzi *е’е дэ аньцзы*, с комментарием, что 爷爷的鞍yeyede an *е’е дэ ань* тоже понятно, но лучше употреблять в двусложном варианте. При переводе фраз, где проверяемое слово выступало дополнением, информантка предъявила разные количественные варианты: односложный ‘Я хочу покататься на лошади, мне надо на лошадь надеть седло’ 我想骑马，我需要给马罩上鞍Wo xiang qi ma, wo xuyao gei ma zhaoshang an *Во сян ци ма, во сюй’яо гэй ма чжаошан ань* (хотя при этом она заметила, что употребление двусложного варианта тоже возможно zhaoshang anzi 罩上鞍子*чжаошан аньцзы*) и двусложный ‘У меня есть новое седло, я хочу его надеть на лошадь’ 我有一个新鞍子，我想把它装在马上Wo you yi ge xin anzi, wo xiang ba ta zhuang zai ma shang. *Во ю игэ синь аньцзы, во сян ба та чжуан цзай ма шан*. Употребляя в данном случае двусложный вариант 鞍子 anzi *аньцзы*, информантка комментирует, что так удобнее, свободнее произносить, в китайском языке такое явление называется термином顺口shunkou *шунькоу*. Но при переводе фразы, где проверяемое слово выступало подлежащим, информантка предъявила следующий перевод: ‘Мое седло уже старое, надо поменять на новое’ 我的鞍子已经老了，应该换一个新的Wode anzi yijing laole, yinggai huan yi ge xinde. *Водэ аньцзы ицзин лао лэ, ингай хуань и гэ синь дэ*. При этом она прокомментировала, что если бы в этом случае было употреблено 我的鞍wode an *водэ ань*, то это не было бы похоже на типичный китайский язык, так мог бы сказать иностранец. Если китаец услышит такое выражение, он его поймет, но звучит оно не совсем правильно. С информанткой № 2 было проверено употребление правильного варианта при перечислении необходимых для верховой езды предметов: ‘уздечка, стремена и седло’, она подтвердила, что если

перечислять все названия отдельно, то про ‘седло’ надо будет сказать 马鞍ma’an *ма’ань* или 鞍子 anzi *аньцзы*, если при перечислении употребить鞍 an а*нь*, то будет звучать некрасиво, неблагозвучно.

Информантка № 3 употребляла разные квантитативные варианты: ‘маленькое седло’ 小鞍xiao an *сяо ань*, ‘слезай с седла’ 下鞍吧！xia an ba! *ся ань ба*! (экспликация: «спускаться» + «седло» + частица повелительного наклонения), ‘В седло!’ 上 马鞍 吧！shang ma’an ba ！*шан ма’ань ба*! Она высказала предположение, что 上 鞍子shang anzi *шан аньцзы* тоже можно сказать. Насколько ей известно, такое выражение может звучать в разговоре между знакомыми людьми в деревне, где лошадь еще является основным транспортным средством — люди могут так говорить друг другу в бытовом общении. По ее словам, в разговорной речи китайцы употребляют и 鞍an *ань* и 鞍子 anzi *аньцзы*: ‘снять седло’ 取 鞍子 qu anzi *цюй аньцзы*, ‘большое седло’ 大 的 马鞍 dade ma’an *дадэ ма'ань*, ‘маленькое седло’ 小 的 马鞍 xiaode ma’an *сяодэ ма’ань*, в конкретной ситуации можно сказать и 大 鞍da an *да ань* и 小 鞍xiao an *сяо ань*. И она привела пример такой ситуации: когда в твоем присутствии выбирают седло, уместно спросить ‘Вот большое седло, вот маленькое седло, какое выберешь?’ 这 是 大 鞍 这是 小 鞍 你 挑 那 一个？Zhe shi da an, zhe shi xiao an, ni tiao na yi ge? *Чжэ ши да ань, чжэ ши сяо ань, ни тяо на и гэ*? — в таком виде фраза звучит нормально.

Информантку № 5 попросили определить правильность и понятность фразы ‘Я вчера купила седло’ 我 昨天 买了一个鞍Wo zuotian maile yi ge an. *Во цзотянь майлэ и гэ ань*, в которой умышленно был употреблен универсальный классификатор вместо специального классификатора для этого слова, а также само слово в односложном варианте. Информантка сказала, что такая фраза не для всех понятна: кто-то поймет, а кто-то не поймет. Надо сказать 马鞍 ma’an *ма’ань* или 鞍子 anzi *аньцзы*. Односложное слово редко употребляется. Тогда исследователь попросил определить понятность фразы ‘Седло, сделанное из кожи’ 用 皮革 做 的 鞍yong pige zuode an *юн пигэ цзо дэ ань* (экспликация: предлог со значением «использовать» + кожа + делать + показатель определения + седло), на что информантка сказала, что на слух фраза понятна и что так

можно сказать, ведь перед словом ‘седло’ есть определение, а если бы его не было, то было бы непонятно. Но добавила, что лучше употреблять马鞍 ma’an *ма’ань* или 鞍子 anzi *аньцзы*.

Информант № 6 переводил предлагавшиеся фразы с двусложным вариантом鞍子 anzi *аньцзы*, тогда исследователь попросил его перевести две фразы, где перед проверяемым словом стояли притяжательные местоимения: ‘Это мое седло, ты перепутал’ 这是我的鞍 你拿混了 Zhe shi wode an, ni nahunle *Чжэ ши водэ ань, ни нахуньлэ* или ‘Я взяла твое седло, ошиблась’ 我拿你的鞍了，拿错了 Wo na nide an le, nacuole *Во на нидэ ань лэ, нацолэ* — в которых информант употребил односложный вариант. И все информанты были согласны с тем, что в литературном языке односложное слово ‘седло’ в основном существует в хорошо понятных всем устойчивых фразеологический оборотах, например, ‘Хорошей лошади требуется хорошее седло’ 好马配好鞍 Hao ma pei hao an *Хао ма пэй хао ань* или ‘Раз уж купили лошадь, надо приобрести седло’ 买的起马就配的起鞍 Maideqi ma jiu peideqi an *Майдэци ма цзю пэйдэци ань*.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в китайской речи квантитативная вариативность слова относится к довольно распространенным явлениям. Этот факт объясняется самой типологической спецификой китайского языка, а именно его формоизолирующим строем (термин В.М.Солнцева) [14]. Как известно, В.М.Солнцев усматривал одну из типологических черт в наличии в СКЯ двух форм существования слова [13, 19]. Выбор односложного или двусложного варианта слова определяется целой системой факторов, среди которых имеются ритмические, эвфонические, семантические, стилистические и др. Как показал эксперимент, один из фрагментов которого продемонстрирован в статье, все эти факторы в той или иной степени осознаются носителями китайского языка. Представляется, что именно это подтверждает высокую продуктивность и сложную функциональную дифференциацию квантитативной вариативности слова в китайской речи.

Литература

1. Большой русско-китайский словарь. Пекин: Шаньу иньшугуань, 1985.

2. Венцов А.В., Касевич В.Б.. Проблемы восприятия речи. СПб., 1994.

3. Драгунов А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л.: Издательство ЛГУ, 1962.

4. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. М.: Восточная литература, 2010.

5. Китайско-русский словарь новых слов и выражений / В.Г. Буров, А.Л. Семенас. М.: Восточная книга, 2007.

6. Китайско-русский словарь (Хань-э цыдянь). Пекин: Шанъуиньшугуань, 1989.

7. Кленин И.Д. Материалы по курсу лексикологии китайского языка. М.: ВИИЯ, 1970.

8. Кленин И.Д. Проблема морфемной контракции в современном китайском языке // Изучение китайского языка. Научно-методический сборник. Т. 2. М.: Муравей, 1997.

9. Кульчицкая И.Б. Использование методов полевой лингвистики при описании сочетаемости формантов с именными единицами в СКЯ // Китайское языкознание. IX международная конференция. Материалы. М.: Институт языкознания РАН, 1998.

10. Кульчицкая И.Б. Особенности квантитативной вариативности в китайском языке // Электронное научное издание (периодический сборник) «Лингвистика и методика преподавания иностранного языка», 2010, Выпуск 2 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010_02/sbornik_kiya.pdf.

11. Люй Шусян. Очерк грамматики современного китайского языка // Сяньдай ханьюй бабай цы (800 слов современного китайского языка). Пекин: Шаньу иньшугуань, 1984.

12. Ошанин И.М. Слово и часть речи в китайском языке. М.: АДД, 1946

13. Солнцев В.М. Типологические свойства изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков)// Языки Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1970.

14. Солнцев, В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Восточная литература, 1995.

15. Спешнев Н.А. Введение в китайский язык: Фонетика и разговорный язык. СПб.: КАРО, 2005.

16. Спешнев Н.А. О некоторых стилистических особенностях китайского художественного текста. // В: Фэн Цзицай. Чудаки: Книга для чтения на китайском языке с переводом и вступительной статьей Н.А.Спешнева — СПб.: КАРО, 2006.

17. Спешнев Н.А. Пекин — страна моего детства. Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика. — СПб.: «Бельведер», 2004.

18. Сяньдай ханьюй цыдянь (Словарь современного китайского языка, изд. Группой словарей Института языка АОН КНР). — Пекин, изд-во Шанъуиньшугуань, 1984.

В.С.Люсина (ИЯз РАН)

V.S. Lûsina

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Глаголы с основами на велярный в романских языках

Verbs with stems ending in a velar stop: a survey of Romance languages

Аннотация

В глагольных системах почти всех романских языков существует особый подкласс спряжения, парадигма которого содержит алломорф с исходом на велярный. Хотя в некоторых случаях возникновение велярного форманта вызвано регулярными фонетическими процессами, на большинство словоформ он распространился по аналогии. Область распространения велярного и его значение для глагольной системы в целом различны для разных романских языков: от наращения по регулярной модели в

нескольких формах презенса (румынский) до перестройки всей глагольной системы (каталанский). Различен и статус велярного: от субморфа до флексии. В статье анализируются спряжения с велярным в пяти романских языках (испанский, итальянский, румынский, окситанский, каталанский) с диахронной и синхронной точек зрения.

In nearly all the Romance languages, there is a particular conjugation subclass whose paradigm contains allomorphs ending in a velar stop. Although in some cases the appearance of the velar is explainable in phonetic terms, most forms acquired it by analogy. The number of forms affected by the velar and its significance for the whole verbal system vary from one Romance language to another, the velar being just a meaningless augment in Romanian and causing reconstruction of the whole verbal system in Catalan. Its morphological status also varies from a submorph to an inflection. In this paper, the types of conjugations with velar stops in five Romance languages (Spanish, Italian, Romanian, Occitan, Catalan) are analysed, both diachronically and synchronically.

Ключевые слова

Романские языки, морфология, глагольные парадигмы, история языка.

Romance languages, morphology, verbal paradigms, language history.

Неэтимологический велярный в глагольных основах романских языков не раз привлекал внимание исследователей. Тем не менее, как правило эта проблема изучалась в рамках одного языка (исключение составляет [24], где рассматриваются велярные основы в итальянском и испанском) или в комплексе других проблем глагольной морфологии. Цель данной работы — дать сравнительную характеристику этого явления в пяти романских языках (испанском, итальянском, румынском, окситанском, каталанском[2]) и показать, какие подходы применялись для его объяснения.

[2] За рамками исследования остаются: португальский, демонстрирующий неэтимологическое чередование с велярным в глаголе perder: *perco perdes… perca percas* [22: 59]; корсиканский, где несколько нерегулярных глаголов имеют флексию с велярным в 1sg презенса индикатива, презенсе конъюнктива и футуруме .

Этимологические основы на велярный в романских языках имеют следующие источники происхождения:

- чередование, возникшее вследствие палатализации;
- суффикс /sk/, имевший в латыни инхоативное значение;
- сильные претериты на -UI.

К этим трем типам примыкает четвертый, возникший, как считается, по аналогии, но аттестируемый с самых ранних романских памятников: тип *vengo, salgo*.

В каждом из рассматриваемых пяти романских языков количество лексем, имеющих основы с велярными, различно; затронутые велярным наращением парадигмы также варьируются от языка к языку. В каждом языке существует свой набор форм, такой, что, если одна его форма имеет велярное наращение, оно ожидается и во всех остальных формах данного набора[3]. Распределение велярного по формам в анализируемых языках суммируется в Таблице 5.

Анализ основ с велярными требует ответа на два тесно связанных между собой вопроса:

а) что вызвало аналогическое распространение основ данного типа?

б) каков статус велярного форманта в современном языке?

Среди подходов к этим проблемам можно выделить аналогический, фонетический и «морфомный».

Статья имеет следующую структуру: в п.1 последовательно рассматриваются типы парадигм с велярным в романских языках; п.2 посвящен полемике вокруг возникновения основ с велярным и его теоретическому осмыслению; в п.3 обсуждается современный статус велярного элемента в исследуемых языках; наконец, в п.4 мы подводим итоги и делаем некоторые выводы.

Поскольку статья посвящена проблемам морфонологии, а не грамматической семантики, для простоты изложения мы будем придерживаться тех названий глагольных

[3] Исключение составляет каталанский, где сформулированный принцип является тенденцией, но не обязательным правилом.

парадигм, которые приняты среди романистов («перфект», «имперфект конъюнктива» и т. д.).

В большинстве случаев формы приводятся в орфографической записи с указанием ударения. Если в орфографической записи качество согласного в исходе основы неочевидно, указывается его транскрипция.

1. Типы основ на велярный

1.1 Презентные основы с велярными

Ниже приводится спряжение глаголов, восходящих к латинскому DICERE, в пяти исследуемых языках.

Таблица 1. Спряжение глаголов, восходящих к DICERE

испанский		каталанский		окситанский	
инд.	кон.	инд.	кон.	инд.	кон.
dígo	**díga**	**dic**	**dígui**[4]	dísi	**díga**
dí[θ]es	**dígas**	díus	**díguis**	díses	**dígas**
dí[θ]e	**díga**	díu	**dígui**	ditz	**díga**
de[θ]ímos	**digámos**	diém	**diguém**	diséin	**digám**
de[θ]ís	**digáis**	diéu	**diguéu**	diséts	**digátz**
dí[θ]en	**dígan**	díuen	**díguin**	díson	**dígan**
инд.	кон.	инд.	кон.		
zic	**să zic**	**díco**	**díca**		
zí[tš]i	să zi[tš]i	dí[tš]i	**díca**		
zí[tš]e	**să zícă**	dí[tš]e	**díca**		
zi[tš]ém	să zi[tš]ém	di[tš]ámo	di[tš]ámo		
zi[tš]éţi	să zi[tš]éţi	díte	di[tš]áte		
zic	**să zică**	**dícono**	**dícano**		

[4] В испанском и каталанском языках диграфом *gu* передается звук /g/ перед передними гласными.

Как видно, во всех языках велярный сохраняется перед непередними гласными и палатализуется (с разными рефлексами) перед передними гласными. Исключение составляет каталанский: в этом языке латинский /k/, палатализовавшись, впоследствии перешел в /w/ после ударного слога и исчез перед ударным слогом; по этой причине каталанская парадигма презенса индикатива демонстрирует чередование /k/ ~ /u/ ~ /Ø/. В каталанской парадигме презенса конъюнктива сохраняется велярный перед флексиями с передним гласным: *digui, diguem* и т. д. Эти флексии регуляризовались для всех спряжений только в 18 в. [22: 397], заменив во II и III спряжениях общероманские окончания *-a* (*diga, digas*…). Что касается окситанского, то, демонстрируя нулевое окончание 1sg в Средние века [15: 67], в новое время он приобрел окончание /i/ для 1sg всех спряжений и в настоящее время не имеет алломорфов с велярным для формы 1sg.

Этимологически в форме 3pl всех языков должен ожидаться велярный (<DICUNT), однако в III спряжении для иберийской латыни и для области распространения современного окситанского постулируется окончание *-ent [28: 204], палатализовашее предыдущий велярный.

Распределение велярных по формам всегда подчиняется такому же принципу, как в Таблице 1:

- 1sg индикатива — кроме окситанского;
- 3pl индикатива в румынском и итальянском;
- вся парадигма конъюнктива в испанском, каталанском и окситанском;
- 1sg-3sg и 3pl конъюнктива в итальянском;
- 1sg, 3sg, 3pl конъюнктива в румынском.

Спряжение с реликтами суффикса /sk/.

Таблица 2. Спряжение с реликтами суффикса /sk/.

Румынский		Итальянский		Испанский	
a povestí ‘рассказывать’		capire ‘понимать’		florecer ‘цвести’	

индикатив	конъюнктив	индикатив	конъюнктив	индикатив	конъюнктив
povestesc	să **povestesc**	**capísco**	**capísca**	**florézco**	**florézca**
povesteşti	să povesteşti	capí[šj]i	**capísca**	floré[θ]es	**florézcas**
povesteşte	să **povestească**	capí[šj]e	**capísca**	floré[θ]e	**florézca**
povestim	să povesim	capiámo	capiámo	flore[θ]émos	**florezcámos**
povestiţi	să povestiţi	capíte	capiáte	flore[θ]éis	**florezcáis**
povestesc	să **povestească**	**capíscono**	**capíscano**	floré[θ]en	**florézcan**

Окончание таблицы 2

Окситанский		Каталанский (валенскийский диалект)		Каталанский (центральный диалект)	
dormir ‘спать’		preferir ‘предпочитать’			
индикатив	конъюнктив	индикатив	конъюнктив	индикатив	конъюнктив
dormíssi	**dormísca**	**preferísc**	**preferísca**	preferé[š]o	preferé[š]i
dormísses	**dormíscas**	preferí[š]es	**preferísques**	preferé[š]es	preferé[š]is
dormís	**dormísca**	preferí[š]	**preferísca**	preferé[š]	preferé[š]i
dormissém	**dormiscám**	preferím	preferím	preferím	preferím
dormissétz	**dormiscátz**	preferíu	preferíu	preferíu	preferíu
dormísson	**dormíscan**	preferí[š]en	**preferísquen**	preferé[š]en	preferé[š]in

Во всех языках, кроме испанского, парадигмы с реликтом суффикса /sk/ представляют собой особый подтип спряжения (в испанском суффикс полностью инкорпорировался в корень). Как видим, каталанский демонстрирует отклонение от схемы распределения, описанной выше: в валенсийском диалекте остаются незатронутыми формы 1pl и 2pl, а в стандартном каталанском (центральном диалекте) произошло выравнивание парадигмы, вследствие чего форма 1sg, в старокаталанском *preferisc*, получила вид *prefere[š]o.*

Велярные после сонорных и их аналогическое распространение

Следующий тип основ с велярными включает несколько парадигм с этимологическим велярным после сонорных и множество лексем, получивших велярный по аналогии.

Таблица 3 Велярные после сонорных и гласных

	venir ‘приходить’		valer ‘стоить’		caer ‘падать’	
	инд.	кон.	инд.	кон.	инд.	кон.
исп.	**véngo** viénes viéne venímos venís viénen	**vénga** **véngas** **vénga** **vengámos** **vengáis** **véngan**	**válgo** vales vale valémos valéis valen	**válga** **válgas** **válga** **valgámos** **valgáis** **válgan**	**cáigo** cáes cáe caémos caéis cáen	**cáiga** **cáigas** **cáiga** **caigámos** **caigáis** **cáigan**
	venire ‘приходить’		valere ‘стоить’		fuggire ‘убегать’	
ит.	**véngo** viéni viéne veniámo veníte **véngono**	**vénga** **vénga** **vénga** veniámo veniáte **véngano**	**válgo** váli vále valiámo valéte **válgono**	**válga** válga válga valiámo valiáte **válgano**	**fúggo** fú[dğ]i fú[dğ]e fu[dğ]ámo fu[dğ]íte **fúggono**	**fúgga** **fúgga** **fúgga** fu[dğ]ámo fu[dğ]áte **fúggano**
	venir ‘приходить’		valdre ‘стоить’		traure ‘отнимать’	
кат.	**vinc** vins vè	**víngui** **vínguis** **víngui**	**valc** vals val	**válgui** **válguis** **válgui**	trac traus trau	trágui tráguis trágui

	vením veníu vínen	**vinguém** **vinguéu** **vínguin**	valém valéu válen	**valguém** **valguéu** **válguen**	traém traéu tráuen	traguém traguéu tráguin

Среди ученых нет единого мнения о причине появления велярных в этом типе парадигм. Ниже будет приведено традиционное объяснение (как его излагает, например, Бурсье [1: 183–184]), а более поздние решения этой проблемы будут рассмотрены в следующих пунктах.

Согласно Бурсье, на возникновение форм с велярным повлияли существовавшие в латыни глаголы типа FRANGO, PLANGO, CINGO, чьи формы перед передними гласными эволюционировали: NG > NY. По аналогии палатальный /ň/ принимали и формы 1sg:

FRANGO : FRANGIS > *frango* : *frańis* > *frańo* : *frańis*

Однако форма типа FRANGO не была утрачена окончательно, она существовала как вариант формы *frańo*. В то же время, формы глаголов VENIO, TENEO также эволюционировали и имели палатальный /ň/ во форме 1sg: *veňo, *teňo. Существовавшая вариативность форм глаголов типа FRANGO привела к тому, что у 1sg глаголов VENIO и TENEO появились варианты с велярным, которые и закрепились впоследствии:

VENIO > *veňo*[5] >> *vengo*

TENEO > *teňo* >> *tengo*

По такой же схеме велярный после /l/ появился у глаголов VALEO, SALEO (по аналогии с глаголом *colo* < COLLIGO):

VALEO > *valo* >> *valgo*

SALEO > *salo* >> *salgo*

По аналогии в презенсе конъюнктива стало употребляться сочетание /ng/ вместо палатального /ň/:

[5] Формы типа **veňo* не задокументированы в испанском языке, но встречаются в староитальянских текстах, а в португальском, в целом более архаичном, сохранились до сих пор: *venho*, *tenho*.

VENIO >> *vengo* = VENIAM >> *venga*

SALEO >> *salgo* = SALEAM >> *salga*

Впоследствии /g/ распространился по аналогии на другие глагольные парадигмы.

В некоторых итальянских диалектах наблюдается распространение велярного по большему количеству основ. Он по-разному взаимодействовал с основой в зависимости от ее исхода:

- если основа заканчивалась на сонорный, велярный просто присоединялся: *sono* >> *songo*, *dono* >> *dongo*;
- если основа заканчивалась на смычный, происходила ассимиляция: *vado* >> vaggo, *credo* >> *creggo*;
- если основа оканчивалась на группу «сонорный + смычный», последний выпадал: *sento* > *sengo*, *perdo* > *pergo.*

Особенно интересен материал романьолского диалекта, в котором утратилось конечное /*o*/, и таким образом нерегулярные глаголы в 1sg получили вид *vag*, *dag*, *stag* [6: 111]; сходные формы можно обнаружить в каталанском языке, где велярный имеет большое количество глаголов разных спряжений.

В Таблице 4 приводятся лишь несколько каталанских примеров, не имеющих аналогов в других романских языках.

Таблица 4. Велярные в каталанском языке

диалекты	ésser ‘быть’		saber ‘знать’		perdre ‘терять’		parlar ‘говорить’	
	инд.	кон.	инд.	кон.	инд.	кон.	инд.	кон.

цент р.	**soc** ets és som sou són	**sígui** **síguis** **sígui** **siguém** **siguéu** **síguin**	sé saps sap sabém sabéu sáben	**sápiga** **sápigas** **sápiga** **sapiguém** **sapiguéu** **sápigan**	pérdo pérdes perd perdém perdéu pérden	pérdi pérdis pérdi perdém perdéu pérdin	párlo párles párla parlém parléu párlen	párli párlis párli parlém parléu párlen

Окончание таблицы 4

вале нс.				sápia sápies sápia sapiém sapiéu sápien	**perc** perds perd perdém perdéu pérden	**pérga** **pérgas** **pérga** **perguém** **perguéu** **pérguen**	párle párles párla parlém parléu párlen	párle párles párle parlém parléu párlen
бале ар.							**parlc**[6] párles párla parlém parléu párlen	párliga párligues párliga parlém parléu párliguen

В стандартном каталанском насчитывается 46 лексем, имеющих велярный в презенсе [37: 4]. В валенсийском и балераском диалектах их куда больше. Особенно характерен для балеарского суффикс *-iga* как показатель конъюнктива во всех

[6] Случаи распространния велярного на 1sg презенса индикатива не описаны в литературе. Форма *parlc* задокументирована в балеарских текстах диалектологического корпуса каталанского языка [13].

спряжениях и распространение велярного на формы 1sg всех лексем II-III спряжений (и даже спорадическое их появление у глаголов I спряжения).

1.3.1. Взаимодействие типов на /sk/ и на /g/.

В некоторых языках типы основ на /sk/ и на /g/ подвергались взаимному влиянию. Так, в испанском глаголы с наращением /sk/ имели чередование /θk/ в 1sg презенса индикатива и в презенсе конъюнктива ~ /θ/ в остальных формах презенса индикатива. Однако существовал ряд глаголов, имевших в тех же позициях чередование /g/ ~ /θ/, появившееся в результате озвончения и палатализации латинского /k/. Под влиянием глаголов первого типа в паре чередований /g/ ~ /θ/ велярный был изменен на сочетание /θk/:

ADUCO > *adugo*

COQUO > *cuego*

crezco : *crece* ≠ adugo : *aduce* => *crezco* : *crece* = *aduzco* : *aduce*

Этой трансформации избежали только частотные глаголы *decir* и *hacer*.

Как было сказано выше, в стандартном каталанском не сохранились презентные основы на /sk/, так как в основах с этим наращением произошло выравнивание парадигмы. Один из глаголов этой группы (*conèixer* < COGNOSCERE) имел особенную судьбу: его этимологическая основа *conesc-* была заменена на *coneg-* на самых ранних этапах развития языка [37: 29].

В перфектных парадигмах, напротив, наблюдается распространение основы на /sk/. Его источниками считается метатеза (VIXIT > *visket > *visc*) и аналогия с презентными основами на /sk/ (*nasca* => *nasc*) [37: 42]. Таким образом, прежде чем утратиться в презенсе, велярный оказал влияние на перфектные основы (в современном каталанском таких основ около пяти [37: 9]).

1.3.2. Перфектные основы

Таблица 5. Перфектные основы

окситанский (диал.)		окситанский (норм.)		каталанский	
перфект	перфект конъюнкт.	перфект	перфект конъюнкт.	перфект	перфект конъюнкт.
cantégui	**canteguésse**	**sentiguéri**	**sentiguésse**	**vínguí**	**vingués**
cantégues	**canteguéssis**	**sentiguéres**	**sentiguéssis**	**vinguéres**	**vinguéssis**
cantéc	**canteguésse**	**sentiguét**	**sentiguésse**	**vingué**	**vingués**
cantéguem	**canteguessem**	**sentiguérem**	**sentiguéssem**	**vinguérem**	**vinguéssim**
cantéguetz	**canteguéssetz**	**sentiguéretz**	**sentiguéssetz**	**vinguéreu**	**vinguéssiu**
cantéguen	**canteguésson**	**sentiguéron**	**sentiguésson**	**vinguéren**	**vinguéssim**

В каталанских перфектных основах велярный имеет только небольшой класс глаголов, относимых к нерегулярным. Однако в современном стандартном каталанском синтетический перфект практически не употребляется, будучи заменен на аналитическую конструкцию *anar* + инфинитив [33: 302].

В окситанском, напротив, велярный всегда появляется во II и III спряжении, а в некоторых диалектах — и в I спряжении[7].

Традиционно считается, что источником велярных в окситанских перфектных формах послужили латинские перфекты на -UI, эволюционировавшие в /g/, /c/ и впоследствии принявшие окончания слабых перфектов:

DEBUI > *DEBWI > *DEGWI > *deg* > *dec*> *deguèri*

POTUI > *POTWI > *POTGWI > *POGWI > *pog* > *poc* > *poguèri*

Согласно Бадии и Маргарит [8: 359], в случае каталанского дальнейшему распространению велярных поспособствовала аналогия: у тех лексем, где велярный был в 1sg презенса индикатива, он возникал и в перфекте. Ниже мы увидим, как рассматривал соотношение презентных и перфектных основ М. Вилер.

[7] Следует, однако, помнить, что глагольные спряжения окситанского очень варьируются по диалектам. В некоторых описаниях окситанского указывается, что для II и III спряжений возможен вариант с велярным наращением и без него [30: 261]; в других регулярное спряжение имперфекта конъюнктива не имеет велярных [5: 297]; в третьих, напротив, приводятся только парадигмы с велярным [12: 20-21].

1.3.3. Нефинитные основы: причастие, герундий, инфинитив

В окситанском и каталанском языках лексемы, имеющие велярный в перфектных основах, часто демонстрируют его в причастии прошедшего времени. Однако во многих случаях сохраняются этимологические сильные причастия без велярного [37: 56].

Только в румынском языке существует несколько нормативных форм герундия с велярным (предположительно) неэтимологического характера [26: 5]. В каталанском языке велярные в герундии запрещены прескриптивными грамматиками, однако являются достаточно распространенным явлением [19: 186].

У самых распространенных каталанских глаголов прослеживается отчетливая тенденция инкорпорирования велярного в корень, так как грамматики, наряду с его появлением в герундии, отмечают и проникновение велярного в инфинитив [19: 186].

Таблица 6. Распределение неэтимологических велярных основ в романских языках

	Презенс					Перфект		прич.	гер.	инф.
	индикатив		конъюнктив							
	1sg	1sg, 3pl	вся парадигма	1-3sg, 3pl	1sg, 3sg, 3pl	инд.	кон.			
Рум.		×			×	(×)*		(×)*	(×)*	
Ит.		×		×						
Исп.	×		×							
Окс.			×			×	×	×		

Окончание таблицы 6

Кат.	×		×			×	×	×	×	×

*Наличие неэтимологического велярного в этих формах отстаивает Мейден [26: 5], поскольку это распределение не затрагивает формы с суффиксом /sk/ и появляется только в лексемах с этимологическим /k/ (который, согласно Мейдену, должен был палатализоваться); тем не менее, в случае румынского нельзя говорить об этимологическом распространении велярного на другие парадигмы перфекта, причастия и герундия , а потому с неэтимологическим велярным в румынском и остальных языках нельзя ставить в один ряд.

2. Возникновение основ с велярными и его теоретическое осмысление

2.1. Некоторые вопросы

Приведенные выше традиционные объяснения возникновения велярных не могли ответить на ряд вопросов, как то:

- Как могли менее частотные глаголы (FRANGERE «разбивать», CINGERE «опоясывать») аналогически повлиять на часто употребляемые глаголы (TENERE «держать», VENIRE «приходить»)?
- Почему в испанском формы с этимологическим велярным исчезли, а формы с велярным, появившимся по аналогии, сохранились?
- Почему считающийся регулярным переход UI > g аттестируется только в перфектных основах и больше нигде?
- Какая существует связь между основами 1sg и основой конъюнктива?
- Почему, в конце концов, велярный не был устранен по аналогическому выравниванию, а, наоборот, распространился на лексемы в количестве, в несколько раз превышающем количество лексем с этимологическим велярным?

Среди множества подходов к этой проблеме можно выделить следующие:

- объяснение с помощью построения пропорций;

- фонетический подход (Фанчулло);
- объяснение в рамках теории естественной морфологии (Байби, Перес Салданья, Вилер);
- «морфомный» подход (Мейден, О'Нил, Вилер).

Посмотрим, какие достоинства и недостатки были у каждого из них.

2.2. Пропорциональная аналогия

Этот метод, изобретенный младограмматиками и усовершенствованный Е. Куриловичем [29: 20], в той или иной мере используют почти все лингвисты при объяснении исторических изменений. Выделяются три типа аналогии:

- интерпарадигматические, аналогия внутри парадигмы одной лексемы;
- кросспарадигматические, аналогия между парадигмами разных лексем;
- аналогическое возникновение варьирования.

Для появления велярного в каталанском языке как правило приводятся пропорции, отражающие чередование /k/ ~ /w/ (*diu : dic = deu : dec = creu : ? => diu : dic = deu : dec = creu : crec*).

Для итальянского языка П. Тецавчичем [31: 275-292] была предложена сложная схема распространения аналогий, причем важнейшим оказывается аналогическое возникновение выравнивания. Так, *fuggo* (вместо этимологического **fuggio*) объясняется аналогией с /ǧǧ/ ~ /gg/, как в *veggio ~ veggo*; появление велярного в форме *tengo* наряду с *tegno* — аналогией двумя рядами форм *piagno* и *piango* (мы видели, что похожие объяснения используются в традиционных грамматиках).

Однако подобные объяснения не могут дать ответа на вопрос, почему аналогия происходит в именно в этом направлении, а подчас и апеллируют к несуществующим фактам. Так, Р. Пенни говорит о замене чередования /ň/ ~ /n/ чередованием /ng/ ~ /n/, так как последнее было более характерно для испанского [28: 204]. Однако в реальности чередование /ng/ ~ /n/ в тот период было абсолютно новым для испанского языка и никак не могло считаться характерным [27: 11].

2.3. Фонетический подход

Фонетическое объяснение возникновения велярных основ было предложено только для итальянского языка. Однако очевидно, что если это объяснение будет сочтено верным для итальянского, оно автоматически будет верным и для испанского и части каталанского материала. Для каталанского тогда следовало бы говорить о фонетическом возникновении велярных, которое впоследствии приобрело аналогический характер.

Обращает на себя внимание следующий факт из истории испанского языка: сохранилась ни одна форма с этимологическим велярным после *n* в этом языке не сохранилась: PLANGO >> *plaño*, CINGO >> *ciño*, TANGO >> *taño*, и т. д. Вышеприведенные формы и такие примеры как UNGULA > *uña,* SCANDULA > *escaña* позволяют предположить, что NG в испанском регулярно переходит в ň (другая трактовка этого перехода дается в [23: 255–256]).

Если мы обратимся к староиспанскому языку, мы обнаружим несколько односложных форм 1sg, оканчивающихся на сонорные *n, l, r* или *j* + велярный, который утрачен в современном языке. Таковы формы *creigo* (совр. *creo*), *suelgo* (совр. *suelo*), *huygo* (совр. *huyo*)[8], *destruygo* (совр. *destruyo*). На основании этих данных можно сделать вывод, что причины распространения велярного в испанском языке были не аналогическими, а фонологическими: он появлялся после сонорных и *j*.

Если фонетическое объяснение и возможно в диахронической перспективе, то для современного испанского языка считается доказанным отсутствие фонетической корреляции велярного с непередними гласными. Для выяснения этого был проведен тест, в рамках которого испытуемым-носителям испанского языка предлагали, опираясь на сконструированные формы 1sg и 3sg несуществующих глаголов, построить формы конъюнктива [12: 88-90]. В 48% ответов велярный был употреблен перед передними гласными, что доказывает его нефонетическую природу.

Фонетическая гипотеза на итальянском материале апеллировала к «фонетической аналогии». Согласно Фанчулло [16: 190], базой для возникновения велярного служат

[8] Примеры из [15].

такие формы как *colto*/*spento* — здесь /t/ выступает как «депалатализатор», который противопоставляет данные формы палатализованным *coglio* / *spegno*. Вследствие этого велярный элемент в форме *colgo* тоже воспринимается как депалатализатор. На следующем этапе велярный элемент появляется перед всеми непередними гласными парадигмы, «депалатализуя» согласный основы.

Против этой теории выдвигаются три серьезных возражения [24: 46-54]:

1. Процесс так называемой «депалатализации» не зафиксирован нигде, кроме глагольной морфологии, что немыслимо для естественного фонетического процесса.

2. Известно, что распространение велярных происходило в течение нескольких веков; таким образом, здесь не может идти речь о спонтанном фонетическом переходе.

3. Средневековые формы с геминированным велярным (типа *caggo, veggo*) появляются не после палатального, а после ассимилировавшегося впоследствии согласного (**cadgo, *vedgo*).

Таким образом, фонетическая теория на итальянском материале выглядит достаточно неубедительно.

2.4. Теория естественной морфологии

Каждый ученый, объяснявший возникновение велярных в рамках теории естественной морфологии, делал аспект на разных ее сторонах. Так, для Дж. Байби это были понятия автономности и базовой деривации, для М. Вилера — иконичность и функциональная значимость формы (удобство говорящего, удобство слушающего, удобство изучающего язык).

Байби опирается на идеи Р.О. Якобсона, изложенные в статьях «Нулевой знак» и «О структуре русского глагола». Якобсон утверждает, что язык строится на системе противопоставлений «признак — отсутствие информации о признаке», причем не только в области лексики, но и в области морфологии. Формы без информации о признаке, «немаркированные», являются более базовыми, на их основе строятся другие, более сложные формы [4: 225]. Таким образом, налицо иконичность форм: более сложной семантически форме соответствует более сложное означающее. Согласно Якобсону, в

глагольной парадигме наиболее базовым значением обладает граммема 3sg, а потому ей соответствует наиболее простой план выражения (часто нулевая флексия) [3: 216].

Дж. Байби развила эту теорию, указав, что маркированность связана с частотностью употребления формы в языке [10: 63]. Действительно, 3sg является наиболее употребительной из всей парадигмы, и поэтому она хранится в сознании говорящего в виде нечленимых единиц. На базе таких форм с помощью определенных операций (окончаний) конструируются остальные формы, т.е. между этими формами существуют так называемые отношения базовой деривации, basic-derived relationship[9].

Вторая по употребительности форма в парадигме — 1sg. В испанском языке исторически так сложилось, что основа 1sg совпадает с основой конъюнктива, причем у многих часто употребительных глаголов эта основа имеет велярный исход. Конъюнктив — маркированная категория, поэтому его парадигма должна строиться на базе более простой формы. Вследствие этих фактов в испанском языке возник закон, согласно которому парадигма конъюнктива образуется от основы 1sg индикатива[10] [10: 72; 11: 92]. Эксперимент, описанный в п. 2.3., также позволял проверить эту гипотезу: действительно, оказалось, что носители в подавляющем большинстве случаев образуют конъюнктив от основы 1sg. Кроме того, было зафиксировано несколько случаев употребления велярного в конъюнктиве при том, что в предлагаемой форме индикатива 1sg его не было. Таким образом, делает вывод Байби, в языке существует тенденция ассоциировать велярные основы с конъюнктивом.

Итак, случайное совпадение парадигм конъюнктива и 1sg привели к тому, что первая образуется на базе последней. Неясным, однако, остается следующее: если форма 1sg является немаркированной, то почему ее основа (если она имеет велярный) настолько отличается от основ всей остальной парадигмы? Кроме того, очевидно, что в парадигмах конъюнктива с велярным именно этот элемент делает основу маркированной, отличает ее

---

[9] Конечно, не всегда частая употребительность совпадает с немаркированностью. У самых частотных глаголов («быть», «иметь») все формы являются «автономными», не производными от других. Именно поэтому парадигмы этих глаголов всегда нерегулярны.

[10] За исключением нескольких очень употребительных глаголов, у которых все формы являются автономными: *sé — sepa, soy — sea, voy — vaya* и. т д.

от основы индикатива — так как же может вроде бы немаркированная основа становиться маркированной в парадигме, на ней построенной? Окситанская глагольная система, где велярный превратился в маркер конъюнктива, исчезнув из форм 1sg, лучше соответствует теории маркированности. Тем не менее, должно быть, Байби считала, что в испанском отношения базовой деривации оказались настолько важны, что не позволили велярному в 1sg утратиться.

По поводу маркированности формы 1sg существуют разногласия. М. Перес Салданья, не полемизируя эксплицитно с Байби и, кажется, не отдавая себе отчета в том, что он высказывает ровно противоположное мнение, говорит о форме 1sg как о маркированной и о велярном (в каталанском языке) — как о формальном показателе этой маркированности [29: 77-78]. (Он указывает на то, что велярный в 1sg маркирует эту форму относительно 3sg; получается, что 1sg — самая маркированная форма в парадигме, так как она выделяется не только по сравнению с 3sg, но о сравнению со всеми остальными формами; налицо противоречие с общепринятым мнением о маркированности 1sg, но Перес Салданья, видимо, его не замечает.) Таким образом, согласно Пересу Салданье, велярный в глагольной морфологии каталанского языка является показателем маркированности: 1sg относительно 3sg, конъюнктива относительно индикатива, перфекта относительно презенса.

М. Вилер также сосредоточивает свое внимание на маркированности 1sg. В статьях, посвященных глагольной морфологии каталанских диалектов, основы с велярным рассматриваются в контексте общей эволюции флексий 1sg. Дело в том, что для каталанского харатекрна апокопа /o/. Это привело к тому, что в презенсе индикатива формы 1sg имели нулевую флексию, причем если во II и III спряжениях нулевая флексия характеризовала также 3sg (*dorm* «я сплю», *dorm* «он спит»), то в I спряжении 3sg была формально сложнее, чем 1sg (*am* «я люблю», *ama* «он любит»). Подобную ситуацию, при которой в парадигме немаркированная форма имеет ненулевую флексию, а маркированная — нулевую, Вилер назвал «контриконичностью» [34: 48]. Иконичность, утверждает Вилер, является главным «естественным» принципом организации парадигм,

а потому формам 1sg во всех диалектах каталанского языка, кроме балеарского, была присвоена флексия. Хотя в целом 1sg получила вокалические флексии (/o/ в центральном каталанском, /e/ в валенсийском, /i/ в северных диалектах), наличие таких форм как *vinc-ven, tinc-ten* послужило распространению велярного элемента как показателя 1sg. Этот процесс затронул валенсийский в гораздо большей степени, чем центральный каталанский, благодаря чему в этом диалекте появились такие формы как *faixc* «я делаю» (норм. *faix*), *perc* «я теряю» (< **perdc*, норм. *perdo*), *temc* «я боюсь» (норм. *temo*) [34: 69]. Что касается балеарского, то там сохраняющаяся ситуация контриконичности привела к бурному распространению велярных, которые появляются даже в I спряжении (*parlc* «я говорю», норм. *parlo*). Интересно, что велярные в конъюнктиве также наиболее распространены в балеарском диалекте (они могут быть показателем конъюнктива в любом спряжении [19: 186]), но это не просто основа с велярным, совпадающая с формой 1sg, а суффикс *-iga*, в центральном диалекте присутствующий только в формах *sàpiga* и *càpiga* (см. Таблицу 4). Таким образом, в балеарском диалекте утратилась связь между основами 1sg индикатива и парадигмой конъюнктива, велярный /k/ превратился в полноценную флексию, а суффикс *-iga* — в полноценный показатель основы конъюнктива.

В рамках теории естественной морфологии перфектам с велярными было уделено куда меньше внимания. Байби анализировала окситанские перфекты, чтобы показать, как на базе 3sg строятся остальные формы парадигмы [11: 46-48]. Перес Салданья, как уже было сказано выше, отмечает, что велярный в перфектных прадигмах маркирует его относительно настоящего времени. Более подробно перфектные основы (не только в связи с велярными) были рассмотрены в рамках «морфомной» теории.

2.5. «Морфомная» теория

Понятие «морфома» вводится в книге Аронова “Morphology by itself”: так американский исследователь называет совокупность форм, которые не имеют функциональной и семантической общности, но обладают формальным сходством и представляют для говорящего некий абстрактный набор взаимосвязанных элементов.

Такова, например, основа, служащая для совокупности «супин + причастие прошедшего времени + футуральное причастие» в латинском языке. Наличие морфомы у одного из членов набора автоматически означает ее наличие у всех остальных членов [7: 37-44].

Романист М. Мейден выделяет в романской глагольной морфологии три важнейших морфомы, из которых для основ с велярными релевантны две: L/U-pattern (модель L/U) и PyTA root (корень PyTA).

Модель L/U — это основа набора «1sg презенса индикатива + презенс конъюнктива» в испанском и «1sg + 3pl презенса индикатива + презенс конъюнктива» в итальянском[11] [25: 148]. Парадигмы с велярным, таким образом, включаются в более широкий класс парадигм, демонстрирующих алломорфическое варьирование по одинаковой модели. Отстаивая «морфомную» природу этого явления, Мейден полемизирует, с одной стороны, с фонетической теорией (его претензии к фонетическому объяснению Фанчулло изложены в п. 2.3.), а с другой — с объяснением, данным в рамках теории естественной морфологии. Действительно, модель L/U не может считаться «естественным морфологическим классом»: “If plural is 'marked' with respect to singular, why should the diagrammacity of that relationship be disrupted by the fact that the 3rd person plural usually shares a root with all three persons of the singular? If third person is marked in respect to other persons, why should 1st, 2nd and 3rd person share the alternant in the singular but not in the plural?” [25: 159]

Дж. Байби также не говорила об этом наборе форм как о естественном классе, а лишь отмечала, что исторически сложившиеся чередования привели к тому, что парадигма презенса конъюнктива строится на основе 1sg индикатива: "We will not claim that the 1s present indicative and the present subjunctive have any semantic properties in common (besides “present”) <…> the present subjunctive should be based on the present indicative. But the whole of the present subjunctive cannot be based on the whole of the present indicative. Rather, it is based on a single form of the present indicative, the most autonomous

[11] Модель названа так потому, что распределение форм напоминает букву U в итальянском и лежащую на боку букву L в испанском (если записать парадигмы в две строчки: индикатив на первой, конъюнктив на второй).

form (Bybee and Brewer 1980). Evidence from historical change indicates that the most autonomous forms among person/number forms are the 3s and the 1s. It is also possible for the 1s form, because of its relative autonomy, to be distinct from other person/number forms in the same tense and mood. Thus, while there are other distributions of the velar that might also be motivated or even better motivated, the historically inherited distribution in Spanish is not totally at odds with the morphological system." [12: 92]

Мейден отрицает существование отношений базовой деривации между этими формами, настаивая на том, что все они равноправны и взаимно зависят друг от друга, а изменение в одной из форм ведет к изменению всех других. Так, например, появление велярного в испанском глаголе *oír* затронуло все клетки модели L. Модель L/U — это классическая морфома по Аронову [25: 150].

Мейден не отвергает иконичность, но говорит, что она характеризует не некий «естественный класс» или более маркированные формы, а более абстрактную языковую сущность — морфому (“entità paradigmatica”). Как и Байби и многие другие исследователи, Мейден указывает на то, что это чередование возникло случайно, благодаря ряду не связанных друг с другом фонетических процессов, однако впоследствии было осмыслено как однородное явление и получило «психологическую реальность». Своеобразие трактовки Мейдена состоит в том, что он считает алломорфизм базовым принципом организации глагольных парадигм [25: 170]. Таким образом, образование морфомы по модели L/U является следствием двух противоположных тенденций в эволюции глагола: стремления к выравниванию парадигм, к приведению их «к общему знаменателю», и стремления к образованию алломорфов внутри парадигмы [24: 56].

Мейден первым высказал гипотезу о неэтимологичности велярных в румынском. Он показывает, что в румынском существует морфома «модель U + герундий», причем в герундии у основ с велярным наблюдается немотивированная смена глагольного класса: *fugand*, а не *fugind. Также в 3sg конъюнктива сохраняется велярный там, где по фонетическим законам ожидается аффриката: FACIAT >> *facă*. Таким образом, нельзя

говорить о том, что велярный сохраняется перед непередними гласными, т.к. эти гласные имеют неэтимологическую природу. Наоборот, стремление сохранить велярные привело к тому, что окончания «подстроились» под основу, частично изменив глагольный класс [26: 5].

Одно из исследований Мейдена посвящено основам с велярным в итальянском и испанском языках, однако итальянский материал анализируется гораздо подробнее. П. О'Нил указал на специфику испанского языка и предложил свою трактовку велярных формантов в этом языке. Основное внимание он уделяет развитию таких неэтимологических форм как FACIO >> *hago*, IACEO >> *yazco*, TENEO >> *tengo*, VENEO >> *vengo*, TANGO >> *taño*.

П. О'Нил предлагает выделить особые «L-морфомные» окончания *-go*/*-co*, *-ga*/*-ca*, *-gas*/*-cas*[12] и т. д. В староиспанском многие формы получили эти окончания благодаря распространению модели L. После этого вступило в силу интерпарадигматическое аналогическое выравнивание, которое происходило следующим образом: *ya-go* : *yaze* => *yazgo* (> *yazco*) : yaze; *redu-go* : *reduze* => *reduzgo* : *reduze*. Такая трактовка, подчеркивает О'Нил, помогает объяснить тот факт, что этимологический велярный в таких формах как TANGO, FRANGO утратился. В этом случае также произошло выравнивание *tan-go* => *tañgo, но, так как велярный в конце слога в испанском запрещен, появилась форма *taño*. В литературном языке выравнивания избежали только четыре частотных глагола: *ha-go*, *di-go*, *ten-go*, *ven-go* (которые не подстроились под алломорфы всей остальной парадигмы *ha[θ]*, *di[θ]*, *tien-*, *vien-)*; однако в корпусе испанского языка все же находятся такие формы как *fazca*, *tiengo*, *viengo*.

Изощренное объяснение О'Нила, отвечая на некоторые вопросы, порождает другие. Почему для рефлексов типа TANGO интерпарадигматическое выравнивание оказалось важнее сохранения «морфомного окончания»? Почему в одних случаях (староисп. *fago*, *yago*) произошла замена одного типа чередования, а в других (*tengo*,

[12] О'Нил предлагает считать велярный «частью окончания, или особым посткоренным образованием, не являющимся ни окончанием, ни корнем». [27: 29]

vengo) к корню (**teño, *veño*) была просто добавлено «морфомное окончание»? Не было бы логичным продемонстрировать другие примеры «посткоренного образования», выполняющего сходные функции, в испанском или в других романских языках? Эти вопросы заставляют поставить под сомнение теорию О'Нила.

Наконец, М. Вилер рассмотрел эволюцию «велярной морфомы» на каталанском материале. Он не доказывает «психологическую реальность» морфомы, принимая ее как данность, а лишь описывает процесс ее становления. В каталанском она включает в себя две мейденовских морфомы: модель L и основу РуТА[13], объединяющую основу перфекта и имперфекта конъюнктива. Кроме того, к ней добавляются основы причастия прошедшего времени.

Однако если Мейден доказывал реальность морфомы, демонстрируя, что распределение основ с велярными по формам совпадает с распределением других типов алломорфического варьирования, для каталанской «велярной морфомы» это невозможно. Распределение «модель L + Pyta + причастие» релевантно только для 46 глагольных лексем, имеющих велярный в указанных категориях. Нельзя также выделить каталанском и модель L и РуТА по отдельности, так как указанное распределение также ограничивается основами с велярным. Согласно Вилеру, долгое сохранение сигматической основы в 3sg при вытеснении его велярным во всех остальных основах РуТА представляет собой контрпример мейденовскому утверждению о том, что фонетическое изменение формы в одной из клеток мормомы РуТА влечет за собой мгновенную перестройку всех остальных форм[14]. Это утверждение верно, если мы соглашаемся с тем, что в каталанском существует морфома РуТА, что, как было показано выше, представляется сомнительным.

---

[13] Расшифровывается как *perfecto y tiempos afines* 'перфект и связанные времена' — термин испанских грамматик.

[14] И, как следствие, Вилер ратует за отрицаемую Мейденом значимость маркированности: он утверждает, что немаркированные формы никогда не изменяются до маркированных. Это утверждение интуитивно кажется верным, однако оно должно быть проверено на материале языка, в котором существование морфом не вызывает сомнений.

Трактовка развития основ с велярным в каталанском, предложенная Вилером, отличается от традиционной двумя ключевыми моментами: объяснением возникновения велярных в перфекте и значением этих велярных для распространения аналогии. Вилер отрицает возможность регулярного фонетического развития UI > g, так как оно не аттестировано нигде, кроме перфектных основ. Более рациональным, согласно Вилеру, представляется объяснять распространение велярных в перфекте аналогией с формами, где они действительно появились вследствие регулярного фонетического развития (JACUIT > *jac*, PLACUIT > *plac*, TACUIT > *tac*). Далее, именно интенсивное распространение велярных в перфекте оказало влияние на их аналогическое появление в презенсе индикатива и конъюнктива, так как изначальный набор форм, содержащих велярный (модель L + РуТа) был итерпретирован как морфома.

Как видим, на понятия авторов о том, что такое морфома, в значительной степени влияет материал, к которому они применяют это понятие. Для Мейдена это просто некий абстрактный набор форм, который внутри одной лексемы имеет одинаковое формальное выражение, но вообще имеет несколько типов формального выражения (разнообразные консонантные чередования в исходе основы и вокалические чередования внутри ее в модели L/U) — и именно существование нескольких типов, по Мейдену, доказывает «психологическую реальность» такой абстрактной сущности как морфома. Для Вилера и О'Нила в языке возможна морфома, имеющая только один тип формального выражения — «велярная морфома»; более того, О'Нил постулирует особые «морфомные окончания», характеризующие формы данного набора.

3. Морфологический статус велярного форманта

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что рассматриваемые романские языки образуют континуум по степени грамматикализованности велярного форманта. В румынском, языке с развитым алломорфизмом [21: 56; 31: 297], чередования с велярным являются лишь одним из многих типов чередований в исходе глагольной основы. Недавние открытия Мейдена о неэтимологической природе велярного в некоторых словоформах не меняют общей картины, так как в румынском велярный не

распространялся по кросспарадигматической аналогии. Важно также отметить, что большинство исследователей объясняет это чередование фонетическими причинами.

В итальянском существует несколько типов чередований с велярным, и они также не являются единственным типом чередований. Тем не менее, распространения по аналогии сыграли важную роль, сформировав большой класс часто употребительных глаголов с одинаковым исходом основы. Этот класс, по Мейдену, представляет собой лишь одну из реализаций более общей схемы, которая является следствием двух противоположных тенденций: кросспарадигматического выравнивания и интерпарадигматического алломорфизма. Некоторые исследователи трактуют велярный в итальянских глагольных основах как следствие «фонетической аналогии», отрицая таким образом его морфологическую сущность.

Испанская глагольная морфология куда более регулярна, и чередование с велярным — единственное чередование в исходе глагольной основы, встречающееся в этом языке [31: 297]. Хотя есть данные для того, чтобы объяснить возникновение велярного фонетически, господствуют аналогическая и морфомная теория. Кроме того, О'Нил предлагает рассматривать велярный как часть окончания.

В стандартном каталанском велярный затрагивает большое количество форм (модель L + РуТА + причастие) внутри 46 лексем. Особенности исторического развития каталанского языка привели появлению чередований /c/ ~ /w/, /nc/ ~ /c/, /c/ ~ Ø,

Последнее позволило переосмыслить *c* как флексию 1sg.

1sg	bat-o	mol-c
3sg	bat- Ø	mol-Ø

Интересна трактовка этого факта в разных работах. Так, в дескриптивной грамматике каталанского языка Вилер говорит об «особой основе 3sg с нулевым окончанием» [33: 297]. Однако он же называет велярный формант окончанием в своих работах об эволюции глагольной системы каталанских диалектов (см., напр., [34: 149]). Перес Салданья посвящает несколько страниц статусу велярного в современном языке;

рассматривая функции велярного в данном наборе форм, он приходит к выводу, что велярный в данных основах представляет собой «интерфикс, отделяющий глагольный корень от флексии» и «лишенный конкретного семантического значения» [29: 75]. Однако несколькими страницами позже он указывает, что «велярный позволяет установить четкую оппозицию между первым и третьим лицом презенса индикатива» [29: 78], то есть приписывает ему вполне конкретное семантическое значение. Назвать велярный в 1sg индикатива флексией ему не позволяет тот факт, что эта форма имеет четкую связь с презенсом конъюнктива.

Если проигнорировать эту связь и рассматривать велярный в 1sg презенса индикатива отдельно от остальных форм, он вполне мог бы быть назван флексией. Кроме того, отсутствие связи между презенсом индикатива и конъюнктива может быть системно оправдано, так как в современном каталанском утрачивается связь между перфектом индикатива и конъюнктива, вследствие замены синтетического перфекта индикатива аналитическим. Однако количество глаголов (пусть и очень употребительных) с этим элементом в каталанском не слишком велико; велярный распространяется на слишком много форм внутри лексемы, включая иногда и герундий; в часто употребительных глаголах велярный стремится встроиться в корень. Как видно, в стандартном каталанском множество разнонаправленных тенденций мешают четкой морфологизации велярного.

Как нам кажется, этой морфологизации удалось достичь балеарскому диалекту. Появление таких форм как *parlc* говорит о том, что велярный в 1sg полностью осмыслился как окончание; при этом он утратил связь с формами презенса конъюнктива, так как последний характеризует окончание *-iga*. Поэтому балеарский занимает крайнее место в «континууме грамматикализации». Окситанский, утративший велярный в 1sg презенса индикатива и регуляризовавший его в качестве показателя перфекта, практически равен каталанскому по степени морфологизации велярного элемента. Однако в балеарском морфологизация привела к появлению не одного, а целых двух не связанных между собой показателей (флексии 1sg индикатива и суффикса презенса

конъюнктива), и поэтому окситанский занимает предпоследнее место в нашем континууме.

Рис. 1. Грамматикализация велярного форманта

морфологическое значение

румынский итальянский испанский каталанский окситанский балеарский

4. Выводы

В статье было подробно описано место основ с велярными в глагольных системах пяти романских языков (румынского, итальянского, испанского, окситанского, каталанского). Особое внимание было уделено каталанским диалектам, так как, на наш взгляд, их материал весьма своеобразен и может представлять интерес как для романистики, так и для теоретической лингвистики в целом. Были рассмотрены основные точки зрения на возникновение изучаемых основ. Как видим, в последние десятилетия вместо объяснений отдельных форм ученые стараются вписать появление велярных основ в более общие механизмы развития языка. Однако ни одно из объяснений не может быть одинаково удовлетворительным для всех языков. Видимо, следует признать появление неэтимологических основ в романских языках следствием сложного комплекса фонетических и морфологических (связанных как с частотностью, маркированностью, так и с выделением абстрактных моделей чередований) факторов; в соответствии с влиянием каждого из факторов на формирование общей картины языки образуют континуум грамматикализации велярного форманта, где на одном полюсе находится богатый чередованиями румынский, а на другом — стремящиеся к максимальному кросспарадигматическому выравниванию окситанский и балеарский диалект каталанского языка.

Литература

1. Бурсье Э. Основы романского языкознания. / Пер. Т.В. Вентцель, Е.В. Вентцель. Под ред., с предисл. и примеч. Д.Е. Михальчи. М., 2008.
2. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. Изд. 3-е, исп. и доп. М., 2010.
3. Якобсон Р.О. О структуре русского глагола. // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С.210-222.
4. Якобсон Р.О. Нулевой знак. // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С.222-230.
5. Лободанов А.П., Морозова Е.В., Челышева И.И. Окситанский язык. // Языки мира: романские языки. М., 2001. С.278-304.
6. Челышеыва И.И. Диалекты Италии. // Языки мира: романские языки. М., 2001. С.90-146.
7. Aronoff, M. Morphology by itself: stems and inflectional classes. Cambridge, 1994.
8. Badia i Margarit, A.M. Gramàtica històrica catalana. Barcelona, 1981.
9. Bec, P. La langue occitane. Paris, 1963.
10. Bybee, J.L. Morphology: a study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
11. Bybee, J.L., Brewer, M.A. Explanation in morphophonemics: changes in Provençal and Spanish preterite forms. // Bybee, J.L. Frequency of use and the organization of language. Oxford, 2007. P. 41-79.
12. Bybee, J.L., Pardo, E. On lexical and morphological conditioning of alternations: a nonce-probe experiment with Spanish verbs. Bybee J.L. Frequency of use and the organization of language. Oxford, 2007. P. 74-100.
13. Conde, X. F. Elementos básicos de gramatica occitana. // http: //www.romaniaminor.net/gramatiques/gramatica_occitana.pdf, 1999.

14. Corpus del català contemporani de la Universitat de Barcelona, http: //www.ub.edu/cccub/.

15. Corpus del español. www.corpusdelespanol.org

16. Fanciullo, F. Per una interpretazione dei verbi romani a “inserto” velare. // Archivio glottologico italiano, V.83, 2. P. 188-239.

17. Giacomo-Marcellesi, M. Corse. München — Newcactle, 1997.

18. Girolamo, C., Lee, Ch. Avviamento alla filologia provenzale. Roma, 1996.

19. Gramàtica de la llengua catalana. // http: //www2.iec.cat/institucio/seccions/Filologica/gramatica/default.asp

20. Gramàtica normativa valenciana. València, 2006.

21. Gramatica uzuală a limbii române. Chişinău, 2000.

22. Gulsoy, J. El desenvolupament de les formes del subjunctiu present en català. // Tate, R; Yates, A. (eds.) Actes del Tercer Colloqui Internacional de la Llengua i Literatura Catalanes. Oxford, 1976. P. 27-59.

23. Lloyd, P.M. From Latin to Spanish. Philadelphia, 1987.

24. Maiden, M. Di nuovo sulle alternanze ‘velari’ nel verbo italiano e spagnolo. Cuadernos de filología italiana, 8. 2001. P.39-61.

25. Maiden, M. Morphological autonomy and diachrony. // Booij G.E., Marle J. (eds.) Yearbook of morphology 2004. Dordrecht, 2005. P.135-175.

26. Maiden, M. Semi-autonomous morphology? Some problems in the history of the Romanian verb. Handout to the presentation on the OxMorph2, 2010.

27. O’Neil, P. The origin and spread of velar allomorphy in the Spanish verb: a morphomic approach. (In print)

28. Penny, R. Gramática histórica del español. // Trad. Pérez Pascual J. I., Pérez Pascual M. E. 2ª edición actualizada. Barcelona, 2006.

29. Pérez Saldanya, M. Del llatì al català: morfosintàxi verbal històrica. València, 1998.

30. Rohlfs, G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. II. Morfologia. Torino, 1968.

31. Tecavčić, P. Sull'alternanza morfematica nel verbo italiano. // Linguistica, 12. Ljubljana, 1972. P. 269-300.

32. Wheeler, M.W. Occitan. // Harris M., Nigel V. (eds.) The Romance languages. London, 1997. P. 246-278.

33. Wheeler, M.W., Yates, A., Dols, N. Catalan: a comprehensive grammar. London, New York, 1999.

34. Wheeler, M.W. Analogia i psicologia: el desenvolupament de la morfologia verbal balear. // Wheeler ,M.W. Morfologia i fonologia catalana i romànica: estudis diacrònics. / Presentació del Pérez Saldanya M. Barcelona, 2007. P. 31-54.

35. Wheeler, M.W. La conjugació valenciana: geografia, diacronia i psicologia. // Wheeler, M.W. Morfologia i fonologia catalana i romànica: estudis diacrònics. / Presentació de Pérez Saldanya, M. Barcelona, 2007. P. 55-86.

36. Wheeler, M.W. La primera persona del present d'indicatiu, pot haver-hi més a dir-ne? // Wheeler M.W. Morfologia i fonologia catalana i romànica: estudis diacrònics. / Presentació de Pérez Saldanya M. Barcelona, 2007. P. 139-152.

37. Wheeler, M.W. The evolution of a morphome in Catalan verb inflection. (In print)

Е.С.Мишура (ИЯз РАН)

E.S. Mišura

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Science)

Шансы галльского языка на выживание (сопоставление с аквитанским)[1]

What were the chances of survival for Gaulish, compared to Aquitanian

Аннотация

В статье обсуждаются социокультурные, геополитические и экономические причины быстрого и бесконфликтного исчезновения галльских диалектов в сопоставлении с социолингвистической ситуацией Аквитании и земель к юго-западу от Пиренеев.

The article discusses socio-cultural, geo-political and economical reasons of the quick and relatively peaceful disappearance of the Gaulish dialects in contrast with the socio-linguistic situation of Aquitania and the lands to the South-West of the Pyrenees.

Ключевые слова

Галлия, Аквитания, Римская империя, социолингвистика, баски

Gaul, Aquitania, Roman Empire, sociolinguistics, Basques

Действительно, долгое время носители древнебаскских диалектов жили бок о бок с кельтами, хотя старая зона расселения протобасков является предметом дискуссий[2], но

[1] Статья написана благодаря гранту Франко-русского центра гуманитарных и общественных наук в Москве (USR 3060 CNRS-MAE).

[2] В настоящее время все более популярной становится гипотеза о поздней миграции басков, утверждающая, что к концу римской республики и в первые века империи происходили миграции баскоязычого населения из Аквитании на юг, за Пиренеи, вследствие которых исконное, предположительно индоевропейское население современной Страны Басков было ассимилировано. См. библиографию в [17], а также новейшие исследования [37; 45 ; 52].

ясно, что как с севера, так и с юга их окружали кельтоязычные народы: галлы и кельтиберы.

Аквитаны жили к северу от Пиренееев до Гаронны по берегу Атлантики и на восток до гор Севенн (см. рис. 1): «Аквитанских племен более 20, но они все малочисленные и безвестные; большинство этих племен живет по океанскому побережью, тогда как другие распространились до внутренних областей страны и до вершин горы Кеммен вплоть до области тектосагов» (Страбон IV, 2.1).

Рис. 1. Карта расселения аквитанов[3]

Что касается юга, то население здесь было смешанным. С одной стороны, «глубочайший и самый частотный лингвистический пласт, который можно увидеть из анализа **топонимов** Каталонии, а также долины Эбро и Андалусии, был составлен какими-то очень древними индоевропейскими популяциями, которые и создали первую

[3] Цит. по электронному источнику(URL: http://france.geography.kz/istoriya-francii/gally/attachment/gallia03-2/)

сеть гидронимов и топонимов, причем достаточно многочисленную, чтобы устоять перед последовательными сменами языков <…> И та часть Испании, которую в последние десять лет было принято называть «неиндоевропейской», оказывается, парадоксальным образом, объектом одного из древнейших этапов индоевропеизации полуострова <…> Что же касается басков, то размах и интенсивность их присутствия на Пиренеях как раз подвергается сомнению. В античных источниках упоминается крайне мало этнонимов и топонимов с надежной баскской этимологией, даже в тех, которые прямо говорят об исторически баскских территориях. Этно- и топонимика этих последних тоже в подавляющем большинстве индоевропейская» [68, 229–442].

С другой стороны, «**латинские топонимы** [выделено нами — Е.М.] в стране басков демонстрируют, что исконными обитателями здесь были баски; это не подтверждено ни топонимикой, ни древней личной ономастикой, однако видно из фонетического развития латинских топонимов, которое никак не может объясняться обычным романским развитием, зато вполне соответствует баскской фонетике» [36].

И, наконец, по данным Луки Луиджи Кавалли-Сфорца, известнейшего специалиста по популяционной **генетике**, существует резкая генетическая граница между басками и их южными соседями, тогда как граница, отделяющая их от северных соседей — во Франции — более размыта [24, 281–285]. Это также с осторожностью приводится в качестве одного из доказательств сравнительно недавнего перемещения предков басков из Аквитании на юг [46].

На момент прихода римлян на Пиренейский полуостров[4] здесь действовали по меньшей мере три местных языка[5] [66; 67; 27]:

---

[4] Римская республика вследствие победы над Карфагеном во Второй пунической войне (218-202 гг. до н.э.) оставила за собой владение Испанией (прежде всего из соображений государственной безопасности — не позволить кому бы то ни было повторить поход Ганнибала). Тогда же, в наказание за пособничество Карфагену, была частично подчинена и Цизальпинская Галлия. В 125 г. до н.э. Рим охотно воспользовался просьбой греческой Массилии оказать ей помощь в борьбе против соседних кельтских племен как поводом для похода за Альпы. За семь лет (125- 118 гг. до н.э.) римляне завоевали все Средиземноморское побережье и образовали здесь одну из своих многочисленных провинций, связав воедино метрополию с ее испанскими владениями.

[5] Полуостров «греки называли Гесперией, т.е. западной страной, или Иберией… они различали на нем до пяти основных областей: юго-запад, или Тартессиду, запад, прилегающий к океану и занятый, между прочим, народом луситанов, юго-восток или Мастиену, центарльные части или

- во-первых, сравнительно гомогенный, «**иберский**» язык, эпиграфические свидетельства которого покрывают широкую полосу берега Средиземного моря от восточной Андалусии до реки Эро (Hérault) во Франции, включая значительную часть современного Арагона;

- отличным от первого является **язык тартесийской эпиграфики**[6] на юго-западной оконечности полуострова;

- наконец, во всей центральной Месете, на западе по Атлантическому побережью и на севере преобладает группа индоевропейских диалектов, называемых **испано-кельтскими.**

От всех этих языков до нас дошло ограниченное количество преимущественно кратких надписей с преобладанием ономастики.

Не касаясь вопроса о дальнем (предположительном) родстве баскского с иберским (т.н. проблемы *vascoiberismo*), мы видим, что все эти языки постепенно исчезли с языковой карты Испании. Как и галльский язык — с территории Франции.

Важным отличием между названными тремя языками Испании и галльским языком является то, что каждая из них создала свой особый слоговой алфавит на базе финикийской письменности. Галлы же в течение всего исторического периода своего существования пользовались исключительно заимствованным письмом.

Известно, что впервые галльский язык столкнулся с письменностью примерно в VI в. до н.э. при контакте с этрусками, греками и иберами на средиземноморском побережье [67; 30]. Каждый из этих народов имел свою собственную письменность: иберы — слоговую, греки и этруски — алфавитную. И галльский язык более или менее одновременно стал пользоваться всеми тремя. Постепенно основным алфавитом стал греческий, и ко времени похода Цезаря им пользовались уже сравнительно широко [13, 102].

Кельтику и, наконец, Иберию в тесном смысле слова. Все эти термины связаны, очевидно, с названиями местных племен, с которыми пришлось столкнуться грекам» [14, 1].

[6] Известный кельтолог Джон Кук предполагает кельтское происхождение этого языка [47], однако это предположение вызвало серьезные возражения. См. критический обзор Т.А. Михайловой в ВЯ №3 за 2010 год, 141-145 (доступно на FTP ГПИБ).

Древнейшие памятники галльского языка представлены весьма обширным и постоянно увеличивающимся корпусом надписей, в т.ч. сотней связных эпиграфических текстов. Галльская эпиграфика представлена многочисленными жанрами: эпитафиями, посвятительными надписями, монетными легендами, заклинаниями, документами отчетности горшечников, надписями бытового содержания на различных предметах и др. От галльского языка дошли также магические формулы в латинских текстах, отдельные фразы и множество глосс, наконец, даже небольшой глоссарий (так называемый словарик Эндлихера). В современных североитальянских, окситанских и французских диалектах сохранилось значительное количество субстратных слов, относящихся преимущественно к сельскохозяйственной и бытовой сфере, заслуживает внимания и соответствующая микротопонимия [9, 72].

От языка аквитанов сохранилось около 400 имен собственных и 70 теонимов [2], упоминаемых в латинской эпиграфике (чаще всего вотивной или погребальной), причем в большинстве случаев назван и пол носителя того или иного имени. Никакой собственно аквитанской эпиграфики до нас не дошло. Более того, древнейшие памятники собственно баскского языка появляются только в XVI в., ранее — только глоссы [56, 80–81].

Диахроническая связь аквитанского языка с баскским была впервые доказана французским историком и филологом Ахиллом Люшером [52] еще в 1870-е годы, но была незаслуженно забыты в пользу упорных поисков общности баскского языка с иберским, кавказскими и африканскими. В 1954 г. связь басков с аквитанами была окончательно подтверждена выдающимся деятелем баскского сопротивления и лингвистом Кольдо (Луисом) Мичеленой. Теперь уже единодушно считается, что более половины из надежно выделяемых аквитанских корней и аффиксов имеют прозрачные соответствия в современном баскском. Такие **аквитанские топонимы** как *Cison, Andere, Nescato, Bihoxvs* нашли соответствие в баскских словах *gizon* ‘мужчина’, *andere*

‘женщина’[7], *nescato* ‘девочка’, *bihotz* ‘сердце’; фонологическая система аквитанского весьма схожа с реконструируемой прабаскской (высокая частотность двойных согласных, свистяще-шипящих и [h], низкая частотность губных звуков, кроме [b], отсутствие начальных стечений согласных и др.); наконец, аквитанские словообразовательные модели идентичны баскским [2]. На связь с Аквитанией указывают не только данные надписей и топонимика, но и ряд параллельных явлений в гасконском и баскском. Так, в обоих языках отсутствует [v], [f], начальное [r], имеются выпадение интервокального n и, наконец, лексические точки соприкосновения [14, 4].

Много раз говорилось о том, что галльский язык полностью растворился в латыни именно вследствие бесписьменности своей культуры. Это не вполне соответствует истине: если счета, монументальная эпиграфика, даже и краткие любопытные записи на *instrumenta* действительно носят скорее характер записок, то, например, магические таблички из Шамальера и Лезу, или поэтическое послание к возлюбленной (предположительно) из Шатобло — это все же длинные тексты, пусть и относительно поздние. Показательно также блестящее владение галльских мастеров латинским курсивом, ведь курсив — это вовсе не упрощение или вырождение капитала. В действительности, это индивидуальное письмо, развивавшееся (и упрощавшееся) естественным образом в зависимости от используемых инструментов и поверхностей. Особенно важно отметить, что владение курсивом — это знак умения и мастерства. Ведь если кто-то умеет писать только заглавными буквами, его можно принять за неуча, не имеющего привычки писать [30, 4–5].

Конечно, мы понимаем, что галльские тексты, а их наверняка было несравненно больше, чем можно статистически предположить (ведь писали не только на камне, керамике и металле) — явление глубоко чуждое галльской культуре, и их расцвет — на закате собственно галльской цивилизации — с самого начала явление мертворожденное.

---

[7] Здесь нас прямо не интересуют кельтские заимствования в баскском, но любопытно, что баск. *andera*|*e* ‘девушка, хозяйка дома’, но и ‘пчелиная матка’, сопоставляется с галл. **andera* ‘молодая корова’ [14, 18; 28, 47]. К группе кельтских терминов в баскском относят еще *(h)artz* ‘медведь’, ср. др.-ирл. *art*, валл. *arth* [28, 56].

Нет никаких сомнений в том, что галлы были на последнем этапе замещения своей культуры культурой античной.

Мы видели, с одной стороны, что более письменные — и более независимые в этом отношении — иберская, кельтиберская и тартессийская культуры (не говоря уже об этрусках) не выдержали натиска римских воинов или негоциантов, как и галлы. С другой стороны, незасвидетельствованный аквитанский язык, или какой-то его диалект, все же дошел до нашего времени в форме баскского языка. Впрочем, это противоречие верно лишь частично: большинство надписей Пиренейского полуострова, датируются уже эпохой римского владычества, и даже если допустить массу недошедших до нас документов, письменная культура Пиренеев была таким же заимствованием.

Как было сказано, к середине II в. до н.э. вся Испания и ведущая к ней Трансальпийская (Нарбонская) Галлия, называвшаяся просто *Provincia,* были во власти Рима. Численность населения остальной, «косматой», Галлии превышало италийскую, и если бы эти бы многочисленные, говорящие на сходных языках племена объединились, Рим не смог бы существовать спокойно.

Впрочем, как сказал Т. Моммзен, «и здесь торговля и мирные сношения, как это часто бывает, проложили дорогу к завоеванию <…> Римские граждане приобретали землю по ту сторону римской границы и обрабатывали ее принятым в Италии способом <…> Несомненно, поэтому даже в свободной Галлии, например у арвернов, римский язык был известен еще до завоевания, хотя знание его распространялось, вероятно, на немногих, и даже со знатными людьми союзного племени эдуев римляне должны были объясняться через переводчиков. Подобно тому как продавцы и скваттеры начали оккупацию Северной Америки, так и римские виноторговцы и землевладельцы указывали путь будущему завоевателю Галлии. Как хорошо понималось это и противоположной стороной, видно из того, что одним из энергичнейших племен Галлии, нервиями, а также некоторыми германскими народностями были запрещены торговые контакты с римлянами» [12, 159–160].

Основным видом торговых контактов был импорт вина и предметов роскоши (BG, II, 15). Вино, будучи объектом не жизненно необходимого потребления *par excellence*, являлось в то же время составляющей частью обмена между римлянами и галлами, т.е. чем-то, на этот раз, производящим. Любое чрезмерное потребление неизбежно ведет к коррозии некоторых элементов традиционных систем и неизбежному их отпадению «за нецелесообразностью» ([4; 318] — об «упразднении смерти», или — у галлов — об отмене древних погребальных торжеств [49, 322–324]). Подобным образом, латинский язык, став частью отношений между двумя неравными, слишком разными народами, изначально был всего лишь проводником некого обмена, не нарушая (разумеется, здесь мы несколько упрощаем общую картину) устроенной системы этого традиционного общества. Однако множество факторов определили постепенно нарастающую избыточность существования местного кельтского языка, который, за неимением реальности в свою защиту и оправдание, был обречен на смерть.

Подобно тому, как в 125 г. до н.э. римляне шли защищать Массилию от галлов, теперь, в 58 г. до н.э. Цезарь пошел защищать дружественных ему галлов от германцев. К северу от *Provincia* прямую связь с Римом поддерживала центральная Галлия, от сантонов до секванов и, может быть, гельветов [39, 650]. **Цезарь вовсе не планировал полного завоевания Галлии**, и если после победы над Ариовистом он и пошел против народов Севера и Запада, то нужно это было для расширения «экономической зоны», открытия новых рынков, установления контроля над торговыми путями — ведь помимо нервиев доступ на свои земли для дельцов и купцов ограничивали также белловаки, эбуроны, тревиры и и другие [39, 649], ограничивая таким образом римлянам возможности торгового обмена с Британией.

Известно, что в период *pax romana* **римское присутствие в Галлии** составляло незначительный процент от общего населения Галлии: на, по меньшей мере, 10 млн. галлов в начале империи [42, 1047][8] приходилось всего «несколько сотен тысяч» легионеров [ibid], и сосуществование было мирным. В мирные периоды Поздней

[8] Фердинан Ло приводит цифру 20 млн [50, 61].

империи военное присутствие отмечено лишь в прирейнских областях, где постоянно продолжалась война с германцами, сама же Галлия была избавлена от всякой военной оккупации [29, 99].

Романизация Галлии осуществилась очень быстро и рано. В течение столетия, следующего за цезаревским завоеванием, галлы устремляются в Рим, полные желания во всем походить на римлян. Галльская жизнь начинает во всем изменяться по римским образцам: жилища, костюм, обустройство городов и дорог, даже нравы и характер галлов становятся более римскими, чем галльскими [68, 267]. Открываются латинские школы, широко устраиваются конкурсы латинского красноречия, которые становятся настолько популярными, что галлы вскоре становятся лучшими его учителями во всей империи.

«Как не раз указывали многие исследователи прошлого, **покорение Галлии и романизация ее быта совершились легко**. По словам Фюстель де Куланжа, «такое превращение не было следствием ни требовательности победителя, ни раболепства побежденного. У галлов хватило разума понять, что цивилизация лучше варварства» [15, 275]. Вероятно, эту фразу Фюстеля можно уточнить так: понять, что мир (а точнее — мирная коммерция) лучше войны.

Рассмотрим карту интересующей нас части Римской империи, чтобы отдать себе отчет в том, как именно видели римляне все преимущества обладания Галлией (и всю маргинальность баскской стороны).

С образованием Римской империи Аквитания получила статус императорской провинции: из Косматой Галлии Цезаря Август (27 до н.э. — 14 н.э.) образовал три провинции: Аквитанию, Лугдуненсис и Бельгику (рис. 2), причем «разделив Трансальпийскую Кельтику на 4 части, отнес кельтов к провинции Нарбонитиде; аквитанов он причислил к той же провинции, как и Цезарь, хотя он прибавил к ним 14 племен из тех, кто живет между Гарумной и рекой Лигером; остальную страну он разделил на 2 части: одну часть он присоединил к Лугдуну до верхних областей Рена, другую же включил в границы бельгов» (Страбон IV, 1.1).

Рис. 2. Карта провинций, образованных Августом[9]

При взгляде на карту возникает вопрос о границах этих провинций. Если территория Нарбоненсис объясняется древнейшим завоеванием Трансальпийской Галлии, то три другие **провинции не соответствуют ни границам племен** (вроде «этнографического» деления по Цезарю), ни логике. И если границы Аквитании, у Цезаря ограниченной Гаронной, были раздвинуты до Луары из соображений «равновесия» (объединив таким образом под названием «Аквитания» неродственные народы собственно аквитанов и кельтов), то, глядя на современную карту, не очень понятно, почему Лугдунская Галлия, начинаясь у слияния Роны и Соны, тянется до самого окончания Финистера. Так же и границы Бельгики не вносят ясности ни в сравнении с текстом Цезаря, ни относительно ее географического положения: она протягивается от калетов в низовьях Сены до Швейцарии.

Можно предположить, что имперские власти стремились к разделению крупнейших галльских племен по разным провинциям в попытке нарушить или разорвать связи клиентелы. Вот почему эдуи были бы отделены от арвернов, отрезанных в свою очередь от лингонов, суессионов и ремов. А расширение некельтской Аквитании и

[9] Цит. по электронному источнику
(URL: http://www.instoria.it/home/7%20Gallia%20%2890%20d.C.%29.jpg).

Бельгики отвечало бы именно задачам ослабления кельтов в понимании Цезаря [41, 476–481]. Однако непонятно, как принадлежность к разным римским провинциям могла бы усмирить свободолюбивые устремления союзов и племен.

Внимательное прочтение географического описания Галлии у Страбона, указывающего ориентацию и расстояния между природными объектами и городами позволяет составить карту [41, 481], по которой видно, что политическое разделение трех Галлий было обусловлено именно естественными границами это страны, где «само провидение воздвигло горы, приблизило моря, указало русла всех рек, чтобы создать из этой страны самое цветущее место на земле»[10] (рис. 3).

> «Кельтика ограничена на **западе** Пиренейскими горами, которые соприкасаются с морем с обеих сторон, как с внутренним, так и с внешним; на **востоке** она ограничена рекой Реном, которая течет **параллельно** Пиренеям; что же касается северной и южной сторон, то на севере страна **окружена** океаном (начиная с северных оконечностей Пиренеев) до устьев Рена; с **противоположной** же стороны ее окружает море, что у Массалии и Нарбона, и Альпы, начиная от Лигурии **вплоть** до истоков Рена [выделено нами — Е.М.]» (Страбон IV, 1.1).

[10] Страбон, IV. Цит. по [8, 10]. В издании «Географии» Страбона в переводе Г. А. Стратановского под общей редакцией проф. С. Л. Утченко (М., 1964), именно этой фразы мы не нашли. Однако, есть такая: «соответствие суши, с одной стороны, рекам и Внешнему [океан] и Внутреннему [Средиземное] морям — с другой… не последняя причина высоких достоинств страны, я имею в виду тот факт, что взаимный обмен жизненно необходимыми предметами происходит легко, отчего получается общая выгода для всех, особенно же в настоящее время, когда население, свободное от тревог войны, усердно обрабатывает землю, устраивая свою гражданскую жизнь. Поэтому такие случаи, как можно себе представить, свидетельствуют о деятельности провидения, так как расположение этих стран не случайное, а как бы соответствует некоторым разумным планам» (IV, 14).

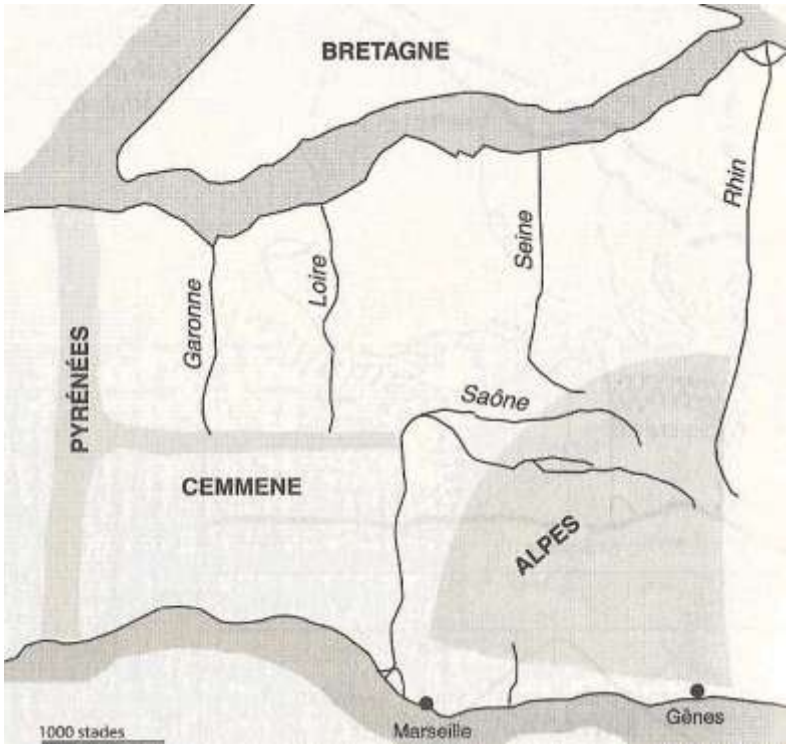

Рис. 3. Естественные границы Галлии[11]

И если для нас, инстинктивно, между Пиренеями и Альпами лежит *Provincia*, а Страна Басков, соответственно, находится примерно на одной широте с нею, то для древних авторов между Пиренеями, Альпами и Рейном лежит Косматая Галлия. И если нам протяженность провинции Лугдуненсис от океана, по течению Луары и Сены до течения Роны кажется странной, то в сознании Цезаря, Страбона и других — эта территория представляет собой более или менее правильный прямоугольник[12] [41, 488]. Тогда как баски оказываются запертыми в Пиренеях**:** в гористой части страны прокладка коммуникаций, размещение римских легионов и контроль над населением были существенно затруднены. Отсюда, вероятно, столь малый интерес римлян к этой стороне — или же дело в нестабильной обстановке в этом регионе: ведь племена каристиев,

[11] Цит. по [41, 486].

[12] Интересно также замечание Гудино о том, что империя организует хаос своих частей, приближая их границы к простейшим географическим фигурам. «Отсюда такой почти магический характер этих карт и их связь с личностью императора. Маршруты, замеры, подробные описания разрушают порядок, фрагментируют; они соответствуют делам повседневным, а не высоким замыслам. Частным лицам нужно знать расстояния и направления дорог, чтобы добраться из одной точки в другую; однако обустройство мира — привилегия богов, и Императора. Измерять — это одно, понимать пространство и управлять им — другое» [41, 493].

вардулов и васконов непосредственно соседствовали с воинственными кантабрами. Все это наверняка отталкивало негоциантов. Так или иначе, носители древнебаскского языка оказались в маргинальном положении на уровне империи. В Аквитании, на северо-востоке Арагона и в долине Эбро романизация, по всей видимости, шла гораздо успешней. [20, 52]. Галлия же издавна считалась идеальной страной для ведения торговли, благодаря удачно расположенным полноводным рекам и хорошим дорогам, построенным еще до римского завоевания [29, 13]. К тому же долгие века она служила метрополии щитом от германских нашествий.

Именно развитие торговых отношений сыграло огромную роль в успехе римских завоеваний, оно же влекло за собой неизбежный билингвизим [16, 687–688]. Во многих культурах купеческие классы блестяще показали себя в деле изучения иностранных языков, нет причин сомневаться, что в Галлии этот процесс мог проходить отличным образом. Конечно, изучение языков было двусторонним процессом, т.е. римляне для успешного ведения дел в провинции должны были учить местный язык, а местные купцы — латынь. Однако торговля шла так активно, что вели ее уже не только галлы и римляне, но и сирийцы, греки, этруски и многие другие народы [16, 688]. Языком же общения, по-видимому, постепенно становилась латынь.

Данные эпиграфики в Стране Басков позволяют полагать, что проникновение сюда римлян преследовало совсем другие интересы: использование земель под сельское хозяйство в Алаве и Наварре, рыбную ловлю и эксплуатацию минеральных ресурсов вблизи кантабрийских низменностей, торговля же затрагивала больше кантабрийское побережье, чем Басконию [36, 1999]. Что касается Аквитании, то, несмотря на присутствие здесь крупнейшего порта Бурдигалы (Бордо), принадлежавшем, впрочем, галльскому племени битуригов (Страбон IV, 2.1), она оставалась все же в маргинальном положении. И эта маргинальность происходит не только от **географической удаленности** от самого Рима — и не столько от нее, ибо известно, что в период Поздней Империи та же Бурдигала была очень развитым культурным центром. Дело прежде всего в **удаленности от римского образа жизни**, выражавшегося в развитом урбанизме,

коммерции, политическом влиянии того или иного региона в империи (напр., присутствие в сенате, и т.д.) и прочее [35, 18]. Страбон отмечает также неплодородность аквитанских земель: «Бо́льшая часть океанского побережья, занимаемого аквитанами, песчаная и имеет тощую почву, которая питает жителей просом, но менее плодородна в отношении прочих злаков» (Страбон IV, 2.1).

Римляне никогда не насаждали насильно свой язык: в этом не было необходимости, поскольку престиж римской культуры, так широко и убедительно внушаемый во всех частях империи, неизменно очаровывал народы. И особенно галлов, которым ввиду своей географической близости к Риму легче всего было стать «настоящими римлянами». В Галлии Рим нашел только одного, но мощного врага: власть друидов — единственную объединяющую галлов силу, судебную и религиозную (именно поэтому Моммзен говорит, что в некоторых отношениях общественное устройство галлов был ближе к современному ему строю).

Однако очень важно, что на локальном племенном уровне вершилась административная власть, решались прагматичные задачи управления и войны[13]. Именно на этом и сыграли римляне, сохранив в большой степени галльскую автономию, они сделали ставку именно на это локальное самоуправление, но власть друидов постарались дискредитировать совершенно.

Август запретил участие в религиозных церемониях римским гражданам. При Тиберии друиды уже считались колдунами и деревенскими знахарями, а Клавдий «богослужение галльских друидов, нечеловечески ужасное… уничтожил совершенно» (Светоний. Клавдий, 25)» [15, 274]. Нет сомнений в том, что этим преследования должны были отвратить от веры предков проримскую аристократию, а постепенно и все

[13] «Силы, которая бы могла объединить все племя кельтов, у них не создалось: ни друиды, ни аристократия не способны были этого достичь, потому что преследовали исключительно свои сословные интересы и в то же время были довольно влиятельны, чтобы помешать кому бы то ни было другому объединить страну. Поэтому вся Галлия распадалась на множество отдельных и не очень прочных союзов: внутри каждого постоянно отношения колебались между превращением союза в гегемонию и полным его распадением, отдельные союзы враждовали и соперничали друг с другом и были совершенно не способны предпринимать одновременно и согласно какие-либо значительные действия» [12, 212].

население. В 313 г. при Константине Великом официальной религией стало христианство.

Важно, что Нарбонская Галлия составляла не входила в зону влияния друидов, составляя часть континуума, идущего от Каталонии до Генуи, который давно уже подверг глубокой ассимиляции прибывшие несколько веков назад кельтские племена. Эта многокультурность средиземноморья перемешала в своего рода плавильном котле множество древних народов. Если для античных авторов они еще имели собственное лицо, то в наши дни сохранившиеся имена и факты с большим трудом сопоставляются с той или иной археологической, и тем более языковой, реальностью.

Было бы привлекательно объяснить баскскую «живучесть» сведéнием понятия «баски» к единой земле, единому народу и единому языку, искони существовавшим в неизменной сплоченности и борьбе против внешнего врага — и, таким образом, противопоставить их галлам, которые если и были образованием общего этнического происхождения, но пришли на уже заселенные, не их исконные земли, смешались с иными народами, и, что подробно засвидетельствовано в историческую эпоху, непрерывно вели братоубийственные войны [40, 503] и легко поддавались влияниям чуждых цивилизаций.

Но существовал ли некий баскский «народ», этнос? Видимо, нет. Многосторонний анализ формирования баскского населения показывает, что жившие между кантабрами и васконами племена вардулов, каристиев и аутригонов (территории современной Страны Басков)[14] были индоевропейцами, с возможным присутствием на их землях баскскоязычных меньшинств, в т.ч. васконов, [19, 101-102], по названию которых впоследствии стали называться вообще все носители баскского языка [64, 249]. Перемещения народов в V-VII вв. привели в движение аквитанов и других протобасков (у [21, 11, n34] — баски были в движении еще в начале прихода римлян) и запиренейское

[14] Диалектные границы бискайского, гипускоанского и северного верхне-наваррского диалектов баскского языка в точности совпадают с древними территориями этих племен — это и позволило говорить о существовании некого доримского, возможно кельтского (или «паракельтского») субстрата [46].

население было вполне ими ассимилировано. Передвижение это принимается специалистами более или менее единодушно, основным вопросом остается туземность баскоязычного населения к югу от Пиренеев в доримскую эпоху[15].

Неоднократно говорилось об особенной **ассимилирующей и экспансионистской мощи латыни** [3, 124; 11, 81]. Однако заметим, что, несмотря на самые неблагоприятные условия, несмотря на культурное давление кельтов, иберов, римлян, неолатинских языков, баскский язык не только выжил, но и в какой-то мере распространился на территории, прежде ему не принадлежавшие (или принадлежавшие частично) — пусть и покинув исторические земли Аквитании.

Дальнейшее нашествие сначала визиготов, а затем арабов, неоднократно приводило в движение этот неиндоевропейский языковой анклав, вынуждая басков, но и не только их, скрываться в **горах** [26, 85]**.** Баскский язык, будучи зажат между людскими потоками, никогда не имевший малейшего престижа, оказался как бы в параллельном измерении, наедине с самим собой.

Конечно, и у галлов были Альпы[16], но, во-первых, галлов было слишком много, а во-вторых, «Альпы — это Альпы, горная страна, выделяющаяся своими ресурсами, своим коллективным опытом, качеством человеческого материала, большим числом хороших дорог. Говоря о горах Средиземноморья, нужно приводить в пример не Альпы, а, скорее, Пиренеи с их изобилующей жестокостью историей, с их первобытной свирепостью. [5, 41].

Ведь «горы могут служить защитой от военных действий или пиратов, как свидетельствуют все источники, начиная с Библии. При этом они дают иногда постоянное пристанище <…> Обитатели гор вынуждены рассчитывать в основном на

[15] Один из горячих противников теории vasquización tardía, Хоакин Горрочатеги предполагает, что маргинальное положение Аквитании, напротив, быстро заставило население отказаться от своего доиндоевропейского языка в пользу латыни, тогда как запиренейские баски (васконы) якобы сохранили свой язык до сегодняшнего времени [35, 30]. Но и ему приходится хотя бы частично пересматривать свою точку зрения [38, 550-551]. Однако в пользу гипотезы Горрочатеги говорит отсутствие в словаре баскского языка исконных мореплавательских терминов [65, 49]: несмотря на давние мореходные традиции басков (речь идет, конечно, о средневековом периоде), ни один из терминов не является, ведь аквитаны, как мы помним, издавна были приморским народом.

[16] По статистическим данным Бодо Мюллера, галльский язык дольше всего сохранялся именно в горах, о чем свидетельствуют данные местных говоров [57, 610].

самих себя, в любом случае производить все сами, выращивать виноград, хлеб и маслины, даже если почва или климат мало для этого пригодны. Общество, цивилизация, экономика — все здесь носит консервативный и отсталый характер… Жители гор в большинстве случаев остаются на обочине великих цивилизационных движений, бывают не затронуты их медленным распространением. Обладая хорошей способностью к расширению по горизонтальной плоскости, эти движения оказываются бессильными перед препятствиями в несколько сотен метров, мешающими им подниматься по вертикали. Для горных миров, гнездящихся в облаках, почти незнакомых с городской жизнью, даже Рим, несмотря на его потрясающую долговечность, мало что значил, за исключением, быть может, лагерей, разбитых повсеместно солдатами империи для ее защиты: таковы Леон, у подножия Кантабрийских гор [баски же были к востоку от этих гор. — Е .М.]. Точно так же латинский язык не получил главенства в чуждых ему горных массивах Северной Африки, Испании и в других местах, а римский дом остался жилищем равнины. За некоторым местным исключением, горы, остались недоступными для него» [5, 39-41].

Еще Ахилл Люшер отмечал тот характерный факт, что во многих частях Аквитании, где давно уже не говорят по-баскски, в особенности в горах, сохраняется баскская топонимика. Между тем, на равнине мы встречаем местные названия исключительно кельтского или латинского происхождения [14, 4].

«Позднее, когда Риму цезарей наследовал Рим святого Петра, проблема сохранилась. Только там, где можно было действовать с большой настойчивостью, Церковь сумела подчинить себе и принять в свое лоно этих пастухов и свободных крестьян. Но на это были потрачены века.

Бесспорно, что жизнь городов и равнин мало затрагивает эти заоблачные миры. Она просачивается туда по каплям. То, что произошло с христианством, можно отнести не только к религии. Большая часть горных областей осталась вне пределов досягаемости феодального режима, его политической и социально-экономической системы и его органов правосудия. Если их влияние и ощущалось, то только частично…

Горы — это преграды. Но одновременно и убежище, страна свободных людей. Ведь все запреты и ограничения, которые цивилизация (политическое и социальное устройство, денежные отношения) накладывает на человека, здесь недействительны… Горы — это приют свободы, народоправства, крестьянских “республик”» [5, 41-46].

Действительно, принято считать, что **христианизация** Бискайи и Гупскоа проходило медленно и вяло. «Каро Бароха возводит христианизацию этого региона к IX или X в., другие авторы — к XI–XII вв. Соответственно, самоидентификация басков с католицизмом начинается не раньше Тридентского собора 1545 года [60, 73]. В Галлию же христианство пришло очень рано и благодаря уже хорошему знанию латинского языка населением распространилось очень быстро [42, 1052-1053].

Возвращаясь к вопросу о галльской демографии, нужно отметить, что если завоевание Галлии и далось Цезарю относительно легко, то самой стране оно нанесло значительный урон: Плутарх сообщает, что римские легионы захватили 800 крепостей, покорили 300 племен, миллион человек убили и столько же взяли в плен [15, 269]. Исходя из такой перспективы, мы можем задаться вопросом о **роли семейных отношений** в процессе исчезновении/сохранении языка. Ведь при таких потерях мужского населения галльские женщины неизбежно должны были вступать в браки с иностранными, прежде всего римскими гражданами (часть легионеров Цезаря остались в Галлии и стали колонами), а значит, возникала необходимость изучения важного в этом отношении языка. Дети, рождавшиеся от римско-провинциальных браков, автоматически получали римское гражданство. А римское гражданство, уже при Августе вынуждало отказываться от участия в друидических ритуалах, и т.д.

В таких условиях очевидно, что под римским влиянием и вследствие своей географической «транзитности», близости к средиземноморской смеси народов, галльское общество довольно быстро должно было ассимилироваться, гомогенизироваться с окружающими его народами — и всякая полигамия, общинные семьи, о которых говорят Диодор, Цезарь, Страбон [49, 300–308] должны были исчезнуть.

В Галлии, по Цезарю, институт клиентелы касался не только индивидов, но и города, и особенно народы-государства, которые принимают статус либо патрона, либо клиента. Так, битуриги, сеноны и паризии были клиентами эдуев, так же и народ белгов и беловаки. К этим политическим отношениям, которые имели экономические и стратегические последствия, прибавлялись также родственные связи между большими семьями разных народо-государств [23, 41]. Эдуй Думнорикс — лучший пример: для укрепления своего могущества он отдал свою мать замуж за очень сильного князя битуригов, сам взял себе жену из племени гельветов, а сестру по матери и других родственниц выдал замуж в другие общины (BG I, 18).

Принимая в расчет этот галльский обычай соединять политические отношения экзогамными браками [49, 311], такие юридические обстоятельства снова подталкивали местные элиты к скорейшему приобщению ко всем сторонам римской жизни. Именно правящие классы определили судьбу своего народа: приобщаясь к ценностям центральной власти, они сохраняли таким образом свое влияние в Галлии.

Нужно также отдавать себе отчет в невероятной ценности римского гражданства в первые годы империи, например, торговлю в масштабах страны могли фактически вести лишь римские граждане [22, vol.1, 13.1].

Что касается басков, то их семейный уклад именно со сравнительно высокой степенью эндогамности населения косвенно подтверждается их особым генетическим профилем [24, 295]. Изолированное, относительно своих соседей занимает, например, и эндогамный дардский народ калашей в горном Пакистане, сохраняющий языческие верования, и носители изолированного языка бурушаски в предгорьях Гималаев.

Римляне никогда не пытались насильно насаждать свой язык в какой бы то ни было части империи [16, 545–546]. Доказательств этому много. Одно из них — отношения интерференции между галльским и латинским языками в последние века существования галльского языка, которое, как нам кажется, могло существовать исключительно в условиях мирного существования.

Удобно рассматривать смену систем на примере собственных имен. К счастью для историков, римская цивилизация имела довольно выраженную тенденцию к графомании. До нас дошли десятки тысяч вотивных и похоронных надписей с указанием их заказчика. И можно наблюдать, как за несколько поколений происходит трансформация системы имен собственных.

В общем виде эволюция галльской системы выглядит так: основной формой обозначения человека в доримскую эпоху было одиночное имя (часто многокомпонентное, построенное по общей индоевропейской модели), позднее стал добавляться патроним в форме адъективированного имени отца. С римским завоеванием в употребление стали входить латинские преномены, генитив имени отца в качестве патронима (или же римское *nomen gentile* для освобожденных рабов), и, наконец когномен: именно в этом качестве предстали галльское имена.

Не только именная формула была постепенно адаптирована под римскую систему, но и сами имена в конечном счете были замещены латинскими. Включение в обиход латинских личных имен сопровождалось и более изобретательным процессом: практиковался также перевод привычных галльских имен на латынь, например: *Artula* > *Ursula*, *Budenicus* > *Militaris*, *Carilos* > *Amandus*, *Dacouir(us)* > *Homobonus*, *Moricus* > *Marinus*, *Ollodagus* > *Optimus* [28, 347]; а также обыгрывание омонимии некоторых частей (галл. *bello-* `сильный` и лат. *bellus* `красивый`; *uirido* ‘добродетель, правда’ и лат. *uiridis* ‘зеленый’, лат. *Uerecundus* ‘скромный’ — галл. *uer-condo* ‘большая голова’ (Delamarre 347); *dīuona* `божественная` было ассимилировано именем римского божества Дианы [33, 122] ; многочисленные примеры с элементом лат. Cato- «рассудительный» — галл. catu- «битва» [72, 3].

До нас дошло немало эпиграфики на смеси галльского языка с латинским, где не всегда легко понять, о каком именно языке идет речь. Известная надпись на пряслице *nata vimpi cvrmi da* ‘девушка-красавица, дай пива’, в которой все слова галльские, кроме лат. *da*; *tavrina vimpi* ‘телка красивая’, композиция первого слова гибридна: корень от

taurus и галльский суффикс, причем аффективное использование названий животных соответствует именно кельтской традиции; *geneta vis cara* ‘любезная девушка, хочешь ли ты?’ или ‘девушка, которая любит хорошее’: лат. *carus* ‘любезный’ или галл. ‘любящий’ [48, 125-127] — все это надписи на пряслицах, которые, как предполагается, юноши дарили своим возлюбленным. Считается, что язык этих надписей особенно приближен к реальному народному языку поздних веков империи, смеси кельтских основ с латинской морфологией, умышленной игрой слов и множеством нитей, ведущих к новым романским языкам. Не касаясь неразрешенного вопроса об итало-кельтском единстве, отметим также тот факт, что галльский и латинский языки были достаточно близки между собой как в лексическом плане, так и в отдельных частях морфологии — все это, конечно, способствовало абсорбированию галльского языка латынью даже в наименее культурных слоях населения.

Падение Римской империи и нашествие германцев снова сделали так, что *Gallia* снова стала *omnis divisa in partes tres*: франков, визиготов и бургундов, и основным языком общения с местным населением, предположительно, была латынь. Галльский же язык в той или иной мере сохранился лишь в отдаленных гористых районах Центрального массива и в Альпах [34, 453]; и, может быть, в Арморике, где с ним столкнулись бежавшие под натиском англосаксов бритты.

Античные источники

BG — Гай Юлий Цезарь, Записки о галльской войне.

RIG — Recueil des inscriptions gauloises

Страбон — Страбон, География.

Литература

1. Алиев А.А., Смирнов А.С. Y-гаплогруппы носителей арийского языка // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия):Том 2, №1, 2010.

2. Архипов А., Нуждин Г. Из истории баскского языка // Герника № 1, 2008 // http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/3-euskara

3. Бертольди В. Греческий и латинский: языки, служившие средством передачи местных традиций и орудием колонизации в Западном Средиземноморье // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972. Стр. 120–129.

4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

5. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 1: Роль среды. М., 2002.

6. Глонти М.М. Типологические исследования в области баскской календарной лексики (терминология недели). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1984.

7. Завоевание Галлии // Древний Рим. Книга для чтения. Под ред. Д.П. Каллистова и С.Л. Утченко // http://www.sno.pro1.ru/lib/school/rome/27.htm

8. История Франции в 3-х томах под ред. А.З. Манфреда. 1-й том. М., 1972

9. Калыгин В. П., Королев А. А. Введение в кельтскую филологию. М., 1989 (2006).

10. Ланда Р.Г. Средиземноморье: общность истории и культуры // Отечественные записки, 5, 2004 // http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=957

11. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972. Стр. 81–93.

12. Моммзен Т. История Рима, III том. М., 1941.

13. Тевено Э. История галлов. М., 2002.

14. Шишмарев В.Ф. Очерки по истории языков Испании. М., 1941.

15. Шкунаев С. В. Культура Галлии и романизация // Культура древнего Рима. М., 1985. Стр. 258–302.

16. Adams, J.N. Bilingualism and the Latin language. Cambrige, 2004.

17. Alinei, M. Interdisciplinary and linguistic evidence for Palaeolithic continuity of Indo-European, Uralic and Altaic populations in Eurasia, with an excursus on Slavic

ethnogenesis. Paper read at the Conference Ancient Settlers in Europe, Kobarid, 29–30 May, 2003 // Forthcoming in “Quaderni de semantica”, 26. // http://www.scribd.com/doc/45355792/Palaeolithic-Continuity-Theory

18. Almagro Gorbea, M. Ethgogénesis del País Vasco: de los antiguos mitos a la investigación actual // MUNIBE (Antropologia-Arkeologia) 57, 2005. P. 345–364.

19. Almagro Gorbea, M. Los orígenes de los vascos. Lección de Ingreso como Amigo de Número leída el día 24 de junio de 2008. Madrid, 2008 // http://www.ua.es/personal/juan.abascal/Almagro_2008_Los_Origenes_de_los_Vascos.pdf

20. Barbour, S., Carmichael, C. Language and nationalism in Europe. Oxford UP, 2000.

21. Ballester, X. Sobre el Origen de las Lenguas Indoeuropeas Prerromanas de la Península Ibérica // Arse, 32/3, 1998/9. P. 65–82.

22. Bloch, G. La Gaule indépendante et la Gaule romaine. Paris, 1900.

23. Brunaux, J.-L. Nos ancêtres les gaulois. Paris, 2008.

24. Cavalli-Sforza, L.L., MenozziP., Piazza, A. The history and geography of human genes. Princeton UP, 1994.

25. Checon de Freitas, E. Entre a Gallia e a Francia // Brathair 8.1, 2008. P. 50-78.

26. Collins, R. Visigothic Spain 409-711. Blackwell, Cornwall, 2004.

27. Correa, J.A. La lengua ibérica // Revista española de lingüística 24, 2, 1994. P. 263–287.

28. Delamarre, X. Dictionnaire de la langue gauloise. Paris, 2003.

29. DuvalP.-M. La vie quotidienne en Gaule. Paris, 1952.

30. Feugère, M., LambertP.-Y. L’écriture dans la société gallo-romaine // Gallia 61 (2004),. P. 3–6.

31. Fleuriot, L. Celtoromanica in the light of the newly discovered Celtic inscriptions // ZCP 44, 1991. P. 1-35

32. Fleuriot, L. (обзор) W. Meid, "Gallisch oder Lateinisch" // ZCP 40, 1984.

33. Fleuriot, L. Notes sur le celtique antique // Etudes celtiques, vol. 19, 1982. P. 121–126.

34. Fournier, P.-Fr. La persistance du gaulois au VIe siècle d'après Grégoire de Tours // Recueil de travaux offerts à Clovis Brunel. Paris, 1955. P. 448–453.

35. Gorrochategui, J. Indígenas y romanos en Aquitania a través de la epigrafía // Revista Internacional de los Estudios Vascos, Vol. 34, No. 1., 1989. P. 15–30.

36. Gorrochategui J. La romanización del País Vasco: Aspectos lingüísticos // Antiqua VI, 1999 // http://www.gipuzkoakultura.net/ediciones/antiqua/gorrocha.pdf

37. Gorrochategui J. Planteamientos de la lingüística histórica en la datación del euskara // XV Congreso de Estudios Vascos Donostia/San Sebastian: Eusko Ikaskuntza/Sociedad de Estudios Vascos, 2002. P. 103-114. www.euskomedia.org/PDFAnlt/congresos/15/01030114.pdf

38. Gorrochategui, J. Vasco antiguo: algunas cuestiones de geografia e historia lingüisticas // Palaeohispanica 9, 2009. P. 539–555.

39. Goudineau, Ch. La Guerre des Gaules et l'archéologie // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 135e année, N.4, 1991. P. 641–653.

40. Goudineau, Ch. La notion de patrie gauloise durant le Haut-Empire // La patrie gauloise d'Agrippa au VIe siècle, Actes du colloque de Lyon, 1991, Université jean Moulin, (1993). Dans : Regards sur la Gaule. Paris: Errance, 1998. P. 508–523.

41. Goudineau, Ch. Les provinces de Gaule: problèmes d'histoire et de géographie // Mélanges Pierre Lévêque, Annales Littéraires de l'Université de Besançon, 5, 1990. Dans : Regards sur la Gaule. Paris: Errance, 1998. P. 472–493.

42. Herman, J. La langue latine dans la Gaule romaine // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, II, 29, 2,.Berlin, New York, 1983. P. 1045–1060.

43. Herman, J. Aspects de la différenciation territoriale du latin sous l'empire // Bulletin de la société de linguistique de Paris, 60, 1, 1965. P. 53–70.

44. de Hoz, J. El problema de los lImites de la lengua ibérica como lengua vernAcula // Palaeohispanica 9, 2009. P. 413–433.

45. de Hoz, J. The Celts of the Iberian peninsula // ZCP 45, 1992. P. 1–36.

46. Iglesias, H. Sur l'origine présumée du fractionnement dialectal de la langue basque // ARSE 43, 2009. P. 1–24.

47. Koch, J. T. Tartessian: Celtic in the South-west at the Dawn of History. Aberystwyth, 2009.

48. LambertP.-Y. La langue gauloise (2ème éd.). Paris, 2003.

49. Lewuillon, S. Affinités, parenté et territoires en Gaule indépendante fragments d'anthropologie // Dialogues d'histoire ancienne, 16, N.1, 1990. P. 283–358.

50. Lot F. La Gaule, Les fondements ethniques, sociaux et politiques de la nation française. Paris, 1947.

51. Luchaire, A. Sur les origines de Bordeaux. Annales de la Faculté des Lettres de Bordeaux, 1879.

52. Luchaire, A. Les origines linguistiques de l'Aquitaine. Paris, 1877.

53. Lujan, E.R. Las inscripciones musivas ibéricas del valle medio del Ebro: Una hipótesis lingüística // Palaeohispanica 10, 2010. P. 289–310.

54. Meid, W. Gallisch oder lateinisch? Innsbruck, 1980.

55. Michelena, L. De onomastica aquitana // Pirineos 10, 1954. P. 409–458.

56. Michelena, L. Sobre el pasado de la lengua basca. San Sebastian, 1964.

57. Müller, B. Geostatistik der gallischen Substratwörter in der Galloromania // Festschrift Hubschmid. Bern, 1982. P. 603–620.

58. Oyharçabal, B. Etude des populations et singularité linguistique du pays basque. Conférence à IKER, 2005 // http://artxiker.ccsd.cnrs.fr/docs/00/03/63/86/PDF/conference_Etude_des_populations_et_singularite_du_Pays_basque.pdf

59. Polomé, E. The linguistic situation in the Western provinces of the Roman Empire // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Hrsg. von Temporini H. und Haase W. II. Berlin — New York, 1983. P. 509–553.

60. Stallaert, Ch. Etnogénesis y etnicidad en España: una aproximación histórico-antropológica al casticismo. Barcelona, 1998.

61. Stüber, K. Effects of Language Contact on Roman and Gaulish Personal Names // The Celtic languages in contact: Papers from the workshop within the framework of the XIII International Conference of Celtic Studies, Bonn, 26–27 July 2007. Bonn 2007. P. 81–92.

62. Tovar, A. Estudios sobre las primitivas lenguas hispánicas. Buenos Aires, 1949.

63. Tovar, A. ***Mitología e ideología*** sobre la lengua vasca. Madrid: Alianza Editorial, 1980.

64. Tovar, A. Sobre las palabras « vascones » y « euskera » // Homenaje a A.Irigaray. San Sebastian, 1985. P. 245–256.

65. Trask, L. Etymological Dictionary of Basque. Sussex, 2008.

66. Untermann, J. La onomástica ibérica // Iberia, 1, 1998. P. 73–85.

67. Untermann, J. Lengua gala y lengua ibérica en la Galia Narbonensis // APL 12, 1969. P. 99–161.

68. Vendryes, J. Celtique et roman // Revue de Linguistique Romane 1,1925. P. 262–277.

69. Villar, F. Indoeuropeos y no indoeuropeos en la Hispania prerromana. Salamanca, 2000.

70. Whatmough, J. Dialects of Ancient Gaul. Cambridge/Mass. 1970.

71. Zeidler, J. Two examples of Intercultural names in fourth cetury Gaul // NIO Publications, Gallo-Roman Series, 2003.1 // http://www.nio-online.net/twoexpls.pdf

72. Zeidler, J. Research on Interferenzonomastik in Roman Gaul // NIO Publications, Gallo-Roman Series, 2004.1.

М.А. Павликова (ИЯз РАН)

M.A. Pavlikova

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Эволюция функционально-семантического поля длительности в ранненовоанглийском языке

Evolution of the functional-semantic field of duration in Early Modern English

Аннотация

В статье описывается механизм структурирования функционально-семантического поля длительности в течение ранненовоанглийского периода. На материале тщательно подобранных примеров из памятников английского языка 2-й половины XV в. — 1-й половины XVI в. демонстрируется эволюция поля от полицентрического к моноцентрическому, что выражается в формировании ядра, образуемого новой грамматической категорией английского глагола (вид, представленный формами Continuous), постепенном создании периферии, куда вытесняются все структурные разновидности позднесреднеанглийских процессуальных конструкций, не подвергшихся морфологизации.

Дальнейшее формирование поля нового типа (моноцентрического) продолжается на следующем этапе ранненовоанглийского периода (от 2-й половины XVI в. по 1-ю половину XVIII в.), когда в языке интенсивно развертывается парадигматизация новой глагольной формы Continuous. Завершается же процесс структурирования поля длительности уже в поздненовоанглийский период как итог движения от поля слабоцентрированного к полю сильноцентрированному.

The article describes the mechanism of structurisation of the functional-semantic field of duration during the Early Modern English period. Carefully chosen examples from the English texts of the late 15th and the early 16th century serve as the basis for demonstrating the field's evolution from polycentricism to monocentricism that finds expression in the formation

of a core made up by the novel grammatical category of the English verb (aspect, as manifested by continuous forms), and gradual creation of the periphery, into which all the structural varieties of the unmorphologised continuity constructions of Late Middle English are pushed.

The further build-up of the novel-type (monocentric) field continues at the next stage of the Early Modern English period, from the late 16th century to the first half of the 18th century with the intense paradigmatisation of the new verbal Continuous forms. The process of structurisation and centralisation of this semantic field reaches its apex in Modern English.

Ключевые слова

Эволюция, функционально-семантическое поле длительности, морфологизация и парадигматизация, ядро и периферия поля, конфигурация поля, полицентризм и моноцентризм

Evolution, functional-semantic field of duration, morphologisation and paradigmatisation, field's core and periphery, configuration of the field, polycentricism and monocentricism

А.В. Бондарко, один из ведущих специалистов в области функциональной грамматики еще в своих ранних публикациях отмечал большие потенциальные возможности применения функционально-семантического подхода к исследованиям не только сопоставительным и типологическим, но и к изучению проблем языковой эволюции [1].

Однако приходится с сожалением констатировать, что именно эволюционный аспект функционально-семантического подхода в современных исследованиях представлен относительно скромно.

Настоящая статья представляет собой попытку применить одно из фундаментальных понятий функционально-семантического анализа — понятие функционально-семантического поля (ФСП) к рассмотрению некоторых существенных моментов эволюции категории вида в английском языке, а конкретно, к выявлению тех

изменений в организации языковых средств передачи идеи длительности действия, которые происходили в этом языке на протяжении нового периода его истории.

Функционально-семантическое поле — это система разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определенной семантическое категории.

Говорить о существовании функционально-семантического поля длительности в английском языке можно, по-видимому, начиная с конца XIV в.: именно в это время в языке, благодаря произошедшей парадигматизации герундия [10] и своеобразному «возрождению» старых конструкций с глаголом «бытия» и предикативным причастием I [4], почти вышедших из употребления в среднеанглийский период, в языке появилось несколько типов синтаксических конструкций, объединяемых способностью представить выражаемое ими действие как процесс (отсюда их собирательное название «процессуальные»).

Это конструкции следующих типов:

I. Конструкция с глаголом «бытия» и предикативным причастием I:

And so they turned their horsis and rode over watyrs and woodys unto they com ny the busshmente, there sir Lyonell and sir Bedwere were hovyng stylle. (M. Dart, 208) — «И вот они повернули коней и скакали через реки и леса до тех пор, пока не приблизились к засаде, где тихонько притаились сэр Лионель и сэр Бэдуер»;

II. Конструкция с глаголом «бытия» и предложным герундием:

The schepyng ys begone at London, but Y doe notyng tyll the tyme Y haue wrytyng from the, the weche ys long of comyng as me semeth. (C.L., 19) — «В Лондоне началась загрузка судов, однако я ничего не предприму до тех пор, пока не получу от тебя письменного уведомления, которое что-то долго идет, как мне кажется»;

III. Конструкция с глаголами движения (*come(n), falle(n), go(n), rise(n), ryde(n)* и пр.) и предикативным причастием I:

..., and so he cam rydynge into the fylde... (M. Dart, 751) — «…, и вот он поскакал в поле»; *Beawmaynes smote sir Persaunte abovyn uppon the helme, that he felle grovelynge to*

the erthe... (M. Dart, 382) — «Бомэйн рубанул сэра Персанта сверху по шлему так, что тот распростерся на земле»; *And suddeynly sir Marhalte rose grovelynge and threw his swerde and his shylde from hym* (M. Dart, 310) — «И вдруг сэр Мальгальт поднялся и отбросил свой щит и меч»; *... and ever she rode chydyng hym in the fowleste maner wyse that she cowde...* (M. Dart, 314) — « ..., и повсюду она за ним скакала, браня его самыми мерзкими словами, которые только знала».

IV. Конструкция с глаголами движения и предложным герундием:

And than the kynge and the quene wente an-huntynge… (M. Dart, 427) — «А потом король с королевой поехали поохотиться»; *So on the morne kynge Arthure rode on-huntyng* ... (M. Dart, 1164) — «И вот утром король Артур поскакал охотиться»; *So ryght as they thus talked there com in-rydynge sir Gareth* (M. Dart, 890) — «И вот прямо тогда, когда они так беседовали, прискакал верхом сэр Гарет».

Структурными модификациями названных типов процессуальных конструкций были:

а) герундиальные конструкции с глаголом «бытия» или глаголами движения с редуцированным предлогом:

Now I thynk he shalbe a-waytyng on the Quen... (P.L., 611) — «Теперь, я полагаю, он должен прислуживать Королеве»; *He is poysened, sir, and lyeth a-dyenge...* (K.J., 599) — «Он отравлен, сударь, и лежит при смерти»

б) герундиальные конструкции, управляющие предлогом:

...and iii bollys of siluer that were in kepyng of Holy Watere... (P.L., 625) — « ... и три серебряные чаши, в которых хранилась святая вода»; *At such tyme as the sayed Alen was a-seryng of Hans coffen, that Grander tolde him that...* (H.VIII, 139) — «В то время как вышеупомянутый Аллен служил у гроба Ганса, этот Грэйнджер сказал ему, что ...»

в) партиципиальные конструкции, управляющие предлогом:

..., and ther was he kepyng of a coorte… (P.L., 588) — «…, и там он вершил суд», *While that Adam was pitching of his folde* (Ecls., 191) — «Пока Адам пахал свое поле …».

Анализ материала английских памятников XV — 1-й половины XVI вв. показывает, что все вышеперечисленные конструкции и их разновидности выражали длительность действия, причем конкретный оттенок «дуративной» семантики в том или ином случае определялся исключительно контекстом: в контекстах, не содержащих никаких временнû́х наречий (а таких было большинство), или же в контекстах, содержащих панхронные наречия (*euer, alway(es), ay* и т.п.), значение конструкции воспринималось как длительность, не ограничиваемая никаким временнû́м пределом, напр.:

In complexion they be colde and drye, and are alwayes in-waxing in the extremetie of the fyngers and the toes... (A. of B. of M., 24) — «По виду они (ногти — М.П.) всегда холодные и сухие и всегда врастают в края пальцев рук и ног»; *She tolde me that of late the devell, in likeness of a bird, was fleeinge and flickeringe about her in the chambre and suffered to be taken* ... (C. of T.M., 4815) — «Она рассказала мне, что не так давно дьявол, приняв облик птицы, летал и порхал вокруг нее по комнате и позволил себя поймать».

В тех же контекстах, где содержались наречия конкретно-временны́е (*as, whyle, meanwhyle* и т.п.), значение процессуальной конструкции приобретало оттенок длительности, ограниченной определенным временны́м пределом, напр.:

As I was wryghtyng þis bylle Mastresse Jane Harsset comandyd me streyghtly that I should recomand hyr to yow in hyr best wyse... (P.L., 590) — «В то время как я писал это письмо, молодая госпожа Джейн Харсет без обиняков велела мне рекомендовать ее Вам наилучшим образом»; *So the meanwhyle that thys knyght was makynge hym redy to departe, there com into the court...* (M. Dart, 65) — «И вот в то время как этот рыцарь готовился удалиться, ко двору явилась Озерная Дама».

Такая сильная «привязанность» значения данных конструкций к контексту свидетельствует о том, что в тот период (конец XV — начало XVI вв.) в них еще отсутствует инвариант грамматического значения, и все они функционируют в качестве свободных вариантов дуративной архиконструкции рубежа среднего и нового периодов истории английского языка. Следовательно, ФСП длительности в английском языке в

этот период жесткой (ядерной) структуры не имеет и является полицентричным [2]: каждый выделенный тип процессуальной конструкции как бы образует в поле свой центр структурно-семантического притяжения.

Однако в середине XVI в. вся организация ФСП длительности в английском языке начинает претерпевать кардинальную перестройку, что связано с морфологизацией конструкции *be + Ving*, проявившейся в:

а) смене ее контекстуального окружения (теперь статистически преобладают контексты, содержащие наречия конкретно-временнûе);

б) резком расширении ее лексического наполнения за счет возможности образования ее партиципоидного компонента от абсолютного большинства глагольных лексем.

Эти новые параметры конструкции *be + Ving* указывают на происходящую изоляцию ее от других ранненовоанглийских процессуальных образований [3]. Такая изоляция становится возможной вследствие переориентации семантического признака, лежащего в основе ФСП длительности, с значения длительности неактуальной, т.е. не привязанной к конкретному ситуативному моменту, на значение длительности актуальной, т.е. на представление процесса, выражаемого конструкцией *be + Ving*, как одновременного ситуативному моменту [4]. Таким образом, вследствие начала морфологизации одного из структурных типов ранненовоанглийских процессуальных конструкций, в структуре поля длительности начинает формироваться ядро, образуемое новой грамматической категорией английского глагола (вид), и складывается периферия, на которую в ходе дальнейшего развития языковой системы в новоанглийский период вытесняются все структурные разновидности позднесреднеанглийских процессуальных конструкций (кроме, естественно, конструкции с глаголом «бытия» и предикативным причастием I); там также, в 1-ю половину новоанглийского периода, находятся и те лексические средства выражения длительности действия, которые пока еще не могут использоваться в составе морфологизированного новообразования (глагольные лексемы

have, be, exist, forget, remember, continue и т.п.; достаточно полный перечень которых можно найти у, например, О. Есперсена [7].

Формирование такого поля нового типа совершалось в течение всего ранненовоанглийского периода (XVI — 1-я половина XVII вв.) и так называемого «века нормализации» (2-я половина XVII — XVIII вв.), когда в языке интенсивно разворачивалась парадигматизация формы «длительного» вида, в основе которой лежала идиоматическая конструкция *be + Ving* [5]. Оно было продолжено в поздненовоанглийском (XIX — XX вв.), когда форма «прогрессива», выработав уже полную парадигму, включившую в себя помимо форм Present и Past Continuous и Continuous Infinitive, также формы разряда Perfect Continuous, «продолженные» формы пассива и причастия II [5], продолжала свою языковую экспансию за счет приобретенной теперь возможности образовываться практически от всех глагольных лексем [9].

Судьба же иных структурных разновидностей английских процессуальных конструкций, образовавшихся в XV в., такова: если в ранненовоанглийский период частота их встречаемости в самых различных текстах, принадлежащих разным стилям и диалектам, еще довольно высока [9, 10], то в поздненовоанглийском они оказываются почти совершенно вытесненными из «живого» языка в маргинальные его слои, реализуясь либо в нелитературных («субстандарных») языковых подсистемах, т.е. в территориальных и/или социальных диалектах различных национальных вариантов английского языка[6; 8; 11], либо, наоборот, в высоколитературных стилистических подсистемах, таких, например, как язык поэзии (Уолт Уитмен, Дилан Томас и др.), особенно в тех случаях, когда автор ставит перед собой задачу стилизации языка произведения под «архаику».

Итак, историческое преобразование системы средств передачи идеи длительности действия в английском языке шло таким образом, что в течение всей 2-й половины новоанглийского периода противопоставление центральных и периферийных компонентов ФСП длительности продолжало углубляться, и, в конечном итоге, как результат всех происшедших перемен, конфигурация поля стала четко

структурированной: «жесткое» (морфологическое) ядро, образуемое оппозицией категориальных форм Indefinite — Continuous, и «диффузная» периферия (архаические типы синтаксических процессуальных конструкций и отдельные словосочетания типа *used to tend to* и нек. др.). Это значит, что за прошедшие 500 лет произошло превращение английского ФСП длительности из структуры полицентрической в структуру моноцентрическую [2], и, таким образом, в терминах поля, весь новоанглийский процесс становления и развития категории вида представляется как процесс движения от поля слабоцентрированного к полю сильноцентрированному [2], что стало возможным благодаря исторически развившейся бóльшей «специализации» семантического признака, лежащего в основе английского ФСП длительности («дуративность неактуальная» → «дуративность актуальная»).

Список сокращений цитированных памятников

1. A. of B. of M. — Thomas Vicary's «Anatomie of Bodie of Man», ed. by F.Y. Furnivall & by P. Furnivall. London, 1888.

2. C. of T.M. — Correspondence of Sir Thomas More, ed. by E.F. Rogers. Princeton, 1947.

3. C.L. — The Cely Letters, ed. by A. Hanham. London — N.Y. — Toronto, 1975.

4. P.L. — The Paston Letters, ed. by J. Gairdner. Edinburgh, 1910

5. Eels. — «The Eclogues of Alexander Barclay», ed. by B. White London, 1928

6. H. VIII — Edward Hall's «Triumphant Reigne of Kyng Henry the VIII», ed. by C. Whibley. London, 1904.

7. K.J. — «John Bale's 'Kynge Johan'», ed. by J. Payne Collier. London, 1938.

8. M. Dart — Morte dArthujre. — In: The Works of Sir Thomas Malory by E. Vinaber. Oxford, 1947.

Литература

1. Бондарко А.В. О некоторых типах эволюции грамматических категорий в их отношении к категориям понятийным // Материалы всесоюзной конференции по общему языкознанию: «Основные проблемы эволюции языка». Самарканд, 1966, Ч.I.

2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.

3. Расторгуева Т.А. Варьирование и исторические изменения морфологической системы английского языка. АДД. М., 1980.

4. Историко-типологическая морфология германских языков: Категория глагола. М., 1977.

5. Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. М. — Л., I960.

6. Dillard J.L. A history of American English. Longman Group UK Ltd, 1992.

7. Jespersen O. A Modern English grammar on historical principles: part VII — syntax. Lnd., 1954.

8. Wright P. Cocney dialect and slang. Lnd., 1981.

9. Scheffer J. The progressive in English // Horth — Holland ling. series. Amsterdam — Oxford — New Jork, 1985.

10. Tajima M. The syntactic development of the gerund in Middle English. Tokyo, 1986.

11. Turner G.W. The English language in Australia and New Zealand. Lnd., 2002.

В.А.Панов (ИЯз РАН)

V.A. Panov

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

К типологии и диахронии глаголов движения в латинском языке

Towards the typology and the diachronic development of Latin motion verbs

Аннотация

В статье рассматривается латинская система глаголов движения с точки зрения теории Леонарда Талми о «сателлитных» и «глагольных» языках. В качестве примера используются глаголы движения пешком и глаголы с не специфицированным способом перемещения. Затрагиваются также диахронические аспекты проблемы.

The article deals with the system of Latin motion verbs, including those that denote walking and an unspecified manner of motion, from the point of view of Leonard Talmy's theory on 'satellite-framed' and 'verb-framed' languages. Diachronic aspects of the problem are also discussed.

Ключевые слова

Латинский язык, романские языки, глаголы движения, сателлитные и глагольные языки

Latin language, Romance languages, motion verbs, satellite-framed & verb-framed languages

Способы выражения пространственных отношений латинскими глаголами, т.е. категория глагольной ориентации (см. [2]) латинском языке никогда не была специально исследована. В тоже время, данная проблематика представляет интерес с нескольких

точек зрения. Во-первых, интересны особенности категории глагольной ориентации и способов лексикализации ситуаций движения в латинском языке с точки зрения типологии. Во-вторых, интересно обнаружить связь категории глагольной ориентации с другими категориями глагола, в том числе и в типологическом плане. Наконец, интерес представляет диахрония данной категории, а также диахрония в типологическом разрезе, т.е. то, как вообще могут эволюционировать системы глаголов движения и позиции подобные латинской.

В качестве отправной точки используем идеи, высказанные Леонардом Талми. В нескольких статьях, а также в одной из глав монографии [11; 12; 13; 14], разработана типологическая теория лексикализации движения в языках мира. Основные вехи теории заключаются в следующем. Выделяются «модели лексикализации» (lexicalization patterns) — способы выражения компонентов ситуации движения. Согласно этой классификации, глагольный корень может содержать информацию о способе движения (manner) или же о маршруте перемещения (path), притом в разных языках преобладает первая или вторая тенденция. В языках, где в глагольном корне кодируется прежде всего способ перемещения, маршрут обычно выражается с помощью всевозможных служебных морфем, глагольных модификаторов, которые Талми называет «сателлитами». Типичные сателлиты — глагольные приставки в славянских языках (*в* + *ходить*), адвербиальные частицы в английском языке (*come in*). В соответствии с «ядерной схемой» (core schema) выражения маршурута эти языки делятся, таким образом, на две группы (см. обзор этой проблематики также [1]):

- языки «глагольного типа» (verb-framed), где маршрут кодируется прежде всего в глагольном корне (романские, семитские, тюркские, банту, майя и др.);
- языки «сателлитного типа» (satellite-framed), где маршрут закодирован в «сателлитах», а глагольный корень кодирует способ движения (из индоевропейских — славянские, германские, балтийские; из неиндоевропейских — финно-угорские, картвельские и др.)

Для иллюстративности приведем примеры:

(1) Машина *заехала в* гараж

Здесь в глагольном корне маркируется способ перемещения — глагол *ехать* обозначает перемещение с помощью транспортного средства, в то время как маршрут кодируется с помощью преверба *за-* (который, в терминах Талми, и является сателлитом) и предлога *в*. Русский язык, следовательно, является представителем языка сателлитного типа. При описании той же ситуации, например, итальянский язык, язык глагольного типа, использует особый, морфологически не членимый глагол маршрута *entrare* ‘перемещаться внутрь замкнутого пространства’, который сочетается практически с любым типом агенса и никак не специфицирует способ перемещения:

(2) La macchina *è entrata nel* garage

Тот же глагол *entrare* можно употребить, например, говоря о воздухе, который «влетел» в комнату:

(3) L’aria fredda è *entrata* nella stanza ‘В комнату влетел холодный воздух’,

или о человеке, который в комнату *вошел*:

(4) Silvia *è entrata* nella stanza ‘Сильвия вошла в комнату’

Данная классификация подвергалась критике и, видимо, не является полностью исчерпывающей, так, вопросы вызывают языки с сериальными конструкциями, например, китайский, где не ясно, первый или второй глагол сериальной конструкции следует рассматривать с точки зрения отнесения китайского языка к глагольному или же к сателлитному типу. Решение этого противоречия представлено в [10], где предлагается трехчленная классификация: Языки могут представлять «глагольный» тип, «эквиполентный» тип (и способ, и маршрут выражены в рамках сериальной конструкции) и «сателлитный» тип.

Большинство древних индоевропейских языков относятся именно к языкам сателлитного типа. В этих языках (древнегреческий, санскрит, древнеперсидский и авестийский, древнеирландский, готский и др. древнегерманские, хеттский) роль сателлитов, показателей глагольной ориентации, играют превербы. Исключения не представляет и латинский язык, обладающий богатой системой превербов. Большинство

превербов имеют предложные корреляты: *ab-*, (движение от ориентира), *de-* (вниз с какой-л. поверхности), *ex-* (изнутри наружу), *pro-* (вперед), *prae-* (движение впереди), *con-* (движение навстречу, совместность), *ante-* (движение впереди / нахождение перед), *ad-* (движение к ориентиру), *circum-* (нахождение / движение вокруг) *inter-* (нахождение / движение между) *ob-* (движение навстречу, вокруг), *post-* (нахождение / движение позади), *praeter-* (мимо), *per-* (через, сквозь), *trans-* (через, сквозь), *in-* (нахождение / движение в), *sub-* (нахождение / движение под; снизу на какую-л. поверхность), *super-* (над), *supra-* (наверху), *intro* (внутрь). Значение предлогов и превербов в целом соотносимо. Небольшая группа превербов не имеет предложных коррелятов: *re-* (движение обратно), *dis-* (движение в противоположные стороны), *amb-* (вокруг), имеющий, правда, предложные соответствия в других индоевропейских языках (напр., гр. *amphi-*).

Все перечисленные превербы имеют ярко выраженные пространственные значения, за исключением *con-*, в котором, впрочем, также возможно значение, близкое к пространственному ‘навстречу друг другу, в одну точку’, наблюдаемое, например, в глаголе *congregare* ‘собирать в одном месте’. Несмотря на то, что пространственное значение, вероятно, является первичным, оно наблюдается лишь у небольшой группы латинских глаголов.

Глаголы движения в латинском языке, точнее, корневые глаголы, кодируют прежде всего способ перемещения. Большинство из них способно сочетаться с аргументами, обозначающими пространственные ориентиры, будучи употребленными и без превербов:

(5) simul ex alto longe pulcherruma praepes Laeva *volavit* avis (Enn., в Cic., De Divinatione. 1, 108)[1] ‘Тут же с вышины *слетела* прекрасная стремительная птица’.

[1] Все латинские примеры, кроме примеров из *Historia Apollonii regis Tyri*, взяты из интернет-корпуса *Perseus Digital Library* (http://www.perseus.tufts.edu/hopper/). Примеры из *Historia Apollonii regis Tyri* — из электронного корпуса *The Latin Library* (http://thelatinlibrary.com/)

Все же, в большинстве ситуаций употребляются именно глаголы с превербами. Так, в контексте, подобных вышеприведенному, с большей вероятностью будет употреблён глагол *devolare* ‘слетать вниз’:

(6) Ergo Iris croceis per caelum roscida pennis, mille trahens varios adverso sole colores, *devolat*, et supra caput adstitit. (Verg. Aeneis 4.693) ‘И вот росистая Ирида с шафрановыми перьями, пронеся по небу против солнца тысячу разных цветов, *слетает (вниз)* и останавливается над головой’.

Попробуем описать, как именно универсальные пространственные значения выражаются латинскими глаголами со значением ‘перемещение пешком’ и глаголами без спецификации способа перемещения. Вот эти универсальные значения (список приведен по [1]):

- общее направленное перемещение (пешком) ИДТИ
- ненаправленное перемещение (пешком) ХОДИТЬ
- перемещение к дейктическому центру ПРИХОДИТЬ
- перемещение от дейктического центра УХОДИТЬ
- перемещение внутрь объекта-ориентира ВХОДИТЬ
- перемещение изнутри объекта-ориентира ВЫХОДИТЬ
- перемещение вверх ПОДНИМАТЬСЯ
- перемещение вниз СПУСКАТЬСЯ
- перемещение обратно к начальной точке движения ВОЗВРАЩАТЬСЯ
- перемещение вдоль объекта-ориентира ПРОХОДИТЬ
- перемещение по другую сторону ориентира ПЕРЕХОДИТЬ

В качестве источника был взят один повествовательный текст с большим количеством глаголов движения — латинский роман греческого образца *Historia Apollonii regis Tyri* (предположительно, IV в. н.э.). Было прослежено, какие именно глаголы используются в вышеуказанных ситуациях. Источник интересен также тем, что он является поздним и имеет некоторые очевидно народно-латинские черты (например,

расширенное употребление предлога *de*, употребление *dum* с моментальными глаголами). Есть ли особенности в употреблении глаголов движения по сравнению с латинскими текстами классического периода, будет оговорено позже. Если то или иное значение в тексте отсутствовало, примеры брались из других текстов. Далее в примерах, если это специально не отмечено, указывается место из *Historia Apollonii*.

ИДТИ: отсутствует в тексте, в других текстах — *gradi*

(7) Post hinc ad navis *graditur* sociosque revisit. (Verg. Aeneis. 8.541) ‘Затем он *идет* к кораблям и снова видит товарищей’

ХОДИТЬ:

deambulare

(8) Et *deambulans* iuxta litus visus est a quodam nomine Hellenico, cive suo, qui supervenerat ipsa hora (8) ‘Когда он *прогуливался* по берегу, заметил его некто по имени Гелленик’.

(9) Post haec Apollonius dum *deambularet* in eodem loco supra litore, occurrit ei alius homo nomine Stranguillio (9) ‘После этого Аполлоний стал *прогуливаться* по побережью, и встретился ему некто по имени Странгвиллион’.

(10) Rex autem post paucos dies tenens Apollonium manu forum petit et cum eo *deambulavit*. (19) ‘А царь спустя несколько дней, взяв Аполлония под руку, направился на форум и стал с ним *прогуливаться*’.

(11) In illo tempore peractis omnibus iuxta mare *deambulat* Apollonius. (51) ‘В это время, сделав все свои дела, *прогуливался* он возле моря’.

Интересно, что бесприставочный глагол *ambulare* не является в полной мере глаголом ненаправленного движения и способен сочетаться с ориентирами:

(12) Quo *ambulas* tu, qui Volcanum in cornu conclusum geris? (Pl. Amphitruo. 339) ‘Куда *идешь* ты, несущий огонь, размещенный на голове?’

Вне текста *Historia Apollonii*, тем не менее, глагол *deambulare* является достаточно необычным. Он употребляется в самых ранних литературных текстах, например, у Катона:

(13) Supra pilam inscendat et saliat decies et *deambulet*. (Cato Maior, Agri Cultura, 127, 5) (о винограде). ‘Пусть он залезет на корыто, десять раз на нем прыгнет и *пойдет по своим делам*’.

(14) Postea mane bibat sucum *deambuletque* horas IIII, agat, negoti siquid habebit. (Ibid., 156, 4) (о закваске капусты). ‘Потом, утром, пусть выпьет сок и *уйдет* на 4 часа, если есть какие-нибудь дела’.

Существует свидетельство Цицерона, из которого видно, что глагол *ambulare* с приставкой *de*- звучал не совсем обычно:

(15) Alterum genus est, quod habet parvam verbi immutationem, quod in littera positum Graeci vocant paronomasian, ut "Nobiliorem mobiliorem" Cato; aut, ut idem, cum cuidam dixisset “eamus *deambulatum*” et ille “quid opus fuit de?” “Immo vero” inquit “quid opus fuit te?” (Cic. de Oratore, [LXIII] [256]) ‘Другой вид [риторической фигуры] — это когда немного меняется слово, то, что греки называют парономасией, как у Катона «nobilior mobilior». Или, например, когда он говорил «eamus *de*-ambulatum» (пойдем *погуляем*) его спрашивали: — а зачем *de*-? — он отвечал: а зачем с тобой (*te*)?’

У Теренция глагол имеет достаточно ясную элативную интерпретацию («прочь»):

(16) Abi *deambulatum*. —. *Deambulatum* quo? (Ter. Heauton Timorumenos. 3.3.25) ‘Уходи прочь. — Куда уходить?’

Таким образом, оба глагола — *ambulare* и *deambulare* — в общем случае обозначают ненаправленное движение пешком, но в некоторых контекстах получают элативную интерпретацию.

ПРИХОДИТЬ:

Как в *Historia Apollonii*, так и в других латинских текстах это значение насчитывает наибольшее количество глаголов, как приставочных, так и неприставочных. Это связано с универсальной тенденцией в языках к выделению конечной точки движения, к ее структурной сложности. Прежде всего, назовем бесприставочный глагол *venire* — дейктический глагол, обозначающий приближение к ориентиру. Он может обозначать простое перемещение пешком:

(17) puella *venit* ad patrem suum (24) ‘Девочка *пришла* к своему отцу’.

Перемещение в пространстве, в том числе на транспортном средстве:

(18) Et cum haec Mutilena aguntur, *venit* Apollonius post quattuordecim annos ad civitatem Tharsiam ad domum Stranguillionis et Dionysiadis. (37) ‘Когда в Митиленах происходили все эти дела, *приехал* Аполлоний двадцать лет спустя в город Тарсию к дому Странгвиллиона и Дионисиады’.

(19) At illa audiens regem advenisse induit se regium habitum, ornavit caput gemmis et in veste purpurea *venit*, stipata catervis famularum. (48) ‘Услышав, что приехал царь, надел он пурпурный наряд, украсил голову бриллиантами и *вышел* в пурпурной мантии с толпой слуг’.

Возможны и употребления, в которых «пространство» уже не осознается как реальное физическое пространство:

(20) Bene mihi *venit in mentem*: perge, puer, ad lenonem illum et dic ei, ut mittat ad me Tharsiam. (40) ‘Хорошая *мысль пришла* мне в *голову*: беги, мальчик, к этому своднику и скажи ему, чтобы послал он ко мне Тарсию’.

Глагол *venire* обозначает предельный процесс. Различные превербы могут сигнализировать достижение этого внутреннего предела. Самый частотный дериват такого рода — глагол *pervenire*:

(21) *Pervenit* innocens tamen Apollonius prior ad patriam suam et *introivit* domum (6) ‘*Добрался* ни в чем не виновный Аполлоний до своего отечества и *вошел* в дом’.

(22) At illi dixerunt: "Fac, domine, quod iubet." Ille vero iubet gubernatorem suum Ephesum petere. *Perveniunt* felici cursu. (28) ‘Он приказывает кормчему править к Эфесу. Они благополучно *доплывают* до него’.

Pervenire также используется в переносном смысле в значении ‘достигать чего-л.’:

(23) Ego cum ab adulescentia mea rex nobilis appellarer et ad omnem scientiam *pervenissem*, quae a nobilibus et regibus exercetur (48) ‘Я, будучи благородного происхождения царем, *достиг* всех тех знаний, которыми положено владеть царям и благородным’.

(24) Quae dum ad nubilem *pervenisset* aetatem et species et formositas cresceret, multi eam in matrimonium petebant (1) ‘Когда она *достигла* брачного возраста, возросла ее красота, многие пожелали получить ее в жены’.

Глагол *pervenire* может быть употреблен и в контексте, аналогичном употреблению бесприставочного глагола (см. пример 17):

(25) Et dum hortaretur iuvenem, subito introivit filia regis speciosa atque auro fulgens, iam adulta virgo; dedit osculum patri, post haec discumbentibus omnibus amicis. Quae dum oscularetur, *pervenit* ad naufragum. (15) ‘Пока он приветствовал юношу, вошла дочь царя, красавица, блестя золотом, зрелая уже девушка. Она целует отца, затем целуется с возлежащими друзьями и *подходит* к потерпевшему крушение’.

Достижение предела (с оттенком внезапности) также передается глаголом *supervenire*:

(26) Et cum haec Tyri aguntur, *supervenit* ille Taliarchus, qui a rege Antiocho missus fuerat ad necandum iuvenem. (7) ‘Пока в Тире происходили такие события, *появился* этот Талиарх, которого царь Антиох послал, чтобы тот убил юношу’.

(27) Quem cum deprecor, piratae *superveniunt*, qui me vi auferunt et ad istam deferunt provinciam. Atque lenoni impio sum vendita. (44) ‘Пока я умоляю его, *появляются* пираты, которые меня увозят вот в эту провинцию, и продают бесчестному своднику’.

Во многих случаях синонимичным *pervenire* оказывается глагол *advenire*, также обозначающий достижение внутреннего предела глагола *venire*:

(28) Interpositis autem diebus atque mensibus, cum haberet puella mense iam sexto ventriculum deformatum, *advenit* eius sponsus rex Apollonius. (24) ‘По прошествии дней и

месяцев, когда была девушка уже на шестом месяце беременности, *приехал* супруг ее Аполлоний’.

(29) Itaque puella cum dominum deprecatur, subito *advenerunt* (32) ‘Пока девушка молила господина, вдруг приехали пираты’.

Как видно, при описании одного и того же события (примеры 27 и 29) в одном случае употреблен глагол с приставкой *super-*, в другом — с приставкой *ad-*. Существует также вариант с приставкой *de-*, в этом случае подчеркивается, что достигнутый ориентир находится не там, где находится говорящий:

(30) Sed moras facientibus his, qui classes navium praeparabant, *devenit* Apollonius civitatem Tharsiam. (8) ‘Пока те, кто готовил военный флот, медлили, Аполлоний *приплыл* в город Тарсию’.

(31) Apollonius vero commendata filia navem ascendit altumque pelagus petens ignotas et longinquas Aegypti regiones *devenit*. (28) ‘Тогда Аполлоний, доверив свою дочь [друзьям], *прибыл* в далекую страну Египет’.

Только перемещение пешком обозначают глаголы *accedere* и *incedere*, употребляющиеся примерно в одинаковых ситуациях:

(32) *Accedens* ad navem Apollonii coepit stare et mirari. (39) ‘Подойдя к кораблю Аполлония, он удивился’.

(33) Descendi de via in litore ad naviculas contuendas et inter omnes naves vidi navem tuam decenter ornatam, amabili aspectu. Et dum *incedo*, invitatus sum ab amicis et nautis tuis (40) ‘Я спустился с дороги на берег, чтобы взглянуть на корабли, и среди кораблей увидел твой, прекрасно украшенный и замечательный с виду. Когда я приблизился, пригласили меня друзья твои и моряки’.

УХОДИТЬ

В этом значении вы тоже встречаем несколько глаголов, с приставками и без приставок, производные от глагола *cedere* (идти пешком в сторону от говорящего, отступать).

discedere:

(34) Iuvenis accepta quaestione paululum *discessit* a rege (4) ‘Юноша, получив загадку, *ушел* от царя’.

(35) Et vale dicens *discessit*. (9) ‘И, попрощавшись, *ушел*’.

recedere:

(36) “Ecce habes alios centum aureos, et *recede* a me, ut memoriam mortuorum meorum defleam.” (44) ‘Вот тебе сто золотых, и *уйди* от меня, чтобы я мог оплакивать память моих мертвецов’.

secedere:

(37) Et rex tenens ei manum paululum *secessit* ab eis iuvenibus et ait: (...) (21) ‘И царь, держа его за руку, немного *отошел* от этих юношей и сказал: (...)’.

abscedere:

(38) Et acceptis ducentis aureis *abscessit* de illo loco (41) ‘и, взяв двести золотых, *ушел* из этого места’.

excedere имеет дополнительный оттенок ‘из помещения’, однако им не ограничивается, сочетаясь, например, с наречием *longe* ‘далеко’:

(39) Die prima luce vigilans inrumpit cubiculum filiae suae, famulos longe *excedere* iussit (1) ‘Проснувшись рано поутру, он ворвался в спальню своей дочери, а слугам приказал *уйти* подальше’.

Возможно также переносное значение ‘отказываться’:

(40) Nutrix ut vidit puellam mortis remedium quaerere, vix eam blando sermonis conloquio revocat, ut a propositae mortis immanitate *excederet* (2) ‘Кормилица, увидев, что девочка хочет яду, стала убеждать ее ласковыми речами, чтобы она *отказалась* от лютой смерти’.

ВХОДИТЬ

Данное значение передается приставочными дериватами от глагола *gradi*, обозначающего общее направленное перемещение пешком, или дериватом глагола *ire* (то же):

ingredi:

(41) Et tenens manum iam genero, non hospiti, *ingreditur* domum regiam. ‘Держа под руку теперь уже зятя, а не гостя, входит он в царский дом’.

introire:

(42) Subito nutrix eius *introivit* cubiculum. (2) ‘Вдруг в спальню *вошла* ее кормилица’

Глагол *intrare* является не приставочным глаголом, а глаголом, производным непосредственно от наречия ‘внутрь’ *intro*:

(43) Et dum haec aguntur, *intrat* Apollonius domum Stranguillionis, a fronte comam aperit, hispidam ab ore removit barbam (37) ‘Пока все это происходит, *входит* Аполлоний в дом Странгвиллиона, снимает парик и лохматую бороду’.

(44) Ipso autem Apollonio relicto rex solus *intrat* ad filiam suam dicens: "Dulcis nata, quem tibi elegisti coniugem?" (22) ‘Оставив Аполлония, царь в одиночку *входит* к своей дочери, говоря: милая моя, кого же ты выбрала себе в супруги?’

(45) non prius sumebat cibum, nisi primo monumentum intraret ferens ampullam vini et coronas. (30) ‘Она завтракала лишь после того, как *ходила* к памятнику, принося бутылочку вина и венки’.

По-видимому, памятник, упомянутый в примере (45), находился в закрытом пространстве или помещении.

ВЫХОДИТЬ

В одной фразе мы встречаем дериваты от двух разных корней, с разными превербами, выражающие, впрочем, очень близкие пространственные значения: *procedure* и *exire*:

(46) Rogat te Athenagora, princeps huius civitatis, ut *procedas* ad eum de tenebris et ad lucem *exeas*. (39) ‘Просит тебя Афинагор, государь этого города, чтобы ты *показался* к нему из пещеры и *вышел* на белый свет’.

Глагол *egredi* употреблен применительно к крови (‘вытекать’), хотя глагольный корень обозначает перемещение пешком, что совпадает с переносом значения и в русском языке:

(47) Quae cum cecidisset, de naribus eius sanguis coepit *egredi* (44) ‘Когда она упала, у нее *пошла* носом кровь’.

ПОДНИМАТЬСЯ

ascendere — см. пример 31. Тот же глагол может быть употреблен и без приставки в том же значении, ср. пример из «Памятника» Горация:

(48) …dum Capitolium *scandit* com tacita virgine pontifex (Hor. Carmina 3, XXX) ‘…пока на Капитолий *поднимается* понтифик с молчащей девой’.

Значение ‘подниматься’ передается в латинском языке только с помощью этого корня, независимо от способа подъема, одушевленности или неодушевленности субъекта.

СПУСКАТЬСЯ

От того же корня с добавлением приставки *de-* образуется глагол со значением ‘спускаться’:

(49) Inter haec Apollonius cum navigat ingenti luctu, gubernante deo applicuit Tharsos, *descendit* ratem et petivit domum Stranguillionis et Dionysiadis. (11) ‘Между тем, Аполлоний плыл в великом горе, с помощью бога причалил к тарсам, *спустился* с судна и направился к дому Странгвиллиона и Дионисиады’.

ВОЗВРАЩАТЬСЯ

Используется приставочный глагол *reverti*:

(50) Et dum *reversus fueris* et quaestionis meae propositae solutionem inveneris, accipies filiam meam in matrimonium. (5) ‘Когда ты *вернешься* и найдешь решение моей загадки, получишь мою дочь в жены’.

ПРОХОДИТЬ

Не встречается в *Historia Apollonii*, пример из «Энеиды» дериват от глагола *ire* с приставкой *praeter*:

(51) iam *praeterit* illos (Verg. A. 4.156) ‘Он уже *проходит* мимо них’.

ПЕРЕХОДИТЬ

Используется дериват того же корня, что и для глаголов ‘подниматься’ и ‘спускаться’ с приставкой *trans*-:

(52) Te regem, te patrem patriae et diximus et in perpetuum dicimus; pro te mori optavimus et optamus, cuius ope famis periculum vel mortem *transcendimus* (50) ‘Тебя мы назвали царем, отцом отечества и всегда будем называть так; за тебя мы хотим умереть и всегда будем хотеть, ведь благодаря тебе мы прошли через опасность голода и смерти’.

Итак, как видно, латинские глаголы со значением перемещения пешком (или немаркированного по способу движения) образуют множество префиксальных дериватов для кодирования различных пространственных ситуаций. При этом значения, передающиеся разными превербами, могут иногда иметь очень тонкие и трудноуловимые различия (например, различие между *introire* и *intrare* практически невозможно установить на основе корпуса). Глаголы, обозначающие другие способы движения, например ‘бежать’ или ‘летать’, также имеют множество префиксальных дериватов: *currere, decurrere, incurrere, percurrere, transcurrere; volare, involare, devolare, pervolare.*

Романские языки являются генетическими потомками латыни через ступень т.н. «народной латыни». Статус «народной латыни» до сих пор остается крайне неясным и дискуссионным [4; 7; 9]. Главный вопрос, связанный с проблемой народной латыни, звучит так: существовал ли единый, более или менее гомогенный на всем пространстве своего распространения предок современных романских языков, отличный от «классической» латыни? Действительно, романские языки с самого начала своей письменной фиксации представляют собой системы, сильно отличающиеся от классической латыни, в то же время имеющие много общего между собой. Отмечаются общие фонетические процессы, такие как палатализации, исчезновение долготы гласных, стяжение дифтонгов (на основе фонетических изменений разных типов выделяются

несколько протороманских диалектных зон), общие изменения в морфологии (возникновение аналитического перфекта, исчезновение будущего времени, падения системы падежей имени и т.д.). Все эти черты частично отражены в «отклонениях» от «классического» латинского стандарта всех эпох, от комедий Плавта и Теренция до помпейских надписей и *Peregrinatio Egeriae*. В то же время, за недостатком письменных памятников не удается проследить процесс перехода от системы латыни к системам романских языков во всех деталях. Система глаголов движения в романских языках — одно из ярких радикальных отличий этих языков от латыни наряду с другими упомянутыми отличиями. Если латинский язык является ярким представителем языка «сателлитного» типа, все романские языки представляют противоположный полюс, т.е. являются языками глагольного типа (см. итальянские примеры 2 и 3). Хотя в романских языках и существуют приставочные глаголы, чаще всего их значение полностью лексикализовано и не связано с производящей основой на семантическом уровне (ср., напр., итальянскую пару *venire* ‘двигаться в сторону говорящего’ и *avvenire* (< лат. *advenire*) ‘происходить’. Глаголы способа движения иногда могут сочетаться с ориентирами, но это происходит лишь в ситуации, когда в фокусе внимания именно способ движения. Эти ситуации маргинальны и не нейтральны стилистически. Приведем итальянские примеры:[2]

(53) Un uccello *è volato* nella stanza ‘Птица влетела (а не вошла, не вбежала и т.д.) в комнату’.

(54) *Ho camminato* da casa mia fino al negozio ‘Я прошлась пешком от своего дома до магазина’.

Нейтральные глаголы движения, обозначающие маршрут, в романских языках лишь в абсолютном меньшинстве наследуют латинским глаголам. В то же время, новые глаголы могут иметь и общие, и различные источники в разных романских языках:

итальянский: [5] *andare* (возможная этимология — н.-лат. **ad-i-tare*, итеративный глагол с приставкой от ire, парадигма супплетивна, формы настоящего

[2] Автор благодарит за консультацию Сильвию Гаэтти

времени < *vadere* ‘идти пешком’), *venire* (= лат. *venire*), *entrare* (< *intrare*), *uscire* (< лат. *ex-ire* «выходить»), *salire* (< лат. salire ‘прыгать’), *scendere* (лат. < *dis-scendere* ‘спускаться’), *tornare* ‘возвращаться’ (< лат. *tornare* ‘вращать, работать на токарном станке’ < др.-гр. τορνεύω), *arrivare* ‘достигать конечной точки маршрута’ (< н.-лат. **ad-ripare* ‘причаливать’, ср. *ripa* ‘берег’), *partire* ‘уходить, отправляться’*(*< *pars* ‘часть’), *andarsene* ‘уходить’ (*andare* + *se* (refl.) + *ne*), *passare* ‘проходить мимо’ (< лат. *passus* ‘шаг’).

французский [6] *aller* (< лат. *ambulare*), *venir, entrer* (= итал.), *sortir* (< лат. *sortior* ‘бросать жребий’ > ‘убегать’), *rentrer* (< *re* + *entrer*), *arriver, partir, s’en aller, passer* (= итал.)

испанский [8] *ir* (< лат. *ire*, в супплетивной парадигме также *vadere*), *venir, entrar* (= итал., фр.), *salir* ‘выходить’ (от того же латинского слова, что и итальянское *salire* ‘подниматься’), *subir* (< лат. *subire* ‘подняться из-под ориентира’), *levantarse* (<лат. e-*levare* ‘поднимать’, *levis* ‘легкий’), *bajar* (< *bajo* ‘низкий’, лат., др.-гр. *basis* ‘основание, низ’), *llegar* (< *plicare* ‘причаливать’; метафора, сходная с итальянской), *irse, partir* (= ит., фр.), *volver* (< лат. *volvere* ‘поворачивать’ — тот же путь лексикализации, что и в ит. *tornare*).

Как видно из обработанного нами материала, относящегося к достаточно позднему периоду, латинская система глаголов движения была весьма консервативной. Определить момент перехода к кодированию движения романского типа представляется затруднительным. Подобная эволюция системы глаголов движения, однако, не является уникальной для истории латыни и романских языков. Нечто похожее произошло, например, и в истории греческого языка. Древнегреческий язык обладает более богатой, нежели латинская, системой превербов и является ярким представителем сателлитного языка. Новогреческий язык также имеет продуктивную глагольную префиксацию, однако она беднее древнегреческой (например, практически не допускает двойной префиксации), и многие глаголы способа древнегреческого языка в новогреческом стали глаголами маршрута. Например, древнегреческий глагол *pheúgō* ‘бегу, убегаю’, в

новогреческом значит просто ‘ухожу, покидаю’ (аналог романских глаголов наподобие ит. *partire*). Древнегреческий язык, подобно латинскому, обладал богатой системой выражения универсальных значений ВХОДИТЬ и ВЫХОДИТЬ, в то время как новогреческий сохранил лишь два основных глагола, восходящих к древнегреческим глаголам с превербами: *beno* ‘входить’ < др.-гр. *em-bainō* ‘внутрь-идти’ и *vjeno* ‘выходить’ <др.-гр. *ek-bainō* ‘наружу-идти’.

Античные источники

Enn. — Энний

Cic. — Цицерон

Hor. — Гораций

Pl. — Плавт

Ver. — Вергилий

Ter. — Теренций

Литература

1. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.

2. Плунгян В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002, стр. 57–98

3. Хориков, И.П.; Малев, М.Г. Новогреческо-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.

4. Широкова А.В. От латыни к романским языкам. М.: Добросвет, 2005.

5. Dizionario Etimologico Online // http://www.etimo.it/

6. Etymologie // Centre National de Resources Textuelles et Lexicales // http://www.cnrtl.fr/etymologie/

7. Herman, J. Vulgar Latin. University Park: Pennsylvania State University Press, 2000.

8. Origen de las Palabras. Diccionario Etimologico // http://etimologias.dechile.net/

9. Rohlfs, G. Sermo vulgaris Latinus. Tübingen: Max Niemayer Verlag, 1969.

10. Slobin, D.I. The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events // Relating Events in Narrative. Vol, 2 // Strömqvist, S., Verhoven, L. (eds.). Mahwah, NJ: LEA 2004, Vol. 2, pp. 219–257.

11. Talmy, L. Semantics and Syntax of Motion // Syntax and Semantics. Vol. 4 / Ed. by J. Kimball. NY: Academic Press, 1975, pp. 131–138.

12. Talmy, L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language typology and semantic description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon / Ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 36–149.

13. Talmy, L. Path to Realization: A Typology of event conflation // Proceedings of the 17th annual meeting of the Berkley Linguistic Society. Berkley: University of California, 1991, pp. 480–519.

14. Talmy, L. Towards a Cognitive Semantics. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.

Б.Х. Псеунова (ИЯз РАН)

B.K. Pseunova

(Institute of Linguistcs, Russian Academy of Sciences)

Проблемы классификации антропонимов-сленгизмов (на материале словарей)

The problems of classification of slang anthroponyms

Аннотация

В статье рассматриваются антропонимы, являющиеся сленговыми единицами либо входящие в сленговую единицу в качестве ее компонента. Дается подробное описание антропонимов-сленгизмов, представленных в словарях английского, американского и

русского сленга. Анализ антропонимического сленгового пласта позволяет выделить и описать тематические группы антропонимических сленговых единиц, отражающих национально-культурную специфику американского и русского сленга.

The article deals with anthroponyms as slang units or components thereof. Here is given a detailed description of slang anthroponyms presented in dictionaries of English, American and Russian slang. The analysis of the anthroponymical slang layer allows for the definition and the summarizing of the main thematic groups of slang anthroponyms that reflect the ethnocultural specificity of American and Russian slang.

Ключевые слова

Американский сленг, русский сленг, антропонимы, антропонимы-сленгизмы

American slang, Russian slang, antroponim, slang antroponims

Словарный состав языка отражает не только богатство и разнообразие объектов, явлений реальной действительности, но и многообразие интересов общества, оценки отдельных явлений носителями языка, которые принадлежат к различным в социальном и профессиональном отношении группам, что находит наиболее яркое отражение в сленге. Источниками формирования сленга являются групповые, профессиональные жаргоны, а также жаргоны «деклассированных элементов», которые традиционно включаются в понятие “специальный сленг”.

Известный американский исследователь сленга С.Б. Флекснер указывал на необходимость смешения и взаимопроникновения лексикона подгрупп и контактирование этого лексикона с доминирующей культурой как на одну из предпосылок формирования большого сленгового словаря [8]. Для этого группа должна быть либо очень многочисленной и находиться в постоянном контакте с доминирующей культурой (примером такой группы может служить молодежь, которая объединяется по возрастному признаку), либо слишком маленькой, тесно взаимосвязанной и достаточно изолированной от доминирующей культуры.

Наиболее активным элементом, формирующим американский сленг С.Б. Флекснер считает молодежь [7, 670]. В школе, особенно в старших классах, сленговые единицы, как правило, употребляются на каждом шагу. Выпускники средних школ, поступив в университеты, стараются приобщиться к студенческому языку, его нестандартной лексике, чтобы не отличаться от своих товарищей по учебной деятельности. Установка на разговорность, непринужденность, знание коммуникантами друг друга, а также знание конситуации способствует проникновению в речь молодежи тех лексических единиц, формально-содержательные характеристики которых не нарушают обстановки непринужденности. Сленг, однако, играет роль не только особого языка, объединяющего молодежь. Он может использоваться как стремление по-своему назвать предмет или его свойства, желание «зашифровать» свой язык, или просто «разбавить» Queen's English.

В современном молодежном сленге часто встречаются антропонимические сленгизмы, цель которых — завуалированность табуированных выражений: ***John book*** — “список клиентов или записная книжка с клиентами проститутки” [6]; ***John Thomas*** — “мужской половой орган” [5].

В сленге находит отражение образ жизни того коллектива, который его создал. Как справедливо отмечал Р. Барт, «Во всяком социолекте есть “обязательные категории”, обобщенные стереотипные формы, вне которых носители социолекта не могут говорить (мыслить). Иными словами, социолект, как и любая языковая система, включает в себя, пользуясь термином Хомского, определенную компетенцию…» [1, 532–533].

Обработав словари английского, американского, афро-американского и русского сленга (в их числе: [2; 4; 5; 6; 9; 10; 11; 12]), мы еще раз убедились в том, что антропонимический сленг — это отражение культуры, исторических фактов и переживаний народа, с его именами героев, политиков, преступников и т.д. Антропонимические сленговые единицы (далее СЕ) можно встретить и общем, и в специальном сленге, они заполняют все сферы жизни: быт, работу, деньги, спорт,

развлечения, улицу — со всем из этого вытекающим: проституцией, мошенничеством, наркоманией, расовой нетерпимостью.

Собственные имена, входящие в состав сленговых единиц, или собственно сленгизмы можно подразделить на несколько тематических групп:

1. Антропонимы-сленгизмы, характеризующие внутренние качества человека: ***Jimmy Woodser*** или ***Jimmy Woods*** **—** “пьяница; человек, пьющий в одиночестве”; ***Joe Soap*** — “глупый, дурашливый человек”; ***Silly Billy*** — “глупый; умственно отсталый” [5]; ***Kitty*** — “молодая, неопытная девица”; ***Johnny Pissoff*** **—** “надоедливый, раздражающий человек”; ***Hard John*** **—** 1. “агент ФБР”; 2. “жесткий, бескомпромиссный человек”*;* ***Einstein*** **—** “ироническое обращение в адрес того, кто изучает или владеет базовыми знаниями логики” (от имени Альберта Эйнштейна, ученого, лауреата Нобелевской премии); ***champagne Charlie*** **—** “человек, любящий роскошь, разгульный образ жизни” [7].

2. Внешний вид и названия частей тела: ***Mercedes*** — “привлекательная молодая особа”; ***Skinny Liz*** — “худая девушка или женщина”; ***old blind Bob; Oscar***; ***Dick***; ***Jacki Robinson***; ***Jack Johnson*** **—** “мужское достоинство” [10]; ***Donald Peers; donalds*** **—** “уши” (ears, рифмованный сленг); ***Molly O’Morgan*** **—** “орган” (organ, рифмованный сленг); ***Newton Heath; Edward Heath; Ted Heath*** **—** “зубы” (teeth, рифмованный сленг); ***Margaret Rose; margaret*** **—** “нос” (nose, рифмованный сленг); ***Norma Stockers*** **—** “большая женская грудь”; ***Tony Blair; tony*** **—** “волосы” (hair, рифмованный сленг) [6].

3. Секс и половые отношения: ***muscle Mary*** **—** “гомосексуалист бодибилдер (культурист)*”;* ***Lewinsky; get a Lewinsky; give good Lewinsky*** **—** “оральный секс”; ***Bruce; Harry Hoof; Clark Kent; Julian Clary; Clary; Lenny the Lion; Oscar*** **—** “гомосексуалист”; ***Charlie boy*** **—** “женоподобный мужчина, гомосексуалист”; ***Posh and Becks*** **—** “секс” (*sex*, рифмованный сленг) [6].

4. Человеческие выделения: ***call Ralph; call Earl; call for Herb*** **—** “рвать”; ***Donald Trump; Edgar Britt; Edgar; Forrest Gump; Brad Pitt*** **—** “испражняться” (*shit, dump*, рифмованный сленг); ***Henry the Third; Barry White; Barry*** **—** “экскременты,

испражнения” (*turd*, рифмованный сленг); ***Aunt Ruby*** — “менструальный цикл”; ***Christopher Lee; Jerry Lee; Johnny Bliss*** — “мочиться; моча” (*pee, piss*, рифмованный сленг); ***George Martin*** — “выпускать газы” (farting, рифмованный сленг) [6].

5. Отношение к алкоголю*: Charley Freer* — “*beer* (пиво)”; ***Charley Friskey*** — “whisky (виски)”; ***Charley Randy*** — “*brandy* (коньяк, бренди)” и т.д. [11]***; Mozart and Liszt*** а также ***Brahms and Liszt*** — “одурманенный, опьяневший” [5]; ***Michael*** или ***Mickey Finn*** — “крепкий алкогольный напиток”; ***Oliver Twist*** — “пьяный” (*pissed*, рифмованный сленг); ***Russian jack*** — “алкогольный напиток, сделанный в домашних условиях из воды, сахара, дрожжей и различных добавок; самогон”; ***Jesus juice*** — “белое вино”; ***kiss me Hardy; kiss me*** — “белый ром *Bacardi*™”; ***Calvin Klein*** — “вино” (*wine*, рифмованный сленг); ***purple Jesus*** — “алкогольный напиток на основе сока грейпфрута” [6].

6. Экспрессивные восклицания: ***Jesus!*** — “восклицание при удивлении, негодовании или ярости” [5]; ***Jane, please, not in front of the men!*** “выражение, с юмором использующееся в адрес тех, кто нарочито демонстрирует свои чувства на людях”; ***Christ on a bike!; Jesus Christ on a bike!; heavens to Betsy!*** — “выражение удивления, шока; ***crikey Moses!*** — “выражение неожиданности или чувства сочувствия, сострадания”; ***for Pete’s sake!*** — “Ради Бога!” (for ‘God’s sake!’) [6].

7. Профессиональная принадлежность: ***Holy Joe*** — “священник, духовное лицо; ***Sammy*** — “американский солдат”; ***Ruby Queen*** — “привлекательная, молодая медсестра” [5]; ***Johnny-be-good*** — “полицейский”; ***Sherlock Holmes*** — “полицейский детектив” и т.д. [10]; ***Charlie’s Angels*** — “женщины-полицейские”; ***Hard John*** — “агент ФБР”; ***Brenda Bracelets; Jennifer Justice*** — “офицер полиции; полиция ***Hannibal Lecter*** — “кондуктор” **(**ticket inspector, рифмованный сленг); ***Harry Lauder*** — “тюремный надсмотрщик” **(**prison warder, рифмованный сленг).

8. Национальная принадлежность: ***Jimmy Grant*** — “иммигрант”; ***Jumble*** — “белый человек”; ***Abdul*** — “турецкий солдат; араб”; ***Bedouin Bob*** — “житель или выходец из Саудовской Аравии”; ***Captain Kirk*** — “турок”; ***fast-talking Charlie*** — “еврей или тот, кого принимают за еврея”; ***Hymie; Ikey; Ikey Mo; Luby Lou; Luby*** — “еврей”;

Ivan — “русский, русские”; ***Jack Canuck*** — “канадец”; ***Jerry; Gerry*** — “немец, немцы”; ***Juan Doe*** — “какой-то испанец”; ***Pong*** — оскорбительное “китаец”; ***Pat*** или ***Paddy*** — “ирландец”; ***Johnny Gyppo*** — “египтянин” [6].

9. Наркотики: ***Adam*** — “экстази” [5]; ***Marry Ann; Marry Jane; Juana; Juanita; Lucas; Marry Warner; Margarita*** — “марихуана”; ***Spike*** — “шприц, используемый для введения наркотика в вену”, ***Little Joe*** или ***Little Joe in the Snow*** — “кокаин”; ***to blow Charlie*** — “нюхать кокаин” [10]; ***Mary-do-you-wanna-dance*** — “марихуана”; ***Johnny-go-fast*** — “амфетамин”; ***headache Mary*** — “марихуана низкого качества”; ***Marley*** — “сигарета с марихуаной”; ***Bob Marley*** — “кокаин” (Charlie, рифмованный сленг); ***Calvin Klein special*** — “смесь кокаина и кетамина”; ***Doctor White; Dr White*** — “кокаин; наркотическая зависимость”; ***Harry; Helen*** — “героин” [6].

10. Развлечение/азартные игры: ***Aesop*** — “игрок в покер, рассказывающий много историй во время игры”; ***Elvis*** — “игрок в покер, имеющий плохие карты, но продолжающий оставаться в игре”; ***Black Maria*** — “королева пик в колоде карт”; ***peeping Tom*** — “игрок, пытающийся подсмотреть чужие карты” (используется в любой карточной игре); ***radar Charlie*** — “сильный игрок в покер с развитой интуицией, который может просчитать комбинацию карту противника”.

11. Отношение к закону, оружие: ***Abraham’s balsam*** — “смерть через повешение” [11]; ***Oscar*** — “пистолет”; ***Bill shop*** — “полицейский участок”; ***Murphy game*** — “мошенничество, ограбление человека (клиента проститутки) с участием проститутки и ее сообщника”; ***Jack the Lad*** — “нарушитель порядка, смутьян; разыскиваемый преступник”; ***Ben Nevis*** — “длительное тюремное заключение” [6].

12. Болезни и недуги: ***Clement Freud; Valentine Dyalls*** — “геморрой”; ***Vincent Van Gogh; Vincent; Darren Gough*** — “кашель” (*cough*, рифмованный сленг); ***Dudley Moore*** — “рана; воспаление на коже” (sore, рифмованный сленг); ***Henry IV*** — “СПИД”; ***Montezuma’s revenge*** — “диарея, от которой страдают туристы в Мексике”; ***Will’s Whiff*** — “сифилис”; ***Saint Moritz*** — “диарея” (*shits*, рифмованный сленг) [6].

13. Деньги: ***Abraham Lincoln*** или ***Abe Lincoln*** — “пятидолларовая купюра” (From the portrait of Abraham Lincoln on the note) [10]; ***William*** — “один доллар”; ***Jackson*** — “двадцатидолларовая купюра” (President Andrew Jackson’s portpait on the note); ***Jackson five*** — “сто долларов в двадцатидолларовых купюрах” ***Oscar Asche; Oscar Ash; oscar*** — “наличные” (cash, рифмованный сленг); ***Washington*** — “однодолларовая купюра” (From the portrait of George Washington on the note) [6].

14. Одежда и обувь: ***Calvins*** — “синие джинсы или нижнее белье от дизайнера Кельвина Кляйна”; ***Claire Rayners*** — “спортивная обувь”; ***Daisy Dukes*** — “короткие шорты в обтяжку”; ***Eddie Grundies*** — “нижнее белье”; ***Tony Blairs*** — “брюки-клеш” (flares, рифмованный сленг) [6].

15. Транспорт: ***Kitty*** — “Кадиллак” [10]; ***tin Lizzie*** — “старая или дряхлая машина”; ***Queen Mary*** — “длинный трейлер” [5]; ***Charlie bird*** — “вертолет военачальника (во время войны во Вьетнаме)”; ***Black Maria*** — “полицейский фургон для перевозки арестантов”; ***Doris*** — “полицейская машина, фургон”; ***Iron Mike*** — “велосипед”; ***long-nosed Henry*** — “автомобиль модели *Ford Capri*”; ***Nixon’s revenge*** — “американский *Ford*” [6].

16. Еда и напитки: ***Charley Dilke*** — “молоко” (milk, рифмованый сленг); ***Murphy*** — “картофель”; ***Rosy Lee; Nancy Lee*** — “чай” (*tea*, рифмованный сленг) [5]; ***Giorgio Armani; giorgio*** — “сэндвич” (*sarnie,* рифмованный сленг, образованный от имени итальянского дизайнера Джоржио Армани); ***Al Pacino*** — “капучино (разновидность кофе; рифмованный сленг)” ; ***Colonel Blimp*** — “креветки” (*shrimp [seafood]*, рифмованный сленг); ***Jean-Claude Van Damme*** — “ветчина” (*ham,* рифмованный сленг); ***Virgin Mary*** — “безалкогольная версия Кровавой Мэри” [6].

Известно, что многие оскорбительные выражения, употребляемые по отношению к этническим группам и их отдельным представителям, находят широкое применение в американском варианте английского сленга. Подобные выражения свидетельствуют о наличии предубеждений и дискриминации, направленных по отношению к

меньшинствам — группам, имеющим культурные, этнические или расовые признаки, отличающиеся от доминирующего общества, в рамках которого они существуют.

В этой связи нельзя не упомянуть и об обогащении сленга в США афро-американцами. К. Мейжор говорит даже о существовании самостоятельного «афро-американского сленга», за которым, по словам автора, скрывается «явное ощущение глубокого несчастья его носителей» [10]. Результаты обработки и классификации имен собственных-сленгизмов словаря афро-американского сленга демонстрируют явную тенденцию к употреблению имен собственных-сленгизмов, называющих людей по признаку цвета кожи: ***Jezebel*** **—** “чернокожая молодая, привлекательная женщина”; ***John*** — “раб”; ***Aunt Sally, Aunt Jane, Tomette, Aunt Thomasina, Aunt Jemima*** — оскорбительное “чернокожая женщина”; ***Mister Eddie, Charlie, Sylvester*** **—** “белокожий мужчина”; ***Cherokee Bill, Deadwood Dick, Bronco Sam, Bronco Jim*** — “чернокожий ковбой”; ***Dr. Thomas*** — “образованный афро-американец среднего класса” (выражение имеет пейоративный характер); ***Johnny Darky*** **—** “афро-американец”; ***Mister Tom/Uncle Tom; Uncle Thomas*** **—** “уничижительное выражение в адрес человека афро-американского происхождения, в особенности афро-американца среднего класса, имеющего недвижимость в своей собственности или счет в банке”; “негр” [10].

Все эти сленговые единицы тесно связаны с историей и культурой черных американцев, с проблемой расизма, существовавшей в США.

Безусловно, имя собственное обладает богатым “психологическим” потенциалом, обеспечивающим хранение культурной информации и приобретение именем целого ряда новых значений. Но далеко не каждое имя собственное становится сленговой единицей. Как уже указывалось ранее, носители языка наиболее активно используют имена собственные, являющиеся в культуре частотными или исконными национальными именами.

В русском сленге также встречаются антропонимические СЕ, отражающие национальную культуру, исторические события, которые особенно явно прослеживаются в СЕ с прецедентными именами. В состав СЕ нередко включаются имена политиков,

звезд кино и эстрады: ***Сусанин*** — “тот, кто не ориентируется на местности, идет в неизвестном направлении”; ***Сусанить*** — “блуждать, бродить, путаться, не знать дороги” (Долго сусанить-то будем?); ***Балконский*** — “балкон” (*Пойдем на Балконского покурим!*); ***Сталинская готика*** — “высотные здания сталинского времени в Москве”; ***Сказки Пушкина*** — “вранье”; ***Куй железо, пока Горбачев!*** — *“Куй железо, пока горячо!”* (в годы так называемой “перестройки” первые частные предприниматели удачно перефразировали старую русскую поговорку); ***Ленин*** — “умный поступок или слова” (Сколько будет трижды три? — Девять. — *Ну ты Ленин!* [разговор с ребенком]); ***Ленин Хиллз*** — “Ленинские (Воробьевы) Горы” (от английского *hill* — “холм”) [2].

В русском сленге так же часто используют имена собственные-сленгизмы: *Марфа, Манька, Васек, Алеша, Иван Иваныч, Федя, Параша* и т.д. Однако в отличие от английских имен практически все исконно русские имена-сленгизмы имеют пейоративную окраску. В современном сознании носителей русского языка значение большинства исконно русских имен предстает как название человеческих качеств: дурак, неудачник, простак, слабак (то же самое претерпели и женские русские имена).

В словаре фиксируются также заимствованные антропонимические СЕ из английского языка: ***Арнольд*** — “юноша, мужчина, занимающийся культуризмом в ущерб интеллекту”; ***Джеф*** — “эфедрин, эфедрон” [4]; ***Джорж*** — “грузин” (от английского Georgia — Грузия и контаминации с английским именем собственным); ***Билли*** или ***Билка*** — “Билл Гейтс, президент корпорации Microsoft”; ***Джек*** — “потрошитель” (дружеское обращение к человеку, чем-либо активно занимающемуся) [2].

Анализ словарей русского сленга и арго позволил выделить следующие тематические группы антропонимических СЕ.

1. Антропонимы-сленгизмы, характеризующие внутренние качества человека: ***Ванек, Ванька, Ваня, Ванок*** — “простой, недалекий человек”; ***Аполлон*** — “человек, считающий себя очень красивым”; ***Борман*** — “хитрый, изворотливый человек”; ***Арнольд*** — “культурист; сильный, мускулистый человек” (чаще с ирон. оттенком); ***Ромева, Ромео*** — “влюбленный”; ***Джек-потрошитель*** — “ирон. “дружеское

обращение к человеку, чем-либо активно занимающемуся, находящемуся в пылу работы”; ***Дунька*** — “необразованная, неотесаная, обычно провинциальная женщина”; ***Дунька в Европе*** — ирон. “о поведении российской женщины, впервые попавшей за границу”; ***Лох Петрович*** — “глупый, неумелый, наивный человек”; ***Папа Карло*** — “человек, который много работает, вкалывает; альтруист; козел отпущения”; ***Пушкин*** — “неизвестно кто, Бог его знает кто”.

2. Внешний вид и названия частей тела: ***Ален Делон*** — ирон. “красивый, видный мужчина”; ***Винни Пух*** — “толстяк” (как правило, в снисходительно-шутливом значении); ***Бармалейка*** — “дурнушка, некрасивая”; ***Гордеич / Бэн, Бен / Бармалей / Василий / Василий Алибабаевич / Демис Русос / Луис Альберто*** — **шутл.** “мужской половой орган”; ***Квазиморда*** — “некрасивый человек”; ***Костян*** — “худой, костлявый человек”.

3. Экспрессивные восклицания: ***Хит сезона, ремикс Кобзона!*** — “о неожиданной новости”; ***Ясный Павлик / Вася!*** — “само собой разумеется” (ср. *ясный перец*); ***Вахтанг!*** — “то же, что Вах! Выражает любую эмоцию” (экспрессивное восклицание у народов Кавказа); ***Едреный Феня / Вася!*** — “выражает любую эмоцию, в зависимости от ситуации”; ***Здравствуй, лошадь, я Буденный!*** — “привет, здорово” (обычно при неожиданной встрече); ***детство Ильича!*** — ирон. “оценка чьего-либо глупого поступка”; ***Куй железо, пока Горбачев!*** = куй железо, пока горячо (изначально: пользуйся, пока Горбачев у власти, делай деньги).

4. Профессиональная принадлежность: ***Белоснежка*** — “проститутка; работница прачечной”; ***Митька*** — “постовой милиционер”; ***Сережка*** — “сержант”; ***Фигаро*** — “парикмахер”; ***Халдей Иванович*** — “работник ресторана, официант”; ***Анискин, -а*** — “милиционер, участковый”; ***Марго*** — “медсестра”; ***Печкин, почтальон Печкин*** — “почтальон”.

5. Национальная принадлежность: ***Абрам/Абрамгутан/Рабинович*** — “еврей”; ***Абрек/Ашотик/Мамед*** — “житель южной национальности; житель Кавказа”; ***Азик*** — “азербайджанец”; ***Джорж*** — “грузин”; ***Армен, Армэн/Армяш/ Сутрапьян*** —

“армянин”; ***Рук О’Блуд*** — “ирландец”; ***Саддашка*** — “араб; житель Ирака или Аравийского полуострова”; ***Сарра*** — “еврейка” (ср.: *Всякая Сарра — жена комиссара*).

6. Наркотики: ***Марья Ивановна, Марь Иванна*** — “марихуана”; ***Борис Федорович*** — “клей БФ, используемый как наркотическое средство”; ***Герасим/Герыч*** — “героин”; ***Джеф*** — “эфедрин, употребляемый в качестве наркотика”; ***Султан*** — “солутан” (наркотик); ***Полина, Поля, Полина Ивановна, Полина Федоровна*** — “политура, спиртовой лак с добавлением смолистых веществ, используемых токсикоманами в качестве наркотического средства”.

7. Болезни, недуги: ***звать Ихтиандра*** — “страдать рвотой над унитазом”; ***Венерка*** — “венерическая болезнь”; ***Радик*** — “радикулит”; ***Барон Триппербах*** — “триппер, гонорея; человек, неоднократно болевший этой болезнью”.

8. Секс, половые отношения: ***Дунька Кулакова*** — онанизм; ***Васька/Петюньчик*** — “гомосексуалист”; ***Печкин, почтальон Печкин*** — “активный гомосексуалист”; ***Рук О’Блуд*** — “онанист”; ***Танька*** — “пассивный гомосексуалист”.

9. Деньги: ***Гришка*** — “гривенник”; ***Сара, Сары/Манечки/Маньки*** — “деньги”; ***Петрович*** — “пять рублей”.

10. Оружие: ***Макар*** — “пистолет Макарова”; ***Акулина*** — “автомат Калашникова”.

11. Транспорт: ***Столыпин*** — “пассажирский вагон”; ***Лошадь Ильича*** — “станция метро “Площадь Ильича”; ***Маньяковская*** — “станция метро “Маяковская”; Пургеневская — “станция метро “Тургеневская”.

12. Отношение к спиртному: ***Горбачевская баня*** — “винный магазин”; ***Анисим/Анисин*** — “анисовая водка, настойка”; ***Сухаревич*** — “сухое вино”; ***Зоя, Зосенька*** — “низкокачественное вино”; ***Изаура*** — “Зубровка” (разновидность водки); ***Петрович*** — “любое средство от запаха алкоголя”. («Это уже хронь (хронический алкоголизм), здесь никакой Петрович не поможет!»); ***Тонька*** — “тоник” («Тройной джин без тоньки»).

13. Названия строений: ***Васек*** — “Храм Василия Блаженного”; ***Виталик/Люсьен*** — “туалет”; ***Елисей*** — “Елисеевский магазин”; ***Сталинка(и)/Сталинская готика*** — “сталинские здания”; ***Данилка*** — “Даниловский рынок в Москве”; ***Леннон, Битлотека имени Леннона*** — “библитотека имени Ленина”; ***Лужков мост***, или ***Лужков-Бридж,*** — “мост через Водоотводный канал у Болотной площади, построенный по указанию мэра Москвы Ю.М. Лужкова”.

14. Компьютерная лексика: ***Клава*** — “клавиатура”; ***Емеля*** — “электронная почта; электронное письмо”; ***Ксюша*** — “почтовая программа *Xenia Mailer*”; Сонька, Соня — “продукция фирмы *Sony*”; ***Васик*** — “язык программирования *Basic*” (ср.: *На Ваське-то любой сможет!*»); ***Мамед*** — “модем” [2].

Интересно, что несмотря на разницу культур, образа жизни российского и американского общества, большинство тематических групп сленгового антропонимического лексикона совпадают. По-видимому, это связано с тем, что сленг, являясь языком, обслуживающим в основном бытовую сферу жизни человека, охватывает объекты и явления, свойственные большинству культур. Из вышеприведенных данных видно, что в русском и американском антропонимическом сленге совпадают группы сленгизмов, характеризующие внутренние качества человека; внешний вид и названия частей тела; человеческие эмоции; профессиональную принадлежность; национальную принадлежность; наркотики; деньги; транспорт; отношение к спиртному.

Однако, несмотря на подобное совпадение, в семантике самих сленгизмов, имплицитно реализуется национально-специфическое мировоззрение, отношение к тем или иным явлениям, существующим либо существовавшим в обществе. Например, сравнивая тематические группы “транспорт”, мы заметим, что в американском сленге антропонимические СЕ чаще всего являются обозначением определенных марок машин. В русском же сленге, антропонимы-сленгизмы — это названия станций метро и вагонов, что свидетельствует о том, что общественный транспорт в России гораздо

предпочтительнее и популярнее, чем в США. То же самое касается и обозначения спиртных напитков, профессий, национальной принадлежности и т.д.

Необходимо отметить, что число антропонимов-сленгизмов в английском языке значительно превышает число антропонимических СЕ в русском языке. Если в словаре “The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English” их содержится 1552, то в «Словаре русского сленга» И. Юганова, Ф. Югановой и «Словаре русского арго» В.С.Елистратова — всего 192.

Сопоставление тематических групп антропонимов-сленгизмов дает представление о том, как вербализуют мир носители американского и русского сленга, каким образом антропонимические сленизмы отражают специфические реалии, существующие в том или ином обществе. Как отмечал Д. Лайонз, “язык конкретного общества является составной частью его культуры… лексические разграничения, проводимые каждым языком, отражают важные (с точки зрения этой культуры) свойства объектов, установлений и видов деятельности того общества, в котором функционирует язык” [3, 457].

Данное утверждение справедливо и для сленга. Наличие определенных тематических сленговых групп является свидетельством того, что данные темы каким-то образом волнуют людей, использующих сленг в своей речи, иначе эти сленгизмы просто не существовали бы. Ведь сленгизмы не появляются просто так, из ничего, они являются продуктом переживаний народом определенных эпох, исторических событий. Таким образом, основой для формирования СЕ является история и культура нации и неиссякаемое словотворчество носителей языка.

Литература

1. Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1994.
2. Елистратов В.С. Словарь русского арго. М.: Рус. словари, 2000.
3. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.

4. Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга. М., 1997.

5. Ayto J., Simpson J. The Oxford Dictionary of Modern Slang. Oxford, N.-Y., 1996.

6. Dalzell T., Victor T. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English, 2008.

7. Flexner S.B. Preface // Dictionary of American Slang, 1975.

8. Flexner S.B. Preface to the Dictionary of American Slang /New Dictionary of American Slang edited by Robert L.Chapman., New York, 1980.

9. Kipfer B., Chapman R. American Slang 4th edition, 2008.

10. Major C. Dictionary of African-American slang. Viking USA, 1994.

11. Partridge E. A Dictionary of Slang, the 8th edition, reprinted in 2002.

12. Watts K. 21st Century Dictionary of Slang, 1994.

М.М.Руссо (ИЯз РАН)

M.M. Russo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Лексические источники названий «народных царств» [1]

Lexical sources of the names of “folk kingdoms” in folkbiology

Аннотация

В статье исследуются названия «народных царств», единиц высшего уровня в народных биологических классификациях (таких, как *растение* и *животное*). Первая часть статьи посвящена условиям возникновения этих терминов и их семантическим свойствам. Вторая часть содержит каталог семантических переходов, происходящих при образовании этих терминов.

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-04-00156а.

The paper deals with the names of folk kingdoms, the highest level units of folkbiological classifications, such as *plant* and *animal*. The first part is devoted to the conditions of appearance of these terms and their semantic characteristics. The second part contains a catalog of semantic shifts that occur during the formation of these terms.

Ключевые слова

Семантические переходы, наивная биология, «народные царства», растения, животные

Semantic shifts, folkbiology, folk kingdoms, unique beginners, plants, animals

Общие термины для обозначения животных и растений в языках этнологи называют «народными царствами» по аналогии с термином *царство* (лат. *regnum*), которым биологи обозначают одну из высших ступеней научной классификации, выделяя, в частности, царства растений (лат. *Plantae* или *Vegetabilia*) и животных (лат. *Animalia*). В англоязычной литературе в этом качестве используются термины «unique beginners» [57; 109] или «folk kingdoms» [55].

Этнологи, исследующие народные классификации животных и растений, давно заметили, что во многих языках общие названия для «народных царств» отсутствуют [57, 215]. Лексические обозначения в таких языках появляются только на следующем уровне классификации — «народных жизненных формах» (folk life-forms): «дерево», «травянистое растение», «наземное животное», «птица», «насекомое/червь» (англ. термин *wug* из *worm* + *bug*, предложенный в [61]), «рыба», «дикое животное (объект охоты)», «домашнее животное» [57, 266-267]. По данным Маттиаса Урбана, рассмотревшего выборку из 149 языков, общие термины для животных и растений отсутствуют в 29 из них [109, 206].

Часть этнобиологов полагает, что отсутствие в языке обозначений для «народных царств» означает отсутствие этих категорий в соответствующей культуре [59]. Другие [54; 55, 190] не разделяют этого тезиса. В качестве подтверждения универсальности категорий «животные» и «растения» они приводят как чисто этнографические доводы —

результаты выполнения носителями таких языков заданий на классификацию, в ходе которых, как правило, живые организмы группируются в классы «животных» и «растений» [56; 82], так и лингвистические — ограничения сочетаемости названий животных и растений, отнесение этих названий к разными именным классам.

Например, Б. Берлин приводит такие лингвистические свидетельства в пользу того, что в этнобиологической классификации народа цельталь (Мексика, штат Чьяпас) выделяются «народные царства». Во-первых, глагольный корень *-ti'* ‘есть (мясо)’ применяется в цельталь по отношению только к животным, а также к грибам и перцу чили. Грибы народ цельталь называет «мясом земли» (*lumilal ti'bal*). А красные перцы, согласно верованиям этого народа, когда-то были птицами. Во-вторых, в цельталь используются различные счетные суффиксы: *-tjek-* для растений и *-kojt* — для животных [55, 192-193].

Не преследуя цели дать ответ на вопрос, существуют ли «народные царства» в качестве единиц классификации при отсутствии в языке названий для них, сосредоточимся на том, что происходит, когда эти названия возникают в языке, и какие ресурсы использует язык для их создания. Ответом на второй из этих вопросов служит вторая часть данной статьи, содержащая каталог продуктивных мотиваций для слов со значениями ‘животное’ и ‘растение’ в языках мира.

Необходимость в общих терминах для животных и растений возникает с появлением в данном обществе письменности, науки и систематического образования. И даже в этих условиях подобные термины могут возникнуть не сразу. Если греческие φῦτόν ‘растение’ и ζῷον ‘животное’ играют эту роль в трудах Аристотеля и Теофраста, то латинское название *planta* становится таким термином не ранее XIII в., а его потомки в английском и французском языках начинают выполнять эту роль еще позже — не ранее XVI в. [24,14]. Как предположил М. Слотер, появление таких терминов связано в первую очередь с возникновением письменной традиции [107]. Сценарий возникновения общих терминов повторяется в бесписьменных языках в XIX — XX вв. при создании для них письменности и литературной нормы, введении школьного образования.

Неудивительно, что столь часто в качестве названий царств в языках выступают иноязычные заимствования. Это не только лат. *planta* ‘растение’ и *animal* ‘животное’, широко распространившиеся в языках Европы, но также и, например, тай. *sàt* ‘животное’ (< санскр. *sattva* [31, 761]), хауса *dábbàa* ‘животное’ (< араб.), вьет. *động mật* ‘животное’ (< кит.), индонез. *héwan* ‘животное’ (< араб.), тарифит *nnəwwā* ‘растение’ (< араб.), ниж.-луж. *flanca* ‘растение’ (< нем. *Pflanze*), кильдин. саам. *pāссь* ‘растение’ (< швед. *gräs*), мананге [2] *rop* ‘растение’ (< непали), тай. *pūt* ‘растение’ (< санскр. *bīja*) [117]. Мы видим, что источниками заимствований служат лексемы из языков, служивших в данных обществах языками культуры, науки, образования.

Другой способ создания терминов для народных царств — образование сложных слов. Так возникли хант. *войхул* ‘животное’ (букв. ‘зверь’ + ‘рыба’), цельталь *te’ak’* ‘растение’ (букв. ‘дерево’ + ‘лиана’) [55, 195], сентани [3] *obojoku* ‘животное’ (букв. ‘свинья’ + ‘собака’), такиа *borgoun* ‘животное’ (букв. ‘свинья’ + ‘собака’) [109, 212]. Подобные обозначения могут сохраняться в языках долго, например, в классической латыни выражение *arbor et herba* в значении ‘растения вообще’. В классической китайской литературе растения в целом назывались *cǎoshù* (草树) или *cǎomù* (草木) букв. ‘травы и деревья’ [7, II, 810], например, в названии «Цао му цзы» («[Трактат] Учителя трав и деревьев») Е Цзыци [19, V, 392]. Выражение *běncǎo* (本草) букв. ‘корни и травы’, например, в названии трактата Ли Шичжэня «Бэнь цао ган му» («Основные положения о корнях и травах») [19, V, 388], закрепилось в значении ‘травник, книга с описаниями лекарственных растений’ [7, III,742].

При создании терминологии зачастую в качестве названия царств выбирается название одной из «жизненных форм», например, млекопитающих — для понятия «животные», и трав — для понятия «растения». Работа лексикографов по созданию терминологии может быть прослежена по словарям. Эвенкийское слово *бэйӈэ̄* (от *бэй-*

[2] Один из тибето-бирманских языков. Носители живут в Непале.
[3] Папуасский язык, возможно, трансновогвинейская фила.

‘охотиться’) в описательных словарях получает значения ‘зверь (исключая парнокопытных)’, ‘волк’ [12, 74], ‘пушной зверь’ [11, 19], ‘зверь, животное’ ([6, I, 90], с примерами, иллюстрирующими применение этого слова только по отношению к лесным зверям, объектам охоты). А в русско-эвенкийском словаре [10, I, 130], функция которого обозначена как «пособие для учащихся 5-9 классов», это слово предлагается в качестве перевода общего термина «животное». В словаре Г. К. Вернера [15], который адресован учащимся младшей школы, в кетско-русской части, носящей более дескриптивный характер, для слова *ассель* (из *есьда сель*, *есьсель* ‘дикий олень’) первым значением указывается ‘зверь’, а вторым — ‘животное’ [15, 17]; в русско-кетской части это слово предлагается для перевода рус. *животное* без оговорок [15, 152].

Обратившись к словарям языков Африки, мы сталкиваемся с тем же явлением. В словарях языков кирунди и киньяруанда, составленных миссионером методистской церкви Бетти Кокс и ее коллегами, в англо-иноязычной части словарей мы обнаруживаем однозначные переводы слов *plant* — кирунди, киньяруанда *imbuto* [69, 102; 67, 100], *animal* — киньяруанда *inyamaswa*, *igisīmba* [67, 62]. В то же время в словарях, предназначенных для перевода на английский язык, мы выясняем, что в языке киньяруанда *inyamaswa* означает ‘дикое животное’, а *igisīmba* ‘животное (особенно маленькое, кусающееся)’, ‘насекомое’ [68, 48], тогда как *imbuto* в обоих языках имеет не только значение ‘растение’, но и значение ‘семя, плод’ [67,6; 69,19].

Когда подобные словари начинают применяться в школьном образовании, они неминуемо влияют на употребление слов родного языка, и в языках, не имевших общих названий для животных и растений, эти названия появляются, соответствующим образом модифицируется и народная биологическая классификация. В результате возникает полисемия, при которой слово употребляется как в привычном значении жизненной формы (‘млекопитающее’ или ‘трава’), так и в общем значении (‘животное’ или ‘растение’).

Не следует думать, что подобные явления можно встретить, только в языках, недавно начавших развивать письменную сферу и создавать научную терминологию. В

обыденном русском языке мы легко находим примеры, в которых птицы, рыбы и насекомые не относятся к категории «животные», а деревья не включаются в «растения»[4]:

Он дарил здоровье местным жителям, ***животным, птицам, рыбам, растениям и деревьям*** [Александр Гирявенко. Малая родина. Слово о тихой сосне (2002) // «Наш современник», 2002.06.15].

А в какой мере тур опасен для здоровья человека или ***животных, насекомых, рыб****?* [Александр Игнатьев, Ахмет Халитов. Волшебник тур // Техника — молодежи, 1977].

Кузнецов коротко рассказывает о свистах дельфинов, их роли в жизни ***животных и рыб****, «проигрывается» соответствующая магнитофонная лента* [Юрий Юша. Шумно в тихом океане // Техника — молодежи, 1977].

У многих пионеров есть какие-нибудь ***животные, рыбы или птицы*** [Нам пишут // «Пионерская правда», 1938].

За ее восторгающие красоты хвалили господа одни голоса ***животных и птиц****, а люди все без исключения были глухи и слепы к чарам полночного мира* [А. И. Левитов. Расправа (1862)].

...я люблю, опьяненный вином, претворенным на браке в Кане Галилейской, весь мир жизни, с цветами и солнцем, с ***животными, птицами, рыбами*** *и звездами, со мной, я не одинок — я весь мир* [М. М. Пришвин. Дневники (1923)].

Неявно подобное словоупотребление используется и в научных, но не биологических текстах, например, в названии работы Н.И.Коноваловой «Словарь народных названий растений Урала» [22] используется слово *растения*, хотя в действительности словарь посвящен названиям лишь травянистых растений.

Нормативные словари русского языка не отражают такой детали словоупотребления. Растения в них определяются в соответствии с научным определением, зачастую с присутствием элементов энциклопедического толкования:

[4] По данным «Национального корпуса русского языка» (http://www.ruscorpora.ru/).

‘организм, получающий питание из воздуха путем фотосинтеза и из почвы (реже — из другой питательной среды), к которой он прикреплен’ [47], ‘организм, обычно развивающийся в неподвижном состоянии и питающийся неорганическими веществами почвы и воздуха. Высшие растения обычно состоят из трех основных органов: корня, укрепленного в земле, надземного стебля и листьев. К низшим растениям относятся грибы, лишайники, водоросли, бактерии’ [42], ‘организм, обычно развивающийся в неподвижном состоянии, получающий питание (в отличие от животных) из воздуха (путем фотосинтеза) и почвы’, ‘организм, питающийся неорганическими веществами воздуха и почвы, обычно прикрепленный к месту своего обитания’ [8; 29, 584], ‘развивающийся в неподвижном состоянии организм, представляющий одну из форм жизни на Земле и составляющий вместе с животными организмами живую природу’ [40, XII, 886].

Для слово *животное* основные русские словари также не выделяют отдельного значения типа ‘наземные четвероногие, преимущественно млекопитающие’, охватывая своими определениями все царство животных: ‘живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питающееся, в отличие от большинства растений, готовыми органическими веществами’ [47], ‘живое существо, способное чувствовать и передвигаться’ [42] (в сходной формулировке в [34]), ‘всякое живое существо, исключая растение’ [8; 29, 152; 40, IV, 125]. Большинство словарей делает лишь одну уступку «наивной биологии», признавая у слова *животное* второе значение, исключающее человека из числа животных [8; 34; 42; 47].

Аналогично употребляются в неспециальных текстах и английские слова *animal* и *plant*. Слово *plant* в обыденном языке чаще относится к небольшим травянистым растениям, и не относится к деревьям и кустарникам [63, 521], *animal* применяется к млекопитающим [62, 474-475; 109; 113, 315]. Английская лексикография отражает такое явление, выделяя у *animal*, помимо значений ‘животные вообще’ и ‘животные, исключая человека’, также и значение ‘a mammal, as opposed to a bird, reptile, fish, or insect’ [95].

Некоторые словари даже рассматривают такое значение как первое [106]. Для слова *plant* в [95] выделяется подзначение ‘a small plant, as distinct from a shrub or tree’.

Список подобных примеров легко пополнить и другими языками. В румынских неспециализированных текстах при использовании поисковых сервисов интернета мы в изобилии находим конструкции: *plante şi copaci* ‘растения и деревья’, *plante şi arbori* ‘растения и деревья’, *animale şi insecte* ‘животные и насекомые’, *animale şi pesti* ‘животные и рыбы’, *animale şi păsări* ‘животные и птицы’, в новогреческих — *ζώα και έντομα* ‘животные и насекомые’, *ζώα και ψάρια* ‘животные и рыбы’, *ζώα και φίδια* ‘животные и змеи’, *ζώα και πτηνά* ‘животные и птицы’, *δέντρα και φυτά* ‘деревья и растения’.

Э. Рош [103] и Дж. Лакофф [88, 458-459] предлагают описывать подобные случаи с помощью понятия прототипа, устанавливая иерархию принадлежности к категории «животное» или «растение». А. Вежбицкая решает проблему описания подобных категорий, вводя в толкование условия типа ‘люди могут говорить вещи вроде этого о существах такого типа…’ и ‘некоторые существа этого рода не обладают свойством…, но, желая вообразить существа этого рода, люди вообразили бы существ, которые обладают свойством’ [14, 218-219, применительно к категории «птица»].

Так или иначе, описывая употребление слов вроде рус. *животное* или англ. *animal*, мы должны признавать их двузначность: *животное*[1] соотносится со всеми представителями царства животных, *животное*[2] — с базовой «жизненной формой» — наземными четвероногими, в первую очередь — млекопитающими. Эта двузначность — результат взаимодействия научной картины мира с бытовой, а научной терминологии — с обыденным языком.

При этом взаимодействие происходит в двух направлениях. В первом случае названия «жизненных форм», становясь биологическими терминами, расширяют свой денотат и превращаются в общие обозначения «растений» или «животных» (случай венг. *állat* ‘домашнее животное, скот’ и ‘животное’), впоследствии терминологическое

употребление этих слов проникает и в обыденный язык, в результате чего возникает описанный тип полисемии.

В другом случае научный термин, созданный искусственно или заимствованный из другого языка, попадая в обыденный язык, приобретает свойства, характерные для понятий «наивной биологии» и начинает употребляться по отношению к более узкому денотату — базовой «жизненной форме». Такова судьба, например, латинских слов *animal* и *plant*, заимствованных во многие языки.

В качестве примеров того, как слова, заимствованные из научной терминологии, получают в обыденном языке дополнительные значения, характерные для наивной картины мира, можно привести и судьбу заимствований из языков-лексификаторов в креольских языках. В языке ток-писин слово *abus* представляет собой раннее заимствование из англ. *animal* (с вокализацией l, выпадением безударного слога и переходом m>b) [104, 158] [5]. Попав в ток-писин, это слово получило также значение ‘мясо’ [110,1], которое отсутствует у английского источника. С 1960-х годов слово *abus* стало общим термином для наземных животных, в более позднее время с ним конкурирует вновь заимствованное слово *animal* [104, 161].

В 2010 году была опубликована статья немецкого исследователя Маттиаса Урбана «Terms for the Unique Beginner: Cross-Linguistic and Cross-Cultural Perspectives» [109]. Автор приходит к выводу о взаимосвязи наличия лексических обозначений для «народных царств» и условий существования этноса. В «традиционных обществах» охотников и собирателей, по его наблюдениям, скорее всего, отсутствуют названия «народных царств», а для обществ с развитым сельским хозяйством наиболее вероятно, что эти названия будут присутствовать, причем свободные от полисемии [109, 214-216]. Признавая справедливость его вывода, мы считаем необходимым, однако, подчеркнуть, что и для языков, функционирующих в обществах с развитым сельским хозяйством и письменной культурой, термины для «народных царств», употребляясь в обыденной

[5] Следует упомянуть альтернативную этимологию, согласно которой *abus* сопоставляется со словами австронезийских языков Новой Британии и Новой Ирландии (кови *basi* ‘маленькое животное’, наканаи *basibasi* ‘мелкая дичь’, *pasi* ‘крупная дичь’, мамуси *posi* ‘мясо’) [104, 158].

речи, семантически ведут себя подобно терминам из языков «традиционных обществ», в частности, приобретая семантическую неопределенность и относясь то ко всему «царству», то к базовой «жизненной форме». Особый интерес в связи с этим представляет собой взаимное влияние терминологической лексики и лексики, отражающей «наивную картину мира».

Поскольку М. Урбан, хотя и собрал обширный лексический материал, но все-таки не ставил перед собой цели создать претендующий на полноту каталог продуктивных мотиваций для названий «народных царств» (к тому же материалы Урбана ограничиваются обозначениями животных), в нашей работе мы делаем подобную попытку.

Приводимые здесь данные собраны нами в процессе работы над «Каталогом семантических переходов в языках мира» (подробнее о нем см. [18; 20; 119]), использованы также материалы М. Урбана, уточненные в ряде мест. Следует заметить, что в «Каталоге семантических переходов» в качестве семантического перехода рассматриваются не только случаи полисемии, но также и семантическая эволюция, различие значений у когнатов, восходящих к одному праязыковому слову, и случаи образования новых значений при морфологической деривации, и семантические изменения при заимствовании слов. В случаях, где это кажется необходимым, записи «Каталога семантических переходов» комментируются в нашей статье более подробно, в дискурсивном стиле. Помимо названий «народных царств» в строгом смысле иногда для примера привлекаются термины, обозначающие как более узкие категории («жизненные формы»), так и более широкие («живые существа»). Для менее известных языков (отмечены знаком *) в конце каталога в таблице указаны генетическая принадлежность и ареал распространения.

<u>Источники названий «народных царств»</u>

1. Растения

1.1. ‘расти’ > ‘растение’

Др.-греч. φύω ‘расти’ > φῡτόν ‘растение’ [91, 1966].

Лит. *áugti* ‘расти’ > *áugalas* ‘растение’ [28, 95-96].

Слав. *расти* > рус. *растение*, белор. *расліна*, чеш. *roslina*, польск. *roślina* и др.

Санскрит *viruh-* ‘пускать ростки, давать всходы; развиваться (о растении)’ > *vīrúdh* ‘растение (трава, кусты)’ [24, 601, 616].

Нем. *wachsen* ‘расти’ > *Gewächs* ‘растение’.

Осет. *зайын* ‘расти’ > *зайæгой* ‘растение’ [1, IV, 284].

Алютикский юпик* *nau-* ‘расти (о растениях)’ > *nauq* ‘растение’ [78, 207].

Чаплинский* *pītaquq* ‘восходить (о растениях)’ > *pītun* ‘растение’ [78, 261].

Чук. *tŋɛ́-, -nŋɛ-* ‘расти’, *tŋɛ́-cʔə-n* ‘растение, цветок’; коряк. *tə́ŋe-, -nŋe-* ‘расти’, *təŋé-chə-n* ‘растение’.

Татар. *үс-* ‘расти’ > *үсемлек* ‘растение’. От общетюркского корня со значениями ‘расти, подниматься’ [50, I, 552-553]; ср. также чув. *ӳсентăран* ‘растение’, букв. ‘растущий’, *ӳсенларан* ‘растения’ [45, II, 301-302], казах. *өсімдік* [5, 374], кирг. *өсүмдүк* и другие.

Тур. *bit-* ‘расти’ > *bitki* ‘растение’. От другого тюркского корня с тем же значением [50, II, 154-155].

Якут. *үүн* ‘расти’ > *үүнээйи* ‘растение’.

Япон. *shokubutsu* (植物) ‘растение, растительный мир, флора’, букв. ‘вещь, которая растет’ [9, II, 54].

Фин. *kasvaa* ‘расти’ > *kasvi* ‘растение’ [13, 203-204]. От того же корня эрзян. *касомс* ‘расти’, *касыкс* ‘растение’, ‘саженец’ [16, I, 114; 99,129-130].

Коми *быдмыны* ‘расти’ > *быдмöг* ‘растение’ [4, 68], удм. *будыны* ‘расти’ > *будос* ‘растение’ [2, 199-200].

Венг. *növekedni* ‘расти’ > *növény* ‘растение’ [17, 566].

Швед. *växa* ‘расти’ > *växt* ‘растение’ [33, 893-894].

Индонез. *tumbuh* ‘расти’ > *tumbuhan* ‘растение’ [23, 1010].

Малагасийский* *zavamanìry* ‘растение’: *zàvatra* ‘вещь’ + *manìry* ‘расти’ [117].

Гавайск. *ulu* ‘расти’, *mea ulu* ‘растение’ (‘вещь’ + ‘расти’) [98, 139].

1.2. ‘сажать (растения)’ > ‘растение’

Геез* *takala* ‘вставлять, втыкать, устанавливать; сажать (растения)’ > *takl* ‘растение’ [73, 563-564].

Ст.-слав. *садити* ‘сажать (растения)’ > *садъ* ‘растение’. Отмечено в Супрасльской рукописи и Зографском Евангелии в качестве перевода др.-греч. φῦτόν. [41, 590].

Кит. *zhìwù* (植) ‘сажать (растения), культивировать’ *zhìwù* (植物) ‘растение; растительность, флора’ [7, III, 307].

Яки* *eecha* ‘сеять, сажать’, *eechi* ‘быть посаженым’, ‘растение’ [72, 29].

Каинганг* *ẽkrãn* ‘сажать’, *ẽkré* ‘растение’ [114, 10].

Хауса* *shúukàa* ‘сеять, сажать’, ‘растение’ [117]; в словаре [102, 333, 335], изданном в 1913 году, отмечено только глагольное значение, а также производное слово *shipka* ‘небольшие растения’.

Иракв* *haatl* ‘сажать (растение)’, *hatlit* ‘растение’ [117].

Гавайск. *mea kanu* ‘растение’ (‘вещь’ + ‘сажать’) [117].

Индонез. *tanam* ‘сажать, сеять’, *tanaman* ‘растение’ [23, 844].

Кекчи* *aw* ‘сеять’, *awinq* ‘посев’, ‘растение’ [117].

1.3. ‘травянистое растение’ > ‘растение’

Серб. *биљка* ‘растение’ [43, 39], ср. в значении царства: *ботаника је грана биологије која се бави научним проучавањем биљака* ‘ботаника — раздел биологии, который занимается научным изучением растений’. Также связано с переходом ‘стебель’ > ‘трава’. Ср. ст.-слав. *быль* ‘трава, растение’, словен. *bíl* ‘стебель, соломинка’, ‘ботва’, ст.-чеш. *byl* ‘растение, ствол’, чеш. редк. *býl* ‘травы, сорняки’, словац. *byl’* ‘сочная ость, стебель растения’, в.-луж. *bul* ‘полынь’, русс.-цслав. *быль* ‘трава’, болг. *билка* ‘трава’, ‘лекарственное растение’, макед. *билка* ‘целебная трава’, ‘лекарство’, словен. *bilka*

‘стебель’, словац. *byl’ka* ‘травинка, былинка’, др.-рус. *былка* ‘травка’, рус. диал. *былочка* ‘стебелек травы’, *былка* ‘былинка, травинка’, чеш. *býlko* ‘травка’, ст.-слав. *бъілие* ‘травы, растения’, болг. *биле* ‘трава’, ‘лекарственные травы’, макед. *билје* собират. ‘растения, травы’, ст.-чеш. *býlé* ‘растения’, чеш. *býlí, bejlí* ‘сорная трава’, словац. *býlie* ‘трава’, др-рус., рус.-цслав. *былие* ‘трава’ и прочие; для серб. *биљка* отмечаются также более редкие значения ‘стебель’, ‘ветка, веточка’ [49, III, 149-150].

Швед. *gräs* ‘трава’ > кильдин. саам. *pāссь* ‘растение’ [35, 288].

Дакота *wato* ‘трава’ [101, 539] > ‘растение’ [116, 141].

Энинтиляква *amarda* ‘травянистые растения’ > ‘растения’ [111, 70].

Бежтинский* *box* ‘трава’, ‘сено’, ‘растение’ [117].

Мяо* *nroj* ‘растительность’, ‘трава’, *nroj tsuag* ‘растение’. Второй компонент неясен [117].

Цоциль* *tz'i7lel* ‘трава, сорняк’, ‘растение’ из прото-майанск. слова со значением ‘грязный’ [117].

1.4. ‘дерево’ > ‘растение’

Сери* *hehe* ‘wood, lg, stick, branch, tree, pole’ > ‘any plant, regardless of size’ [77, 56-60].

Кечуа *sach’a* ‘дерево’ > ‘растение’. В случае необходимости для обозначения деревьев используется выражение *sach’a pura* букв. ‘настоящее дерево’ [55: 195].

Северный кечуа (имбабура)* *yura* ‘дерево’, ‘растение’ [117].

Манга-канури* *kə̀ská* ‘дерево’, ‘кустарник’, ‘дерево (материал)’, ‘растение’, напр., *kə̀ská mánà kámúyé* ‘вид водяной лилии’ [87, 84].

Гаввада* *kaarko* ‘дерево’, ‘дерево (материал)’, ‘растение’ [117].

Сейшельский креольский *pye* ‘дерево’, ‘растение’ (< франц. *pied*) [65, 842-843; 117].

Такиа* *ai* ‘дерево’, ‘дерево (материал)’, ‘растение’ [117].

Ср. также индонез. *pohon* ‘дерево’, *pohon-pohonan, pepohonan* ‘растительный мир’ [23, 655].

1.5. ‘стебель’ > ‘растение’

Эвенк. *орōкто* ‘трава (высохшая), сено, солома; стебель’ [6, II, 474], алданск. диал. ‘растение’ [32, 65], также в русско-эвенкийском словаре [10, II, 148].

Суахили *mmea* ‘росток, побег; отросток’, ‘растение’, ‘с.-х. культура’, ‘растительность’ (96; 100, 337).

Юкуна* *ínaji* ‘кустарник’, ‘растение’, ‘стебель, ствол, побег’ направление развития значения неясно [105, 47, 228].

О рефлексах праслав. *byl, *bylъka / *bylьka, *bylьje см. выше.

1.6. ‘семя, плод’ > ‘растение’

Киньяруанда*, кирунди* *imbuto* ‘семя, плод’, ‘растение’ [67, 6; 69, 19].

Тай. *pɯ̄t* ‘семя, сеянец, рассада’, ‘растение’ (*pɯ̄t yɯ̄n tòn* ‘многолетнее растение’) заимствовано из санскр. *bīja* ‘семя, зерно’ [24, 467; 31, 527; 117].

1.7. ‘зеленый’ > ‘растение’

Западно-словацкий цыганский (Selice Romani) *zelen* ‘зеленый’, *zelenipe* ‘растение’ [117].

За пределами названий «народных царств» данное семантическое развитие наблюдается также в рус. *зелень*, лезг. *къаз* ‘зеленый цвет’, ‘зазеленевший посев’ [27, 175] (в словаре указаны как омонимы), монг. *ногоон* ‘зеленый’, ‘зелень’, англ. *greens* ‘зеленая растительность; овощи’, франц. *verdure* ‘зелень; трава; листва; овощи, салаты’, латыш. *zàļš* ‘зеленый’, *zāla* ‘трава’ [3, 217], от того же корня лит. *žolė* ‘трава’ [28, 920; 63, 522].

1.8. ‘цветок’ > ‘растение’

Тарифит* *nnəwwā* ‘растение’ заимствовано из марокк. араб. *nəwwar’* ‘цветок’, класс. араб. *nuwwār* ‘лепесток, цветок’ [117].

Отоми* *doni* ‘цветок’, ‘растение’ [117].

2. Животные

2.1. ‘жить’ > ‘животное’

Ст.-слав. *животъ* ‘жизнь’, *животьно* ‘животное’ [41, 217-218]. Широко распространено в других славянских языках. Помимо славянских названий к этому же индоевропейскому корню относятся лит. *gyvolis*, латыш. *dzīvnieks* [68, 138]. Из слав. также рум. *jivină* ‘живое существо; дикое животное, зверь’ [64; 70, I, 1187; 71].

Др.-греч. ζῶ ‘жить’ > ζῷον ‘животное’ [91, 758, 760].

Монг. *амь* ‘жизнь’ > *амьтан* ‘животное, живое существо’.

Чув. *чĕр* ‘живой, одушевленный’, *чĕрчун* ‘животное’ [45, II, 414].

Ирл. *bēo* ‘жить’ > *beatha* ‘жизнь’ (gen. *beathaidh*) > *beathaidheach* ‘животное’ [63, 138].

Араб. *ḥayya* ‘жизнь’ > *ḥaywān-* ‘животное’ [58, 523-524].

Сери *ziix ccam* ‘животное (общий термин)’, букв. ‘thing that is alive’ [6] [77, 56-60].

Ленакель* *nar amíuh* ‘животное’ (‘вещь’ + ‘живой’) [109, 212].

Не-персе* *waq’íswit* ‘жизнь’, *waq’íswitin* ‘животное’ [109, 212].

Килива* *-ipaa-* ‘быть живым’, *tkwipaay* ‘животное’ [109, 212].

Центральный юпик* *ungungva* ‘быть живым’, *ungungsiiq* ‘животное’ [78, 376].

Северосаамский *eallit* ‘жить’, *ealli* ‘животное’ [92, 40].

Гавайский *holoholo* ‘двигаться, ходить’ > *holoholona* ‘животное’ [98, 28].

Ср. также в румынском в значении ‘живое существо’ слова *vietate, vieţuitoare* от *viu* ‘живой’ [71].

2.2. ‘дышать’, ‘душа’ > ‘животное’

Лат. *anima* > *animal*. Также из лат. *anima* заимствовано др.-ирл. *anim*, от которого др.-ирл. *anmanda*, ирл. *ainmhidhe* ‘животное’ [63, 137-138].

Ст.-слав. *дыхати* — гот. *dius* ‘животное’. К тому же индоевропейскому корню относятся др.-исл. *dȳr*, др.-англ. *dēor*, др.-верх.-нем. *tior*, дат. *dyr*, нидер. *dier* и др.

[6] Возможно, в этом языке произошел и переход ‘рыба’ > ‘животное’ (общий термин для рыб в нем — *zixcamáa*, букв. ‘настоящее животное’) [77, 56-60].

Значение слова в английском языке позднее сузилось до значения ‘олень’ [63, 138; 89, 92-93].

Санскрит *prāṇa-* ‘дыхание’, *prāṇin-* ‘живое существо’ [24, 451]. Заимствовано в каннада *prani* ‘животное’.

В румынском есть неосновные термины для животных *dihanie* (< слав. *дыхание*) и *suflare* (рум. *a sufla* ‘дышать’, лат. *sufflare* ‘дуть’) [64; 71].

Данный семантический переход тесно связан с переходами ‘дышать’ > ‘душа’, ‘дышать’ > ‘человек’, ‘дышать’ > ‘жизнь’, ‘ветер’ > ‘душа’. В данном случае мы не отделяем друг от друга близкие переходы ‘душа’ > ‘животное’ и ‘дышать’ > ‘животное’.

2.3. ‘быть, существовать’ > ‘животное’

Тай. *sàt* ‘животное’ заимствовано из санскр. *sattvá* ‘существование, бытие’, ‘живое существо, тварь’ [24, 680; 31, 761].

Во многих языках подобные названия служат неосновным обозначением животных или же гиперонимом, обозначающим все живые существа. Такие термины могут быть отглагольным существительным, причастием (рус. *существо*, рум. *ființă*, англ. *being*, венг. *lény*) или лексикализованым инфинитивом (исп. *ser*, итал. *essere*, франц. *être*, нем. *Wesen*).

2.4. ‘создавать, творить’ > ‘животное’

Укр. *творити* ‘создавать’ > *тварина* ‘животное’ [44, VI, 18]. Производные от этого глагола могут обозначать живых существ во многих славянских языках (рус. *тварь*, серб. *твар*, пол. *twór*, белор. *стварэння*), однако, только в украинском такое слово закрепилось не только в качестве названия «народного царства», но и в качестве биологического термина: *у морі живуть різні морські тварини* ‘в море живут различные морские животные’, *теплокровні тварини* ‘теплокровные животные’, *губки — тип примітивних багатоклітинних тварин, які ведуть прикріплений спосіб життя* ‘губки — тип многоклеточных животных, которые ведут прикрепленный образ жизни’.

Как и производные глагола ‘быть, существовать’, эти термины часто употребляются в качестве гиперонима для живых существ: рус. *создание*, лат. *creatura*, рум. *făptură* (< лат. *factura*), рум. *săzdanie* (< слав.), рум. *zidire, ziditură* (< *a zidi* ‘строить’, в конечном счете славизм [64; 71]), тур. *yaratmak* ‘создавать’, *yaratık* ‘создание’.

2.5. ‘немой’ > ‘животное’

Класс. араб. *ʔabham-* ‘qui ne sait ou ne peut pas parler’ > *bahīmat-* ‘животное’ [58, I, 174].

Рум. *necuvântător* ‘неговорящий’, субстантив. ‘животное’ (неосновной термин) [71].

Ср. также характеристику домашних животных, «которые ртом не говорят» в хеттских текстах, и грузинское описательное обозначение крупного рогатого скота *p’ir-ut’q’v-i* (букв. ‘ртом-не-говорящий’) [21, 471-472].

2.6. ‘темный’ > ‘животное’

Коми *пемыд* ‘темный’ > *пемöс* ‘животное’ [30, 219]. Возможно, исторически это переход ‘темный’ > ‘неразумный’ > ‘животное’ или ‘темный’ > ‘немой’ > ‘животное’.

2.7. ‘двигаться’ > ‘животное’

Данный семантический переход характерен для двух языковых ареалов: Восточной и Юго-Восточной Азии и Северной Америки.

Кит. *dòng* (動, в сочет. 动) ‘двигаться, передвигаться, перемещаться’ [7, III, 553], *dòngwù* (动物) ‘животное’. Китайское название калькировано рядом языков Восточной Азии, например, япон. *dō-butsu* (動物) букв. ‘движущаяся вещь’ [9, I, 209].

Хани* *nivzeig* ‘животное’. От *niv* ‘двигаться’ с неясным вторым компонентом [109, 212].

Мохаве* *ipay=k* ‘двигаться’, *‘ichipay* ‘насекомое’, ‘животное’ (в сложных словах) [93, 40, 99].

Дакота* *śkaŋ* ‘передвигаться перемещаться’ [101, 445], *wamakaśkaŋ* ‘ползающее существо, червь’, диал. ‘животные как охотничья добыча, особенно бизоны’ [101, 518], ‘животные’ [116, 7]. Миссионер Дж. П. Уильямсон отмечал, что это слово было общим названием животных, как существ, передвигающихся по земле [101, 518].

Блэкфут* *iksowa’pomaahkaa* ‘животное’, букв. ‘по земле двигающееся на ногах’ [109, 212].

2.8. ‘четвероногое’ > ‘животное’

Хауса* *dábbàa*, канури *dábbà* ‘животное’ заимствованы из араб. *dābba* ‘четвероногий’ [117].

Нутка* *sa-štuup, sa-xtuup* ‘животное’, букв. ‘crawl.on.all.fourscreature’ [109, 213].

Чук. *ɣə́nnik* ‘зверь’, коряк. *ɣə́jnik* ‘зверь’, təɣəjniŋək ‘охотиться’, предположительно, этимологически связаны с ŋərá-q ‘четыре’ [79].

Ср. также кауилья* *ʎʎhiŋaviš* ‘животное’ — образовано от *ʎ* ‘ноги’, вторая часть неясна [109, 214].

Алабама* *iyyi* ‘ноги’, *óstàaka* ‘четыре’, *nàasi iyyi óstàaka* ‘животное’, букв. ‘существо с четырьмя ногами’ [51].

Название «четвероногое» было распространенно в древних индоевропейских языках как описательное обозначение животных (чаще в противопоставлении людям, «двуногим»): санскр. *cátuṣpad-*, мик. греч. *qe-te-ro-pi*, др.-греч. *τετράπους*, умбр. *petur-pursus*, лат. *quadrupes* [21, 474].

2.9. ‘млекопитающее’ > ‘животное’

В данном разделе мы опускаем упомянутые в первой части статьи случаи индоевропейских языков, где для слов со значением ‘животное’ выделяется прототип ‘млекопитающее’.

Хилигайнон* *sapat* ‘животное’, ‘зверь’ [86].

Цельталь*, диалект тенехапа *čanbalam* ‘млекопитающее (кроме людей, летучих мышей и броненосцев)’, ‘животное’ [83, 310; 84, 21-22].

2.10. ‘шерсть’ > ‘животное’

Япон. *ke* (毛) ‘волосы, шерсть’, *kedamono* (獣) ‘животное’ (букв. ‘волосатая вещь’) [9, I, 532-533]. Не служит названием «народного царства».

Ангор* (языки сенаги,) *nine-hondi* ‘животное’ из ‘шерсть’ + ‘мать’ [109, 213].

2.11. ‘рыба’ > ‘животное’

Энинтиляква* *akwalaya* ‘морские животные’, ‘рыбы’ > ‘животные’ [111, 70].

Рапануи* *îka* ‘рыба’ > ‘животное вообще’, например, *îka ariga koreha* ‘лошадь’ [74].

Показательный переход для островных культур. Носители языка энинтиляква живут на острове Грут-Айленд в заливе Карпентария, носители языка рапануи — на острове Пасхи.

2.12. ‘скот’, ‘домашнее животное’ > ‘животное’

Венг. *állat* ‘животное’ (*emlős állat* ‘млекопитающее’, *állattan* ‘зоология’), ‘домашнее животное, скотина’ [17,34], ‘скот’ [46]. Заимствовано в западно-словацкий цыганский *áloto* ‘животное’, ‘скот’ [117].

Аймара* *uywa* ‘скот’ в [53, 239], однако в значении ‘животные’ в [115], ср. также [109, 207, 211].

Арауканский* *kulliñ* ‘скот’, ‘животное’ [117].

Нама* *ûitsama* ‘скот’, ‘животное’ [109, 211].

Редилле* *náf* ‘скот’, ‘животное’ [109, 211].

Баскский *amere* ‘скот’, ‘животное’ [109, 211].

Науатль* *yolca’* ‘животное (домашнее)’ в диалекте муниципалитетов Мекаяпан и Татауикапан де Хуарес штата Веркрус [112, 208, 215] и *yōlcatl* ‘животное’ в литературном языке [118].

2.13. ‘мясо’ > ‘животное’

Эсимби* *ɛnyimi* ‘мясо’, ‘животное’ [76].

Лингала* *nyama* ‘мясо’, ‘животное’ [75,45, 75], суахили *nyama* ‘мясо’, *mnyama* ‘животное’ [96; 100, 340, 410].

Эфик* *unam* ‘мясо’, ‘животное’ [109, 211].

Йоруба* *ẹran* ‘мясо’, *ẹran, ẹranko* ‘животное’ [26, 94, 154].

Хауса* *nama* ‘мясо’, ‘животное’ [109, 211]. В словаре [102, 274-275], изданном в 1913 году, второе значение указывается только для устойчивого сочетания *nama daji* ‘дикое животное’, букв. ‘лесное мясо’.

Кева* *ari* ‘мясо’, *ari yeanu* ‘мясо’, ‘животное’, *arimu* ‘животные’ [80, 11-12].

Корегуахе* *va'i* ‘мясо’, ‘животные’ [66, 123].

Сарамаккан* *mbéti* ‘мясо’, ‘животное’ (< англ. *meat*) [117].

Нгамбай* *da* ‘мясо’, ‘животное’ [109, 211].

Миривунг* *ngarin*, катьиррапенг* *ngardin* ‘мясо’, ‘животное’. Заимствовано в язык гуринтьи* [117].

Йир-йоронт* *minh* ‘мясо’, ‘животное’ [109, 211].

Сора* *jelu:n* ‘мясо’, ‘животное’ [109, 211].

Яномамё* *yaro* ‘мясо’, ‘животное’ [109, 211].

Карибский (калинья)* *tonomɨ* ‘мясо’, ‘животное как объект охоты’, ‘животное’ [117].

Ток-писин* *abus* ‘мясо’ (*kakaruk na pik, em on gutpela abus long kaikai* ‘у цыплят и свиней хорошее мяса для еды’), ‘животное’ (*i gat planti kain kain abus long bikbus* ‘в глубоких джунглях много разных животных’) [110, 1], о наземных животных [104, 161].

2.14. ‘есть’ > ‘животное’

Юки* *lik'* ‘глотать’ > *he'lik'ke* ‘животное’ [109, 214].

Яна* *moo-yau*(*na*) ‘животное’ от *moo-* ‘есть’ с номинативным суффиксом. Данная лексема может быть интерпретирована и как ‘тот, кто ест’, и как ‘тот, кого едят’ [109, 213].

Ср. также айнск. *cep* ‘рыба’ из *ci-e-p* букв. ‘мы-есть-вещь’, ‘вещь, которую мы едим’.

2.15. ‘дикое животное’ > ‘животное’

Со* *emtos* ‘дикое животное’ > ‘животное’ [85, 15].

Киньяруанда* *inyamaswa* ‘дикое животное’ [67, 34], ‘животное’ [67, 62].

2.16. ‘птица’ > ‘животное’

Гаввада* *ʔaake* ‘животное’, ‘птица’ [117].

В языке ток-писин термин *pisin*, заимствованный из англ. *pigeon* ‘голубь’, получил значение ‘птица’. Вплоть до 1920-х годов *pisin* использовался в сложных конструкциях как общий термин для млекопитающих, птиц и даже рыб: *pisin i kalap antap* ‘птица’, букв. ‘животное, которое движется наверху’, *pisin i save subim wara* ‘рыба’, букв. ‘животное, которое движется под водой’ [104, 161-162]. Позднее в качестве общих названий животных стали использоваться слова *abus* и *animal*. Современный словарь языка ток-писин уже не отмечает у *pisin* значения ‘животное’, однако, следом такого значения можно считать значение ‘клан, тотем’ (*yu bilong wanem pisin?* ‘к какому клану ты принадлежишь’) [110, 67]. У слова *pisin* сохранилось значение ‘птица’, рыбу стали обозначать словом *pis* < англ. *fish* [110, 212].

Следует отметить также случай полинезийских языков. В связи с тем, что в Полинезии фауна млекопитающих довольно бедна, исторически в этих языках не было общего термина даже для народной жизненной формы «млекопитающее». Интродуцированные виды (крысы и домашние животные) часто включались в более широкий класс, объединяющий всех не морских животных. Позднее для обозначения млекопитающих часто использовались рефлексы пра-полинезийского *manu ‘птица’ [60, 103]. В таитянском языке *manu* используется в двух значениях: более общем —

‘наземные животные’ (в противоположность *i’a* ‘водным животным’), и более узком — ‘птицы и летающие насекомые’ [90, 70]. В языке рапануи *manu* применяется только к птицам и насекомым, однако, когда на остров Пасхи впервые завезли овец, островитяне их назвали *manu va’e e-há* букв. ‘четырехногая птица’ [74]. Сочетания у рефлексов **manu* значений ‘наземное животное’ и ‘птица’ отмечено также в мангаревском [108, 46], самоанском [97, 208], тонганском, анута, тикопиа, туамоту [60, 95]. В ряде других полинезийских языков рефлексы **manu* утратили значение ‘птица’ и относятся исключительно к наземным животным вообще. В этих языках птицы обычно обозначаются сочетанием рефлекса **manu* со словом ‘лететь’: ниуэ *manu lele*, западный увеа *manu lele*, мунггава-мунгики *manu gege*, нукуоро *manu lele*, кукский (рартонга) *manu-rere* [60, 90, 95]. В современном фиджийском редуплицированная форма *manumanu* стала общим названием животных; птицы обозначаются при помощи выражения *manumanu vuka*, где *vuka* значит ‘лететь’ [81, 140, 142; 94].

2.17. ‘насекомое/червь’ > ‘животное’

Мохаве* *‘ichipay* ‘насекомое’, ‘животное’ (в сложных словах), например, *ichipay iihukwakyuly* ‘слон’ (букв. ‘животное с длинным носом’) [93, 40], этимологию см. выше (пункт 2.7).

Нивхский *ӈа* ‘животное, зверь’, *п‘ӽи ӈа* ‘дикое животное’, *тол ӈа* ‘морское животное’, ‘насекомое’, *пырифыри ӈа* ‘вредное насекомое’, *мать ӈа* ‘букашка’ [36, 222].

Кильдинский саамский* *жэва* ‘насекомое, букашка’ (*ēммьне оаввтэй пēйвэсьт, югке жэва ёадтэй* ‘земля обогрелась солнцем, и каждая букашка ожила’), ‘животное’ (*куэдтѣ жэва* ‘домашние животные’, *пāннѣ жэва* ‘хищные животные’) [35, 88]. Возможно, подобная полисемия возникла уже в русских говорах, из которых саамы заимствовали этот корень, ср. сарат. *живность* ‘вши’ [39, IX, 152], волог. *живодь* ‘плотоядное насекомое’ [39, IX, 154], псков. *живот* ‘слепни, комары, оводы и т.п.’: *животу у нас — смерть! Только утром рано да вечером поздно и работаем* [39, IX, 158]. Следует, отметить, что в специальных диалектных словарях, относящихся к говорам,

наиболее близким к саамам [37; 38], подобные значения у слов, производных от *жить*, *живот*, не отмечены. Однако непосредственно для территории Мурманской области диалектные словари не созданы, а в [37] говоры этой области не описаны [37, I, 4].

Отоми* *zu'we* ‘животное’, ‘насекомое’, ‘червь’ [117].

Отметим также язык хилигайон с лексемами *sapat* ‘animal’, ‘beast’ и *sapat-sapat* ‘insect’ [86], киньяруанда *igisīmba* ‘животное (особенно маленькое, кусающееся)’, ‘насекомое’ [67, 48]. В сейшельском креольском языке слово *bebet* ‘животное’, ‘насекомое’, ‘грубый человек’ заимствовано из франц. *bébête* ‘животное, зверушка’ [117].

2.18. ‘охотиться’, ‘убивать’ > ‘животное’

Квилеут* (чимакумские языки, США) *ʔlxʷá·tsʼo* ‘животное’, *ʔlxʷá·tsʼil* ‘охотиться’. Направление деривации неясно [109, 214].

Хайда* *gina ti7araa* ‘животное’, букв. ‘существо/вещь-быть убитым’ [109, 212].

Онейда* *-lyo-* ‘убивать’ > *kutilyoʔshúha* ‘животные’ [109, 212].

2.19. ‘нечистая сила’ > ‘животное’

Рум. *lighioană* ‘(дикое) животное’ > ‘животное (чаще домашнее)’ происходит, предположительно, через промежуточное значение ‘демон’ от церковнославянского легеѡнъ из фразы беса в стране Гадаринской (Марк 5:9): легеѡнъ имѧ мнѣ [64].

Сведения о языках

Язык	Семья	Ареал
Аймара	Аймара	Боливия, Перу, Чили
Алабама	Мусогская	США
Алютикский юпик	Эскимосско-алеутская	Аляска
Ангор	Семанги [7]	Новая Гвинея
Арауканский	Изолированный язык	Аргентина, Чили
Бежтинский	Северо-кавказская	Дагестан
Блэкфут	Алгская	США
Гаввада	Афразийская, Кушитская ветвь	Эфиопия
Геез	Афразийская, Семитская ветвь	Эфиопия (язык культа)
Гуринтьи	Пама-ньюнга	Австралия
Дакота	Сиуанская	США, Канада
Иракв	Афразийская, Кушитская ветвь	Танзания
Йир-йоронт	Пама-ньюнга	Австралия

[7] Возможно, языки семанги входят в трансновогинейскую филу папуасских языков.

Йоруба	Нигер-конго	Нигерия, Бенин, Того
Каинганг	Же	Бразилия
Карибский (калинья)	Карибская	от востока Венесуэлы до Французской Гвианы и приграничных районов Бразилии
Катьиррапенг	Тярракская	Австралия
Кауилья	Юто-ацтекская	США
Квилеут	Чимакумская	США
Кева	Папуасская, трансновогвинейская фила	Папуа-Новая Гвинея
Кекчи	Майя	Гватемала
Килива	Кочими-юманская	Мексика
Кильдинский саамский	Уральская	Россия, Кольский полуостров
Киньяруанда	Нигер-конго	Руанда, Уганда, ДР Конго
Кирунди	Нигер-конго	Бурунди, Руанда, Танзания, ДР Конго
Корегуахе	Тукано	Колумбия
Ленакель	Австронезийская	Вануату
Лингала	Нигер-конго	Конго, ДР Конго, ЦАР, Ангола
Малагасийский	Австронезийская	Мадагаскар
Манга-канури	Нило-сахарская	Нигер, Нигерия
Миривунг	Тярракская	Австралия
Мохаве	Кочими-юманская	США
Мяо	Мяо-яо	Индокитай
Нама	Койсанская	Намибия, Ботсава, ЮАР
Науатль	Юто-ацтекская	Мексика, Сальвадор
Нгамбай	Нило-сахарская	Чад, Камерун, Нигерия
Не-персе	Плато-пенутийская	США
Нутка	Вакашская	США
Онейда	Ирокезская	США
Отоми	Ото-мангская	Мексика
Рапануи	Австронезийская	о. Пасхи
Редилле	Афразийская, Кушитская ветвь	Кения
Сарамаккан	Креольский язык	Суринам
Северный кечуа	Кечуанские	Эквадор, Перу
Северосаамский	Уральская	Норвегия, Швеция, Финляндия
Сери	Изолированный язык	Мексика, штат Сонора
Со	Нило-сахарская	Уганда
Сора	Мунда	Индия
Такиа	Австронезийская	Новая Гвинея
Тарифит	Афразийская, Берберо-гуанчская ветвь	Марокко
Ток-писин	Креольский язык	Папуа-Новая Гвинея
Хайда	Изолированный язык	США, Канада
Хани	Тибето-бирманская	Китай, Вьетнам, Лаос
Хауса	Афразийская, Кушитская ветвь	Западная Африка
Хилигайнон	Австронезийская	Филиппины
Цельталь	Майя	Мексика
Центральный юпик	Эскимосско-алеутская	Аляска
Цоциль	Майя	Мексика
Чаплинский	Эскимосско-алеутская	Чукотка, о. Св. Лаврентия

Энинтиляква	Изолированный язык	Австралия
Эсимби	Нигер-конго	Камерун
Эфик	Нигер-конго	Нигерия, Камерун
Юки	Юки-ваппо	США
Юкуна	Аравакская	Колумбия
Яки	Юто-ацтекская	Мексика, США
Яна	Изолированный язык	США
Яномамё	Яномамские	Венесуэла

Литература

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1–4. Л., 1958 — 1989.
2. Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б. Ижевск, 1988.
3. Андронов А. В. Материалы для латышско-русского словаря. СПб., 2002.
4. Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000.
5. Бектаев Т. Большой казахско-русский русско-казахский словарь. Алматы, 1996.
6. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь в 2 томах. Новосибирск, 2000.
7. Большой китайско-русский словарь в 4-х томах / Под ред. И. М. Ошанина. М., 1983.
8. Большой толковый словарь русского языка / Ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
9. Большой японско-русский словарь в 2 томах / Под ред. Н. И. Конрада. М., 1970.
10. Василевич Г. М. Русско-эвенкийский словарь. В 2 частях. СПб., 2005.
11. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) диалектологический словарь. Л., 1934.
12. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
13. Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2007
14. Вежбицкая А. Прототипы и инварианты // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
15. Вернер Г. К. Словарь кетско-русский и русско-кетский. СПб., 2002.

16. Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. I — III. Йошкар-Ола, 2004 — 2005.

17. Гальди Л. Венгерско-русский словарь. М., 1987.

18. Грунтов И. А. «Каталог семантических переходов» — база данных по типологии семантических изменений // Диалог 2007. Компьютерная лингвистика и информационные технологии. Материалы конференции. М., 2007.

19. Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М., 2009.

20. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии. Проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания, 2001, № 2.

21. Иванов Вяч. Вс., Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. М.-Тбилиси, 1984.

22. Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.

23. Коригодский Р. Н., Кондрашкин О. Н., Зиновьев Б. И. Индонезийско-русский словарь. М., 1961.

24. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1996.

25. Куприянов А. В. Предыстория биологической систематики. СПб., 2005.

26. Лаптухин В. В., Маянц В. А., Кедайтене Е. И. и др. Учебный русско-хауса-йоруба словарь. М., 1987.

27. Лезгинско-русский словарь. / Сост. Б. Талибов, М. Гаджиев. М., 1966.

28. Либерис А. Литовско-русский словарь. Вильнюс, 1988.

29. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М., 1997.

30. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.

31. Морев Л. Н. Тайско-русский словарь. М., 1964.

32. Мыреева А. Н. Лексика эвенкийского языка. Растительный и животный мир. Новосибирск, 2001.

33. Новый большой шведско-русский словарь / Отв. ред. М. Берглунд. М., 2007.

34. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1991.

35. Саамско-русский словарь / Под ред. Р. Д. Куруч. М., 1985.

36. Савельева В. Н., Таксами Ч. М. Нивхско-русский словарь. М., 1970.

37. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001. Т. 1.

38. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1 — 6.

39. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–41. М.; Л., 1965.

40. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / Под ред. В. И. Чернышева. М., Л., 1948–1965.

41. Старославянский словарь (по рукописям X — XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994

42. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

43. Толстой Н. И. Сербохорватско-русский словарь. М., 1957.

44. Українсько-російський словник. Т. I — VI. Київ, 1953 — 1963.

45. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 томах. Чебоксары, 1996.

46. Хадрович Л., Гальди Л. Венгерско-русский словарь в 2 томах. Будапешт, 1986.

47. Шведова Н. Ю., Куркина Л. В., Крысин Л. П. Толковый словарь русского языка,с включением сведений о происхождении слов. М., 2009.

48. Эрзянско-русский словарь / Под ред. Серебренникова Б. А., Бузаковой Р. Н., Мосина М. В. М., 1993.

49. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1–31), А.Ф. Журавлева (вып. 32). Вып. 1–34. М., 1974–2008.

50. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974-2003. Т. 1 — 7.

51. Alabama — English / English — Alabama Dictionary. On-line: http://www.lingtechcomm.unt.edu/~montler/Alabama/Dictionary/index.htm.

52. Atran S. Cognitive foundations of natural history: towards an anthropology of science. Cambridge: CUP. 1990.

53. Bacarreza D. G. Diccionario basico del idioma aymara. S. l. 2000.

54. Berlin B. Further Notes on Covert Categories and Folk Taxonomies: A Reply to Brown // American Anthropologist, New Series, Vol. 76, No. 2, (Jun., 1974).

55. Berlin B. Ethnobiological Classification. Princeton, 1992.

56. Berlin B., Breedlove D. E., Raven P. H. Covert categories and Folk Taxonomies // American Anthropologist, New Series, Vol. 70. 1968.

57. Berlin B., Breedlove D. E., Raven P. H. General Principles of Classification and Nomenclature in Folk Biology // American Anthropologist, New Series, Vol. 75, No. 1 (Feb., 1973.

58. Biberstein Kazimirski A. Dictionnaire Arabe-Francais. Vol. I — II. Paris, 1960.

59. Brown C. H. Unique Beginners and Covert Categories in Folk Biological Taxonomies // American Anthropologist, New Series, Vol. 76, No. 2, (Jun., 1974).

60. Brown C. H. Growth and development of folk zoological life-forms in Polynesian languages // The Journal of the Polynesian Society. Volume 90, No. 1. 1981.

61. Brown C. H. Language and Living Things. Rutgers, 1984.

62. Brown C. H. Paradigmatic Relations of Inclusion and Identity I: Hyponymy // Lexicologie/Lexicology, Vol. 1, eds. D. Alan Cruse, Franz Hundsnurscher, Michael Job and Peter Rolf Lutzeier. Berlin/New York, 2002.

63. Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. 1949, reprinted 1988.

64. Ciorănescu A. Dicţionarul etimologic al limbii române. Bucureşti, 2007.

65. Chaudenson R. Le lexique du parler créole de la Réunion, 2 vols, Paris, 1974.

66. Cook D., Gralow F. Diccionario bilingüe koreguaje–español, español–koreguaje. S.l. 2009.

67. Cox B. E., Adamson M., Teusink M. Dictionary Kinyarwanda — English, English — Kinyarwanda. Winona Lake, 1969.

68. Cox B. E. English — Kirundi Dictionary. Winona Lake, 1969.

69. Cox B. E. Kirundi — English Dictionary. Winona Lake, 1969.

70. Dicţionar român-rus sinonimizat. Vol. 1. Chişinău, 2005.

71. Dicţionarul explicativ al limbii române. Bucureşti, 1998.

72. Dictionary Hiaki-English. Yaqui/Yoeme/Hiaki. S. l. 2009

73. Dillmann A. Lexicon Linguae Aethiopicae cum indice latino. New York: Friedrich Ungar, 1955.

74. Englert S. Rapanui-English Dictionary. The Rongorongo of Easter Island. On-line version http://www.rongorongo.org/vanaga/.

75. English — Lingala / Lingala — English Dictionary. Ed. by F. Divuilu. Croydon, 2005.

76. Esimbi Dictionary. On-line: http://www.rogerblench.info/Language%20data/Niger-Congo/Bantoid/Tivoid/Esimbi/.

77. Felger R. S., Moser M. B. People of the Desert and Sea. Tuscon, 1985.

78. Fortescue M., Jacobson S., Kaplan L. Comparative Eskimo Dictionary. Fairbanks, 1994.

79. Fortescue M. Comparative Chukotko-Kamtchatkan Dictionary. Berlin / New York, 2006.

80. Franklin K. Kewa — English Dictionary. 2007. On-line www.sil.org /pacific/png/pubs/0000515/Kewa_English_dict.pdf.

81. Geraghty P. Fijian phrasebook. Victoria, 1994.

82. Hays T. E. An Empirical Method for the Identification of Covert Categories in Ethnobiology // American Ethnologist. 3 (3). 1976.

83. Hunn E. A Measure of the Degree of Correspondence of Folk to Scientific Biological Classification // American Ethnologist. 2 (2). 1975.

84. Hunn E. The Tenejapa Tzeltal Version of the Animal Kingdom // Anthropological Quarterly , Vol. 48, No. 1, Cognitive Studies in Mesoamerica (Special Issue). (Jan., 1975).

85. Heine B., Carlin E. A dictionary of So, a Nilo-Saharan language of NE Uganda. Cambridge, 2010.

86. Hiligaynon to English Dictionary On-line http://kalibo.tukcedo.nl/dictionary-HE.pdf

87. Jarrett K. A dictionary of Manga, a Kanuri language of Eastern Niger and NE Nigeria. Cambrige, 2007.

88. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. Journal of Philosophical Logic, 2. 1973. pp. 458-508.

89. Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictonary. Based on 3 ed. of Vergleichendes Woerterbuch der Gotiscen Sprache b S. Feist. Leiden, 1986

90. Lemaître Y. Lexique de Tahitien contemporain. Paris, 1995.

91. Liddell H., Scott R. A Greek-English Lexicon with revised Supplement. Rev. and augm. by H. C. Jones. Oxford, 1996

92. Mäkäräinen K. A Northern Sámi-English vocabulary. S.l. 2007.

93. Munro P., Brown N., Crawford J. A Mojave Dictionary. Los Angeles, 1992.

94. Na vosa vaka-Viti Wikipedia http://fj.wikipedia.org/wiki.

95. Oxford Dictionary of English. Revised Edition. Oxford. 2005.

96. Polikanov D. V. Swahili-Russian Dictionary. Moscow, 1997. On-line http://www.kamusiproject.org/en/russian.

97. Pratt G. A Grammar and Dictionary of the Samoan Language, with English and Samoan vocabulary. Papakura. 1896. On-line http://www.nzetc.org/tm/scholarly/name-121543.html.

98. Pukui M. K., Elbert S. H. New Pocket Hawaiian Dictionary. Honolulu, 1992.

99. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch / Unter mitarbeit von M. Bakró-Nagy et al. I-III. Wiesbaden, 1986-1991.

100. Rechenbach C. W. Swahili — English Dictionary. Washington, 1967.

101. Riggs S. A Dakota — English Dictionary. St. Paul, 1992.

102. Robinson C. H. Dictionary of the Hausa language. Vol. I. Hausa — English. Cambrige, 1913.

103. Rosh Heider E. Natural categories // Cognitive Psychology 4. 1973.

104. Romaine S. Language, education, and development: urban and rural Tok Pisin in Papua New Guinea. Oxford, 1992.

105. Schauer S., Schauer J., Yucuna E., Yucuna W. Diccionario bilingüe yukuna-español, español-yukuna. Bogotá, 2005.

106. Sinclair, John (ed.), Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary, Sixth edition. 2008.

107. Slaughter M. M. Universal Languages and Scientific Taxonomy in the Seventeenth Century. Cambrige, 1982.

108. Tregear E. A dictionary of Mangareva (or Gambier islands). Wellington, 1899.

109. Urban M. Terms for the Unique Beginner: Cross-Linguistic and Cross-Cultural Perspectives // Journal of Ethnobiology, 30(2):203-230. 2010.

110. Volker C. A., Baing S., Deutrom B., Jackson R. Papua New Guinea Tok Pisin English Dictionary. Oxford, 2008.

111. Waddy J. A. Classification of Plants and Animals from Groote Eylandt Aboriginal Point of View (2 vols.). Darwin, 1988.

112. Walters J. C. W. et al. Diccionario de Náhuatl de los municipios Mecayapan y Tatahuicapan de Juárez, Veracruz. Mexico, 2002.

113. Wierzbicka A. Apples are not a ‘kind of fruit’: The semantics of human categorization. American Ethnologist 11. 1984.

114. Wiesemann, Ursula Gojtéj. Dicionário Bilingüe Kaingang — Português. Curitiba, 2002.

115. Wikipidiya http://ay.wikipedia.org/wiki.

116. Williamsom J. An English — Dakota Dictionary. St. Paul, 1992

117. World Loanword Database, eds. Martin Haspelmath and Uri Tadmor. Max Planck Digital Library, Munich. On-line: http://wold.livingsources.org.

118. Ximopanōltih Huiquipedia http://nah.wikipedia.org/wiki.

119. Zalizniak A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Semantic Typology. // Linguistics (in print).

Условные обозначения

айнск. — айнский
англ. — английский
алданск. диал. — алданский говор эвенкийского языка
араб. — арабский
белор. — белорусский
болг. — болгарский
в.-луж. — верхнелужицкий
венг. — венгерский
волог. — вологодские (говоры русского языка)
вьет. — вьетнамский
гавайск. — гавайский
гот. — готский
дат. — датский
диал. — диалектное (слово)
др.-англ. — древнеанглийский
др.-верх.-нем. — древневерхненемецкий
др.-греч. — древнегреческий
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-рус. — древнерусский
индонез. — индонезийский
ирл. — ирландский
исп. — испанский
итал. — итальянский
казах. — казахский
кильдин. саам. — кильдинский саамский
кит. — китайский
класс. араб. — классический арабский
коряк. — корякский
лат. — латинский
латыш. — латышский
лезг. — лезгинский
лит. — литовский
макед. — македонский
марокк. араб. — марокканский арабский
мик. греч. — микенский греческий
монг. — монгольский
нем. — немецкий
нидер. — нидерландский
ниж.-луж. — нижнелужицкий
осет. — осетинский
пол. — польский
праслав. — праславянский
псков. — псковские (говоры русского языка)
рум. — румынский

рус. — русский
русс.-цслав. — церковнославянский русского извода
санскр. — санскрит
сарат. — саратовские (говоры русского языка)
серб. — сербский
слав. — (обще)славянский
словац. — словацкий
словен. — словенский
ст.-слав. — старославянский
ст.-чеш. — старочешский
тай. — тайский
татар. — татарский
тур. — турецкий
удм. — удмуртский
укр. — украинский
умбр. — умбрский
фин. — финский
франц. — французский
хант. — хантыйский
чеш. — чешский
чув. — чувашский
чук. — чукотский
швед. — шведский
эвенк. — эвенскийский
эрзян. — эрзянский
якут. — якутский
япон. — японский

Е.Г. Свинчукова (ИЯз РАН)

E.G. Svinčukova

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Семья и *ребенок* в языковом сознании русских России и Казахстана (по материалам ассоциативного эксперимента)

Family and *Child* in the linguistic consciousness of the Russian residents in Russia and Kazakhstan: a survey of an association experiment

Аннотация

В данной статье рассматриваются понятия «семья» и «ребенок» в русской культуре и в диаспорном сознании русских. Приводятся данные, собранные в ходе свободного ассоциативного эксперимента с русскоязычными жителями России и Казахстана. Для более глубокого изучения диаспорного сознания русских казахстанцев приводятся данные исследований образов «семья» и «ребенок» в работах казахских авторов.

The article circles around the notions “family” and “child” in Russian culture and in the diasporic consciousness of Russians. The data were gathered by means of an associative experiment where two groups of Russians took part, one consisting of Russian nationals and the other of the ethnic Russians from Kazakhstan. Data on the Kazakhstani studies on the aforementioned images (“family” and “child”) are also provided, so that more light could be shed on the diasporic consciousness of the ethnic Russians.

Ключевые слова

Языковое сознание, образ мира, языковая картина мира, свободный ассоциативный эксперимент

Language consciousness, image of the world, language picture of the world, associative experiment

Объектом исследования в данной статье является языковое сознание представителей русской культуры, живущих в России и Казахстане, а предметом исследования — *семья* и *ребенок* как одни из основных ценностей культуры двух указанных стран. Планируется рассмотреть традиционное отношение к семье в русской и казахской культурах и сравнить современное отношение к семье и детям русских, живущих в России, и русских, живущих в Казахстане.

Для «овнешнения» языкового сознания русскоязычных представителей России и Казахстана был применен свободный ассоциативный эксперимент. В такого рода эксперименте, по словам Тарасова Е.Ф., «отражается закономерность человеческого сознания, которая заключается в том, что явления реального мира, предстающие человеческому сознанию в определенной временной или пространственной близости, отображаются таким образом, что сознание помимо образов этих явлений фиксирует также и их близость» [14, 259]. Эта особенность человеческого сознания, с одной стороны, используется, а с другой, — проявляется в АЭ, когда испытуемому предъявляется вербальный стимул с предложением отреагировать на него словом, которое первым придет в голову. «Предполагается, что реакция — это слово, которое в сознании испытуемых хранится рядом со словом-стимулом. За близостью в сознании испытуемых слова-стимула и слова-реакции лежат причины, которые в большинстве своем осмысливаются как семантические связи стимулов и реакций» [14, 259].

Для анализа полученных в ходе эксперимента реакций мы использовали логико-понятийную модель основных компонентов и уровней сознания А.В. Иванова. Как отмечает этот ученый «при всей эвристичности и плодотворности различных научных подходов, все настойчивее ощущается потребность в теоретическом и методическом синтезе разноликой мозаики накопленных фактов и эмпирических гипотез» [9, 82].

Автор делает попытку дать определение сознанию. Ученый обращает внимание на все разнообразие существующих подходов и то количество разнообразных наук, которые изучают феномен сознания, приходя к выводу о важности этого понятия. Термин «сознание» употребляется в двух смыслах: в широком смысле «сознание» — все то, что существует в психическом мире человека, в узком — это то, что может осознаваться и контролироваться нашим «я». А.В. Иванов говорит о двух наиболее общих пониманиях термина «сознание», но, не удовлетворившись этим, автор предлагает не ограничиваться простым определением, а прибегнуть к «индуктивному определению через последовательное перечисление и анализ частей и компонентов сознания» [9, 83].

Таким образом, А.В. Иванов предлагает обратиться к наглядным схемам и моделям, служащим «исходным образно-символическим каркасом развертывания индуктивных определений» [9, 83].

А.В. Иванов ставит своей задачей свести воедино и логически упорядочить таким эмпирические данные о сознании, которые предоставляют различные подходы и теории, и объединить их в рамках единого теоретического подхода.

Логико-понятийная модель сознания представляется в виде круга, куда вписан крест, делящий его на четыре части.

В нашем исследовании мы следуем модели А.В. Иванова, разделяя реакции на 4 поля, вписанные в прямоугольник с выделенной 5-й зоной, предназначенной для тех реакций, которые, по нашему мнению, не вошли ни в одну из указанных зон в силу того, что в некоторых случаях трудно отнести ту или иную реакцию в какую-либо конкретную зону из-за многозначности слов и невозможности определить, какое именно значение было выявлено в ходе эксперимента.

Ценностно-мотивационный сектор (IV)		Логико-понятийный сектор (II)

Эмоционально-аффективный сектор (III)		Телесно-перцептивный сектор (I)

К сектору I А.В. Иванов относит ощущения, восприятия и конкретные представления, с помощью которых человек получает первичную информацию о внешнем мире, о своем собственном теле и о его взаимоотношениях с другими телами. Здесь индивид формирует непосредственную чувственно-телесную картину реальности, обеспечивающую удовлетворение его базисных телесно-витальных потребностей и внешнепредметную деятельность.

В логико-понятийном секторе (II) отражаются способности человека к мыслительному постижению внутренних, феноменологически не данных свойств и связей внешнего мира. Этот сектор составляют те реакции, которые выходят за пределы непосредственно чувственно данного, так как при формировании реакций данного типа сознание опирается уже не на ощущения, образы восприятия и конкретные представления, а на «мощь философских категорий и абстракций различного уровня , существующих в виде языковых терминов». Эту сферу сознания Иванов называет «царством общих понятий, четких аналитико-синтетических мыслительных операций и жестких логических доказательств»[9, 84].

Секторы I и II образуют внешнепознавательную (внешнепредметную) составляющую сознания, где «субъективно-личностные и ценностно-смысловые компоненты психического мира находятся как бы в снятом, латентном состоянии».

Реакции эмоционально-аффективного сектора (III) лишены непосредственной связи с внешним предметным миром, к ним автор относит переживания, воспоминания, предчувствия, эмоции, наслаждение, симпатию, антипатию, любовь и т.п.

В ценностно-мотивационном секторе (IV) отражаются высшие мотивы деятельности и духовные идеалы личности, а также способности к их формированию и творческому пониманию в виде фантазий, продуктивного воображения. Целью бытия этой сферы, по определению автора, выступает «не истина как форма согласования

мысли с предметной действительностью, а ценности как форма согласования предметной действительности с нашими духовными целями и смыслами» [9, 85].

Секторы III и IV образуют ценностно-эмоциональную составляющую сознания, где в «качестве предмета познания выступают собственно «я», другие «я», а также продукты их творческой саморегуляции в виде гуманитарно-символических образований» [9, 86].

Наш экспериментальный материал представляет собой результат свободного ассоциативного эксперимента со 129 русскими жителями Казахстана (далее группа К) и со 187 жителями России (далее группа Р).

Среди респондентов были представители обоих полов (32,5% мужчин и 67,5% женщин в группе К и 35% мужчин и 65% женщин в группе Р), с высшим (43,4% в группе К и 29% в группе Р), неполным высшим (22,5% в группе К и 32% в группе Р) и средним образованием (34,1% в группе К и 39% в группе Р). Большинство респондентов в обеих группах составляли студенты различных курсов вузов в двух странах (48,3% и 53,8% в группах К и Р соответственно).

Рассмотрим определение понятия «семья».

«Семья» как группа родственных людей, живущих вместе или группа людей, объединенных общими интересами, согласно Большой Советской Энциклопедии характеризуется общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью.

Основными типами русской семьи в разные эпохи были:

- семьи простые, малые, состоящие из двух поколений родственников по прямой линии (родители-дети)

- семьи сложные, объединявшие по 2-3 или 4 поколения родственников по прямой и боковой линиям (патриархальная семья)

- семьи складнические, договорные, семейные кооперации, объединяющие не обязательно родственников, но и неродных людей, вызванные хозяйственными потребностями [6, 416].

Семья в глазах землевладельца считалась первым условием благосостояния, такое воззрение исходило из функций семьи крестьян — обеспечении преемственности многовековых знаний, опыта, народной культуры последующим поколениям. «Брак считался моральным долгом» [6, 419]. В городах дело обстояло несколько иначе. Финансовая и бытовая самостоятельность российских горожанок «породила у некоторых из них иллюзию необходимости расторжения (а не сохранения и упрочнения) брака в случае его конфликтности. Кроме того, в настоящее время отмечается главенствующая роль женщины в семье, объясняющаяся ведущей ролью женщин не только в домашних, но и во многих внесемейных делах, высоким уровнем образования, финансовой независимостью [6, 464-465].

Как отмечает Аргынбаев Х.А., на протяжении всей своей истории казахскому народу было присуще господство малой индивидуальной семьи с пережитками большой патриархальной семьи. Это означает, что отдельное проживание женатых сыновей у казахов привело к утверждению малой индивидуальной семьи, но авторитет и власть главы семьи (отца, мужа, старших братьев) остались. При этом младший сын не выделялся в отдельное хозяйство. [2, 25] Традиционно зять «проявлял чуткое отношение к родственникам жены, уважение к старшим, заботу о младших. Родители и родственники жены относились к зятю с большим уважением». Большую роль в семье играли дети (особенно мальчики). С 5-6 лет дети приучались у труду[2, с. 37,45,50].

СЕМЬЯ (русские России)

Ценностно-смысловой			**Логико-понятийный**	
Большая 21 (11,5%)	Есть 1 (0,5%)		Дом 12 (6,6%)	И дети 1 (0,5%)
Дружная 10 (5,5%)	Забота 1 (0,5%)		Родные 5 (2,7%)	План 1 (0,5%)
Крепкая 9 (4,9%)	Маленькая 1(0,5%)		Дети 4 (2,2%)	Любимый 1 (0,5%)
Счастье 7 (3,8%)	Навечно 1 (0,5%)		Мама 4 (2,2%)	Оплот 1 (0,5%)
Любовь 5 (2,7%)	Надежность 1 (0,5%)		Брак 3 (1,6%)	Ребенок 1 (0,5%)
Всё 3 (1,6%)	Надо 1 (0,5%)		Очаг 3 (1,6%)	Ячейка 1 (0,5%)
Дружба 2 (1%)	Обязательно 1 (0,5%)		Родители 3 (1,6%)	**К/р 0,37**
Крепость 2 (1%)	Одиночество 1 (0,5%)		Ячейка общества 3 (1,6%)	
Поддержка 2 (1,4%)	Одна 1 (0,5%)		Близкие 1 (0,5%)	**24,6%**
Уют 2 (1%)	Победа 1 (0,5%)		Взрослые и дети 1 (0,5%)	
Безопасность 1 (0,5%)	Святое 1 (0,5%)		Дети и муж 1 (0,5%)	
Будущее 1 (0,5%)	Сила 1 (0,5%)			
Вечность 1 (0,5%)	Согласие 1 (0,5%)			
Вместе 1 (0,5%)				
Всегда вместе 1				

(0,5%)
Драгоценность 1 (0,5%)
Стабильность 1(0,5%)
Целое 1 (0,5%)
К/р 0,36
45%

Нет 2 (1%)

7-я 1 (0,5%)

Эмоционально-аффективный

Родная 3 (1,6%)
Дорогая 1 (0,5%)
Любимая 1 (0,5%)
Люблю 1 (0,5%)
Много 1 (0,5%)
Надежно 1 (0,5%)
Полноценная 1 (0,5%)
Понимающая 1 (0,5%)
Хорошая 1 (0,5%)
Хорошо 1 (0,5%)
К/р 0,85
7%

Телесно-перцептивный

Моя 12 (6,6%)
Распалась 2(1%)
Большаков 1 (0,5%)
Дела 1 (0,5%)
Друзей 1 (0,5%)
Друзья 1 (0,5%)
Змея 1 (0,5%)
Круги 1 (0,5%)
Новый год 1 (0,5%)
Рассказ 1 (0,5%)
Сестра 1 (0,5%)
К/р 0,48
12,3%

СЕМЬЯ (русские Казахстана)

Ценностно-смысловой

Дружная 12 (9,34%)
Большая 10 (7,8%)
Счастье 7 (5,4%)
Крепкая 4 (3,1%)
Уют 3 (2,3%)
Дружба 2 (1,5%)
Любовь 2 (1,5%)
Опора 2 (1,5%)
Ответственность 1 (0,78%)
Благополучие 1 (0,78%)
Жизнь 1 (0,78%)
Забота 1 (0,78%)
Крепка 1 (0,78%)
Много детей 1 (0,78%)
Необходимость 1 (0,78%)
Самое дорогое 1 (0,78%)
Счастливая 1 (0,78%)
Теплота 1 (0,78%)
Тыл 1 (0,78%)
Уважение 1 (0,78%)
Это счастье 1 (0,78%)
К/р 0,38
43%

Логико-понятийный

Дети 9 (7%)
Дом 5 (3,9%)
Родители 5 (3,9%)
Близкие 3 (2,3%)
Родня 3 (2,3%)
Ячейка 3 (2,3%)
Мама 2 (1,5%)
Мама и папа 2(1,5%)
Очаг 2 (1,5%)
Родные 2 (1,5%)
Близкие люди 1 (0,78%)
Близкий круг 1 (0,78%)
Брак 1 (0,78%)
Любимые 1 (0,78%)
Папа, мама, я 1 (0,78%)
К/р 0,37
32%

Эмоционально-аффективный

Радость 3 (2,3%)
Веселая 2 (1,5%)
Любимая 2 (1,5%)
Родная 2 (1,5%)
Мамочка 1 (0,78%)
Надежная 1 (0,78%)
К/р 0,55
8,5%

Телесно-перцептивный

Моя 11 (8,5%)
Свет 2 (1,5%)
Дочь 1 (0,78%)
Друзья 1 (0,78%)
Мужа 1 (0,78%)
Мы 1 (0,78%)
Проблемы 1 (0,78%)
Я 1 (0,78%)
К/р 0,42
14,7%

Общее количество ответов по группам довольно сильно отличается: казахстанцы более единодушны в своих ответах, чем россияне (коэффициент разнообразия (далее КР) составляет 0,47 и 0,4 в группах Р и К соответственно). КР ценностно-смыслового сектора

составляет 0,36 и 0,38 в группах Р и К соответственно, логико-понятийного сектора — 0,37 и 0,37 для групп Р и К, эмоционально-аффективного сектора — 0,85 в группе Р и 0,55 в группе К, телесно-перцептивного сектора — 0,48 и 0,42 соответственно. Указанные данные можно представить в виде следующей таблицы:

Сектор	Русские России	Русские Казахстана
Ценностно-смысловой	0,36	0,38
Логико-понятийный	0,37	0,37
Эмоционально-аффективный	0,85	0,55
Телесно-перцептивный	0,48	0,42

Таким образом, общее количество ответов в процентах по секторам таково:

Сектор	Русские России	Русские Казахстана
Ценностно-смысловой	45%	43%
Логико-понятийный	24,6%	32%
Эмоционально-аффективный	7%	8,5%
Телесно-перцептивный	12,3%	14,7%

Наибольшее значение в двух группах имеет ценностно-смысловая сфера, на чью долю приходится большинство реакций. Респонденты двух стран в большинстве случаев дают характеристику «семье» с точки зрения идеала, а не через эмоции или конкретные представления, основанные на личном опыте.

Все реакции, за исключением единичных, можно представить в виде следующей таблицы, где первое число в скобках обозначает процент подобных реакций от общего числа ответов, а через / указан ранг реакции:

Россия	Казахстан
Большая (11,5% /1); дом, моя (6,6% /2,5); дружная (5,5% /4);	Дружная (12 / 1); моя (11 / 2); большая (10 / 3);

крепкая (4,9% /5); счастье (3,8% /6); любовь, родные (2,7% /7,5); дети, мама (2,2% /9,5); брак, всё, очаг, родители, родная, ячейка общества (1,6% /13,5); дружба, крепость, нет, поддержка, распалась, уют (1% /19,5)	дети (9 / 4); счастье (7 / 5); дом, родители (5 / 6,5); крепкая (4 / 8); близкие, радость, родня, уют, ячейка (3 / 11,5); веселая, дружба, любимая, любовь, мама, мама и папа, опора, ответственность, очаг, родная, родные, свет (2 / 19,5)

Несмотря на существующую демографическую ситуацию, которая хотя и улучшается в последнее время, но по сравнению с показателями 20-30-тилетней давности является еще далеко не идеальной, и сравнительно невысокий по мнению СМИ авторитет института семьи, по результатам нашего исследования, «семья» прежде всего для россиян «большая» (11,5% ответов). Для казахстанцев же более ценны качественные характеристики: на первом месте стоит ассоциация «дружная» (9,34% ответов), «большая» занимает 3 место (7,8%), а «дети» как обязательный атрибут семьи важнее для казахстанцев, чем для россиян (9,5 место в группе Р, что составляет 2,2% ответов, и 4 место в группе К, что составляет 7% ответов). Интересно, что реакция «ребенок» встречается 1 раз в группе Р и ни разу в группе К.

Также интересен тот факт, что в ответах респондентов группы К ассоциация «мама» встречается в 1,5% ответов, а реакция «мама и папа» — в 2,3%, эта разница незначительна, но в ответах россиян нет ни одной реакции «мама и папа», а одна «мама» встречается в 2,2% анкет, что, возможно, характеризует ситуацию с неполными семьями в нашей стране: сегодняшняя молодежь мечтает о крепкой, большой, дружной семье, но та семья, в которой они живут сейчас, скорее всего, далека от идеала.

В целом интерес к семье как социальному образованию и многовековые традиции сохранили свой авторитет в глазах современной молодежи, по крайней мере, в качестве

идеала и ориентира на будущее. Этот вывод мы можем сделать из того, что подавляющее большинство респондентов — студенты в возрасте от 17 до 21.

Как замечает Чулкина Н.Л., семья в русском языковом сознании имеет высокий положительный статус (соотношение позитивных и негативных слов-оценок 2,5:1). [17, 151]

По свидетельству Османовой Р.А. семья у казахов многочисленная и многодетная с обязательной главенствующей ролью отца (или старшего мужчины в доме), с традиционной поддержкой старшего поколения, оказывающего влияние на младшие поколение. В казахском сознании развито чувство родства, семейности, обязательств перед близкими и дальними родственниками [12, 11-12]. Кроме того, автор отмечает сходство между сознанием обрусевших казахов и русских россиян, между русскими казахстанцами и казахами.

По результатам исследования, проведенного Алимбековой Г.Т., на сегодняшний день среди казахстанцев семья ценится очень высоко, причем здесь не существует разницы между отношением к ней мужчин и женщин. Ответы большинства респондентов позволяют сделать вывод о том, что казахстанская семья, как правило, детоцентрическая. Однако, как отмечает исследователь, среди азиатов нацеленность на брак и семью несколько выше, чем у европейцев. Около 93% казахстанцев положительно относятся к заключению брака, а среди разочарованных в браке большинство составляют разведенные. Приведем также некоторые статистические данные. Так фактический размер казахстанской семьи (совместно проживающих в одном домохозяйстве) равен примерно 4 человекам, причем 2 из них — дети. Около 70% семей имеют в своем составе от 3 до 5 человек. На сегодняшний день в средней казахстанской семье воспитывается по 2 ребенка, хотя в поколении родителей в среднем было по 4 ребенка. Таким образом, за одно поколение количество детей в семье уменьшилось в 2 раза. Однако идеальным считается наличие 3 детей [1].

Можно сделать вывод о том, что русские группы Р, традиционно живущие в семье, состоящей из 2-3-х поколений родственников и нескольких женатых (замужних)

братьев (сестер), полагают, что семья, прежде всего «большая», а русские Казахстана, имеющие большую (благодаря большому количеству детей) семью, но проживающие отдельно от своих родителей, братьев и сестер, поддерживают очень крепкие связи, поэтому семья «дружная». По той же причине реакция «дом» намного важнее для русских России (6,6% и 3,9% в группах Р и К соответственно), т.к. в Казахстане, выходя замуж, женщина покидает навсегда отчий дом и переходит жить в дом мужа. Таким образом, наблюдается влияние казахских культурных традиций на русское языковое сознание.

Теперь перейдем к рассмотрению ценности ребенка как ценности для русской и казахской культур, а также особенностей понятия *ребенок* для русских жителей Казахстана.

Этимологически слово «ребенок» означает «маленький раб». [10] Среди значений, встречающихся в толковых словарях под редакцией Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова, можно встретить следующие:

1) мальчик или девочка в детском возрасте

2) сын или дочь

3) тот, кто поступает по-детски. [11; 16]

РЕБЕНОК (русские России)

Ценностно-смысловой			**Логико-понятийный**	
Счастье 16 (8,8%)	Наивность 1 (0,5%)		Маленький 18 (9,9%)	Мальчик 1 (0,5%)
Радость 8 (4,4%)	Наше всё 1 (0,5%)		Дитя 7 (3,8%)	Младенец 1 (0,5%)
Чудо 4 (2,2%)	Смысл 1 (0,5%)		Малыш 4 (2,2%)	Новорожденный 1 (0,5%)
Семья 2 (1%)	**К/р 0,38**		Дочь 3 (1,6%)	Пупс 1 (0,5%)
Цветок жизни 2 (1,4%)	**25%**		Взрослый 2 (1%)	Пупсик 1 (0,5%)
Чистота 2 (15%			Baby 1 (0,5%)	Растет 1 (0,5%)
Это счастье 2 (1%)			Бейби 1 (0,5%)	Родители 1 (0,5%)
Беззаботность 1 (0,5%)			Девочка 1 (0,5%)	Рождение 1 (0,5%)
Будущее 1 (0,5%)			Дети 1 (0,5%)	Чадо 1 (0,5%)
Власть 1 (0,5%)			Детство 1 (0,5%)	**К/р 0,4**
Два обязательно 1 (0,5%)				**25,6%**
Жизнь 1 (0,5%)				
Забота 1 (0,5%)				
Защитить 1 (0,5%)				
Любовь 1 (0,5%)				

Рано 3 (1,6%)	Где? 1 (0,5%)	Чей-то 1 (0,5%)

Эмоционально-аффективный

Веселый 3 (2,1%)
Прелесть 3 (2,1%)
Забавный 2 (1,4%)
Любимый 2 (1,4%)
Непоседа 2 (1%)
Родной 2 (1%)
Умный 2 (1,4%)
Веселье 1 (0,5%)
Даун 1 (0,5%)
Жизнерадостный 1 (0,5%)
Капризный 1 (0,5%)
Красивый 1 (0,5%)
Кроха 1 (0,5%)
Ляля 1 (0,5%)
Милый 1 (0,5%)
Невинный 1 (0,5%)
Нежность 1 (0,5%)
Неусидчивый 1 (0,5%)
Послушный 1 (0,5%)
Пухленький 1 (0,5%)
Трудный 1 (0,5%)
Умиротворенный 1 (0,5%)

К/р 0,71

16,6%

Телесно-перцептивный

Мой 5 (2,7%)
Плачет 4 (2,2%)
Мама 3 (1,6%)
Плач 2 (1,4%)
Плачущий 2 (1,4%)
Смеется 2 (1%)
Смех 2 (1,4%)
Белокурый 1 (0,5%)
Будущего 1 (0,5%)
Коляска 1 (0,5%)
Наш 1 (0,5%)
Памперсы 1 (0,5%)
Пеленать 1 (0,5%)
План 1 (0,5%)
Проблема 1 (0,5%)
Робот 1 (0,5%)
Слюни 1 (0,5%)
Сон 1 (0,5%)
Сопли 1 (0,5%)
Упал 1 (0,5%)
Цветок 1 (0,5%)
Цветы 1 (0,5%)

К/р 0,64

19,3%

РЕБЕНОК (русские Казахстана)

Ценностно-смысловой

Радость 7 (5,4%)
Счастье 5 (3,9%)
Забота 3 (2,3%)
Семья 3 (2,3%)
Жизнь 2 (1,5%)
Любовь 2 (1,5%)
Наивный 2 (1,5%)
Будущее 1 (0,78%)
Добро 1 (0,78%)
Драгоценность 1(0,78%)
Надежда 1 (0,78%)
Начало жизни 1 (0,78%)
Чудо 1 (0,78%)

К/р 0,43

23,3%

Логико-понятийный

Маленький 13 (10%)
Дитя 9 (7%)
Малыш 4 (3,1%)
Младенец 4 (3,1%)
Взрослый 2 (1,5%)
Сын 2 (1,5%)
Грудной 1 (0,78%)
Мальчик 1 (0,78%)
Матери 1 (0,78%)
Ожидание 1 (0,78%)
Подросток 1 (0,78%)
Старик 1 (0,78%)
Чадо 1 (0,78%)

К/р 0,3

31%

Эмоционально-аффективный

Капризный 3 (2,3%)
Любимый 3 (2,3%)
Веселый 2 (1,5%)
Сладкий 2 (1,5%)
Чудный 2 (1,5%)
Ангел 1 (0,78%)
Беззащитный 1 (0,78%)
Глупый 1 (0,78%)
Добрый 1 (0,78%)
Желанный 1 (0,78%)
Золотой 1 (0,78%)
Игривый 1 (0,78%)
Красивый 1 (0,78%)
Кроха 1 (0,78%)
Ласковый 1 (0,78%) (0,78%)
Лялечка 1 (0,78%)
Мил 1 (0,78%)
Милый 1 (0,78%)
Плакса 1 (0,78%)
Прелесть 1 (0,78%)
Смешливый 1 (0,78%)
Смешной 1 (0,78%)
Спиногрыз 1 (0,78%)
Умиление 1 (0,78%)
Щегол 1 (0,78%)

К/р 0,78

24,8%

Телесно-перцептивный

Мой 8 (6,2%)
Болен 1 (0,78%)
Веселье 1 (0,78%)
Детский сад 1 (0,78%)
Жена 1 (0,78%)
Кричит 1 (0,78%)
Плач 1 (0,78%)
Плачет 1 (0,78%)
Пеленка 1 (0,78%)
Пеленки 1 (0,78%)
Слезы 1 (0,78%)
Шустрый 1 (0,78%)
Я 1 (0,78%)

К/р 0,65

15,5%

Общее количество ответов по группам отличается: казахстанцы более единодушны в своих ответах, чем россияне (0,56 и 0,5 в группах Р и К соответственно). Распределение коэффициента разнообразия по секторам таково:

Сектор	Русские России	Русские Казахстана
Ценностно-смысловой	0,38	0,43
Логико-понятийный	0,4	0,3
Эмоционально-аффективный	0,71	0,78
Телесно-перцептивный	0,64	0,65

Таким образом, общее количество ответов в процентах по секторам таково:

Сектор	Русские России	Русские Казахстана
Ценностно-смысловой	25%	23,3%
Логико-понятийный	25,6%	31%
Эмоционально-аффективный	16,6%	24,8%
Телесно-перцептивный	19,3%	15,5%

В двух группах самым большим по количеству ответов является логико-понятийный сектор, а казахстанцы более эмоционально реагируют на данный стимул.

Все реакции, за исключением единичных, можно представить в виде следующей таблицы, где первое число в скобках обозначает процент подобных реакций от общего числа ответов, а через / указан ранг реакции:

Россия	Казахстан
Маленький (9,9% /1); счастье (8,8% /2); радость (4,4% /3); дитя (3,8% /4); мой (2,7% /5); малыш, плачет, чудо (2,2%/7,5);	Маленький (10% / 1); дитя (7% / 2); мой (6,2% / 3); радость (5,4% / 4); счастье (3,9% / 5); малыш, младенец (4 /6,5);

веселый, дочь, мама, рано, прелесть (1,6% /11,5); взрослый, забавный, любимый, непоседа, плач, плачущий, родной, семья, смеется, смех, умный, цветок жизни, чистота, это счастье (1% /20,5)	забота, капризный, любимый, семья (3 / 9,5); веселый, взрослый, жизнь, любовь, наивный, сладкий, сын, чудный (2 / 15,5)

Прежде всего, респонденты двух групп отмечают возрастную характеристику «ребенка», он «маленький» в 9,9% ответов респондентов России и 10% ответов казахстанцев. На 2-м месте в группе Р идет ответ «счастье» (8,8%), в группе К «дитя» (7%). Соответственно, «счастье» стоит на 5 месте в группе К (3,9%) и «дитя» на 4 месте в группе Р (3,8%). «Радость» встречается практически одинаковое количество раз в двух группах — 4,4% и 5,4% в ответах россиян и казахстанцев соответственно.

Ответ по принципу возрастной оппозиции «взрослый» встречается достаточно редко в ответах двух групп: 1% в группе Р и 1,5% среди всех ответов в группе К.

По данным Н.В. Дмитрюк, «ребенок» для казахов, прежде всего, — это «мальчик» (10,2%), «плакать» (7%), «маленький» (6,8%), «молодой» (6,1%), «дитя» (6,4%), «прелестный» (3,3%).[8]

Интересна половая характеристика ребенка: для русских *ребенок* — это и «мальчик» и «девочка», для казахов — это «мальчик», он более желателен, чем «девочка», т.к. это будущий мужчина, глава семьи, продолжатель рода и его традиций, человек, обладающий б**о**льшими правами в социальной жизни.

Несмотря на все разнообразие ответов (в группе Р различные ответы составляют 55,6% от общего числа ответов, в группе К — 50,4%), лишь в 9% ответов россиян *ребенок* имеет негативную коннотацию (*плач, плачет, капризный, трудный*) и в 10% ответов казахстанцев (*капризный, глупый, спиногрыз, слезы, плачет, кричит*).

На основе проделанного нами анализа можно прийти к выводу о большой ценности семьи и ребенка в русском языковом сознании, причем ребенок, имеющий

общую очень положительную характеристику в двух группах испытуемых, рассматривается как источник счастья и радости для человека и как обязательный атрибут семьи, причем отмечается именно наличие нескольких детей. Кроме того, мы может отметить влияние казахской культуры на языковое сознание русскоязычных жителей Казахстана, (в частности традиции дружелюбия и мирного сосуществования), но в целом можно говорить о довольно большой устойчивости русского языкового сознания русских казахстанцев, которое имеет много общих характеристик с языковым сознанием россиян.

Литература:

1. Алимбекова Г.Т. Особенности состояния казахстанской семьи // Всероссийский социологический конгресс. Тезисы докладов. 2009 // http://www.isras.ru/search.php?search=%EA%E0%E7%E0%F5%F1%F2%E0%ED.

2. Аргынбаев Х.А. Семья и брак у казахов / Автореф. дис. д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1975

3. Большая советская энциклопедия в 30-ти томах. М., 1969–1978.

4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб., 2000.

5. Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание — 2000 синонимических рядов. 10500 синонимов / Под ред. Л.Г. Бабенко. М., 2006.

6. Власова И.В. Брак и семья // Русские / Отв. ред. Александрова В.А. М., 1997.

7. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.

8. Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь (Словарь ассоциативных норм казахского языка). Шымкент, М., 1998.

9. Иванов А.В. Сознание и мышление М., 1994.

10. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1958.

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — М., 1989

12. Османова Р.А. Национально-культурная специфика образов сознания русских и казахов (Гендерный анализ на материале слов семантического поля «Дом. Семья») / Авфтореф. дис…. канд. наук. М., 2001.

13. Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин. М., 2002.

14. Тарасов Е.Ф. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И.Г. Дубова. М., 1997, стр. 253–277.

15. В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка // http://www.slovari.yandex.ru/dict/dal/.

16. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред.Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

17. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М., 2004.

18. Этимологический словарь русского языка в 4т./ Под ред. Б.А Ларина. М., 1986

Проблемы преподавания языка

И.Л.Голова (ИЯз РАН)

I.L. Golova

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Приемы мнемотехники для успешного запоминания при изучении иностранного языка

Mnemonic Devices in Language Learning

Аннотация

В статье затрагивается сфера психолингвистики, которая изучает речевое поведение человека и его память в процессе изучения иностранного языка. Для увеличения объема памяти используются приемы мнемотехники. Одним из таких приемов является образование искусственных ассоциаций. Мнемотехника повышает способность к запоминанию и воспроизведению единиц языка. Знание приемов мнемотехники способствует эффективному планированию занятия по иностранному языку.

The article deals with the organization of human speech behavior from the point of view of memory-consuming processes. Mnemotechniques (mnemonics) involves advanced artificial associations which improve both finding information in the text and extracting word units from one`s own memory. Mnemotechniques might contribute to a more efficient planning of foreign language classes.

Ключевые слова

Память, мнемотехника, иностранный язык, обучение

Memory, mnemotechnics, foreign language, learning

Цели и мотивации для изучения иностранных языков могут быть различными. Одним — старшеклассникам, студентам, аспирантам необходимо сдавать экзамены, а другим — это нужно для ведения переговоров, поездок за рубеж, общения, чтения иностранных газет и журналов. Преподаватель должен учитывать конкретные цели учащихся и применять соответствующий методологический подход.

Способность к обучению иностранным языкам зависит от многих факторов. Одним из них, безусловно, является хорошая память. Известны приемы улучшения и развития памяти — приемы мнемотехники. **Мнемоника**, или **мнемотехника**, — это искусство запоминания, совокупность приемов и способов, облегчающих запоминание и увеличивающих объем памяти путем образования искусственных ассоциаций [3].

Обучение речевой деятельности и процессам коммуникации и общения опирается на принципы психолингвистики. При составлении методики изучения иностранного языка существенным моментом является знание закономерностей **процессов памяти** для успешного запоминания и восприятия. В методике необходимо использовать **приемы мнемотехники**. Понимая механизм памяти, можно правильно планировать занятие, выбирать объем материала, изучаемого за одно занятие и за весь курс обучения. Существуют различные виды памяти, но речевая деятельность предполагает память языка. Язык это — «система знаков, функционирующих в качестве средства общения и орудия мысли» [6;8]. Память языка (языковая способность) состоит из способности выбрать на бессознательном уровне определенные слова, синтаксические структуры, которые хранятся в памяти [5].

Структура памяти

Память — это интегративный психический процесс, охватывающий результаты ощущений, восприятия и мышления, а также это механизм запечатления, хранения и

воспроизведения образов — представлений [5]. Наша память ограничена не в запечатлении, а в возможностях сознательного воспроизведения необходимого материала. Физиологическим механизмом памяти является образование, закрепление, возбуждение и торможение нервных связей, с созданием новой структурной организацией нейронов, новых связей между ними. В этот процесс входит запоминание, воспроизведение, забывание и сохранение.

В структуру памяти входят кратковременная, оперативная и долговременная память [3].

Кратковременная память

Благодаря **кратковременной памяти** мы способны перерабатывать большой объем информации, отсекая ненужную и, оставляя необходимую [2]. Ее время от нескольких секунд до нескольких минут, и ограниченно 5–7 объектами, попавшими в поле зрения. Информация об этих объектах от рецепторов органов чувств, в виде биотоков поступает в кору головного мозга, оставляя в ней след. Этот след растворяется бесследно, если не происходит его подкрепление новым сигналом в виде биотоков в течение 5–20 секунд.

Оперативная память

В структуре памяти выделяется регистр **оперативной памяти**, который воспринимает и регистрирует биотоки, поступающие от рецепторов чувств. Именно там и хранится информация в течение 5–20 секунд. Роль слухоречевой оперативной памяти очень важна в процессе понимания предметного содержания на уровне значения.

На основе фонематического анализа каждого выделенного слова, проходит его опознание; выделенный звукокомплекс соотносится с хранящимся в памяти эталоном. все удерживаемые в сознании слова посредством механизма оперативной памяти сопоставляются между собой, анализируются устойчивые сочетания [5].

Если информацию подкрепить, т.е**. повторить** несколько раз, то она запоминается в течение более длительного срока от 1 минуты до нескольких суток, в зависимости от характера информации и индивидуальных особенностей памяти. В этом

случае она хранится в регистре кратковременного хранения. Необходимо определенное время (от 15 секунд до 30 минут) для того, чтобы вновь образуемые следы консоли1дировались. Если в течение 5 суток подкрепление памяти не происходит, то следы в этом регистре растворяются. Если идет **систематическое повторение**, то информация переходит в **долговременное** хранилище памяти, где она может храниться достаточно долго.

Существуют большие индивидуальные различия в скорости запоминания материала и в продолжительности его сохранения в памяти. Одному человеку требуется для запоминания 12 бессмысленных слогов сорок девять **повторений,** а другому лишь четырнадцать. При этом, если применять **приемы мнемоники**, то скорость запоминания может значительно увеличиться. Опыт показывает, что для запоминания слов любой сложности, человеку достаточно в среднем **шесть повторений**. Промежуток времени между повторениями устанавливается индивидуально и зависит от числа слов, которые изучаются за одно занятие и, которые забываются к началу следующего занятия. Общее число повторений нужно выбирать так, чтобы к следующему повторению забывалось не более **15–20% слов**. Иногда предлагается такая схема повторения: первый раз через 20 минут после прочтения, второй раз — через 24 часа, третий через неделю. Но в регистре оперативной памяти отрабатывается только 9 единиц информации.

Преодоление барьера регистра оперативной памяти осуществляется с помощью связывания мелких единиц информации в более крупные. Отдельные слова объединяются в блок. Объединение слов в блок осуществляется по принципу связи с ключевым словом блока и в долговременную память вводится вся смысловая макроструктура, которая и служит опорой для **припоминания** соответствующих слов.

Продолжительность оперативной памяти ограничивается временем соответствующей деятельности. Так мы запоминаем элементы предложения, чтобы осмыслить его в целом. Продуктивность оперативной памяти определяется способностью человека организовывать запоминаемый материал, создавать целостные комплексы — единицы оперативной памяти. Оперативная память функционирует на высоком уровне,

если видятся не частные, а общие свойства различных ситуаций, объединяются сходные элементы. Но в оперативной памяти могут удерживаться не более двух переменных факторов.

Долговременная память хранит информацию, имеющую большую значимость в течение длительного срока.

Таким образом, планируя занятие, преподаватель должен сначала зафиксировать 5–7 объектов, которые соответствуют объему кратковременной памяти, т.е. 5–7 лексических единиц. Понимая работу оперативной памяти, необходимо сформировать блок со смысловым ядром и ключевым словом, используя не более двух переменных факторов, например, используя глагол только в простом настоящем времени.

Запоминание

Запоминание — это процесс закрепления новой информации, осмысленное запоминание основывается на понимании материала. Чем глубже осмысление запоминаемого материала, тем лучше он сохраняется в памяти. Поэтому, для успешного запоминания рекомендуется использовать ключевые слова, схемы, рисунки и таблицы [5], облегчая и упрощая понимание, а значит и запоминание.

Для лучшего запоминания материала используются **приемы мнемоники** — увеличивающие объем памяти путем образования искусственных **ассоциаций** [3], т.е. мысленных связей между образами. Выделяя и запоминая **цепочку ключевых слов** текста, научной статьи или книги, можно легко составить пересказ, реферирование этого текста, а также детально ссылаться на логику рассуждения автора во время дискуссии.

Новое запоминается тем лучше, чем больший **объем знаний** имеется по определенной теме. Трудно запоминать совсем новые слова и новую грамматическую тему. Чем выше уровень умственного развития человека, тем больше его память. Интеллектуально развитый человек вспоминает преимущественно с помощью логических операций. Существенной индивидуальной особенностью памяти является направленность на запоминание определенного материала, например исторического, экономического или статистического материала. Специалисты, обладающие глубокими

знаниями предмета и достаточной лексикой для понимания материала по этому предмету, легко запоминают новую информацию, вводимую на занятиях. При воспроизведении, какого-либо материала, необходимо учитывать помощь **контекста** — связи с другими одновременными впечатлениями. Также надо учитывать важность и необходимость повторения запоминаемого материала. **Продолжительность повторения** для автоматизации и семантизации зависит от индивидуально-типологических особенностей памяти.

Виды памяти

Существуют различные виды памяти: зрительная, слуховая, память языка, моторная, память на лица или числа, генетическая память и другие. От возможности преобладания у конкретного человека какого-то вида памяти над другими зависят объем и точность запоминания, скорость запоминания и прочность запоминания.

Людям с преобладанием **зрительной памяти** необходимо видеть запоминаемую информацию в виде, например, написанного текста или списка слов. К тому же, оказывается, что человек наряду с физическим зрением должен обладать еще и **зрением для букв** [2].

Люди с хорошей **слуховой памятью** обычно в процессе воспроизведения вспоминают не только смысл текста, но и интонацию, с которой текст был прочитан [3]. Поэтому часть студентов лучше запоминают материал, даваемый преподавателем на лекции, а не прочитанный в учебнике. Интересно отметить, что слухов у нас по крайней мере три: физический, благодаря которому мы слышим различные звуки окружающего нас мира; музыкальный; **речевой,** позволяющий запомнить те особенности звуков, благодаря которым смысл одного слова отличается от смысла другого. [3]

Люди, у которых преобладает **моторная память,** лучше запоминают текст, если его сначала прочитают, а потом перепишут. Важной задачей при обучении иностранному языку является овладение письменной речью. Для этого необходимо умение выделять отдельные звуки и превращать их в устойчивые фонемы [5]. Зрительное представление буквы переводится в ее графическое начертание. Выделенные звуки необходимо

сохранить в кратковременной памяти. В этих процессах участвует зрительное восприятие и моторная память. Кроме того в памяти должны храниться обобщенные и устойчивые образцы — эталоны **фонем**, а также обобщенные и устойчивые «эталоны» **графем,** обозначающие соответствующие фонемы [5].

Таким образом, необходимо учитывать все теоретические условия успешного запоминания и воспроизведения при обучении иностранному языку: зрительную, слуховую и моторную память; систематическое повторение информации; выделение цепочки ключевых слов; различные ассоциации; объем знаний по данному предмету; интеллектуальный уровень; контекст, а также цели самого обучающегося, и поставленные перед преподавателем.

Построение обучения

Обратимся к примеру построения занятия для обучения **аспирантов,** готовящихся сдавать **кандидатский экзамен.** Аспиранту на экзамене необходимо выполнить быстро и правильно письменный перевод на русский язык оригинального текста по специальности на иностранном языке. Для этой цели он должен освоить большой объем специальной и общенаучной лексики, а также основные грамматические конструкции.

Для активации **зрительной памяти** аспиранты должны иметь перед глазами на протяжении всего занятия изучаемый текст и лексику. Грамматика представляется в виде наглядных схем и таблиц.

В начале занятия вводим **контекст** изучаемой темы. Это может быть доклад, проверка домашнего задания, способствующая лучшему пониманию темы, уточнение и дополнение уже известного материала, т.е. новое вводится ограниченно в большой **известный объем знаний**. Если имеется список известных слов по изучаемой теме, то на занятии вводятся **5–10 новых лексических единиц** для активного запоминания. Затем слушатели читают и произносят эти слова, используя слуховую и зрительную память. Для введения новой информации в долговременную память образуем **блок с ключевым словом** — преподаватель просит придумать предложение с каждым из новых слов в рамках изучаемой грамматики. Такое задание лучше всего давать в середине занятия для

подкрепления оперативной памяти. Чем чаще мы обращаемся к новому материалу на занятии, тем больше информации останется в долгосрочной памяти. Итак, **приемы мнемотехники**, основанные на **ассоциациях,** прием создания и запоминания цепочки ключевых слов значительно улучшает усвоение материала.

Для **изучающих** английский язык **на первом этапе** обучения при выборе лексических единиц следует выбирать слова с одинаковым звучанием гласных звуков, используя **ассоциации по сходству**.

Фонетика английского языка своеобразна и между звуковым и буквенным составом нет однозначного соответствия, правильное произношение фонем является условием для полноценной реализации коммуникативной функции речи [5]. Одна и та же фонема может фиксироваться на письме разными буквами, а одна и та же буква может передавать несколько различных фонем. При овладении фонетикой **мнемонические приемы** создания **ассоциаций по звучанию** неоценимы. При этом работа нескольких видов памяти одновременно облегчается. Зрительная память помогает запоминать ряд сходных слов, слуховая — произношению сходных звуков, а моторная обеспечивает освоение правописания, кроме того выбор смыслового логического ряда включает логическую память. Подбор лексики по определенной тематике активизирует эмоциональную память и заинтересованность. В тех случаях, когда материал не поддается логической обработке, создаются **искусственные ассоциации**.

Ключевые слова предназначены для запоминания и активного использования. Служебные слова на начальном этапе являются пассивными, т.е. их понимают, но в активной речи не используют. Однако частота их повторения очень велика и скоро они войдут в активный запас слов. Аспирантам необходимо уметь переводить словосочетания с предлогами. Перевод их представляет некоторую трудность из-за достаточного большого количества этих словосочетаний. Полезно выписывать самые частотные словосочетания из специального словаря, содержащего подробный их перевод, затем узнавать их в большом объеме оригинального текста и переводить. Последний этап

запоминания включает серию простых однотипных упражнений, как письменных, так и устных с каждым таким словосочетанием.

Забывание

Наряду с запоминанием, сохранением, воспроизведением процессом памяти является и **забывание** [3, 138]. Физиологической основой этого процесса является торможение временных нервных связей. Наиболее интенсивно забывание осуществляется в первое время после запоминания, а потом оно несколько замедляется. Это целесообразный процесс, если он касается несущественного материала. С помощью быстрого забывания мозг избавляется от лишней информации. Невозможно себе представить каким кошмаром была бы жизнь человека, если бы он со временем не мог забыть тяжелые моменты своей жизни.

Исследования показывают, что легко удерживаются и воспроизводятся лишь 3–4 изолированных объекта при одновременном восприятии. Такая ограниченность объема удержания и воспроизведения материала и объясняется как раз торможением. Что это означает на практике? Первые и последние слова и фразы запоминаются легче, а средние — запоминаются значительно хуже. Это объясняется наличием тормозного влияния со стороны предшествующих впечатлений. Первые и последние элементы испытывают проактивное и ретроактивное торможение, а лучшее запоминание крайних элементов называется «фактором края» [4]. Поэтому при переходе от запоминания одного материала к запоминанию другого необходимо сделать перерыв (на 15 минут), который предотвращает отрицательную индукцию ретроактивного торможения.

Мнемическая речь

Другим важным аспектом при изучении иностранного языка является умение **свободно пользоваться речью**. В этом случае преподавателю нужна система упражнений, которые позволили бы ему научить слушателей экспромтной мобилизации языковых знаний, умений и навыков для выражения собственных мыслей и чувств. Эти упражнения должны содержать **методы мнемоники**, опирающиеся на цепочки образов, ассоциаций по логической последовательности. Особая роль здесь отводится

мнемической речи, опирающейся на **память**. Ее базой служат актуализируемые события и факты, извлекаемые из памяти. Чтобы добиться неподготовленной речи, используются коммуникативные упражнения, разделяющиеся на респонсивные, ситуативные и репродуктивные [1]. В каждом виде упражнений учитываются особенности памяти.

Ситуативные упражнения могут выполняться с применением различных методических приемов. Так условная ситуация может сообщаться на слух, печатно или визуально. Желательно использовать все три вида воздействия на память.

Например, преподаватель задает слушателям некую интересующую всех тему для небольшого **доклада.** На занятии сначала обсуждается контекст этой темы, далее приводится список слов и фраз, которые необходимы для составления доклада. Вся лексика закрепляется в рамках одной грамматической темы или конструкции. Докладчик готовит фотографии, рисунки или графики и схемы, иллюстрирующие его доклад. Таким образом, слушатели находятся внутри контекста, могут видеть образы, слышать текст, и обращаться к списку с лексикой. После такой подготовки обсуждение доклада проходит интенсивно, с участием каждого слушателя, что способствует большему числу повторений фраз и слов.

Очень эффективным является придумывание слушателями подтем в рамках одной темы с дальнейшим обсуждением, с использованием не более 5–6 предложений.

К **репродуктивным упражнениям** относятся различные виды пересказа содержания. С психолингвистической точки зрения пересказ включает четыре основные стадии:

- восприятие текста;
- удержание в памяти;
- смысло-языковая перестройка в целях изложения;
- собственно пересказ.

При **пересказе** используются имеющиеся в тексте языковые средства, а также припоминаются другие усвоенные ранее, упрощается речь. Текст должен быть не более одной типографской страницы, с ясным содержанием, не перегруженным деталями,

топонимами и именами лиц. Стоит отметить, что осмысление, понимание изучаемого материала способствует его запоминанию. С этой целью выделяются, и записываются столбиком ключевые слова. Затем проверяется логическая связь между этими словами. Если необходимо, то добавляются связывающие ключевые слова. Пользуясь, только списком ключевых слов, составляется письменно пересказ прочитанного текста, при этом исключаются трудные для произношения и неизвестные прилагательные, используются только отработанные грамматические конструкции. Затем пересказ сверяется с исходным текстом. Постепенно, по мере увеличения числа текстов, осмысленных таким образом, отпадет необходимость в письменной работе. Выделение ключевых слов и их связывание будет происходить автоматически.

Что касается **изложения основного содержания текста**, то успешная работа над этим видом репродукции может быть только на базе пространного материала три-шесть страниц. Это фактически работа по домашнему чтению. Изложению предшествует пауза, когда мысленно прокручивается содержание текста. Оживляются в памяти его детали. Пауза может длиться от двух до четырех минут на уроке и нескольких дней в случае подготовленного изложения.

Итак, можно сделать вывод, что все процессы памяти неразрывно взаимосвязаны, их механизмы направлены на сохранение умственного потенциала и действуют автоматически. И оттого как мы построим методику изучения иностранного языка, используем индивидуальные особенности человека, зависит успех процесса обучения.

Литература

1. Бухбиндер В.А. Очерки методики обучения устной речи на иностранных языках. Киев., 1990 — 247 с.

2. Визель Т.Г. Аномалии речевого развития ребенка. М., 1995 — 88 с.

3. Зяблицева М.А. Моментальные приемы запоминания. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007 — 160 с.

4. Еникеев М.И. Основы юридической психологии. М.: Юристъ,1996 — 630с.

5. Ковшиков В.А., Пухов В.П. Психолингвистика, Теория речевой деятельности. М., 2007 — 318 с.

6. Маркова А.К. Психология усвоения языка. М.: Педагогика, 1974 — 240 с.

Н.А.Капустина (ИЯз РАН)

N.A. Kapustina

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Лингвометодические основы контроля в послевузовском курсе обучения иностранных учащихся русскому языку (как иностранному)

Linguistics and pedagogical principles of academic performance rating in the system of Russian as a Foreign Language

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проведением стартового контроля в системе послевузовской подготовки иностранных учащихся нефилологических специальностей по русскому языку как иностранному, анализируются возможности использования тестовых методов контроля.

The paper deals specifically with the first steps of academic performance rating in the system of extended education. It involves students of non-philological specialities who are mastering the Russian language in the system of studying *Russian as a Foreign Language*. The paper also discusses the possibilities of control by means of special methods of testing.

Ключевые слова

Русский язык как иностранный, тестовые методы контроля, иностранные аспиранты

Russian as a foreign language, tests as a method of academic performance rating, foreign post-graduates

Контроль, как известно, является важным компонентом системы обучения иностранному языку и в определенной степени влияет на результативность этого процесса. Именно поэтому вопросы эффективности различных форм и методов контроля на разных этапах обучения, в разных профильных аудиториях продолжают привлекать к себе внимание специалистов и преподавателей-практиков, в том числе и тех, кто работает по программам послевузовского профессионального обучения.

В данной статье будут рассмотрены вопросы, связанные с особенностями проведения стартового контроля в системе послевузовской подготовки иностранных учащихся нефилологических специальностей по русскому языку как иностранному (РКИ).

Необходимость обратиться к рассмотрению этого вопроса вызвана теми объективными трудностями, с которыми сталкиваются преподаватели РКИ, работающие с этой категорией учащихся. Развитие международного сотрудничества во всех областях научно-исследовательской деятельности, а также продолжающиеся процессы модернизации в российской высшей школе расширяют для граждан зарубежных стран возможности обучаться в России по программам послевузовского профессионального образования. При этом право на обучение в аспирантуре как образовательных, так и научных учреждений имеют иностранные учащиеся с различной базовой подготовкой по русскому языку. Среди них есть те, кто последовательно прошел полный, начиная с подготовительного факультета (теперь это центры довузовской подготовки), курс в российском вузе, и те, кто получил диплом магистра российского вуза, проучившись в нем только два года. В аспирантуру могут быть зачислены также выпускники зарубежных вузов, включая вузы стран СНГ, в случае успешного прохождения процедуры признания национального диплома о высшем образовании. Совершенно очевидно, что уровень владения русским языком у перечисленных категорий учащихся может быть разным в каждом из этих случаев, поскольку разной была базовая языковая подготовка: для одних русский язык был средством получения высшего образования, и

они изучали его на протяжении всего вузовского курса параллельно с изучением специальных профильных дисциплин; другие впервые приступили к изучению русского языка только в магистратуре российского вуза, и для них он стал одним из средств овладения научной специальностью. Особую группу составляют аспиранты из бывших национальных республик (Казахстан, Таджикистан и др.), где русский язык до недавнего времени являлся или является (например, в Республике Казахстан) обязательным учебным предметом в школах, колледжах и вузах. Но там сложилась своя, особая, методика его преподавания: русскому языку обучают «как второму». Таким образом, иностранных аспирантов, начинающих заниматься по программам послевузовского курса РКИ, характеризует не только разный уровень владения русским языком, но и разная структура языковых знаний.

Опыт проведения практических занятий по РКИ показывает, что в большинстве случаев поступающие в аспирантуру иностранцы не могут быть сразу зачислены в группы по подготовке к кандидатскому экзамену по этой дисциплине. Причина — в слабой языковой подготовке. На фоне общей лингвистической некорректности устной и письменной профессиональной научной речи отмечается не только большое количество так называемых системных ошибок, но также несформированность ведущих базовых речевых умений и навыков. В этом случае иностранным аспирантам необходима дополнительная предварительная подготовка, характер которой будет зависеть от их индивидуальных особенностей владения языком. Эта подготовка может проводиться на базе более гибких дифференцированных учебных планов и программ, учитывающих не только уровень и структуру языковых знаний, но и профиль научной специальности аспиранта. Послевузовский этап предусматривает разные формы обучения русскому языку: занятия в группе, индивидуальные аудиторные занятия с преподавателем, консультации, дистанционные формы компьютерного обучения и др.

Задача вступительного экзамена в аспирантуру по РКИ и заключается в том, чтобы установить исходный уровень владения языком и определить степень готовности

или неготовности учащегося заниматься на завершающем этапе, под которым будем понимать кандидатский семестр. Следует сказать, что ранее на кафедре не существовало единых требований к процедуре проведения вступительного экзамена по РКИ для аспирантов-иностранцев; зачисление в группы происходило обычно по результатам собеседования, поэтому вопрос проведения стартового контроля представляется заслуживающим внимания.

В лингводидактике контроль — это своего рода подсистема в рамках системы обучения в целом, которая имеет свой объект, методы и способна реализовать присущие ей функции. Кроме собственно контролирующей, методистами также выявлены диагностическая, прогностическая, корректировочная, обучающая, мотивирующая, оценочная и ряд других функций, которые лингводидактический контроль способен выполнять в ходе учебного процесса. Однако указанные функции могут быть реализованы лишь в том случае, если корректно определены объекты контроля и выбраны адекватные им формы проверки.

Существует четыре основных вида контроля: стартовый (или предварительный); текущий; промежуточный; итоговый. Каждый из них выполняет свои особые задачи в ходе учебного процесса, которые в целом можно охарактеризовать так: выявление результата — доказательство результата — оценка результата.

В теории обучения иностранным языкам контроль рассматривается в широком контексте управления учебным процессом на основе сличения предполагаемого результата обучения с фактическим. На основании этого сравнения принимаются решения о дальнейшей стратегии действий как обучающего, так и обучаемого. Объектом при этом является формирование самоконтроля речевой деятельности, самостоятельная ее коррекция, самооценка и самоуправление процессом овладения языковыми знаниями, умениями, навыками. Во взрослой аспирантской аудитории, которую, как правило, отличает высокий уровень мотивации, знание не одного иностранного языка, а также хорошо сформированное «умение учиться», управление предполагает максимальную индивидуализацию и дифференциацию учебного процесса: корректировку учебных

планов, программ, подбор соответствующих технологий обучения, учет личностных особенностей аспиранта, его индивидуального коммуникативно-когнитивного стиля освоения языка и др.

Русский язык для иностранного аспиранта — необходимый компонент его учебной и профессиональной деятельности. Качество и результат научно-исследовательской и учебной деятельности аспиранта напрямую зависят от того, насколько свободно он владеет русским языком. Только уверенное владение позволяет иностранному аспиранту освоить основную образовательную программу по выбранной им научной специальности, успешно сдать экзамены кандидатского минимума по дисциплинам, предусмотренным этой программой, написать и защитить квалификационную научную работу.

Лингводидактический контроль тесно связан с такими понятиями, как цели и содержание обучения. Цели обучения, методически преломляясь, интерпретируются в конкретные единицы содержания обучения: грамматический и лексический языковой материал, умения и навыки в различных видах речевой деятельности, включая знание правил и закономерностей построения разнообразных в жанровом отношении текстов, а также стратегий и тактик речевого поведения в соответствии с поставленными коммуникативными задачами. Все единицы содержания обучения выходят на контроль.

В современной теории преподавания РКИ цели обучения того или иного контингента учащихся определяются «как достижение заданного уровня коммуникативной компетенции» [3, 12], а весь процесс изучения языка рассматривается как последовательное достижение этих уровней. Целевой уровень владения языком раскрывается через понятие коммуникативной компетенции, которая, как известно, проявляется в способности учащегося средствами языка решать экстралингвистические задачи в актуальных для него ситуациях и сферах общения в соответствии с нормами и культурными традициями страны изучаемого языка. Таким образом, глобальные цели обучения формулируются с позиций реальной коммуникации, участником которой может стать учащийся. Владение коммуникативной компетенцией обеспечивается

формированием и развитием таких ее базовых составляющих, как языковая, речевая, предметная, дискурсивная, стратегическая и социокультурная. Тот или иной уровень владения определяется степенью формирования всех составляющих коммуникативной компетенции. В то же время соотношение этих компонентов может быть различным в зависимости от того, какие задачи преследовались в процессе обучения. Основой для выделения уровней владения РКИ послужило представление о языковой личности (Ю.Н. Караулов), рассматриваемой как многокомпонентная парадигма речевых личностей, которые формируются и дифференцируются с учетом конкретных мотивов, целевых установок при изучении языка, коммуникативных потребностей в рамках конкретных сфер и ситуаций общения [1].

Утвердившийся в методике уровневый подход к изучению и преподаванию РКИ закрепляется и регламентирующими документами,[1] в соответствии с которыми с 1 января 2010 года вводятся новые федеральные государственные требования по русскому языку как иностранному и устанавливаются следующие уровни владения РКИ [7]:

- Базовый уровень
- Первый уровень
- Второй уровень
- Третий уровень
- Четвертый уровень [7].

Объем и содержание коммуникативной компетенции на каждом уровне дается через описание тем, ситуаций и сфер общения, речевых намерений, которые может реализовать учащийся, через описание жанрового разнообразия текстов устной и письменной речи, которые учащийся способен воспринимать и продуцировать. Идентификация уровня включает также перечень речевых умений в каждом из видов речевой деятельности и языкового материала, которым может оперировать учащийся. Главным критерием достижения того или иного уровня является эффективность

[1] Приказ Министерства образования и науки РФ от 28 октября 2009 года №463 «Об утверждении федеральных государственных требований по русскому языку как иностранному»

вербального решения стоящих коммуникативных задач. От уровня к уровню расширяется круг тем и ситуаций общения, усложняется тип речевого поведения, используются более разнообразные языковые средства.

Уровневая концепция владения языком легла в основу разработки системы уровней общего владения РКИ, созданную в целях государственной сертификации знаний иностранных граждан по русскому языку. Важным компонентом этой системы стали уровни владения РКИ в сфере профессионального общения.

Лингвометодическое описание данных уровней в форме государственных образовательных стандартов (в новой редакции — требований) является основным регламентирующим документом для всех образовательных и научных учреждений, ведущих подготовку иностранных учащихся на разных этапах [10]. Принятые требования

- дифференцируют уровни владения языком в соответствии с формами и профилями обучения в системе высшего образования,
- унифицируют требования к уровню владения на каждом этапе обучения,
- определяют содержание обучения русскому языку для каждого этапа,
- определяют конкретные параметры, по которым устанавливается уровень коммуникативной компетенции во всех видах речевой деятельности,
- служат основой для создания программ, учебных пособий,
- являются лингвометодической основой для создания тестов и других проверочных материалов,
- унифицируют систему контроля и оценивания знаний на разных этапах обучения.

Таким образом, формулируя требования к уровню владения русским языком у поступающих на кандидатский семестр иностранных аспирантов, необходимо, с одной стороны, соотнести их с конечными целями и содержанием обучения на послевузовском этапе, а с другой, принимать во внимание программу и требования предыдущего этапа.

Традиционно в практике преподавания РКИ понятие уровня владения языком рассматривалось через призму этапа обучения, поэтому возникает закономерный вопрос о том, как принятая система уровней общего и профессионально ориентированного владения языком соотносится с требованиями, предусмотренными для разных этапов вузовского и послевузовского обучения (студенты-бакалавры — магистранты — аспиранты). И другой вопрос: в объеме какого уровня должна быть сформирована коммуникативная компетенция иностранного аспиранта (с нефилологическим профилем научной специальности), получающего допуск к кандидатскому экзамену по РКИ.

В одной из наиболее полных из предложенных методистами классификаций выделяется четыре основных этапа обучения РКИ в рамках высшей школы: начальный, средний, продвинутый и завершающий. Из приведенных в таблице данных видно, как соотносятся этапы обучения и уровни владения РКИ [7, 6].

Согласно требованиям, иностранные выпускники магистратуры российских вузов должны владеть русским языком в объеме второго уровня [7]. Что касается следующего, послевузовского, этапа, то для аспирантов нефилологических специальностей (в отличие от аспирантов-филологов) он никак не выделен. В предложенной системе трудно заметить преемственность этапов обучения РКИ внутри второго уровня, потому что послевузовский период, продолжительность которого ограничена, вероятно, не может быть соотнесен со следующим, третьим, уровнем владения. Следовательно, прогнозируемый для аспирантов нефилологических специальностей уровень владения РКИ ограничивается рамками второго уровня.

Уровни владения РКИ	Этапы обучения РКИ (нефилологический профиль)
Базовый уровень	Начальный этап
Первый уровень	Средний этап
Второй уровень	Продвинутый этап Завершающий этап
Третий уровень	

Четвертый уровень	

А между тем, послевузовский этап обучения иностранных учащихся нефилологических специальностей имеет свою специфику. При всей комплексности глобальных целей (коммуникативных, познавательных, общеобразовательных, воспитательных) содержание обучения на этом этапе носит преимущественно профессионально ориентированный характер. Цели обучения сближаются с задачами профессиональной подготовки аспиранта, становления его как высококвалифицированного специалиста, ученого. Главная задача послевузовского этапа обучения РКИ — развитие коммуникативной компетенции во всех видах речевой деятельности, но в рамках более широкой и сложной социально-культурной, общественно-политической и профессиональной тематики с включением нового языкового материала. При этом усложняются сами формы речевой деятельности, формируются и развиваются более сложные речевые умения, необходимые иностранным аспирантам, в первую очередь, в их профессиональной деятельности. Одной из важнейших целей является формирование и развитие навыков и умений в области письменной речи в рамках профессиональных потребностей аспиранта — построение самостоятельного коммуникативно-мотивированного высказывания на основе текста-источника. Не менее важным является дальнейшее развитие навыков всех видов чтения. Одной из задач данного этапа обучения является систематизация, обобщение и расширение языкового материала как базы для совершенствования речевых умений, а также как основы профессиональных знаний и умений иностранного аспиранта [5; 8, 4].

Языковая подготовка на послевузовском этапе тесно связана с научной специальностью аспиранта, с формированием его предметной и дискурсивной компетенции, поэтому особое внимание уделяется работе со специальным научным текстом. Специальный текст — это основа формирования профессиональной научной компетенции иностранного аспиранта, хорошее средство усиления мотивации учебной деятельности, а также базовый материал для овладения спецификой научного стиля в целом и особенностями его конкретного подъязыка [5]. Здесь нельзя не отметить один

трудноразрешимый в настоящее время, во всяком случае, в методическом плане, вопрос соотношения лексико-грамматических языковых явлений общенаучного характера и тех, которые характерны для подъязыка той или иной специальности. Эти различия, как доказывается во многих исследованиях, проявляются не только на уровне лексики и грамматики, но касаются также типов текстов, особых видов дискурсов, актуальных для различных подъязыков научного стиля. В силу объективных причин (отсутствие профильных учебников, разная научная специализация аспирантов одной группы, невозможность делить группу, а также сложившаяся практика) на групповых занятиях вместо узкоспециальных текстов используются специально подобранные оригинальные научные тексты, которые не содержат частных специфических проявлений того или иного подъязыка научного стиля и являются интересными и понятными всем в группе. Работа над специальным текстом ведется на индивидуальных занятиях с преподавателем, предусмотренных учебным планом кандидатского семестра.

Формирование коммуникативной компетенции в наиболее актуальной для аспирантов профессиональной сфере общения ведется на базе научного стиля речи, поэтому языковой компонент содержания обучения на данном этапе представлен преимущественно грамматикой научной речи в ее устной и письменной разновидности. Исходя из этого, представляется важным при формировании групп иностранных аспирантов, приступающих к занятиям по РКИ на послевузовском этапе, учитывать их знания в области базовых грамматических категорий.

В задачу стартового контроля входит проверка речевых коммуникативных умений во всех основных видах речевой деятельности применительно к разным сферам общения, причем одним из основных объектов контроля должна стать языковая компетенция. Все методисты выделяют ее как базовую в составе структурных составляющих коммуникативной компетенции и один из объективных показателей общего уровня владения языком.

К числу наиболее объективных способов выявления и оценки уровня владения иностранным языком, в том числе РКИ, относят тестирование. Эта форма проверки давно

используется в работе с иностранными учащимися, но как особый метод контроля тестирование получило широкое распространение с введением государственного сертифицирования уровней владения РКИ. Это кардинально изменило саму систему преподавания РКИ, которую все чаще стали называть «тестоориентированной». В широком смысле под тестированием понимается вся совокупность процедур и этапов разработки стандартизированного теста, а именно: планирование, составление, апробирование, обработка и интерпретация результатов предварительного теста, подготовка спецификаций и инструкций окончательного теста [2; 4]. В узком смысле тестирование есть форма контроля, в основе которой лежит лингводидактический тест.

Обычно в отечественной методической практике под тестом понимают только задания с выборочной (или закрытой) формой ответа, так называемые дискретные тесты (discrete-point tests), которые выполняются по технике множественного выбора (multiple-choice item); перекрестного выбора (matching); альтернативного выбора (true — false); упорядочения (rearrangement). Исходя из особой специфики выполнения таких заданий, многие считают предпочтительным использование дискретных тестов на этапе тренировки, закрепления учебного материала, а также последующей самопроверки степени его усвоения. (Хорошую возможность для этого обеспечивают ключи, которыми может быть снабжен тест.) Кроме того, высказываются вполне обоснованные сомнения относительно приемлемости этого типа заданий для определения уровня коммуникативной компетенции учащегося в таких видах речевой деятельности, как письменная и устная речь. Действительно, дискретные тесты предназначены для последовательной дифференцированной проверки отдельных компонентов владения языком (лексико-грамматических, фонетических, орфографических языковых навыков, а также рецептивных умений в области чтения и аудирования). Для контроля коммуникативных умений в письменной и устной речи существуют другие виды тестовых заданий — со свободно конструируемым ответом, или задания открытого типа (free response item). Создаваемые на их основе тесты (performance tests) отличаются от дискретных меньшей объективностью и надежностью результатов; их часто называют

субъективно оцениваемыми тестами в отличие от объективно оцениваемых — дискретных. Стандартизировать сложную процедуру тестового контроля устной и письменной речи и повысить объективность получаемых результатов удается за счет четкой формулировки задания, подробной инструкции к его выполнению, а также специально разрабатываемых таблиц экспертной оценки выполнения каждого задания. Эти таблицы включают в себя подробный перечень параметров (объектов контроля) на основании которых оценивается степень формирования проверяемого речевого коммуникативного умения. При разработке тестовой методики оценивания уровня коммуникативной компетенции исходят из идеи измеряемости параметров как репродуктивных, так и продуктивных умений письменной и устной речи. При этом разработчики тестов опираются на сложившиеся в лингводидактическом тестировании приемы оценки качественных характеристик создаваемых тестов, в первую очередь — его валидности, то есть пригодности для реализации заявленных целей. Процедура валидации — обязательный этап конструирования любого, не только стандартизированного теста, который применяется в целях сертификации, но и так называемого преподавательского, или локально-стандартизированного теста. Независимо от того, какие функции выполняет тест (диагностические, прогностические или контролирующие), он должен соответствовать определенным требованиям, которые связаны с выделением объекта тестирования, с отбором материала, выбором адекватной целям формы тестового задания, которая, с одной стороны, фиксирует степень владения материалом, а с другой, способна отразить его функциональную специфику.

Разнообразный формат выполнения тестовых заданий расширяет их функциональные возможности. Тесты становятся неотъемлемым компонентом системы преподавания РКИ: на их основе создаются специальные компьютерные контрольно-обучающие программы, тесты находят применение как одна из форм стартового, текущего и итогового контроля.

Так, например, на этапе формирования учебных групп иностранных аспирантов тестирование целесообразно использовать для выявления уровня языковой компетенции

учащегося с тем, чтобы определить его готовность (или неготовность) приступить к занятиям по программе кандидатского семестра. Целевая установка теста определяет требования к его содержательной стороне, номенклатуру объектов контроля и уровень трудности заданий.

Разрабатывая лингводидактическую концепцию теста, мы исходили из следующего:

- языковое содержание теста должно отражать наиболее характерные особенности (лексические, морфологические, синтаксические) научного стиля, актуального для профессионально ориентированной речевой деятельности аспиранта;

- стартовый контроль языковой компетенции аспирантов с разными научными специальностями (в рамках общегуманитарного, нефилологического профиля) может проводиться на базе единого распределительного теста, если при отборе его лексического наполнения учитывались такие параметры, как частотность, тематическая востребованность, коммуникативно-речевая активность в текстовых построениях и отсутствие узкой специальной терминологии;

- ориентиром отбора содержания теста послужили базовые логико-грамматические категории, а также типовые структуры, связанные с выражением актуальных научных смыслов;

- так как программа по РКИ для иностранных аспирантов кандидатского семестра предполагает систематизацию, углубление и расширение языковых знаний, в качестве объектов контроля должны быть выделены те элементы, которые являются базовыми по отношению к изучаемым на кандидатском семестре. Поскольку критерий базовости часто трактуется следующим образом: способность какого-либо элемента выступать в роли базового или влиять на эффективность овладения другими является основанием для более раннего изучения его в языковом курсе [1], то при отборе подлежащего контролю материала учитывались требования к содержанию языковой компетенции, зафиксированные в Программе по русскому языку [9].

Приведем в качестве примеров некоторые задания предварительного экспериментального теста, в которых проверяются:

- умение правильно употреблять предложно-падежные формы имен (приглагольное и приименное управление):

	Есть положения, которые не нуждаются _____.	(А) (Б) (В) (Г)	доказательствами с доказательствами в доказательствах доказательств
	Не следует ссылаться _____.	(А) (Б) (В) (Г)	к неопубликованным работам на неопубликованные работы неопубликованными работами неопубликованные работы
	В чем вы видите основное значение _____?	(А) (Б) (В) (Г)	в этой работе об этой работе этой работой этой работы

- умение ориентироваться в структуре простого предложения, в характере субъектно-предикатных отношений;

- умение выбрать видо-временную форму глагола, соответствующую предложенному минимальному контексту:

	Такие данные _____ специальный научный журнал.	(А) (Б) (В) (Г)	публикуют публикует публикуются публикуется
	Программу исследований успешно _____.	(А) (Б) (В) (Г)	выполнена выполнила выполнили выполненная
	Эти материалы ранее нигде _____.	(А) (Б) (В) (Г)	не опубликовали не публиковали не публикуют не опубликуют
	Эти неточности не следует _____ как недостаток работы.	(А) (Б) (В) (Г)	рассматриваться рассматривать рассмотреть быть рассмотрено

- умение употреблять определительные конструкции, причастия действительного и страдательного залогов:

	Проверить гипотезу помогают данные, _____ экспериментальным путем.	(А) (Б)	получающие получившие

		(В) (Г)	полученные получают
	Во второй главе_____ работы описываются основные этапы настоящего исследования	(А) (Б) (В) (Г)	реферируя реферируют реферирующей реферируемой
	Мы представляем результаты исследований, которые _____.	(А) (Б) (В) (Г)	проведенные с помощью этой методики проведенных с помощью этой методики проведены с помощью этой методики проведут с помощью этой методики

- умение различать значения лексических единиц и употреблять их в заданном контексте:

	Данные, которые_____ автор, не точны.	(А) (Б) (В) (Г)	провел проводит приходит приводит
	Ни одна страна _____ без иностранных рабочих.	(А) (Б) (В) (Г)	не расходится не сходится не обходится не приходится

- умение ориентироваться в структуре сложного предложения, правильно употреблять средства союзной связи:

	Исследователи иногда приходят к разным выводам, _____.	(А) (Б) (В) (Г)	хотя получают одинаковые результаты получая одинаковые результаты и получают одинаковые результаты так как получают одинаковые результаты
	Предварительные результаты оказались положительными, _____.	(А) (Б) (В) (Г)	поэтому эксперимент продолжат хотя эксперимент продолжат если эксперимент продолжат когда эксперимент продолжат

Как видно из приведенных фрагментов теста, в качестве формы проверки языковой (лексико-грамматической компетенции) выбраны разные модификации тестовых заданий с выборочным ответом, включая приводимый ниже тип задания на неполное соответствие:

	Данный метод является _____. Данный метод относится _____. Данный метод рассматривается _____.	(А) (Б) (В) (Г)	наиболее универсальный как наиболее универсальный наиболее универсальным к наиболее универсальным

Это позволяет: 1) охватить проверкой большой объем материала, 2) компактно его представить, 3) четко структурировать каждую контролируемую единицу благодаря

тщательно подобранным дистракторам (неправильным ответам, отвлекающим, в операционной части задания), 4) оперативно провести проверку результатов тестирования, 5) выявить зону ошибок.

Введение элементов стандартизированной тестовой проверки в процедуру стартового контроля по РКИ, возможно, позволит составить более полное представление об уровне языковой подготовки иностранных аспирантов.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб: Златоуст, 1999. 472 с.
2. Балыхина Т.М. Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного). Третье издание. М.: Русский язык. Курсы. 2006. 240 с.
3. Клобукова Л.П. Коммуникативная компетенция как объект тестирования.//Конструирование педагогических тестов по русскому языку как иностранному. Материалы конференции. ЦМО МГУ им. М.В.Ломоносова 15-16 апреля 2003. 116 с.
4. Коккота В.А. Лингводидактическое тестирование. М: Высшая школа. 1989. 123 с.
5. Лариохина Н.М. Обучение грамматике научной речи и виды упражнений. М.: Русский язык, 1989. 160 с.
6. Макаревич Т.В. Соотношение этапов обучения и уровней владения РКИ в высшей школе: состояние и перспективы. Русский язык за рубежом. 2010, №2 (219)
7. Приказ Министерства образования и науки РФ от 28 октября 2009 года №463 «Об утверждении федеральных государственных требований по русскому языку как иностранному»

8. Рабочий план по русскому языку для занятий с аспирантами-иностранцами в III и IV семестрах Составители: Крючкова М.Л., Пучкова Л.И.Отв. редактор Мощинская Н.В. М. 1995. 91 с.

9. Программа по русскому языку для студентов-иностранцев, обучающихся на нефилологических факультетах вузов. М., Русский язык, 1985. 48 с.

10. Стародуб В.В. Лингвометодические основы тестов по русскому языку как иностранному.//Конструирование педагогических тестов по русскому языку как иностранному. Материалы конференции. ЦМО МГУ им. М.В.Ломоносова 15-16 апреля 2003. 116 с.

Н.В. Мощинская (ИЯз РАН)

N.V. Moŝinskaâ

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Принципы отбора и презентации персоналий в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ)

Selecting and presenting personalia for the classes of Russian as a Foreign Language

Аннотация

В статье речь идет о методике проведения работы с персоналиями, занимающими определенное место в русском национально-культурном пространстве. Приведены типы заданий, формирующих лингвокультурологическую компетенцию у иностранных учащихся, изучающих русский язык.

The paper deals with the teacher’s work on the personalia, i.e. biographies of major comntributors to the Russian ethnocultural environment. The author suggests the types of

assignments suitable for shaping the linguistic and cultural competence of those who are studying Russian as a foreign language.

Ключевые слова

Национально-культурное пространство, культурно-исторические реалии, национальные ценности, персоналии, персоносфера, прецедентное имя, лингвокультурологическая компетенция.

National-cultural space, cultural-historical realia, national values, personalia, personosphere, a precedent name, language-cultural competence.

В современной лингводидактике утвердилась точка зрения о том, что эффективность изучения языка и овладения речью может быть достигнута только в контексте культуры. Процесс познания национально-культурной картины мира носителей русского языка тесно связан с культурно-историческими реалиями, среди которых большое место занимают персоналии.

В каждой культуре существует единое для всего языкового коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена национально-культурное пространство, включающее в себя персоналии, имена людей, обладающих определенной известностью.

При изучении персональных имен могут быть использованы различные термины — антропоним [6, 16], прецедентное имя [4, 5, 7, 9], лингвоэпистема [8] лингвокультурема *русская национальная личность* [3] и др. Названные термины относятся к разным научным парадигмам и связаны с различным объемом соответственных понятий. [14]

Г.Г. Хазагеров сферу персоналий, образов, литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей называет персоносферой, определяя ее как часть концептосферы. "И в этом смысле можно говорить не только о национальной персоносфере, но и о персоносфере отдельного человека, персоносфере социальной

группы, о транснациональной персоносфере, свойственной тому или иному культурному ареалу, и даже о персоносфере всего человечества". [17, 133]

Специально организованная персоносфера существует у государства, церкви, различных групп общества [2], представителей разных поколений [3].

Каждая из субкультур имеет свою персоносферу. Так, для молодежной субкультуры образцами являются представители шоу-бизнеса и спорта. Именно они занимают в списке "Имена России. Исторический выбор. 2011" высокие рейтинги. Так, в марте 2011 года первые места были отданы певцу Гачеву В.В. (Витасу), хоккеисту Черепанову А.А., актеру Абдулову В.З., актрисе Третьяковой Е.Н., певцу Баскову Н.В., певцу Хворостовскому Д.А., и т.д. [4].

При изменении социально-общественных отношений, переориентации моральных ценностей состав персоносферы переосмысливается и трансформируется: одни имена забываются, другие становятся более значимыми. Так происходило, например, с именами Сталина, Ленина, Николая II. Но, тем не менее, эти имена остаются знаками поколения, времени и культуры.

Об особой роли, которую играют в современной жизни исторические персоналии, говорит журналист Николай Сванидзе: «У нас политические партии и общественные группы разделяет не отношение к налогам или абортам, а к определенным историческим

---

[2] Так, например, в 2007 году в Российском государственном университете им. Канта в Калининграде была защищена диссертация, в которой описывалась персоносфера киберреальности и ее отражение в русском языке. // Русакова Елена Борисовна. Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Калининград. 2007.

[3] Социологи фонда «Общественное мнение» в результате своих исследований выделили среди современных жителей России 8 поколений с принципиально разными предпочтениями при выборе исторического деятеля в конкурсе «Имя Россия»: Сталинское поколение — до 1936 г.р., Хрущевское — 1936–1943 г.р., Гагаринское — 1944–1951 г.р., Брежневское — 1952–1959 г.р., Сусловское — 1960–1967 г.р. Горбачевское 1968–1974 г.р., Ельцинское — 1975–1982 г.р., Путинское — 1983–1990 («Восьмиглавая Россия», газета «Труд», № 135 за 24.07.2008).

[4] Сайт «Имена России» является в некоторой степени аналогом проекта «Имя России», который был запущен телеканалом «Россия». Он берет за основу идею проекта «Имя России» по выявлению исторических личностей, которые являются значимыми фигурами в истории России. Но в отличие от проекта «Имя России», где список «претендентов» был заранее определён организаторами, здесь предоставляется свобода выбора: можно указать любого человека, который является достойным представителем Российского государства. (Имена России. Исторический выбор 2011; http://nameofrussia.su).

периодам и персонажам. Например, к Сталину или Ивану Грозному. И именно на этом уровне идет обсуждение этических ценностей, являющихся базовыми для общества» [10].

Конкретные исторические персоналии тесно связаны с национальными ценностями. Они отражают национальную действительность, национальный характер и национальную ментальность народа. Через них можно познакомиться с нравственными эталонами народа, его культурными ценностями. Персоналии определяют шкалу ценностей и задают модели поведения.

Поскольку в основе каждой национальной культуры лежит своя персоносфера, то необходимо проводить работу в иностранной аудитории с персоналиями, которые вписаны в русскую действительность, занимают определенное место в национальной картине мира, отражают особенности национального характера. Проблема отбора и презентации персоналий имеет большое практическое значение.

Иностранный учащийся открывает страну изучаемого языка, менталитет русского народа через образ жизни конкретных людей. Именно эти личности помогают ему сориентироваться в сфере русской действительности.

Нами было проведено анкетирование среди иностранных аспирантов, обучающихся на кафедре иностранных языков ИЯз РАН, студентов и аспирантов Университета г. Лас-Пальмас (Испания), аспирантов Университета Пенсильвании (США), иностранных студентов и аспирантов МПГУ начального этапа обучения. При анкетировании предлагалось назвать имена известных людей России.

В результате анкетирования оказалось, что большинство иностранных учащихся имеют фрагментарный уровень информированности о значительных личностях российской истории и культуры. Иностранцам в большей или меньшей степени известны следующие имена (последовательность имен соответствует частоте называния): Путин, Сталин, Горбачев, Ленин, Гагарин, Жириновский, Петр Великий, Чехов, Иван Грозный, Медведев, Пушкин, Лев Толстой, Анастасия (Романова), Солженицын, Достоевский, Курникова, Ельцин, Ходорковский, Витас, Пугачева, Распутин, Нуриев, Брежнев. Анализ интериоризации показал, что инофонам обычно известно только имя и профессия.

Культурный контекст имени, место, которое занимает известная личность в национально-культурном пространстве, относится к лакунам фоновых знаний учащихся.

Иностранцы, начинающие изучать русский язык, имеют сложившуюся персоносферу, сформированную в условиях своей национальной культуры. В процессе обучения им предстоит приблизиться к пониманию, осмыслению и освоению образа жизни представителей «чужой» персоносферы, и в то же время придать качественно иной характер «своей» персоносфере. Благодаря приобщению к «чужой» персоносфере они учатся жить в среде носителей «чужого» языка, ориентироваться в сфере русской действительности. Многие явления русской жизни лучше воспринимаются и запоминаются именно через поведение представителей персоносферы. Знание о «других», информированность об их особенностях — социальных, политических, этнокультурных и психологических — помогают инокультурной адаптации.

Одна из проблем методики преподавания русского языка как иностранного заключается в том, чтобы определить и систематизировать корпус национальной персоносферы, выделить персоналии, которые следует включить в систему обучения.

Назовем некоторые подходы к отбору объектов персоносферы для учебных целей.

- В связи с отсутствием научно обоснованных критериев отбора корпуса персоносферы преподаватели РКИ и составители учебников и учебных пособий сами формируют персоносферу, принимая во внимание методические, профессиональные, возрастные, гендерные и другие факторы.

– Для учебных целей чрезвычайно важно определить минимальный, но необходимый фонд национально-культурных знаний России, куда должен войти каталог наиболее частотных персоналий российской истории и культуры как показателей той или иной исторической эпохи. Эти персоналии являются опорами для определения содержания лингвокультурологической компетенции учащегося.

– Особого рассмотрения заслуживает фрагмент корпуса персоносферы, который включает прецедентные имена[5], связанные с историческими и культурными событиями в России. Прецедентные имена имеют значение для русского национального самосознания, особенно ярко выражают базовые национальные ценности, оказывают влияние на представителей российского общества и могут оказать соответствующее влияние на иностранца, изучающего русский язык. С ними обычно идентифицируется типично русский человек. Прецедентные имена являются носителями фоновой семантики, средоточием «целого ряда синхронных ассоциаций, объективирующих живое сознание членов этнокультурно-языковой общности» [2, 44].

Обращение к именам, которые могут быть прецедентными, важно также потому, что они в этом качестве часто используются в средствах массовой коммуникации, чтобы через исторические параллели усилить влияние изложенной информации на читателя. Воздействие на инофона газетной статьи, в которой имя используется в метафорическом (коннотативном) значении, будет обеспечено только в том случае, если ему знакомы как имя в основном (денотативном) значении, так и ситуация, в которой появляется это имя.

Однако следует заметить, что довольно трудно только с позиций прецедентности рассматривать всех представителей персоносферы. Далеко не все имена, введение в процесс обучения которых диктуется методической необходимостью, общеизвестны для русскоязычной личности.

– Практика показывает, что при отборе персоналий для учащихся базового уровня должны преобладать персоналии, вызывающие определенный интерес у иностранцев и относящиеся к таким сферам, как история, политика, искусство, спорт.

– Очевидна необходимость учета профессиональной заинтересованности инофона. Для учащихся разных специальностей будут актуальны разные наборы употребительных имен. Для математика должны быть известны имена Лобачевского,

---

[5] Прецедентное имя — это имя собственное, связанное: 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная [4, 25].

Келдыша, Стеклова, для физика — Ландау, Капицы, Циолковского, Королева, для биолога — Тимирязева, Мичурина, Вавилова и т.д. Следует, однако, учитывать, что акцентуация только на профессиональной языковой социализации ограничит лингвокультурологические знания иностранного учащегося.

– В целях адекватного общения русскоязычных и иностранных учащихся, с нашей точки зрения, следует ввести в персоносферу конкретных представителей молодежной субкультуры. Презентация отобранных преподавателем имен будет способствовать вытеснению конъюнктурной номенклатуры, навязываемой современными средствами масс-медиа.

– Для определения значимости представителей персоносферы необходимо выявить особенности русского национального характера и ментальности в целом. Среди основных факторов, обусловивших своеобразие русского самосознания, следует назвать «преобладание моральных составляющих и прежде всего чувства ответственности и совести, а также особое понимание взаимоотношений личности и общества» [15, 192]. В.В. Воробьев, исследуя лингвокультурологическое поле «русская национальная личность», называет в числе ценностей, усвоенных «русским народом в процессе его исторического бытия», героизм, жертвенность, жизнь во имя будущего, духовность, власть, склонность к роли «первопроходцев и благодетелей» [3, 163]. Опора на имена представителей персоносферы конкретизируют эти представления, переводят их из разряда абстрактных понятий в область культурно-исторических реалий.

Указанные подходы были использованы при составлении следующих учебных пособий: «Русский язык в зеркале культуры» [11], «Культура сквозь века» [12], "Вехи русской культуры" [13].

Авторы пособий исходили из того, что необходимыми условиями освоения национально-культурного пространства является создание лингвокультурологических текстов как методической основы для целенаправленного и систематического развития языковой личности иностранного учащегося.

В учебных текстах, представленных как на русском, так и на английском языках, а также в именном словаре-справочнике многие культурно-исторические события раскрываются через систему конкретных имен, которые выступают как средства объединения и организации текста. Функционируя в одном или нескольких текстах, переплетаясь с другими именами в культурно-историческом пространстве, они образуют персоносферу, через которую иностранные студенты постигают мир русского человека. Персоналии, фигурирующие в пособиях, являются базовыми, они необходимы для понимания и освоения иностранными учащимися русской картины мира. Расширенная информация о представителях «чужой» культуры, воплощенная в учебных материалах, становится основой для осознания многих явлений современной реальности.

Все персоналии вписаны в определенный социокультурный контекст, поэтому в пособии информация о них не ограничивается энциклопедическими сведениями. В текстах внимание акцентируется на той роли, которую конкретные личности играли в развитии национальной истории и культуры.

С позиции методической целесообразности в учебные материалы пособий включены персоналии, входящие в русское национально-культурное пространство: Андрей Рублев («Первоисточники русских исканий»), Петр и Феврония («Покровители семьи и брака»), Сергий Радонежский («Святая Русь»), Иван Грозный («Иван Грозный и его библиотека»), Петр I («Революция сверху»), Екатерина II («Золотой век» женского царствования»), А.Н. Радищев («Построить мир по законам разума»), М.В. Ломоносов, Е.Р.Дашкова («Академия наук и ее академики»), Н.П. Шереметьев, П.И. Жемчугова («Шереметьев и его театр»), Александр и Маргарита Тучковы («Мир мужчины и мир женщины»), К.П. Брюллов («Великий Карл»), А.И. Герцен, Н.П. Огарев («Русский социализм»), А.С. Пушкин («Поэт в России больше, чем поэт»), П.И. Чайковский («Чувствовать во всем музыку»), Н.Г. Чернышевский («Человек, рассказавший, что надо делать»), В.И. Суриков («Картины — размышления»), В.С. Соловьев («Поиски новых путей в мировоззрении»), С.В. Ковалевская («Эмансипация — это свобода от чего?»), П.Л. Капица («В точных науках объясняются, в отличие от любви, не словами, а

формулами»), Н.И. Вавилов («Мягкий человек с твердым характером»), А.И. Солженицын («Жить по правде»), В.Т. Спиваков («Виртуозы Москвы»), А.Б. Пугачева («Женщина, которая поет») и др. Многие из названных персоналий являются релевантными символами своих эпох.

Учебные материалы формируются по хронологическим разделам: Древняя и Средневековая Русь, XVIII в., XIX в., Серебряный век, XX в. В конце каждого раздела полученная информация обобщается, называются имена людей, получивших известность в определенные периоды развития России, и то, что ими было сделано.

С точки зрения Хазагерова Г.Г., объекты персоносферы дают возможность сопереживать, подражать им, в частности, копировать речевое поведение, а также дают "возможность помещения себя в мир персоносферы, моделирования своего поведения в этом мире" .[17, 134].

Формируя у учащихся персоносферу, преподаватель РКИ провоцирует поступки иностранцев в ситуации русской жизни в соответствии с определенным типом поведения конкретных личностей.

Персоналии, выбранные для пособий, демонстрируют определенные модели жизни в разные исторические периоды. Так, иностранец в процессе обучения узнает, что делают русские, когда нападают враги (Александр Невский, Козьма Минин и Дмитрий Пожарский, Михаил Кутузов), как поступают, когда влюбляются (Николай Шереметьев), когда хотят быть рядом с любимыми (князья Муромские Петр и Феврония, Маргарита и Александр Тучковы), когда хотят помочь друзьям (Александр Герцен и Николай Огарев), когда защищают свои взгляды (Николай Вавилов, Александр Солженицын), когда противостоят власти (декабристы, Александр Радищев, Андрей Сахаров) и др. Через персоносферу иностранный учащийся понимает, что для русских обозначают путь веры (Сергий Радонежский), служение науке (Дмитрий Менделеев, Михаил Ломоносов), судьба художника (Павел Федотов), женская доля (Параша Жемчугова), путь народного заступника (Николай Чернышевский).

Через конкретную личность иностранные учащиеся лучше воспринимают такие концепты, как власть (Сталин), патриотизм (Иван Сусанин), деспотизм (Иван Грозный), интеллигентность (Лихачев), перестройка (Горбачев).

Некоторые представители персоносферы могут обобщаться в лингвокультурные типажи[6] «героя», «бунтаря», «интеллигента», «мученика», «праведника» и др. Они «проявились в русской истории и отразились в русской культуре» и «способны сказать если не все, то многое о русском национальном характере и о судьбах России». [1, 230] В дальнейшем иностранцы-филологи проводят работу по описанию литературных типажей. В контексте диалога культур оправданным будет вопрос, который обсуждается на заключительном занятии с иностранными учащимися: «Кто из лингвокультурных типажей сопоставим с персоналиями в вашей культуре?»

В текстах имена конкретных исторических личностей функционируют в поле слов и словосочетаний, характеризующих время, в которое они жили, их деятельность и результаты ее. Имена собственные, а также сопутствующие им слова и словосочетания являются опорными и требуют целого ряда заданий, направленных на понимание и закрепление информации.

Одним из таких заданий является составление смысловой цепочки текста. Так, после чтения текста «Шереметьев и театр» предлагается такая цепочка: *Аэропорт «Шереметьево» — Николай Петрович Шереметьев — богатая и знатная семья — увлечение театром — Останкино — театр-дворец — крепостные артисты, музыканты, художники — любовь к крепостной актрисе — тайная женитьба — Староприимный дом.* Такая ассоциативная цепочка может лечь в основу рассказа о Шереметьеве.

---

[6] Лингвокультурный тип является узнаваемым образом представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества. / Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. научных трудов. Волгоград: Парадигма, 2005. С.8

Этой же цели может служить составление учащимися коллажа, в центре которого записывается имя конкретной исторической личности, вокруг имени вписываются слова, словосочетания, а также помещаются иллюстрации, репрезентирующие имя.

Активизации познавательной деятельности иностранных учащихся способствует модификация формы изучаемого материала. Примером может служить следующее задание: трансформировать текст «Михаил Иванович Глинка — родоначальник русской классической музыки» в схему; составить мини-текст, используя указанные конструкции.

	создал (*что?*)	(русская музыкальная драма)
		(опера-сказка "Руслан и Людмила")
Михаил Иванович Глинка	заложил основы (*чего?*)	(русский симфонизм)
		(русский романс)

В связи с тем, что имена собственные выступают как средства объединения и организации текста, закреплению основной информации о личности, представленной в тексте, может служить задание на продуцирование текста с опорой на выделенные предложения.

На Воробьевых горах Герцен и Огарев поклялись бороться с самодержавием.

Герцен, как и Огарев, был арестован и через 10 месяцев тюрьмы приговорен к ссылке.

Ими была разработана теория "русского социализма".

Они считали, что отставание России от западных цивилизаций имеет положительную сторону.

По их мнению, переход к социализму возможен, потому что в России существуют «общины, то есть владение сообща землею».

Герцен занимался «наиболее практически революционным делом».

Им была создана Вольная русская типография, издавался альманах «Полярная звезда», газета «Колокол».

Огарев писал стихи. Герценом написаны произведения «Кто виноват?», «Былое и думы». (Текст «Русский социализм» Герцена и Огарева).

В некоторых текстах отражается деятельность не одного исторического лица, а нескольких. Через конкретных деятелей создается синтезированная характеристика отдельных периодов историко-культурного процесса. Так, после работы над текстами о передвижниках учащимся предлагается скорректировать правую и левую колонки таблицы и на основе материалов таблицы рассказать в обобщенной форме о движении передвижников.

1.Крамской И.Н. 2. Суриков В.И. 3. Шишкин И.И. 4. Саврасов А.К. 5. Репин И.Е.	а. Лирическое изображение русского пейзажа (*«Грачи прилетели»*). б. Создание нового идеала личности в портретах Достоевского Ф.М., Толстого Л.Н., Некрасова Н.А. в. Изображение переломных моментов истории («*Утро стрелецкой казни»*). г. Критическое изображение действительности (*«Бурлаки на Волге»*). д. Реалистичность и точность изображения пейзажа («*Утро в сосновом лесу»*).

Поскольку персоналии и их поведение соотнесены, некоторые задания направлены на объяснение особенностей проявления национальной специфики в социокультурном поведении. *(1. Исходя из материалов текстов о декабристах, предположите, почему жены декабристов отправились в Сибирь. 2. Прочитайте текст «Дворяне и дворянская честь» и выскажите свое предположение о том, почему Пушкин дрался на дуэли)*.

Особого внимания заслуживает работа с прецедентными именами. В национально-культурном пространстве России существует большая группа прецедентных имен персоналий, оказавших влияние на развитие русской истории и культуры. Чтобы

иностранные учащиеся понимали особенности их функционирования, необходимо иметь представление об исходной ситуации появления имени, о культурном контексте его существования, о возможных типах его языковой трансформации.

В первую очередь, необходимо, чтобы иностранные учащиеся понимали денотативное значение. Этой цели служат учебные тексты, представленные в пособиях. На следующем этапе обучения им предоставляются тексты, в которых прецедентное имя используется в метафорическом значении. Так, после текста об Иване Сусанине иностранным учащимся предлагаются материалы, которые знакомят их с тем, как имя этого персоналия превратилось в имя-символ и употребляется в ситуации, «когда проводник, вольно или невольно, ведет кого-либо неверным путем». [9, 93]

При работе над страноведческими текстами целесообразно обращать внимание на прецедентные высказывания.

Киевский князь Святослав	«Иду на вы!»
Александр Невский	«Кто к нам с мечом придет, тот от меча погибнет»
Александр Васильевич Суворов	«Сам погибай, а товарища выручай!»
Столыпин Петр Аркадьевич	«Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»
Екатерина II	«Победителей не судят!»
Александр III	«У России только два союзника — армия и флот»

Основой обучения РКИ в контексте диалога культур должно быть не только запоминание инофоном данной в учебных материалах информации, но и сопоставление персоналий «своей» и «чужой» культур. Одной из форм реализации сопоставления является заполнение таблицы, в которой даны в хронологической последовательности имена и деяния русской персоносферы. Иностранному учащемуся необходимо вспомнить и записать в соответствующей графе персоналии своей национальной персоносферы, которые жили в указанное время, сформулировать их значение в национальной культуре.

Такая работа мотивирует и стимулирует иностранного учащегося, ибо служит самоидентификации, глубже и основательней становятся знания его собственной национальной культуры.

Важным элементом работы с персоналиями является использование средств зрительной наглядности: произведений русской живописи, фотографий, слайдов, видеосюжетов. Данная форма представления персоналий создает положительный эмоциональный фон, акцентирует внимание, служит опорой для организации речевого высказывания. (***1***. *Посмотрите на фотографии памятников Петру I, поставленные в разных городах. Какие особенности личности Петра отражены в скульптурах?2. Обратите внимание, как на картине В.А. Серова Петр I быстро и решительно идёт навстречу ветру. Чем, по вашему мнению, он отличается от других членов группы? Как вы думаете, почему картина имеет ещё одно название — «Свежий ветер». Посмотрите в словаре значение прилагательного «свежий». Выберите то, которое употребляется в данном контексте)*.

В результате работы с персоналиями происходит эффективное формирование лингвокультурологической компетенции у иностранных учащихся.

Литература

1. Багно В.Е. Русское донкихотство как феномен культуры. // Вожди умов и моды. СПб.: 2003

2. Верещагин Е.М. Топонимическое лингвострановедение. II Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры». М.:1991. Вып.1.

3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М., 2008.

4. Гудков Д.Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 . Доклады и сообщения российских ученых. М., 1999

5. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

6. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М., 2005.

7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 4-е изд., стереотип. М., 2004.

8. Костомаров В.Г., Бурвикова, Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. М., 1996.

9. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002.

10. Лемуткина М.В. "Клио уходит с панели? В следующей пятилетке Россия обретет взвешенную историю"// МК, 28.2.2011

11. Мощинская Н.В. Русский язык в зеркале культуры. М., 2000.

12. Мощинская Н.В. Культура сквозь века. Пособие для иностранцев, изучающих русский язык. М.: МПГУ, 2009

13. Мощинская Н.В., Разинкина Н.М. Вехи русской культуры. Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. Руконт. Национальный цифровой ресурс. www.rucont.ru

14. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в президентском дискурсе // Политическая лингвистика. № 2, 2007,

15. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты //Энциклопедический словарь. М.: Республика, 2001

16. Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропология. Курс лекций по межкультурной коммуникации. М. 2006

17. Хазагеров Г.Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. №1. http://nameofrussia.su

О.В. Наумова (ИЯз РАН)

O.V. Naumova

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Культурологический аспект как основа формирования иноязычной культуры в процессе обучения английскому языку

The application of cultural studies in the process of teaching English

Аннотация

В педагогике неуклонно растет внимание к культурологическим проблемам образования. Предмет «иностранный язык» не только знакомит с культурой страны изучаемого языка, но путем сравнения оттеняет особенности своей национальной культуры, знакомит с общечеловеческими ценностями, т.е. содействует воспитанию учащихся в контексте «диалога культур».

Привлечение культуроведческих компонентов при обучении иностранному языку абсолютно необходимо для достижения основной практической цели — формирование способности к общению на изучаемом языке. Таким образом, обучение общению на иностранном языке в подлинном смысле этого слова подразумевает овладение социокультурными знаниями и умениям. Культурологический подход должен выполнять пять функций: развивающую, учебную, воспитательную, познавательную и профессиональную.

Обучение иностранному языку в рамках культурологического подхода можно определить как совместную деятельность преподавателя и учащихся, когда первый передает знания, умения и навыки обучаемым (обучение), а вторые усваивают эти знания, умения и навыки (учение); как социальный процесс, обусловленный потребностями развития общества, процесс присвоения общественного, социально-экономического опыта.

In pedagogics, scholars are increasingly paying attention to the problems of education from the point of view of cultural studies. Not only does language education acquaint students with the native speakers and their country's culture, but—by means of comparative and contrastive studies—it emphasizes certain features of the students' ethnic culture and introduces universal values to them, thus assisting in their upbringing within the dialogue of cultures.

Involvement of cultural research components in teaching a foreign language is imperative for achieving the basic practical purpose — formation of the ability to speak a foreign language and communicate. Thus, to speak a foreign language in the true sense of the word means to master the sociocultural background and abilities. The approach based on cultural research should implement the following set of 4 functions: the developing one, the educational one, the informative one, and the professional one.

This technique of language education can be defined as a teacher-student cooperative activity, or as a social process caused by requirements of development of society, as the acquisition of public, social and economic experience.

Ключевые слова

Иностранные языки, английский язык, культурология, преподаватель, учащийся, культурологический подход, компетенция, знания, умения, деятельность

Foreign languages, the English language, study of culture (culturology), teacher, student, culturological approach, competence, knowledge, skills, activity

В педагогике неуклонно растет внимание к культурологическим проблемам образования. Это стало результатом различных традиций системного рассмотрения взаимодействия культуры и образования для разных стран. В современной теории и практике образования прослеживается тенденция не только поисков новых подходов к его организации, но и иного, адекватного современной культуре и науке понимания его культурных особенностей и механизмов.

В практике преподавания иностранного языка в России и за рубежом в последние годы все чаще находят воплощение идеи, суть которых состоит в соизучении

иностранного языка и культуры, развитии у обучаемых способности ориентироваться в культуре страны-носителя языка, снятии стереотипов и воспитании личности, готовой к межкультурной коммуникации. Иностранный язык, как феномен общественной культуры, обладает большими возможностями для заимствования ценностей других культур. Изучение иностранного языка — это первая, но очень существенная ступень в формировании лингвистически интересной личности. Предмет «иностранный язык» не только знакомит с культурой страны изучаемого языка, но путем сравнения оттеняет особенности своей национальной культуры, знакомит с общечеловеческими ценностями, т.е. содействует воспитанию учащихся в контексте «диалога культур». «Владение иностранными языками со всей определенностью можно квалифицировать как компонент общей культуры личности, с помощью которого она (личность) приобщается к мировой культуре» [8]. Привлечение культуроведческих компонентов при обучении иностранному языку абсолютно необходимо для достижения основной практической цели — формирование способности к общению на изучаемом языке.

Современные отношения в научном сообществе характеризуются широким международным сотрудничеством и активным информационным обменом. Сегодня особую значимость приобретает иноязычная подготовка кадров высшей квалификации в системе аспирантуры, целью которой становится формирование у обучаемых способности функционировать в качестве субъектов международного образовательного пространства, осуществляя активную межкультурную коммуникацию в рамках своей профессиональной и научной деятельности.

Таким образом, обучение общению на иностранном языке в подлинном смысле этого слова подразумевает овладение социокультурными знаниями и умениям. Из этого следует, что культуроведческая направленность обучения иностранным языкам обеспечивает реализацию не только общеобразовательных и воспитательных целей, но также и практических.

До 60-х гг. XX в. культура в рамках обучения иностранным языкам выступала как самостоятельный элемент, сопряженный со страноведческими знаниями о стране

изучаемого языка. Десятилетием позже понятие «культура» входит в содержание обучения иностранным языкам, однако область применения социокультурных аспектов ограничивается прагматическими целями — развитие умений социального поведения в ситуациях повседневного общения.

В 90-е гг. происходит осознание необходимости актуализации личности учащегося на основе познания им чужой для него действительности и восприятия иной культуры. Появляются такие понятия как «социокультурный подход», «интегрированное страноведение», «лингвострановедческий подход».

Сегодня культура понимается как обобщенное цивилизованное пространство, т.е. как продукт человеческой мысли и деятельности. Поэтому к культуре относятся опыт и нормы, определяющие и регламентирующие человеческую жизнь, отношения людей к новому и иному. Следовательно, в учебном процессе по иностранному языку, имеющем ярко выраженную межкультурную доминанту, должен отражаться наряду с фактологическим и страноведческим аспектами также и ценностный. Таким образом, межкультурная составляющая диктует необходимость поиска новых психолого-педагогических и методологических решений, направленных на формирование межкультурной коммуникативной культуры учащегося и “расширение” рамок учебного процесса за счет “выхода” учащегося в реальный межкультурный контекст общения.

Культурологический подход к образованию получил развитие в трудах Уайта Л., Сепира Э., в нашей стране данной проблемой занимались Трубецкой Н.С., Сидоренко В.Ф., Запесоцкий А.С.; культурологический подход в обучении иностранным языкам освещали Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Блумфилд Л., Маслова В.А., Сафонова В.В., Суворова М.А., Елизарова Г.В., Шаклеин В.М., Хроленко А.Т., Фурманова В.П., Телия В.Н. При культурологическом подходе к образованию важны не только фундаментальные и прикладные знания и умения по предмету, но и принципы, соответствующие профессиональной культуре, — критерии социальной приемлемости форм осуществления данной деятельности (по их социальной цене и последствиям), этика отношения к труду и профессиональному взаимодействию, реалистичные

статусные притязания, традиции, атрибутика престижности и иные ролевые признаки специалиста в этой области, т.е. полноценное интегрирование не только в производство, но и в социально-функциональную страту (профессиональную культурную общность) производителей.

Концепции зарубежных исследователей Макки У.Ф., Кумласта Ф.Н., Шеннона М., Тайля К.А., Онка Г. и работы отечественных ученых Сафоновой В.В., Пассова Е.И., Леонтьева А.А., Верещагина Е.М., Костомарова В.Г. доказывают, что язык является не только средством общения, но и средством приобщения учащегося к культурным ценностям других народов, средством достижения знания и понимания культур [25]. Культурная коммуникация неразрывно связана с культурологической компетенцией, смысл которой заключается в творческом усвоении и осмыслении всего ценного как в культуре собственного народа, так и в других культурах.

Анализ научной литературы по исследуемой проблеме, изучение уровня сформированности культурологической компетенции учащихся показал, что высоким уровнем культурологической компетенции владеет только незначительная часть учащихся. Следовательно, необходима организация специальной работы по формированию культурологической компетенции в процессе обучения, а конкретно в процессе изучения иностранного языка. Актуальность формирования культурологической компетенции в рамках обучения иностранному языку растет с каждым днем. В самом определении “компетенция” заложена двойственность данного понятия, с одной стороны, как “правомочность” субъекта, а с другой — как его осведомленность в определенном круге вопросов. Для нас компетенция важна не только с точки зрения количества и качества знаний и умений человека в какой-либо области, но и способности индивида эффективно, автономно и творчески делать что-либо, адекватно реагировать на возникновение в процессе деятельности различных неординарных ситуаций.

Понятие “компетенция” рассматривается нами как:

1) выражение значения триады “знания, умения, навыки” и связующее звено между ее компонентами;

2) обладание критическим мышлением;

3) способность к актуальному выполнению деятельности;

4) обладание вариативным методом (знание + умение). Формулу компетенции можно представить в виде схемы [27].

Схема 1. Формула компетенции.

Другая составляющая понятия “культурологическая компетенция” — культурологическая. Культурология — это новая, развивающаяся наука о наиболее общих законах развития культуры как системы со сложной внутренней структурой, находящейся в постоянном развитии и взаимосвязи с другими системами и обществом в целом [22]. Под термином “культурологическая компетенция” понимается комплекс экстралингвистических знаний, умений и навыков и приемов адекватного поведении в области иноязычной культуры или иными словами способность осуществлять межкультурную коммуникацию, базирующуюся на знаниях лексических единиц с национально-культурным компонентом семантики и умения адекватного их применения в ситуациях межкультурного общения, а также умения использовать фоновые знания для достижения взаимопонимания в ситуациях опосредованного и непосредственного межкультурного общения.

На основании синтеза имеющихся в научной литературе идей и данных собственного исследования мы пришли к выводу о том, что под “культурологической компетенцией” следует понимать сформированное качество личности, позволяющее субъекту: а) ощущать себя объектом культурно-исторического процесса; б) быть широко образованным, иметь познания в разнообразных областях науки и искусства; в) понимать закономерности развития

культуры как процесса по созданию, сохранению и трансляции общечеловеческих ценностей; г) общаться в современном мире, оперируя реалиями, обычаями, образами не только своего народа, но и других народов Земли.

На основе наших изысканий структуру культурологической компетенции можно представить в следующем виде:

Схема 2. Структура культурологической компетенции.

На основании анализа имеющихся в научной литературе идей и данных нами были обозначены некоторые специфические аспекты определения культурологической компетенции:

а) объектом изучения гуманитарной науки, каковым является иностранный язык, выступают не природные явления, а культурные, связанные с человеком и обществом;

б) знания, связанные с иностранным языком, имеют рефлексивную природу,

в) как гуманитарная дисциплина, предмет “иностранные языки” характеризуется активностью объекта изучения в отношении познающего субъекта [2].

Рассмотренное нами понятие культурологической компетенции предполагает следующие важнейшие характеристики: а) это всегда субъект-субъектное взаимодействие, б) в нем имеет место решение продуктивных задач (постижение новых

смыслов и значении), в) предполагается глубинный, интимно-личностный уровень отношений.

Отмеченные характеристики можно рассматривать как структурные элементы культурологической компетенции, которые тесно переплетены между собой. Но все же их ведущей составляющей выступает субъект-субъектное взаимодействие в процессе деятельности.

Обобщая различные подходы и содержательные характеристики формирования культурологической компетенции учащихся, необходимо отметить, что компетенция — это восприятие другого как самого себя, межличностный диалог на “высшем уровне”, нравственное общение свободных личностей, построенное на человеческом отношении; “подлинное, живое общение”, в котором проявляются личные переживания учащихся, “здоровое общение”; компетенция выступает как мера реализации потенции человека, основа для формирования общей культуры личности в конкретных видах учебной деятельности [13].

Реализация культурологического подхода дает возможность переосмыслить специфику преподавания иностранного языка. Центральными проблемами методик преподавания иностранного языка являются вопросы определения целей, а также содержания обучения, адекватного им, при разработке которых наиболее эффективными представляются идеи обучения не просто языку, а иноязычной культуре в широком смысле этого слова. Система преподавания иностранного языка в рамках культурологического подхода включает в себя единство: 1) целей, содержания, методов, средств, процесса обучения деятельности и взаимодействия преподавателя и студентов; 2) автономных форм деятельности обучаемых (учения); 3) контроля обучения; 4) социокультурного фона, среды обучения, обусловленных социальным заказом общества на подготовку специалистов.

Обучение иностранному языку нельзя отделять от специальности учащихся, что важно при формулировке целей подготовки по иностранному языку, таким образом, цели подготовки по иностранному языку должны быть соотнесены с целями подготовки

данной кафедрой специалистов на базе требований к их профессиональной деятельности. Можно конкретизировать следующие компоненты преподавания иностранного языка при обучении учащихся: 1) ситуации общения, отражающие повседневные бытовые потребности; 2) ситуации контактного общения личностного характера; 3) ситуации общественно-политического характера; 4) ситуации профессионального общения.

Культурологический подход предусматривает, что преподавание иностранного языка обучаемым должно отвечать принципам взаимодополнительности, взаимосвязи компонентов учебной деятельности на основе соединения обучения профессиональному языку с индивидуальными потребностями и ценностными ориентациями обучаемых.

Процесс обучения иностранному языку состоит из двух компонентов: 1) приобретения знаний; 2) развития умений и навыков (знания формируются в результате предметных действий, которые после усвоения становятся умениями, а по мере их автоматизации — навыками). Приобретение знаний является центральной частью процесса обучения. В него включаются восприятие, осмысление, запоминание и овладение учебным материалом, что дает возможность обучаемым свободно пользоваться иноязычной лексикой. Второй компонент обучения иностранному языку в русле культурологического подхода связан с формированием умений и навыков. К ним традиционно принято относить речевые умения (умение говорить, аудировать, читать и понимать и т. п.), навыки употребления лексики, грамматики или произносительные навыки, входящие как элементы в состав речевых умений. Данные умения позволяют формировать языковое чутье; устойчивую мотивацию постоянной работы с иностранным языком; использовать иностранный язык для получения определенной информации (чтение журналов, газет, толковых словарей, и тому подобное), что делает данный язык незаменимым в познавательной деятельности обучаемого, вместе с тем сам иностранный язык усиливает общую познавательную деятельность обучаемых, а следовательно, повышается и мотивация изучения языка.

Реализация культурологического подхода в процессе преподавания иностранных языков, как показывает теоретический анализ, создает условие, которое направлено,

прежде всего, на широкую общекультурную подготовку через углубление изучения в контексте конкретной области знания, соответствующей профессионализации. Культурологический подход должен выполнять пять функций: развивающую, учебную, воспитательную, познавательную и профессиональную.

Развивающая функция. Сущность ее заключается в том, что иноязычная культура направлена на развитие тех социально и профессионально значимых свойств личности учащегося, которые играют наиболее важную роль для процессов познания, а именно:

– психических функций, связанных с речевой деятельностью (речевое мышление, внимание, память во всех ее видах, воображение, восприятие и др.);

– речевых способностей (фонематический слух, чувство языка, способность к догадке, различению, имитации, к логическому изложению и др.);

– таких черт характера, как трудолюбие, целеустремленность, воля, активность;

– умения учиться.

Учебная функция. Культурологический подход подразумевает владение всеми речевыми функциями и различными формами общения для того, чтобы овладение профессиональной иноязычной культурой было средством обогащения духовного мира обучаемого, межличностной и межкультурной коммуникации, отстаивания своих убеждений, пропаганды межкультурного партнерства и социального прогресса, отечественной культуры и т.д. Каждый вид речевой деятельности имеет свои конкретные цели: говорение, аудирование, двусторонний перевод (с родного на иностранный язык и наоборот), чтение, письмо.

Воспитательная функция заключается в том, что иноязычная культура является средством нравственного воспитания. Для реализации нравственного воспитания в профессиональной иноязычной коммуникации есть следующие возможности:

– содержательные (наличие разнообразных проблем);

– организационные (обсуждение этих проблем и трактовка).

Познавательная функция. Освоение иноязычной культуры ставит цель понимания этой культуры, а не овладения всем ее содержанием, поскольку всю культуру страны

изучаемого языка в полном объеме даже в процессе изучения иностранного языка усвоить невозможно. Необходимо помнить, что каждый народ имеет свой менталитет, разительно отличающийся от другого. Понимание менталитета возможно лишь через овладение культурой. Усвоение разрозненных фактов культуры не обязательно приведет к “вхождению” в чужой менталитет, так как менталитет системен по своей природе. Специалист, вступающий в межкультурную профессиональную коммуникацию, должен осознавать, что взаимопонимание в межкультурном диалоге достигается при знакомстве его участников с иноязычной культурой, уважении и признании ее самоценности. Овладение культурой — это постижение системы ценностей народа.

Профессиональная функция. Сущность ее заключается в том, что иноязычная культура определяет профессиональную специфику, присущую тому или иному народу. Пребывание в чужой стране может вызвать различные чувства. Человек, попавший за рубеж, может восхищаться другой реальностью: магазинами, домами, продуктами, стилем одежды. Однако приехавший в иноязычную страну специалист, начав работать, испытывает влияние иноязычной культуры на свою жизнь. Незнание профессионального этикета и иноязычной культуры может привести к культурному шоку, который проявляется в избегании контактов с представителями иноязычной культуры, усталости, нервозности, беспокойства. Уверенность в общении на иностранном языке можно приобрести только в процессе практики.

Исходя из выше изложенного, можно утверждать, что иноязычная культура — это сложное и многостороннее понятие, вряд ли она может быть изучена обучающимися в полной мере. Поэтому мы считаем, что для языковой подготовки будущих специалистов нужны принципы отбора элементов культуры страны изучаемого языка, необходимые и достаточные для вхождения в иноязычную культуру, и позволяющие управлять этим процессом.

Современные условия жизни требуют от изучения иностранного языка, прежде всего функциональности. Теперь язык хотят не знать, а использовать как средство реального общения с носителями других культур. Увеличивающийся спрос на

преподавание иностранных языков, диктует в свою очередь и свои условия. Теперь, мало кого интересуют сама история и теория языка, знаний значения слов и грамматических правил совсем недостаточно для того, чтобы считать, что ты владеешь языком. Необходимо как можно глубже узнать саму культуру изучаемого языка. Другими словами, можно сказать, что теоретические знания языка должны дополняться практическими умениями того, когда сказать, что сказать, кому и при ком, как можно использовать значение данного слова в конкретном контексте. Именно поэтому все большее внимание уделяется изучению самого мира языка, то есть изучению той страны, в которой говорят на изучаемом иностранном языке.

Каждое занятие по иностранному языку — это практическое столкновение с иной культурой, прежде всего через ее основной носитель — язык. Каждое иностранное слово отражает иностранную культуру, за каждым словом стоит субъективное, обусловленное только данной языковой культурой, своеобразное впечатление об окружающем мире. Приведенные ниже примеры иллюстрируют то, то при работе с некоторыми выражениями, а также пословицами и фразеологическими оборотами английского языка выявляются фоновые знания, без которых невозможно серьезное изучение языка и постижение культурных особенностей этноса.

В некоторых языках, возникновение тех или иных слов было обусловлено некими социальными, либо правовыми табу. Так, например, в XIX в. в Англии запрещалось произносить слова «грудь» и «ножка» даже применительно к птице, поэтому появилось словосочетание “white meat”.

Выражение “free milk” — “бесплатное молоко” ничего бы не сказало нам, если бы мы не знали о том факте, что после прихода к власти консервативного правительства во главе с Маргарет Тэтчер в 1972 году, была отменена выдача в школах всем детям бесплатного молока, после чего народ стал выражать недовольство и данное выражение приобрело совершенно конкретный смысл.

Языковая коммуникация в социолингвистическом свете наиболее ярко проявляется в проявлениях народного творчества, так называемого фольклора. Огромное

число пословиц, поговорок, прибауток отражают действительность именно тем языком, которым пользуются в повседневной речи, а не при эпистолярном использовании языка. Большое количество фразеологизмов в английском языке имеет литературное происхождение, многие из которых широко применяются в повседневной разговорной речи.

Например, ярким примером этого могут служить фразы из почти настольной книги каждого англичанина Л.Кэррола “Алиса в стране чудес” и “Алиса в Зазеркалье”. Каждому англичанину известны следующие фразеологические обороты: “to smile like a Cheshire cat” — “улыбаться до ушей”, дословно “улыбаться как Чеширский кот”; “mad as a hatte” — “сойти с ума, помешаться”, дословно “сумасшедший как шляпник”.

Следующие выражения идут из басен Эзопа и других древнегреческих сказок и басен: “to blow hot and cold” — “колебаться, делать взаимоисключающие вещи”, дословно “дуть холод и тепло” (в одной из басен Эзопа путешественник одновременно дул на свои пальцы, чтобы согреть их, и на суп, чтобы остудить его); “to kill the goose that laid the golden eggs” — “убить курицу, несущую золотые яйца”.

Из произведений знаменитейшего английского классика У.Шекспира было заимствовано более ста фразеологизмов. Приведем примеры некоторых из них: “to be or not to be?” — “быть или не быть?”; “caviar to the general” — “слишком тонкое блюдо для грубого вкуса” (“Гамлет”); “the wish is father to the thought” — “желание порождает мысль” (“Король Генри IV”); “a fool’s paradise” — “мир фантазий, призрачное счастье” (“Ромео и Джульетта”).

Другие писатели также внесли свой вклад в пополнение фонда фразеологизмов английского языка. Это Александр Поп (“break a butterfly on the wheel” — “стрелять из пушек по воробьям” (“Epistle to Dr. Arbuthnot”)); Вальтер Скотт “Ivanhoe”: “to catch smb red-handed” — “поймать кого-то с поличным” и многие другие [9].

Можно взять для примера несколько русских и английских поговорок:

Christmas comes but once a year	Не все коту масленица

To have one's cake and eat it	И волки сыты, и овцы целы
A cat may look at a king	Не боги горшки обжигают

Или следующие фразеологизмы:

A drop in the bucket	Капля в море
To kill two birds with one stone	Убить двух зайцев

Изучение культурного компонента слов является важным условием успешного овладения иностранным языком, однако, в свою очередь он входит в более широкий круг культурно-исторических значений соответствующей социальной действительности, усвоение которой — важное условие использования языка как средства общения. Исследования последнего времени дают основания утверждать, что изучение языковой коммуникации в свете социолингвистики на сегодняшний день актуальны, и все больше начинают приобретать прагматический характер. В языке, прежде всего, отражается социальный опыт народа. Существование тех или иных лексических единиц обуславливается практическими потребностями людей, их жизненными реалиями. Рассмотрим два примера:

1) лексико-фразеологическая сочетаемость слов. Каждое слово каждого языка имеет свой, присущий только данному языку резерв сочетаемости. Иными словами, оно сочетается с одними словами и, соответственно, не сочетается с другими. Почему *победу* можно только *одержать, а поражение — потерпеть, понести*, почему *роль* по-русски можно *играть, значение — иметь,* а *выводы, комплименты — делать.* Почему английский глагол *to pay,* означающий "платить" полагается сочетать с такими несочетаемыми, с точки зрения русского языка, словами, как *attention* внимание. Почему русские сочетания *крепкий чай, сильный дождь* по-английски звучат как "сильный чай" *(strong tea),* "тяжелый дождь" *(heavy rain)*;

2) несколько значений иностранного слова:

to do the books — вести счета,

our order books are full — мы больше не принимаем заказов,

to be in smb's good/bad books — быть на хорошем/плохом счету,

I can read her like a book — я вижу ее насквозь,

we must stick to/go by the book — надо действовать по правилам,

I'll take a leaf out of your book — я последую твоему примеру,

He was brought to book for that — за это его привлекли к ответу.

Та же ситуация наблюдается, когда перевод отдельного слова не совпадает с переводами этого слова в словосочетаниях — может быть проиллюстрирована примерами из русско-английского словаря:

записка — note,	*деловая записка — memorandum,*
	докладная записка — report,
	любовная записка — love letter, billet-doux;
закрытый — closed,	*закрытое заседание — private meeting,*
	закрытое голосование — secret ballot,
	закрытое помещение — indoors

Например, существуют слова, которые переводятся похожим образом, но имеют совершенно разный смысл в русском и английском языках: слово “certificate” — “сертификат” имеет разные смыслы. Так, в русском языке это документ об окончании среднего учебного заведения, в английском — документ о сдаче одного или нескольких экзаменов за курс средней школы. Сходная ситуация со словом “boarding-school” — “интернат”. В России в интернате обучаются дети, у которых родители имеют материальные проблемы, находясь на полном государственном обеспечении, в Англии плата за интернат очень высокая, обучение могут себе позволить только очень обеспеченные люди. Слово “павлин” — “peacock” вызывает у русских положительные ассоциации, в то время как у англичан — негативные, так как связаны с плохими приметами.

Для наиболее полного погружения в культуру изучаемого языка, необходимо ознакомление с культурным фоном, который стоит за единицами языка и который позволяет соотнести поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью.

Поэтому, на наш взгляд, необходимо уделять большое внимание пословицам, поговоркам, фразеологизмам, делая акценты на различных смыслах, которые вкладывают представители разных культур в одни и те же слова, а также на особенностях употребления той или иной фразы. Исследователи отмечают категоричность, бескомпромиссность и доминантность в манере россиян вести диалог [18, 13], в то время, как для англичан характерна некатегоричность, вежливость (вежливая форма отказа) [23, 171]. Например, для выражения несогласия следует употребить, не принятое в русском языке “Нет, я не согласен”, а “I’m afraid, I don’t disagree”, “Yes, that’s rather an attractive idea, but….”. Или, правильное с точки зрения грамматики и употребляемой лексики выражение “What do you want?” не является примером хорошего тона, оно имеет грубый оттенок, лучше употребить “What would you like?” или “Can I help you?”. Таких примеров множество, и в целях осуществления эффективного межкультурного общения подобные “ляпы” уже непростительны.

Другой пример связан с общеизвестной любовью англичан к погоде и склонностью к ее постоянному обсуждению. Мы носители русского языка говорим о погоде, когда надо что-то сказать, начать разговор и т.д. А англичан характеризует скромность и неуверенность в себе, поэтому они чаще и говорят о погоде. А, если прибавить темы для разговора, которые являются табу в английской культуре, то уже не возникает сомнений, что, говоря о погоде, на самом деле англичане говорят не о ней. На самом деле, это “форма речевого этикета, призванная помочь нам преодолеть природную сдержанность и начать общаться друг с другом” [23, 36]. Следует особо отметить, что замечания о погоде требуют просто ответной реакции, а не споров или точного ответа. Принимая во внимание отсутствие категоричности и наличие вежливой формы отказа в английском языке, на вопрос “Холодно сегодня, правда?” необходимо ответить “Да, но мне такая погода нравится” или “Да, но я как-то не замечаю холода” и т.д. В данном случае, этикет соблюден, и цель общения достигнута.

Для реализации лингвокультурологического подхода в обучении английскому языку принципы культуросообразности и развивающего обучения являются

центральными. Это достигается следующими методами: 1) поощрение и стимулирование интереса учащихся; 2) поощрение творческого подхода; 3) метод проблемных ситуаций и проблемных вопросов; 4) частично-поисковый и исследовательский методы; 5) контент-анализ и лингвокультурологический анализ пословиц, поговорок, фразеологизмов и характерных для англичан высказываний; 6) метод освоения всех аспектов языка через призму культуры; 7) метод приучения, предназначенный для выработки навыков культуры поведения; 8) натуральный метод в обучении английскому языку. Приведем несколько примеров заданий, выполняемых на занятиях английского языка, в рамках лингвокультурологического подхода.

1. Задание на скороговорки очень полезно как для развития дикции, тренировки интонации в английском языке, но, главным образом, эффективно для определения культурных концептов. Предлагаемые скороговорки должны отвечать следующим требованиям: насыщенность фоновых знаний, возможность выявления и анализа культурных концептов, наличие близких для носителей языка явлений, событий и предметов. Учащиеся повторяют и заучивают предложенные скороговорки, а также анализируют их культурный подтекст. Для этого преподавателем ставятся такие проблемные вопросы, как, например: “По каким признакам можно определить, что данному явлению в любом языке уделяется большое внимание, что оно имеет важное значение для людей — носителей языка и их культуры?”, “Какие темы и объекты в перечисленных скороговорках важны для носителей английского языка и почему?”. Реализация данной методики выявила следующие важные для англичан темы. Морская тема (“What noise annoys an oyster most?” — речь идет об устрице, которая является морским обитателем и “Six sick sea-serpents swam the seven seas” — речь идет о морских змеях и семи морях) занимает одно из центральных мест в культуре англичан, так как Великобритания — островное государство и ни один населенный пункт не расположен дальше 60-80 км от береговой границы. С приморским положением связаны отрасли экономики (судостроение, нефте- и газодобыча и др.), а также деятельность населения и его рацион питания. Хотя, в настоящее время в связи с развитием науки, техники, а

особенно, сферы услуг, наблюдается уменьшение доли судостроения в сторону увеличения роли производства электротехнического оборудования, ЭВМ, авиационной и авиакосмической промышленности, а также химической отрасли. Однако морская тема прочно внедрилась в английскую культуру за многие века.

Для реализации частично-поискового и исследовательского методов обучения, учащимся дается задание на нахождение скороговорок, подбор их русских аналогов и анализ их с культурологической точки зрения. В ходе выполнения задания у учащихся обычно возникают следующие трудности. Во-первых, перевод и нахождение русского аналога в большинстве случаев вызывает затруднения. Например, при переводе “How much wood would a woodchuck chuck, if a woodchuck would chuck wood?” сложно найти русский аналог. В таком случае, совместными усилиями с преподавателем может быть найден подходящий эквивалент на русском языке “Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет” (если переводить более дословно, то речь идет о сурке, который треплет лес), а тема леса, опять-таки, связана с географическим положением Великобритании. Лесное хозяйство занимает большие площади, следовательно, хорошо развита целлюлозная и деревообрабатывающая промышленность. Во-вторых, анализ скороговорок требует от учащихся знаний не только в области английского языка, но и в географии, экономике, политике, культуре. Часто им приходится обращаться к учебникам, справочникам и ресурсам Интернета. Повторимся, что данное задание играет огромную роль в преподавании английского языка как явления культуры, так как предлагает неограниченные возможности для анализа культурных явлений, закодированных в скороговорках.

2. Задания на изучение и анализ фразеологизмов, пословиц и поговорок (phrasal words, proverbs, sayings) всегда вызывают повышенный интерес у учащихся в связи с тем, что, помимо развлекательного момента, исследовательского аспекта, расширения культурного уровня учащегося, происходит повышение уровня владения языком, так как употребление в речи неадаптированных крылатых и образных выражений делает речь говорящего более эмоциональной, живой и яркой. Данная форма учебной деятельности

обладает мощным эстетическим потенциалом, так как, помимо эстетического отношения к деятельности, у обучаемых развиваются образное мышление, творческий подход, способности понять историю и особенности другой культуры и по-новому взглянуть на свою культуру, прививается эстетическое отношение к общению (способность к сопереживанию, взаимопониманию). В результате анализа фразеологизмов, пословиц и поговорок, могут быть выявлены следующие отличительные особенности и черты характера жителей Великобритании. Во-первых, особенности личной жизни. Для Великобритании характерно наличие большого количества красивых домов и старинных замков, жители предпочитают проживание в своем отдельном доме, о чем свидетельствуют личные наблюдения и высказывание “My home is my castle”, что в переводе означает “Мой дом — моя крепость” (дословно “замок”), любят показать привязанность к семье (беседы о детях, отпуске — обычное дело). Во-вторых, деловая культура, которая характеризуется определенностью, упорядоченностью, обязательностью, подчиненные с руководством находятся на сравнительно короткой дистанции. Приветливость (“Keep smiling” — “Улыбайтесь всегда и везде”) и вежливость “Thank you for calling” — “Спасибо за ваш звонок” и многие другие примеры. В-третьих, качества личности. Традиционно англичанам приписывают такие качества, как эгоцентричность — местоимение “я” — “I” пишется с заглавной буквы, в отличие от русского языка, в котором местоимение “Вы” пишется с заглавной буквы, что свидетельствует об уважении собеседника (в русском), “Dog eats dog” — “Человек человеку враг”, “Every man for himself” — “Каждый за себя”; эмоциональная сдержанность — “Keep your emotions to yourself” — “Держи свои эмоции при себе”, выражается в недосказанности, стремлении избегать резкой критики, неодобрения, прямых суждений “Well, I think, it would be better...” — “Ну, я думаю, было бы лучше….”. На уровне синтаксиса эмоциональная сдержанность проявляется в строгом порядке слов в предложении (подлежащее, сказуемое, дополнение….), в редком использовании восклицательного знака. Вера в себя, отсутствие надежды на авось, столь характерной для русского человека, вера в то, что человек сам может всего добиться своим трудом

подтверждается в следующих фразах: “to miss a chance” — “дать маху” (дословно “упустить шанс”), “to be a (self)made” — “быть человеком, который всего достиг сам”. Консерватизм, гордость нации за свою историю, за отличие от других наций — истинно английская черта, “unconventional” — “непохожий на других” — лучший комплимент для англичанина, слово “foreign” — “иностранный” употребляется с отрицательным оттенком, познание чужой культуры, литературы считают вторжением в частный мир. Консерватизм проявляется в существовании анахронизмов — тележки молочника, красных телефонных будках, двухэтажных красных автобусах. Еще один показатель консерватизма — исторически сложившийся патриархат, мужчина является главным: “boys and girls” и “men and women”, “The cat knows well whose butter *he* ate” — «Знает *кошка*, чье мясо съела” (в английском языке не кошка, а кот); известная фраза обращения “ladies and gentlemen” — исключение из этого правила, так как это международный этикет. Жители Великобритании отличаются предусмотрительностью: “Prevention is better than the cure” — “Лучше предотвратить, чем лечить” и “Safety first” — “Безопасность на первом месте”; подозрительностью: “Silence is golden” — “Молчание — золото” и “Walls have ears” — “И у стен есть уши”; безответственность обычно не характерна для англичан, о чем свидетельствует малое количество идиом на эту тему “Too many cooks spoil the broth” — эквивалент в русском языке “У семи нянек дитя без глаза”, дословно “Слишком много поваров портят суп”. Предыдущий вид работы, направленный на взаимодействие учащихся друг с другом и с преподавателем, обмен идеями и мнениями в процессе общения, можно дополнить заданиями на развитие самостоятельной деятельности и творчества аспирантов. Учащимся дается задание выявить качества англичан, анализируя пословицы, поговорки, фразеологизмы и характерные высказывания, отобранные ими самостоятельно. В процессе выполнения заданий учащимися могут быть отмечены следующие национальные особенности англичан. Стремление сделать больше и лучше, составление прогнозов и планов на будущее — еще одно положительное качество англичан “I’ll do my best” — “Я сделаю все, что смогу”. В интеллектуальной сфере преобладают логика, изобретательность,

рационализм — “The fish may be caught in a net that will not come to a hook” — “Рыбу, которая не попадается на крючок, можно поймать сетью”. Независимость, свобода ценятся в английском обществе: “Tastes differ” — “На вкус и цвет товарища нет”, “privacy” — “приватность”, “freedom” — “свобода”. Затруднения у учащихся может вызвать то, что при выполнении данного задания необходимо не только найти и перевести высказывания, но и проанализировать, и сделать выводы. Однако, в данном случае необходимо применение преподавателем наводящих вопросов и коллективного обсуждения, что, в конечном счете, должно привести к устранению сложностей.

Что касается пословиц, поговорок и мудрых изречений (proverbs and sayings), то для данного подхода имеет большое значение тот факт, что при передаче какой-либо мысли или идеи люди оперируют теми предметами и явлениями, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, т.е. в разных культурах различаются формы, привязывающие эти идеи к действительности. Показателем важности какой-либо сферы действительности является понятие семантической плотности, т.е. детализация обозначаемого фрагмента реальности множественными синонимами и сложными смысловыми оттенками обозначаемого. В результате контент-анализа текстовых фрагментов, можно прийти к выводу, что особое (островное) географическое положение и климатические условия, развитие мореплавания, важность приливов и отливов для повседневной жизни носителей английского языка, а также из-за большого удельного веса рыбы и морепродуктов, мясомолочной продукции в их рационе, развития фермерского хозяйства, животноводства и растениеводства в связи с климатическими условиями, именно этим темам и объектам действительности уделяется большое значение англичанами, что находит отражение в большом количестве пословиц и поговорок. Например, “The great fish eat up the small” — “Большие рыбы пожирают малых”; “It is a silly fish that is caught twice with the same bait” — “Только глупую рыбу можно поймать дважды на один крючок”; “To be drunk as a fish” — “Быть в стельку пьяным”, дословно “напиться, как рыба”; “The best fish swim near the bottom” — “Без труда не выловишь и рыбку из пруда”; “to have other fish to fry” — “иметь дела

поважнее”, дословно “иметь другую рыбу для жарки”; “to fish in troubled waters” — “ловить рыбу в мутной воде”; “to take the wind out of smb’s sails” — “выбить почву из-под ног”, дословно “убрать ветер из-под чьих-то парусов” или “to buy a pig in a poke” — “купить кота в мешке”; “to make hay of smth” — “нагреть руки на чем-то”; “to put all one’s eggs in one basket” — “поставить все на карту”; “there’s a black sheep in every flock” — “в семье не без урода”; “You can’t make an omelette without breaking eggs” — “лес рубят — щепки летят”; “as sure as eggs is eggs” — “верно, как дважды два”; “to worship the golden calf” — “поклоняться золотому тельцу”.

Вместе с тем, интересно проанализировать также слова, передающие смысловые нюансы (например, в русском языке есть два глагола, обозначающие плавание: плыть и дрейфовать (на поверхности). Оба они могут относиться как к одушевленным, так и к неодушевленным предметам. В английском языке существуют следующие глаголы, передающие разные оттенки плавания: “to swim” — “плыть”, “to sail” — “плыть под парусом”, “to navigate” — “управлять кораблем”, “to float” — “удерживаться на поверхности”, “to drift” — “совершать бесконтрольные движения на поверхности воды”.

Данные задания, основанные на методах компаративистики (сравнение языков, культуры, истории России и Великобритании) показывают, что освоение малых форм языкового фольклора позволяет учащимся “погрузиться” в культуру страны изучаемого языка, что, в свою очередь, служит импульсом к более глубокому проникновению в собственную культуру. Следовательно, изучая английский язык, мы не только приобщаемся к культуре в общем смысле, но и приобретаем возможность сравнения с особенностями своей культуры, а также возможность саморазвития, привнесения наиболее удачных на наш взгляд способов выражения мыслей, секретов коммуникации, так как каждый язык в этом смысле обладает своей особой уникальностью. Эту мысль подтверждает высказывание М.М. Бахтина: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [1, 20].

Дополнительным заданием для учащихся может быть домашнее чтение какой-либо книги и нахождение в ней фразеологических оборотов. Например, прочитав рассказы К. Дойла, “That little squre box” — “Та маленькая квадратная коробка”, можно распознать в тексте следующие фразеологизмы: “to run a risk” — “рисковать”; “to keep an eye on” — “не выпускать из виду”; “make yourself at home” — “чувствуйте себя как дома” (свидетельствует о любви англичан к дому, уюту); “to stand smth” — “выносить, терпеть что-то”; пословицу “if the worst comes to the worst” — “на худой конец”. Рассказ написан с любимым англичанами юмором на извечную морскую тему.

В целом, работа с фразеологизмами, пословицами и поговорками происходит обычно на эмоциональном подъеме, с мотивацией “интересно” и “надо же”, с большим интересом учащиеся выдвигают многочисленные разнообразные идеи, догадываясь о значении тех или иных выражений.

В целом, такой вид работы вызывает эмоциональное отношение учащихся к данному вопросу, чего мы и добиваемся. Для закрепления материала на практике учащиеся составляют диалоги, например, один принимает на себя образ англичанина, а другой говорит от имени русского, например, на тему “Переговоры”, а детали переговоров учащиеся придумывают самостоятельно. Во время выполнения данного задания особо приветствуется творческий подход, включение пословиц, поговорок и фразеологизмов.

Реальная межкультурная коммуникация может быть достигнута в процессе приобщения учащихся к мировым ценностям через включение в программу иностранного языка:

- спецкурсов, содержащих социокультурный аспект изучаемого языка;
- самостоятельную работу с культурологическим материалом;
- культуроведческий материал как составляющую межкультурной связи.

Эффективность этих материалов обеспечивается, прежде всего, их аутентичностью, и, как следствие, способностью приобщать к иноязычной культуре. Их достоинством также является то, что они стимулируют почти подлинную коммуникацию:

учащиеся как бы проживают все события, играют определенные роли, решают проблемы, удовлетворяют свои интересы. Регулярное использование комплекса упражнений на основе прагматических материалов является эффективным средством формирования культурологической компетенции учащихся. Для того чтобы сформировать навыки аудирования можно использовать аутентичные аудио- и видеоматериалы. Использование на уроках выше названных приемов и средств обучения формирует культурологическую компетенцию учащихся и выполняет важнейшее требование коммуникативной методики — представить процесс овладения языком как постижение живой иноязычной культуры.

Обучение иностранному языку в рамках культурологического подхода можно определить как совместную деятельность преподавателя и учащихся (когда первый передает знания, умения и навыки обучаемым (обучение), а вторые усваивают эти знания, умения и навыки (учение)), как социальный процесс, обусловленный потребностями развития общества, как процесс присвоения общественного, социально-экономического опыта, позволяющего обучаемому активно и адекватно действовать.

В рамках культурологического подхода необходимо учитывать внутренние ценностно-мотивационные установки учащихся, что предлагают различные формы обучения иностранному языку, которые взаимосвязаны и взаимозависимы с содержанием обучения. Ученые, исследующие мотивацию усвоения иностранного языка, выделяют целый ряд видов мотивации с учетом индивидуального развития потребностей обучающихся. При обучении слушателей представляют интерес следующие виды мотивации: 1) коммуникативно-мотивационная, определяющаяся на основе потребностей в общении; 2) лингво-познавательная мотивация, основанная на стремлении обучаемого к познаванию языковых явлений; 3) профессионально-ориентированная, базирующаяся на получении профессиональных знаний учащимися с помощью изучения иностранного языка; 4) страноведческая мотивация, зависящая от тематики и эмоциональной заинтересованности учащегося. Все это придает заданиям и упражнениям, всей учебной деятельности коммуникативно-мотивационный характер. Согласованность преподавания и способов подачи материала с реальными возможностями и профессиональными

интересами учащихся способствует формированию положительной мотивации. Такой подход к обучению во многом обеспечивает не только более эффективное решение практических, общеобразовательных, развивающих и воспитательных задач, но и содержит огромные возможности для вызова и дальнейшего поддержания мотивации учения. Итак, реализация культурологического подхода в процессе преподавания иностранного языка, как показывает теоретический анализ и наша работа, создает условия преподавания иностранного языка, которые согласно данным требования должны быть направлены, прежде всего, на широкую общекультурную подготовку через углубление изучения в данном контексте конкретной области знания, соответствующей профессионализации учащихся.

Развивающие резервы иностранного языка как средства формирования культурологической компетенции учащихся наиболее полно раскрываются, если:

а) учащийся становится не объектом, а субъектом учебной деятельности;

б) учащиеся самостоятельно выдвигают значимые для них учебные цели, а созданные на занятиях ситуации успеха помогают им достигать выполнения поставленных целей.

в) учащиеся выполняют учебные задания, имеющие четкий, личностный смысл;

г) творческие учебные задания моделируют различные аспекты человеческой деятельности;

д) на занятиях осуществляется равноправное коммуникативное взаимодействие с преподавателем.

Действительно, преподаватель иностранного языка — это не просто “инженер языковой системы”, “тренер”, развивающий определенные навыки и умения, он — посредник между культурами. Успешная реализация целевых устремлений обучения иностранному языку в полной мере зависит от уровня профессиональной подготовки преподавателя. Преподаватель иностранного языка должен обладать профессиональной компетенцией, то есть способностью эффективно осуществлять свою обучающую деятельность. Показателем сформированности этой компетенции является профессиональное мастерство преподавателя, которое складывается из совокупности

профессиональных знаний и умений применять эти знания па практике, а также положительно относится к своей профессиональной деятельности.

Преподаватель иностранного языка должен владеть следующими знаниями:

- знания системы языка, основных лингвистических и лингводидактических категорий, культуры страны изучаемого языка, ее истории и современных проблем развития;
- знания основных положений общеобразовательной концепции на современном этапе развития общества, государственной общеобразовательной политики, в том числе, и стратегии обучения иностранным языкам;
- знания психологических личностных особенностей учащихся, закономерностей усвоения иностранного языка в учебных условиях;
- знания основных требований, предъявляемых обществом и современной наукой к уровню профессионального мастерства преподавателя;
- знания основных закономерностей обучения иностранным языкам, а также содержания и специфики всех составляющих процесса обучения: целей, содержания, методов, средств обучения, как в их историческом развитии, так и в современной интерпретации.

Преподавателю иностранных языков необходимо уметь на практике применять перечисленные выше знания, то есть не только использовать иностранный язык как средство общения, но и моделировать различные коммуникативные ситуации в учебном процессе. Он должен обладать таким уровнем языковой подготовки, чтобы иметь возможность строить весь учебный процесс на иностранном языке, его речь при этом должна быть аутентичной, нормативной и выразительной. Такой комплекс, как правило, включает как вербальные, так и невербальные (жесты, мимика) средства выражения.

Для успешного решения профессиональных задач преподаватель иностранного языка должен осознавать значение и полифункциональность своей педагогической деятельности. Рассмотрим в межкультурном аспекте функциональную педагогическую деятельность преподавателя иностранного языка и методические умения, обеспечивающие реализацию той или иной функции. К целеполагающим, в первую очередь, относят коммуникативно-обучающую, развивающую и воспитывающую

функции. Операционно-структурные функции включают гностическую, конструктивно-планирующую и организационную.

Исследователи, занимающиеся изучением функциональной структуры педагогической деятельности преподавателя иностранного языка, отмечают ведущую роль коммуникативно-обучающей функции и выделяют в ней информационно-ориентирующий, мотивационно-стимулирующий и контрольно-коррекционный компоненты.

Информационно-ориентирующий компонент коммуникативно-обучающей функции обеспечивается следующими умениями:

- ориентировать учащихся в связях между языком и культурой страны изучаемого языка, особенностях проявления национальной специфики в социокультурном поведении ее представителей;
- ориентировать учащихся в элементах сходства и различия в соизучаемых культурах.

Контрольно-коррекцирующий компонент коммуникативно-обучающей функции базируется на следующих методических умениях:

- выделять цели, формы, виды и объекты контроля при овладении иностранным языком как средством межкультурного общения;
- планировать и осуществлять текущий, рубежный и итоговый контроль умений учащихся с целью выявления уровня владение иностранным языком как средством межкультурного общения.

Развивающая и воспитывающая функции реализуются с помощью следующих педагогических умений:

- путем использования аутентичных материалов в учебном процессе расширять кругозор, развивать память, воображение, интеллектуальные способности учащихся, формировать у них умение анализировать и выделять черты сходства и различия в родной и изучаемой культурах;

- формировать у учащихся умения самостоятельно познавать незнакомую культуру, используя лингвострановедческие словари, разнообразную справочную литературу средства массовой информации;

- воспитывать учащихся в духе уважения, симпатии к народу-носителю изучаемого языка, а также к его социокультурным ценностям;

- воспитывать у учащихся глубокое уважение к национальным традициям, обычаям, культурному достоянию родной страны.

Гностическая функция реализуется посредством следующих умений:

- анализировать учебный материал, средства обучения с точки зрения представленности в них сведений о культуре страны изучаемого языка и их оптимального использования в учебном процессе;

- на основе сопоставления национально-культурных особенностей двух лингвокультурных общностей определять наиболее трудные для усвоения факты и явления действительности. Организационная функция реализуется на базе умений выбирать оптимальные способы организации своей деятельности и деятельности учащихся с целью наиболее эффективного усвоения фактов иноязычной культуры.

На наш взгляд, обозначенные выше методические умения представляют собой единый комплекс профессионально-педагогических умений, позволяющих наиболее эффективно обучать иностранному языку как средству межкультурного общения.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Бенин В.Л. Педагогическая культура: философско-социологический анализ. Уфа: БГПИ, 1998.
3. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968.
4. Введение в психологию. Под ред. А.В. Петровского. М., 1997.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980.

6. Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика (Опыт исследования понятия в методологических целях). СПб.: Бельведер, 2000.
7. Запесоцкий А.С. Образование, философия, культурология, политика. М.: Наука, 2002.
8. Крылова Н.Б. Культурология образования. М.: Народное образование, 2000.
9. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 4 издание. М.: “Русский язык”, 1984.
10. Леонтьев А.А., Ленская Е.А., Розанова Е.Д. Единый подход к предметам языкового цикла // Иностр. яз. в шк., 1990, № 5.
11. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва, 2001.
12. Пассов. Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М., 1989.
13. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъективности (учебное пособие для студентов вузов). Ростов-на-Дону, 1996.
14. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранного языка. М.: Высшая школа, 1991.
15. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
16. Сигуан М., Макки У.Ф. Образование и двуязычие // Перевод с французского. М.: Педагогика, 1990.
17. Сидоренко В.Ф. Образование: образ культуры // Социально-философские проблемы образования: сб. статей. СПб.: 1992.
18. Стернин И.А. Русское и финское коммуникативное поведение. Выпуск 2. С-Пб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 2001.
19. Суворова М.А. Лингвокультурологический подход в обучении иностранным языкам студентов старших курсов языкового вуза: Дис. канд. пед. наук.: Улан-Удэ, 2000.
20. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

21. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык // Сост. В.М. Живова. М.: Прогресс-Универс., 1995.
22. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004.
23. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2008.
24. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. Саранск: Издательство Мордовского ун-та, 1993.
25. Харитонова С.В. Педагогическое содействие развитию культурологической компетенции студентов университета на занятиях по иностранному языку : дис. канд. пед. наук. Магнитогорск, 2006.
26. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2006.
27. Чошанов М.А. Дидактика и инженерия. Бином, Лаборатория знаний, 2011.
28. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.: Общество любителей российской словесности, 1997.

Н.М.Разинкина (ИЯз РАН)

N.M. Razinkina

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Метафора

(учебный материал с вопросами и заданиями на материале английского и русского языков)

Metaphors: an academic instruction material with questionnaires and assignments based upon English and Russian texts

Аннотация

Статья предназначена для тех, кто **впервые** задумывается над тем, какими языковыми средствами создается стилистический прием (риторическая фигура речи/троп) метафоры. Для осуществления этой задачи метафора, прежде всего, подразделяется на традиционную и творческую (индивидуальную). Последняя показана как прием, в основе которого лежит неожиданное сравнение двух вещей (в самом широком смысле этого слова), которые, на первый взгляд, не обнаруживают каких-либо черт сходства. Читателю предлагается ряд примеров, указывающих на то, что метафора может быть выражена различными частями речи — обстоятельство, в определенной степени предопределяющее ее специфику. Особое внимание уделяется вопросу о том, каким образом творческая (индивидуальная) метафора встраивается в контекст художественного произведения. Кроме того, рассматривается метафорический перенос, широко используемый в научной (в частности, медицинской) терминологии. Вопросы и задания приводятся после каждого положения, сформулированного относительно языковой специфики и функционирования метафоры в контексте художественного произведения.

The paper is intended for those who are making their **first steps** in an attempt to understand the linguistic mechanism underlying a metaphorical transfer of meaning. Metaphors are shown to belong to two widely separated classes: traditional and individual. The latter are described as created by an unexpected comparison of two objects which at first sight do not seem to have anything in common. Parts of speech (primarily nouns, verbs, and adjectives) contribute greatly to the specific features of a metaphor. Special emphasis is placed on effective means of incorporating a metaphor into a text of fiction. Besides, scientific terminology which is metaphorical in its origin is also dealt with. A long-range aim of many questions and assignments is to stimulate students' interest in the mental process of metaphorical transfer of meaning.

Ключевые слова и словосочетания:

индивидуальная vs традиционная метафора, метафорический перенос, метафора в художественном тексте, метафора в научной терминологии, развернутая метафора, вопросы и задания (к приводимым примерам).

Individual metaphor, traditional metaphor, metaphorical transfer, metaphor in fiction, scientific terminology coined with the help of a metaphor, extended metaphor, questions and assignments for analysis.

Не будет преувеличением сказать, что из большого числа разнообразных стилистических приемов (называемых также фигурами речи, тропами) наиболее пристальное внимание исследователей — лингвистов, философов, литературоведов, а также писателей, поэтов — обращено на метафору.

В метафоре чрезвычайно силен элемент творческого, индивидуального и, следовательно, эмоционально-оценочного. Метафора, если только она не штампована, есть акт утверждения *индивидуального* миропонимания. Субъективный характер метафоры, ее оригинальность и неповторимость, дали основание еще Аристотелю сказать, что всего важнее быть искусным в метафорах. Этого нельзя перенять у другого, это — признак таланта.

Прежде чем перейти к определению метафоры в том виде как она трактуется в лингвистической стилистике, необходимо подчеркнуть, что помимо оригинальной, творческой метафоры существует метафора традиционная, лишенная индивидуальной неповторимости. Она сложилась в языке как нечто целое и используется в виде «готового блока». Метафора подобного рода столь привычна, что мы подчас забываем о том, что то или иное словосочетание, по сути дела, является метафорой.

Так например, такие английские устойчивые словосочетания, как to throw light upon a problem, to attack a hypothesis, to bridge a gap, fruits of inheritance, a ray of hope фиксируются словарями и не вызывают у нас каких-либо дополнительных ассоциаций. Однако, по своему происхождению это — метафоры. Только в настоящее время слабая надежда не связывается нами с появлением каких-либо видимых лучей, никто не собирается идти с оружием на гипотезу и так далее и тому подобное. В данной статье нас будет интересовать творческая метафора, которая всегда свежа, оригинальна и неповторима.

Так что же такое метафора? Какое определение может считаться удачным для понимания метафоры? Ниже мы приведем несколько определений (на английском и русском языках), которые, как представляется, уместны в работе учебного характера:

metaphor (Greek ‘transfer’) figure of speech using an analogy or close comparison between two things that are not normally treated as if they had anything in common.

Metaphor is a common means of extending the uses and references of words.

If we call people cabbages or foxes, we are indicating the opinion that they share certain qualities with those vegetables or animals: an inert quality in the case of cabbages, a cunning quality in the case of foxes. This may lead to calling people ‘foxy’ and saying ‘He really foxed them that time’, meaning that he tricked them. Such usages are metaphorical (The Hutchinson Encyclopedia).

Итак, в основе метафоры лежит сравнение двух вещей (в самом широком смысле этого последнего слова), в которых, мы, как правило, не обнаруживаем каких-либо черт сходства. Иными словами, мы осуществляем перенос — вспомним упомянутое выше

существительное ‘transfer’ — того или иного свойства с одного предмета на другой непохожий предмет.

Согласно приведенному выше определению человек может быть назван овощем, если он инертен (an inert quality). Collins English Dictionary предлагает более широкое и детальное объяснение: a cabbage (*informal)*

1. a dull or unimaginative person;

2. a person who has no mental faculties and is dependent on others for his subsistence.

Вопрос: Сравнение человека с различными овощами имеется также в русском языке. Например, о здоровом, хорошо выглядящем мужчине нередко говорят: «в свои семьдесят лет он — как огурчик». Как вы думаете, почему в английском языке для метафорической характеристики человека с ослабленными умственными способностями выбрана именно капуста? Почему не какой-то другой овощ?

Еще один вопрос. Рассматриваемая нами «овощная» метафора проникла и в русский *разговорный* язык, но несколько в измененном виде. Так, безжалостный медицинский диагноз гласит: травма мозга была столь велика, что человек превратился в овощ». Почему русский язык «отказался» от сравнения с капустой и «предпочел» обобщенное «овощ»?

Наконец, последнее: почему метафора, о которой идет речь, используется только в разговорной речи (английской и русской)? Почему ее появление в речи литературной, книжной было бы неуместно?

Прежде чем продолжить анализ метафоры, хотелось бы подчеркнуть следующее: ни одно, даже самое подробное словарное определение метафоры не может дать полное представление о языковом механизме ее образования. По мнению автора данного учебного пособия, более глубокое понимание этого сложного явления может дать только подробный анализ конкретного языкового материала. Этим объясняется желание автора

представить по возможности больше различных примеров метафорического словоупотребления (для удобства отсылок примеры пронумерованы) \

Вернемся к метафоре, построенной на «овощной» тематике.

1. “The street took a deep turn and then ended in a flight of steps which led down into a sunken alley where a few stall keepers were selling *tired-looking vegetables”* (George Orwell. 1984)

Читатель может без труда представить, как выглядят овощи, о которых говорит писатель: мы и сами иногда видим их на прилавках наших овощных магазинов. Но одно дело представить что-либо в умственном взоре, и совсем другое, более трудное, дело перевести эту метафору на русский язык, помня, что здесь особенность, свойственная человеку (уставать и выглядеть уставшим), переносится на продукт питания.

Сказать «увядшие овощи» (т.е. дать буквальный перевод) значит потерять метафору как таковую; сказать «уставшие овощи» — не лучший вариант для русского языка.

Вопрос: Какой вариант перевода вы могли бы предложить? Обдумывая этот вопрос, полезно иметь в виду, что удачный перевод метафоры нередко возникает в том случае, когда мы отходим (иногда довольно далеко) от дословного перевода. Необходимо только стремиться к тому, чтобы с помощью метафоры (в данном случае путем переноса на растение тех или иных особенностей, свойственных человеку) ваш перевод воссоздал яркую, запоминающуюся картину.

2. В предыдущем примере метафора была выражена с помощью прилагательного (tired-looking). Обратимся к глагольной метафоре:

Описывая уютное жилище Барсука, автор (Kenneth Grahame) известной книги “The Wind in the Willows” (Moscow Progress Publishers, p.107) пишет:

“The ruddy brick floor *smiled up* at the smoky ceiling, the oaken settles, shiny with long wear, *exchanged cheerful glances with each other,* plates on the dresser *grinned at pots on the shelf,* merry firelight flickered and played over everything without distinction”.

В данном случае способность человека широко улыбаться, весело поглядывая на своего собеседника, перенесена на *неодушевленные* существительные: floor, settles, plates, pots.

Вопрос: В словарях неизменно подчеркивается тот факт, что метафора представляет собой фигуру речи (в другой терминологии — троп), которая создается путем употребления слов в переносном смысле на основании сходства или аналогии. Метафора, заимствованная из книги «Ветер в ивах», переносит (в английской терминологии transfers) радостное, веселое настроение человека, находящегося в приятной для него компании (exchanged cheerful glances with…, grinned at…, smiled at…), на обстановку и общую располагающую атмосферу, свойственную дому Барсука.

Как вы думаете, какие английские и/ или русские слова (существительные и прилагательные) можно было бы употребить, если бы мы задались целью описать эту обстановку и эту атмосферу не с помощью метафоры, а путем употребления слов в их прямом предметно-логическом значении? Например, не ‘*the floor smiled up’*, а ‘пол *отражался* в потолке’. Что при этом окажется утраченным? Постарайтесь ответить на этот вопрос как можно более подробно, желательно в письменном виде.

3. Еще один пример глагольной метафоры (она заимствована из той же книги Кеннета Грэхема «Ветер в ивах», с. 164):

“He (Toad — Н.Р.) increased his pace, and as *the car devoured the street* and leapt forth on the high road through the open country, he was only conscious that he was Toad once more, Toad at his best and highest, Toad the terror, the traffic-queller, the Lord of the lone trail, before whom all must give way or be smitten into nothingness and everlast night. He chanted as

he flew, and the car responded with sonorous drone; *the miles were eaten up* under him as he sped he knew not whither, fulfilling his instincts, living his hour, reckless of what might come to him".

Задание и вопрос: Из приведенного выше отрывка выпишите слова (они принадлежат разным частям речи) и словосочетания, которые, по своему смыслу, «оправдывают» использование метафоры ('автомобиль *пожирал у*лицу', 'он *поглощал* ее миля за милей'). Иными словами, благодаря каким языковым средствам данная метафора легко встраивается в контекст отрывка, становится его органичной частью?

Этот вопрос можно сформулировать иначе: какой смысловой оттенок объединяет, несмотря на кажущееся несходство, выписанные вами слова (словосочетания) и глаголы 'пожирать', 'поглощать' (улицу)? Обдумывая ответ на данный вопрос, познакомьтесь с фрагментом, который непосредственно предшествует метафоре. Особое внимание обратите на слова и словосочетания, выделенные (автором данного пособия) курсивом. Возможно, эти выделенные элементы также помогут вам ответить на поставленный выше вопрос.

"Next moment, hardly knowing how it came about, he (Toad — H. P.) found he had hold of the handle and was turning it. As the familiar sound broke forth, *the old passion seized on Toad and completely mastered him, body and soul. As if in a dream,* he found himself, somehow, seated in the driver's seat; *as if in a dream,* he pulled the lever and swung the car round the yard and out through the archway; and, *as if in a dream, all sense of right and wrong* (напомню читателю, что Жаб похитил чужую машину), *all fear of obvious consequences, seemed temporarily suspended"*

Метафора способна не только встраиваться в контекст, но также непосредственно создавать его. Для иллюстрации этого положения можно привести отрывок из рассказа А.

П. Чехова «Гусиный разговор» (Сочинения. Том третий. Москва, Изд-во «Наука», 1983, с. 78):

4. «В синеве небесной, совершая свой обычный перелет, длинной вереницей летели

дикие гуси. Впереди летели старики, гусиные действительные статские советники, позади — их семейства, штаб и канцелярия. Старики, кряхтя, решали текущие вопросы, гусыни говорили о модах, молодые же гусаки, летевшие позади, рассказывали друг другу сальные анекдоты и роптали. Молодым казалось, что старики летят вперед не так быстро, как того требуют законы природы…»

Задание: Попробуйте прочитать этот отрывок, лишив его «гусиного» метафорического смысла. У вас получится: ‘впереди шли действительные статские советники’, ‘их жены говорили о модах’ и т.д. Что при этом исчезает, какой смысл (а он является основным) оказывается полностью утерянным? Для ответа на этот вопрос вам понадобится толковый словарь русского языка (желательно не один), в котором вы найдете объяснение *переносного* значения существительных ‘гусь’, ‘гусыня’, а также прилагательного ‘гусиный’. Это задание полезно выполнить в письменном виде.

Вернемся к метафоре, выраженной с помощью глагола.

5. «Она (Медея — Н.Р.) лежала на своей узкой девичьей кровати, в ночной рубашке со стершейся вышивкой на груди, а *вдоль ее тела* <u>*отдыхала*</u> *слабо заплетенная ночная коса,* обнищавшая с годами, но кончающаяся у бедра» (Людмила Улицкая. Медея и ее дети. Москва, «Эксмо», 2002, с.9).

Отдыхать могут живые существа — люди, животные, птицы. Автор романа переносит этот глагол на неодушевленный предмет — длинную косу своей героини и делает это в рамках *развернутой* метафоры. Читатель не только видит (в своем

умственном взоре) спящую женщину, но также узнает или, вернее, может догадаться о возрасте женщины, поскольку коса успела ‘обнищать’, но все-таки ‘кончается у бедра’.

Из контекста, предшествующего метафоре, мы также можем без труда заключить, что описываемая женщина явно небогата: кровать, на которой она лежит, узкая; ночная рубашка явно не нова. ‘Обнищавшая’ коса логично встраивается в этот контекст.

Вопросы: Как вы думаете, почему автор романа говорит о возрасте своей героини с помощью метафоры (ее коса *обнищала* с годами)? Почему автор не называет конкретный возраст своей героини? Наконец, почему автор предпочитает, чтобы читатель сам попытался определить ее возраст? Иными словам, что сильнее, убедительнее (конечно, в данном случае речь идет о художественном произведении): образ, который читатель создает сам, силой своего воображения, или же образ, возникающий с помощью того или иного точного определения?

Наконец, последнее: согласны ли вы с известным изречением: «Как много сказано несказанным!» Или вам ближе слова поэта: «Все сказано на свете, несказанного нет» (Новелла Матвеева). Постарайтесь ответить на все эти вопросы в форме короткого эссе.

Выше мы рассмотрели метафору, выраженную с помощью прилагательного и глагола. Рассмотрим метафору, в которой использовано существительное:

6. “When he (Roland — H.P.) got home that evening he could smell that Val was in a mood. The basement was full of the *sharp warmth of frying onions,* which meant she was cooking something complicated” (A. S. Byatt. Possession; A Romance. Vintage, 1990, p.15).

Здесь метафорический перенос создается следующим образом: теплота (warmth) дома, создаваемая запахом готовящегося неординарного (she was cooking something complicated) ужина и настроением той, которая этот ужин готовит (Val was in a mood), — все это переносится на запах поджариваемого лука: the sharp warmth of frying onions. Читатель понимает, что запах может быть резким, он может быть сильным, слабым, раздражающим, волнующим, успокаивающим и т.п., но *теплота* запаха — это

отчетливый метафорический перенос, который имеет место в таких словосочетаниях, как *теплые духи* или *холодные духи.* Употребляя в данном случае прилагательные *теплый* или *холодный,* мы переносим наше впечатление от запаха (ощущение чего-то приятного или неприятного, зовущего или, наоборот, отталкивающего, знакомого или чуждого) на сам запах.

Вопрос: Как вы думаете, словосочетание *тяжелый запах* полностью перешло в разряд повторяемого клише или все-таки здесь прослеживается (вернее, ощущается) некий метафорический перенос? Под переносом здесь имеется в виду следующее: то, что отягощает человека, то, с чем ему трудно справиться, переносится на сам запах.

Интересно, что в приведенном примере метафора сочетается с другим стилистическим приемом, а именно, с оксюмороном (см. ниже). *Резкая* (или *острая) теплота (sharp warmth)* представляет собой словосочетание, в котором имеет место характерное для оксюморона логическое противоречие (как это видно, например, в таких примерах оксюморона, как *громкая тишина, горячий снег и т.п.)*. ‘Теплота’ (или ‘тепло’) может быть мягкой, успокаивающей, но никак не резкой, острой (sharp).

Рассмотрим иной пример употребления метафоры. В художественной прозе она представляет собой распространенное явление в том случае, когда описываются природные явления. Рассмотрим следующий фрагмент:

7. «В беспросветном, туманном воздухе кружатся снег и дождь. Ветер, сырой, холодный, пронизывающий, *с неистовой злобой стучит в окна и в кровли. Он воет в трубах и плачет в вентиляциях. В темном, как сажа, воздухе висит тоска… Природу мутит…* Сыро, холодно и жутко» (А. П. Чехов. Сон. Святочный рассказ).

Вначале мы находим определения, не являющиеся метафорическими. Говоря о воздухе, это ‘туманный’; говоря о ветре, это ‘сырой’, ‘холодный’, ‘пронизывающий’.

Данные определения точны и выразительны. Их выразительность объясняется тем, что в совокупности они образуют *единую* картину, становясь при этом контекстуальными синонимами.

При всей их выразительности, эти слова не обладают качеством переноса: ветер действительно холодный и сырой. Воздух на самом деле туманный; он не пропускает свет (отсюда ‘беспросветный’). Однако все это только начало, своего рода вступление. Далее следует метафорическое описание, которое (читатель, наверное, согласится с этим), обладает огромной экспрессивной силой.

Эта экспрессия создается, прежде всего, благодаря тому обстоятельству, что под пером писателя явления природы — ветер, снег, дождь — приобретают своего рода личностные свойства. Это уже не те силы, которые лишены разума, но одушевленные существа, обладающие качествами, присущими злобному, разъяренному человеку. Поэтому ветер *стучит* в окна и в кровли, и не просто стучит, а делает это *с неистовой злобой*. Более того, ветер *воет* и *плачет*, т.е. те звуки, которые способно издавать живое существо, метафорическим образом переносятся на явление неодушевленное (ветер).

Не только ветер, но и сам воздух «очеловечивается»: в нем *висит тоска*. Ощущение скорби, предчувствие беды, несчастья усилены цветовой характеристикой (в темном, *как сажа,* воздухе…) и прилагательным *неистовый* (неистовая злоба), обозначающим исступленное состояние, состояние безудержности и необузданности.

И, наконец, мы находим метафорическое обобщение: ‘природу мутит’. Вполне понятное и объяснимое состояние человека (его/ее мутит, тошнит) переносится на природу в целом.

Вопрос: Приведенный выше фрагмент заканчивается тремя наречиями — ‘сыро’, ‘холодно’, ‘жутко’. Это то, что испытывает человек под влиянием определенного состояния природы. Как вы думаете, какая из рассмотренных выше метафор более всего подготавливает читателя к появлению слова ‘жутко’? Что сильнее (в плане эмоциональной и экспрессивной выразительности) -

- ветер, который стучит в окна и в кровли с неистовой злобой;
- ветер, который воет и плачет;
- тоска, которая висит в темном воздухе или
- природа, которую мутит?

Желательно, чтобы вы ответили на этот вопрос в письменной форме.

Рассмотрим еще один пример метафоры, используемой для описания пейзажа:

8. «Сквозь голые деревья запущенного сада виднелся крутой глинистый берег… На пол-аршина ниже бежала выпущенная на волю река. Она спешила и рвалась, словно боялась, чтобы ее не вернули назад и не заключили опять в ледяные оковы» (А.П.Чехов. Безнадежный).

Этот пример интересен тем, что в нем целый ряд метафор выражен с помощью только одной части речи, а именно, глагола. *Река бежала* представляет собой метафору, о которой можно сказать, что она превратилась в клише стандартного литературного языка. Так, мы говорим ‘ручей *бежал* по дну оврага’, ‘по небу *бежали* грозовые тучи’, или ‘его мысли *разбегались* в разные стороны’, не задумывается над тем, что мы создаем оригинальный метафорический перенос.

Данный перенос начинает ощущаться благодаря словам «выпущенная на волю»: когда человека выпускают из заточения, выпускают *на волю,* он не просто бежит быстро, но мчится *что есть сил*. Этот новый смысловой оттенок, создаваемый сравнением течения реки с бегом освобожденного человека, который опасается, что его могут поймать и вновь вернуть в заточение, создает новый (свежий) метафорический смысл.

Далее метафорический перенос развивается с помощью двух глаголов: *спешила* и *рвалась.* ‘Бежала’, ‘спешила’ и ‘рвалась’ — эти три глагола, используемые писателем для того, чтобы охарактеризовать бег реки, четко расположены автором в порядке возрастания их изобразительной выразительности. Вершину глагольного ряда образует глагол *рваться*.

В данном контексте глагол *рваться* имеет значение ‘стремиться куда-нибудь’ и не просто ‘стремиться’, а делать это порывисто и резко, стараясь преодолеть препятствия, освободиться. Отсюда — река «словно боялась, чтобы ее не вернули назад и не заключили опять в ледяные оковы». Интересно, что глагол *рваться* находим у А.С.Пушкина в «Медном Всаднике»: ‘Нева всю ночь Рвалася к морю против бури…’.

Задание:

Глагол *рваться* в переносном (метафорическом) значении ‘страстно желать попасть куда-нибудь’ может употребляться как в положительном (например, ‘мать рвалась к своему маленькому ребенку’), так и в отрицательном смысле (например, ‘он изо всех сил рвется в начальники’).

Сочините несколько примеров на тот, и другой смыслы. Желательно, чтобы ваши примеры были вставлены в тот или иной контекст. Иными словами, чтобы они не ограничивались лишь формой простого нераспространенного предложения.

Метафорический перенос, как мы видели из приведенных выше примеров, может быть использован для описания самых разнообразных фактов — от мощных явлений природы до изображения, казалось бы, самых незначительных реалий, случаев и событий.

В качестве примера «всеядности» и некой «непритязательности» метафоры (эти два слова взяты нами в кавычки для того, чтобы подчеркнуть их метафорический, переносный смысл) приведем два примера. Первый представляет собой суждение общего, философского характера о том, как складывается жизнь человека; во втором примере речь идет о попадании в ухо пациента некоего инородного предмета.

9. «Однажды встреченный человек через многие годы возвращался, чтобы повернуть судьбу, нити тянулись, соединялись, делали петли и образовывали узор, который с годами делался все яснее» (Л Улицкая. Указ. соч., с.10).

Здесь существительные ‘нити’, ‘петли’ и ‘узор’ использованы в переносном метафорическом значении, с помощью которого писатель говорит о последовательных этапах, через которые проходит жизнь человека.

Сначала наша судьба похожа на *нити*, под которыми здесь понимается ряд событий; возможно, это вереница встреч и расставаний, множество происшествий, возникших новых обстоятельств и т. п. *Нити* тянутся во времени и пространстве, судьбы людей пересекаются и соединяются, образуя *петли.*

Наконец, из этого кажущегося хаоса начинают проступать какие-то определенные черты, определенные закономерности, возникает *узор*, понятный человеку далеко не сразу, но лишь по прошествии долгого времени, как говорит автор, ‘с годами’. Метафора создается на основе сравнения событий, выпадающих на долю человека, с узором, который судьба плетет на канве его жизни.

Приведенный выше пример интересен тем, что его метафоричность распознается и «расшифровывается» без помощи контекста. Это — метафора-сентенция, метафора-афоризм, которая может быть легко встроена в широкий круг контекстов.

Задание:

Опишите жизнь кого-либо из ваших родственников, знакомых или же судьбу того или иного известного человека, используя метафору, которая будет строиться на словах ‘нити’, ‘петли’, ‘узор'. Особое внимание обратите на слово *петля*, которое вы, возможно, захотите использовать как в прямом (пересечение, сплетение нитей), так и в переносном метафорическом смысле ‘безвыходное положение’.

Как отмечалось выше, в художественной прозе метафора может использоваться как для выражения мысли, имеющей обобщающий, философский характер, так и для описания событий повседневной жизни. В качестве примера последней приведем отрывок из современного романа “Captain Corelli’s Mandolin” by Louis de Bernieres (Vintage, 1995, p. 1-2).

10. “He (Dr Iannis — H.P.) had gone to old man Stamatis’ house, having been summoned to deal with an earache, and had found himself gazing down into an aural orifice more dank, be-lichened, and *stalagmitic* even than the Drogarati cave… He was aware that old man Stamatis had been deaf in that year ear since childhood, and that it had been a constant source of pain, but was nonetheless surprised when, deep in that hairy recess, the tip of his matchstick seemed to encounter something hard and unyielding, *something*, that is to say, *which had no physiological or anatomical excuse for its presence.* There was something spherical within. He scraped its surface… It was undoubtedly a pea”.

В данном примере мы находим две метафоры. Это — прилагательное ‘stalagmitic’, использованное для описания ушной раковины пациента, и оборот ‘to have no (physiological or anatomical) excuse for,,,’ употребленный для определения попытки, предпринятой врачом, объяснить обнаруженное в этой раковине инородное тело.

Начнем с прилагательного ‘stalagmitic’. Оно заимствовано из той области знания, которая носит название ‘спелеология’. Данная область науки, как это знает читатель, изучает пещеры, их возникновение, внутренний климат, существующую в пещерах флору и фауну.

Примечательно, что метафора, созданная прилагательным ‘stalagmitic’ реализует несколько смысловых планов. Во-первых, это прилагательное использовано одновременно с существительным ‘cave’: … aural orifice more dank, be-lichened, and stalagmitic even than a cave… Мы узнаем также, что внутренняя часть ушной раковины пациента, похожая на пещеру, была влажной и сырой (dank) и, кроме того, в ней «росли» лишайники (bi-lichened).

Поскольку спелеология изучает влажность пещер, их температурный режим и их растительность, мы понимаем, что, в метафорическом смысле, врач, заглянувший в описываемую им ушную раковину, почувствовал себя, в какой-то степени, спелеологом.

Во-вторых, метафора, создаваемая словом ‘cave’, далее расширяется благодаря значению прилагательного ‘stalagmitic’. Приведем определение существительного

‘stalagmite’: ‘it is a deposit of calcium carbonate like an inverted stalactite formed on the floor of a cave by the drip of calcareous water’.

Карбонат кальция (calcium carbonate) — вещество твердое. Из этого обстоятельства мы можем заключить, что в ушной раковине пациента врач обнаружил довольно твердое инородное тело. ‘Drip of calcareous water’, т.е. капающая известковая вода, непосредственно отсылает нас к прилагательному dank: more dank than a cave. ‘Dank’ это не просто ‘влажный’ и ‘сырой’, но, по определению словаря, ‘*unpleasantly* damp and chilly, especially of cellars and caves’ (Collins English Dictionary).

Мы видим, что метафора, благодаря заложенным в ней внешним чертам сходства внутренней части уха человека с пещерой, переносит смысл с явления неодушевленного (пещера) на анатомическую часть тела человека.

В рассматриваемом нами примере метафорический перенос, осуществляемый существительным ‘пещера’, связан с возникновением широкого смыслового диапазона. Ушная раковина пациента описана во всех ее подробностях — от произрастающих в ней лишайников до образовавшихся, благодаря влажному «климату», удлиненных твердых инородных тел (сталагмитов), источающих неприятный запах.

Вопросы:

1. Как вы думаете, русское словосочетание ‘*ушная раковина*’ представляет собой в настоящее время стертую (в плане метафорической образности), стереотипную фигуру речи или в ней, вернее, в нашем сознании, все еще ощущается связь — по признаку внешнего сходства — с характерным очертанием морской раковины?

Ниже приводится ряд устойчивых словосочетаний с ключевым словом ‘ear’. В каких из этих словосочетаний, по вашему мнению, метафорический перенос (по внешнему сходству, выполняемой функции, по отдаленной или близкой аналогии, сходству, сравнению и проч.) ощущается отчетливо; в каких, напротив, этот перенос стал стертым, едва ощутимым?

to give ear to, to lend ear to — to be favorably attentive;

all ears — very attentive;

to fall on deaf ears — to be ignored or pass unnoticed;

a flea in one's ear (informal) — a sharp rebuke;

to have the ear of … — to be in a position to influence: *he has the ear of the president*

head over ears — with a powerful and confusing effect: *head over ears in love;*

in one ear and out the other — heard but unheeded;

to prick up one's years — to start to listen attentively, to become interested;

to turn a deaf ear — to be deliberately unresponsive;

up to one's ears — *informal,* deeply involved, as in work or debt,

(Collins English Dictionary).

Медицина использует большое количество метафор для обозначения тех или иных болезней, а также частей тела и внутренних органов человека. Например, довольно распространенное кожное заболевание носит название '*крапивница*'.

Медицинский справочник указывает на то, что данное заболевание характеризуется образованием на коже, а иногда и на слизистых оболочках, волдырей, похожих на волдыри от ожога крапивой.

Как вы думаете, метафорическое название — крапивница — возникло только на основе сходства упомянутых волдырей или другие обстоятельства тоже легли в основу обозначения данного аллергического заболевания?

2. Как вы думаете, какие признаки легли в основу возникновения таких метафорических медицинских терминов, как:

- почечная *лоханка* —
- *барабанная* перепонка —
- зуб *мудрости* —
- коленная *чашечка* —
- *солнечное* сплетение —

- *куриная* слепота —
- глазное *яблоко* —
- грудная *жаба* (так в прошлом называлась стенокардия. Боль в сердце при
- грудной *жабе,* стенокардии, обусловлена острым кислородным голоданием
- участка или участков сердечной мышцы — одна из форм ишемической
- болезни сердца) -

Приведем пример «медицинской» метафоры, используемой в разговорной речи. Когда мы испытываем чувство голода, то нередко говорим: «У меня сосет *под ложечкой*».

‘Ложечка’ это конец грудной кости, образующей впадину под ребрами.

В приведенном выше фрагменте (10-ый пример) мы находим еще одну метафору. Это — to have no (physiological or anatomical) excuse for the presence of… Данная метафора имеет иной характер по сравнению с рассмотренной выше. Сходство уха пациента и пещеры, в которой образовались сталактиты и в которой произрастают лишайники, переносит явление природы (пещера) на живой человеческий организм (ухо пациента).

Напротив, словосочетание to have no excuse for… имеет значение ‘отсутствие какого-либо оправдания, извинения’ и, таким образом, признак поведения человека переносится на предмет неодушевленный: something hard and unyielding which had no excuse for its presence in the patient’s ear.

Задание:

Сочините метафору, в которой признак неодушевленного предмета переносился бы на живой человеческий организм. Например: его (ее) убедить в чем-либо совершенно

невозможно. Это — несгибаемый, жесткий человек, не способный к состраданию, *человек-гвоздь.*

Сочините еще одну метафору, в которой, напротив, признак живого организма переносился бы на предмет неодушевленный. Например: ‘все в ней было радостно, как-то весело, легко, и *предметы*, к которым она прикасалась, тоже *были веселыми’*.

Автор пособия выражает надежду на то, что читателю удастся сочинить более яркие, неожиданные метафоры, нежели две приведенные выше в качестве примера.

В рассмотренных выше фрагментах (1 — 10) метафора создавалась путем использования лексических единиц, имеющих, в основном, книжный характер. Необходимо подчеркнуть, что метафора в такой же степени присуща и разговорной речи. Рассмотрим следующий пример:

7. «… семейная плодовитость расщепилась на две линии: одни, как Харлампий, годами не могли произвести на свет хоть самого малого ребеночка, другие, напротив, *сыпали в мир красноголовую* (рыжую — Н.Р.) *мелочь,* не придавая этому большого значения» (Л.Улицкая. Медея и ее дети. Москва, Эксмо, 2002, с.9).

Здесь метафора строится на основе двух противопоставлений:

‘годами не могли произвести vs сыпали в мир’;

‘хоть самый малый ребеночек vs (обильная) красноголовая мелочь’.

Существительное *мелочь*, использованное автором романа в метафорическом смысле ‘малые дети’, реализует в данном случае переносное значение ‘пустяк’, ‘нечто мелкое и малоценное’. Это переносное значение, по свидетельству толковых словарей имеющее разговорный характер, подтверждается и развивается в контексте с помощью деепричастного оборота ‘не придавая этому большого значения’ (действительно, кто придает значение мелочам и пустякам?)

Немалую роль в создании метафоры играет также глагол *сыпать:* одна семейная линия *годами не могла* (произвести ребенка), в то время как другая ‘*сыпала в мир* детей’. В данном случае глагол ‘сыпать’, как и существительное ‘мелочь’, тоже употреблен в переносном значении, характерном для разговорной речи: ‘наделять чем-то во множестве, щедро, не считая’. Например: «Желая удивить слушателей, оратор сыпал фактами, цифрами, цитатами».

Отметим, что читатель, знакомый с романом, из которого взят анализируемый нами пример, понимает, что слова ‘сыпать красноголовую мелочь’ употреблены автором с доброй, веселой улыбкой, поскольку именно эта «мелочь» в дальнейшем повествовании становится предметом авторского заинтересованного описания и глубокого изучения.

Задание:

Попробуйте сочинить метафору, основанную на антитезе. В ее начале будут такие слова, как (они/он, она и проч.) ‘никак не могли сказать’, ‘ничего не могли придумать как ни старались’, а затем употребите глагол *сыпать* в переносном (метафорическом) значении ‘говорить легко, быстро и много’, ‘говорить без умолку’. В этом значении глагол *сыпать* характерен для разговорной речи.

Особый интерес представляет **развернутая метафора**. Для ее толкования и анализа входящих в нее слов и словосочетаний, как правило, требуется более широкий контекст, нежели тот, с которым мы имели дело в примерах (с 1-ого по 11-ый), приведенных выше. Нередки случаи, когда развернутая метафора реализуется в рамках целого художественного произведения.

Так, многие поэтические произведения, сказки, басни, по сути дела, представляют собой развернутую метафору. Последняя широко используется и в текстах nonfiction, например, в газетных и журнальных статьях, а также в публицистических выступлениях. Яркая, талантливая журналистика нередко прибегает к использованию развернутой метафоры.

Сложное развитие текста, построенного на развернутой метафоре, логическая связь, обнаруживаемая между частями этой метафоры, ее подчиненность общему замыслу произведения, а также принцип отбора языковых средств, призванных «спаять воедино» все части метафоры и «заставить» их работать на одну общую смысловую задачу — все эти вопросы делают развернутую метафору одним из интереснейших объектов стилистического анализа.

В качестве примера такой метафоры приведем фрагмент из романа Рэя Брэдбери «451* по Фаренгейту». Этот фрагмент представляет собой начало романа. Для удобства анализа, а также для формулировки дальнейших вопросов и заданий текст разделен на пронумерованные части. Роману предпослан эпиграф, который является важнейшей частью развернутой метафоры:

*FAHRENHEIT 451**

The temperature at which book-paper catches fire and burns

Part 1

IT WAS A PLEASURE TO BURN

1. It was a special pleasure to see things eaten, to see things blackened and changed.

2. With the brass nozzle in his fists, with this great python spitting its venomous kerosene upon the world, the blood pounded in his head, and his hands were the hands of some amazing conductor playing all the symphonies of blazing and burning to bring down the tatters and charcoal ruins of history.

3. With his symbolic helmet numbered 451 on his stolid head, and his eyes all orange flame with the thought of what came next, he flicked the igniter and the house jumped up in a gorging fire that burned the evening sky red and yellow and black.

4. He strode in a swarm of fireflies. He wanted above all, like the old joke, to shove a marshmallow on a stick in the furnace, while the flapping pigeon-winged books died on the porch and lawn of the house. While the books went up in sparkling whirls and blew away on a wind turned dark with burning.

5. Montag grinned the fierce grin of all men singed and driven back by flame (Ray Bradbury. Fahrenheit 451*. *Антология.* Санкт-Петербург, 2005, с. 3).

Гибель существующей цивилизации представлена автором научно-фантастического романа как гибель ее самой ценной части — книги. В новой цивилизации чтение книги, и связанная с этим чтением способность человека мыслить критически, находятся вне закона. В этом анти-интеллектуальном мире каждый, кого застают за чтением книги, признается невменяемым и его книги сжигаются. При этом в первую очередь сжигаются такие книги, как Библия, все исторические произведения, поэзия, выдающаяся художественная литература. Библиотеки закрыты навсегда.

Писатель говорит о судьбе слова при диктаторском режиме, а также о пагубном влиянии телевидения и массовой культуры на чтение произведений мировой литературы. Роман Брэдбери, справедливо считающийся пророческим, вышел в 1953 г. и переиздавался более пятидесяти раз. Эту книгу ставят в один ряд с романом Орвела (George Orwell) «1984».

Вернемся к развернутой метафоре и, прежде всего, обратимся к той ее части, которая выражена глаголом. В первом фрагменте находим: It was a special pleasure *to see things eaten.* Примечательно, что в предложении, открывающем роман, используется

глагол ‘to eat’ в метафорическом значении ‘to destroy’: идея *разрушения и гибели* старой цивилизации, в которой существовали книги и человек был свободен мыслить критически, предстает в романе как центральная.

Вопрос: В переводе первый фрагмент дан следующим образом: «Жечь было наслаждением. Какое-то особое наслаждение видеть, как огонь пожирает вещи, как они чернеют и меняются». (Здесь и далее перевод Т. Шинкарь. В кн.: Рэй Брэдбери. «О скитаниях вечных и о Земле». Москва, Изд-во «Правда», 1987, с. 7).

Как вы считаете, словосочетание *огонь пожирал* (леса, дома, вещи и т.п.) представляет собой *оригинальную* глагольную метафору или же она превратилась в клише стандартного литературного языка? Желательно, чтобы ваш ответ был развернутым, т.е. не ограничивался двумя-тремя словами.

Во втором фрагменте мы находим следующую глагольную метафору: *to spit venomous kerosene upon the world* (громадный питон изрыгал на мир ядовитую струю керосина).

Вопрос: Как вы думаете, является ли глагол ‘изрыгать’ в данном случае удачным переводческим эквивалентом? Если перевод удачен, объясните, почему.

В третьем фрагменте метафора использует глагол *to burn:*...the house jumped up in a gorging fire *that burned the evening sky* red and yellow and black. Переводческий эквивалент этой части романа звучит следующим образом: ‘он нажимает воспламенитель — и огонь жадно бросается на дом, окрашивая вечернее небо в багрово-желто-черные тона’.

Вопрос: Вы видите, что в переводе нет глагола ‘to burn’ (the fire burned the evening sky, т.е. ‘огонь сжигал небо’). Как вы думаете, может ли в данном случае наречие ‘жадно’ (‘огонь *жадно* бросается на дом’) восполнить опущение глагола to burn? Обдумывая

ответ на этот вопрос, вспомните, что to gorge (причастие — gorging), сохраненное в переводе, имеет следующее значение: to eat greedily and in large quantities.

Этот вопрос можно сформулировать по-иному: какая картина производит на вас большее впечатление, кажется более яркой, запоминающейся: ‘огонь, сжигающий небо’, или ‘огонь, жадно бросающийся на дом’.

Вопрос: Как вы думаете, слова ‘the house *jumped up* in a fire’ представляют собой глагольную метафору, в которой смысловой перенос основан на сходстве с подпрыгнувшим человеком, или же здесь to jump использовано в прямом значении, которое толковые словари формулируют следующим образом:

1. to cause the body to become airborne;
2. to react by jerking the body violently.
3. to leap, to spring, to propel oneself upward.

Как вы думаете, следует ли в анализируемом нами контексте сохранить в переводе глагол to jump? Обоснуйте свою точку зрения.

Не только глаголы, но также определения (прилагательные и причастия) используются автором романа для создания частей развернутой метафоры. Наиболее интересным случаем является следующий:

‘Montag (the central character of the novel, Guy Montag, is employed as a book burner — H.P.) *grinned the fierce grin* of all men singed and driven back by flame’ (5).

Обратим внимание на прилагательное ‘fierce’. В данном контексте оно использовано не только (скорее, не столько) для того, чтобы описать эмоциональное состояние главного действующего лица, сколько для характеристики тех, кто занят сожжением книг и получает от этого занятия удовольствие. Прилагательное ‘fierce’ (his fierce grin) вписывается в один смысловой ряд с такими словами, использованными в анализируемом нами отрывке, как **f**lame, **f**ire, **f**ireflies, **f**urnace. Читатель, по всей вероятности, согласится с тем, что аллитерация в данном случае не является случайной.

В данном контексте прилагательное fierce имеет значение savage and violent in nature, severe, ferocious, terrible. Все эти оттенки значения органично вписываются в описание общей страшной картины сожжения всех имеющихся книг.

Давайте посмотрим, каким образом прилагательное fierce (grin) представлено в переводе: «*Жесткая* улыбка застыла на лице Монтэга, улыбка-гримаса, которая появляется на губах у человека, когда его вдруг опалит огнем, и он стремительно отпрянет назад от его жаркого прикосновения».

Вопрос: Как вы считаете, в данном контексте ‘жесткий’ (жесткая улыбка) полностью передает смысл английского прилагательного ‘fierce’? Обдумывая ответ на этот вопрос, сравните значения данных двух слов: ‘жесткий’ — суровый, грубый, не допускающий колебаний: *жесткая* манера поведения, *жесткие* методы ведения борьбы; ‘fierce’ — savage and violent in nature, severe, ferocious, terrible.

Какой из синонимов прилагательного ‘жесткий’ также был бы уместен в данном контексте: ‘безжалостный’, ‘жестокий’, ‘холодный’, ‘грубый’?

Отличительная особенность развернутой метафоры состоит в том, что ее использование, как правило, сочетается с другими приемами. Так, во втором фрагменте мы находим стилистический прием сравнения: ‘… his hands were the hands of some amazing conductor playing all the symphonies of blazing and burning…’. Здесь опущено, но явно подразумевается необходимый элемент сравнения — *like:* his hands were like the hands of…

Напомним, что метафора, напротив, как мы видели из примеров, приведенных в этом разделе, *непосредственным образом* ставит своеобразный знак равенства между изображаемым явлением (в широком смысле этого слова) и теми или иными особенностями человека, предмета, факта и проч.

Иными словами, метафора переносит слово или словосочетание, привычным образом употребляемое нами для описания какого-либо одного предмета, на другой,

часто совсем непохожий, предмет. Читатель, конечно, понимает, что слово «предмет», как и упомянутое выше «явление», употреблено здесь в самом широком смысле.

Помимо упомянутого *like* стилистический прием сравнения может также вводиться словом *as* (подробнее об этом см. ниже в разделе «Сравнение»).

Обратим внимание на другие стилистические приемы, вовлеченные в орбиту рассматриваемой нами развернутой метафоры. Одним из них является эпитет: …the flapping *pigeon-winged books* died on the porch and lawn of the house. While the books went up in sparkling whirls and blew away on a wind turned dark with burning.

Вопрос: Как вы думаете, какую цель преследует автор романа, сравнивая, с помощью эпитета, страницы сжигаемых книг с умирающими голубями? Наверное, вы согласитесь с тем, что дело здесь не только в том, что падающая на землю обожженная страница по своему цвету и форме напоминает голубя. Какова при этом роль глагола *died?* Еще раз подчеркнем, что для Брэдбери насильственное уничтожение книг равносильно гибели всей созданной человеком цивилизации, всей его истории.

Вопрос: Как вы считаете, сохранился ли в переводе (он приводится ниже) тот немалый заряд экспрессии, который несет в себе сравнение умирающей птицы с умирающей книгой? Желательно, чтобы ваш ответ был развернутым и обоснованным:

«…книги, как голуби, шелестя крыльями-страницами, умирают на крыльце и на лужайке перед домом; они взлетают в огненном вихре, и черный от копоти ветер уносит их прочь».

Однако, сколь велико не было бы значение отдельных стилистических приемов, вовлеченных в фигуру развернутой метафоры, основная роль в ее реализации принадлежит, по-видимому, тому лексическому пласту, который в данном контексте

связан с мыслью автора о насильственной гибели книг в огне новой, бесчеловечной цивилизации.

Задание: Ниже приводится перечень этих лексических единиц (слов и словосочетаний). Переведите их на русский язык, помня, что художественный текст не только допускает, но, более того, поощряет синонимичные замены и оригинальные переводческие находки:

Fahrenheit 451 (the temperature at which… см эпиграф к книге) —

to see things blackened and changed —

venomous kerosene —

blazing and burning —

charcoal ruins of history —

(his) eyes all orange flame with the thought of …—

to flick the igniter —

gorging fire —

to burn the evening sky —

a swarm of fireflies —

a furnace —

sparkling whirls —

a wind turned dark with burning —

(the grin of all men) singed and driven back by flame —

Рассмотрим развернутую метафору на материале русского языка. В качестве примера приведем отрывок из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Напомним сказанное выше в связи с рассмотрением метафоры, открывающей роман Брэдбери «451° по Фаренгейту»: анализ развернутой метафоры требует знания более широкого контекста, нежели тот, который нам нужен в случае метафоры неразвернутой. Этот широкий контекст дает читателю возможность увидеть те

смысловые «скрепы», которые объединяют части развернутой метафоры, подчиняют их единому авторскому замыслу.

В данном случае речь идет о градоначальнике города Глупова по фамилии Угрюм-Бурчеев. Романист дает ему следующую характеристику, которая поможет нам лучше понять языковые особенности приводимой в дальнейшем развернутой метафоры :

«Как человек ограниченный, он ничего не преследовал, кроме правильности построений. Прямая линия, отсутствие пестроты, простота, доведенная до наготы, — вот идеалы, которые он знал и к осуществлению которых стремился. Его понятие о «долге» не шло далее всеобщего равенства перед шпицрутеном; его представление о «простоте» не переступало далее простоты зверя, обличавшей совершенную наготу потребностей. Разума он не признавал вовсе и даже считал его злейшим врагом, опутывающим человека сетью обольщений и опасных привередничеств. Перед всем, что напоминало веселье или просто досуг, он останавливался в недоумении. Нельзя сказать, чтоб эти естественные проявления человеческой природы приводили его в негодование: нет, он просто-напросто не понимал их…

Район, который обнимал кругозор этого идиота, был очень узок; вне этого района можно было и болтать руками, и громко говорить, и дышать, и даже ходить распоясавшись; он ничего не замечал; внутри района — можно было только маршировать» (М. Салтыков-Щедрин. История одного города. Изд-во «Художественная литература». Москва, 1975, с. 155-156).

Таков контекст, необходимый для анализа развернутой метафоры. Широким его можно назвать лишь условно, поскольку, на самом деле, характер Угрюм-Бурчеева дан романистом во множестве подробностей, перечислить которые здесь полностью было бы вряд ли возможным в связи с проблемой экономией места в учебном пособии.

Для удобства отсылок приводимая ниже развернутая метафора разделена на пронумерованные фрагменты.

«1. Посредине — площадь, от которой радиусами разбегаются во все стороны улицы, или, как он (Угрюм-Бурчеев — Н.Р.) мысленно называл их, роты. По мере

удаления от центра роты пересекаются бульварами, которые в двух местах опоясывают город и в то же время представляют защиту от внешних врагов.

2. Затем форштадт, земляной вал — и темная занавесь, то есть конец свету. Ни реки, ни ручья, ни оврага, ни пригорка — словом, ничего такого, что могло бы служить препятствием для вольной ходьбы, он не предусмотрел.

3. Каждая рота имеет шесть сажен ширины — не больше и не меньше; каждый дом имеет три окна, выдающиеся в палисадник, в котором растут: барская спесь, царские кудри, бураки и татарское мыло.

4. Все дома окрашены светло-серою краской, и хотя в натуре одна сторона улицы всегда обращена на север или восток, а другая на юг или запад, но даже и это упущено было из вида, а предполагалось, что и солнце и луна все стороны освещают одинаково и в одно и то же время дня и ночи.

5. В каждом доме живут по двое престарелых, по двое взрослых, по двое подростков и по двое малолетков, причем лица различных полов не стыдятся друг друга. Одинаковость лет сопрягается с одинаковостью роста. В не которых ротах живут исключительно великорослые, в других — исключительно малорослые…

6. Присутственные места называются штабами, а служащие в них — писарями. Школ нет, и грамотности не полагается; Наука чисел преподается по пальцам. Нет ни прошедшего, ни будущего, а потому летоисчисление упраздняется».

Правильность построения, прямая линия, разум как величайший враг, простота, доведенная до наготы — все эти качества градоначальника уточняются и расширяются с помощью метафоры. Так, улицы это роты (1,3), присутственные места это штабы (6), бульвар это защита от внешних врагов (1), а территория за пределами бульваров — форштадт (т. е. местность за городской чертой) — завершает картину безысходного единообразия, над которой висит темная занавесь (2).

Тема метафоры развивается также *от противного*, т.е. автор перечисляет не только то, что имеется в городе Глупове (улицы-роты, бульвары, которые защищают от

внешнего врага и т.п.), но также говорит о том, чего в этом городе нет и что составляет прелесть любого ландшафта и красоту любой панорамы небольшого города, а именно, река, ручей овраг и пригорок (2).

Далее метафора развивается путем описания домов, расположенных вдоль казарменных улиц. Не только улицы-роты строго регламентированы по ширине — шесть сажен, не больше и не меньше (3). Каждый дом сверх того имеет только три окна, а в палисаднике перед окнами должны быть посажены только определенные растения.

Сами названия этих растений — барская спесь, царские кудри, татарское мыло — говорят о странности вкуса градоначальника. Однако дело не только в названиях. И барская спесь (то же, что и татарское мыло), и царские кудри — растения многолетние. Следовательно, и сил на них тратится меньше, ибо кому особенно нужны цветы? А бурак (вид свеклы), как известно, принадлежит к огородным растениям и никогда не высаживается перед окнами в палисаднике.

Выше отмечалось, что развернутая метафора, как правило, включает в свои рамки иные стилистические приемы. Так, описание домов, расположенных вдоль улиц-рот, строится на использовании еще одного яркого приема, а именно, гротеска. По мнению градоначальника, дома, расположенные на противоположных сторонах улицы, должны освещаться солнцем и луной одинаково и в одно и то же время дня и ночи (4). В домах должны жить люди одинакового возраста; при этом одинаковость лет сопрягается с одинаковостью роста (5).

Далее сатирический гротеск углубляется упоминанием еще одной черты градоначальника, который, по словам Салтыкова-Щедрина, имел кругозор идиота. Имеется в виду взгляд Угрюм-Бурчеева на грамотность, которая не полагается вовсе (6).

Задание: Прочтите приводимый ниже отрывок из того же романа Салтыкова-Щедрина «История одного города». Этот отрывок имеет непосредственное отношение к «прямолинейному идиотизму Угрюм-Бурчеева, градоначальнику города Глупова:

«… нивелляторство существовало, и притом в самых обширных размерах. Были нивелляторы «хождения в струне», нивелляторы «бараньего рога», нивелляторы «ежовых рукавиц» и проч. и проч. Но никто не видел в этом ничего угрожающего обществу или подрывающего его основы. Сами нивелляторы отнюдь не подозревали, что они нивелляторы, а называли себя добрыми и благопопечительными устроителями, в мере усмотрения радеющими о счастии подчиненных и подвластных им лиц…»

Вопросы:

1. Как вы можете определить значения слов «нивеллятор» и «нивелляторство»?

2. Каким образом эти слова соотносятся, по своему значению, с тремя упомянутыми в тексте метафорами: «ходить в струне», «скрутить в бараний рог», «держать в ежовых рукавицах»?

Итак, рассмотренный выше материал позволяет сделать некоторые выводы:

1. Метафора может иметь традиционный характер. Такая метафора лишена индивидуальной неповторимости; она сложилась в языке как нечто целое. Метафора подобного рода столь привычна, что мы нередко забываем о том, что то или иное словосочетание является, на самом деле, метафорой. Между тем творческая метафора всегда свежа, оригинальна и неповторима.

2. В основе творческой метафоры лежит сравнение двух вещей (в широком смысле этого слова), в которых мы, на первый взгляд, не обнаруживаем каких-либо черт сходства. При этом мы осуществляем перенос того или иного свойства с одного предмета на другой, непохожий, предмет.

3. Метафора может быть подвергнута классификации исходя из особенностей той части речи (например, прилагательное, глагол, существительное),

которая положена в ее основу. В тексте целый ряд следующих друг за другом метафор может быть выражен с помощью только какой-либо одной части речи.

4. В художественном произведении метафора встраивается в контекст, который подготавливает (иными словами, оправдывает) ее появление.

5. Круг явлений, описываемых в художественном тексте с помощью метафоры,

чрезвычайно широк и разнообразен. В этом разнообразии выделяется интересная область, связанная с описанием состояния природы. В таких описаниях мы нередко сталкиваемся с использованием стилистического приема персонификации.

6. Заслуживает внимания особый случай метафоры, когда она представляет собой сентенцию или афоризм и, таким образом, может существовать автономно, т.е. вне контекста.

7. Одна из интересных областей метафорического переноса представлена медицинской терминологией. Читатель, заинтересовавшийся данной темой, найдет в ней большой и разнообразный материал.

8. Метафора может создаваться как на основе книжной, так и разговорной лексики. В художественном тексте сам контраст метафорически книжного и метафорически разговорного порождает дополнительную экспрессивность

9. Одним из интереснейших объектов стилистического анализа является развернутая метафора. Ее фрагменты, находясь в сложных смысловых отношениях, обнаруживают четкую подчиненность общему замыслу произведения. Интерпретация и анализ развернутых метафорических смыслов нередко требует от лингвиста знания

широкого контекста. Особенно это справедливо в отношении художественных произведений большого формата, например, романа.

Обзоры. Рецензии

Н.М.Абакарова (ИЯз РАН)

Рецензия на пособие М.М.Сизова «Комплексное пособие на материале научно-популярных текстов на английском языке» (обучение чтению, аудированию, говорению, письму и переводу). Ответственный редактор М.А.Павликова

Москва: Советский писатель, 2008 г. (60 стр.)

Рецензируемое пособие продолжает серию пособий, составленных М.М.Сизовым с целью комплексного развития всех видов речевой деятельности учащихся— аудирования, говорения, чтения, письма и перевода. Оно предназначено для работы в группах второго и третьего семестров, но может быть полезно всем желающим совершенствовать свои навыки владения языком.

Пособие состоит из десяти частей. Все части имеют одинаковую структуру. В задании №1 вводится лексический материал, обязательный для понимания основных фактов текста. В задании №2 предлагается прослушать или прочитать научно-популярный текст на английском языке. В задании №3 приводится ряд вопросов с целью проверки понимания основных фактов текста. В задании №4 выделяется частотная лексика, способствующая как лучшему пониманию текста при повторном прослушивании, так и расширению словарного запаса учащихся. Задание №5 предполагает закрепление лексики, выделенной в заданиях №1 и №4,при переводе предложений на английский язык. В задании №6 предлагается прослушать или прочитать текст еще раз, если это необходимо. В задании №7 учащиеся отсылаются к заданию №3,чтобы еще раз ответить на вопросы к тексту, но уже на более углубленном уровне. Задание №8 ставит перед учащимися задачу подготовить в письменной и устной форме краткое изложение текста для последующего прослушивания на занятии. В задании №9 дается дополнительный текст по теме основного текста для подготовки к обсуждению

темы. В задании №10 предлагаются вопросы, направленные на развитие навыков неподготовленной устной речи при обсуждении проблем, рассмотренных в текстах урока. В задании №11 приводится текст, который можно использовать для перевода или изложения на английском языке. Данный текст не является дословным переводом английского оригинального текста, приводимого в задании №2, и исключает возможность его механического воспроизведения.

Пособие предваряется методической запиской, в которой подробно отражены его структура, цель и задачи. Автор неоднократно подчеркивает, что материалы пособия могут использоваться по усмотрению самого преподавателя, исходя из его методических приемов и в зависимости от уровня подготовки обучаемой группы.

Все тексты, используемые в пособии, являются аутентичными и начитаны на компактный диск носителем языка.

К несомненным достоинствам данной работы следует отнести актуальный характер текстов, посвященных различным аспектам современной науки и техники. Учащимся предлагают обсудить проблемы генной инженерии (Unit 1.Human Genetic Engineering),способность к сохранению умственных способностей до глубокой старости (Unit 4.Mental Faculties in Old Age), психологическую оценку состояния счастья(Unit 5.The Pursuit of Happiness),использование биометрических и других новейших методов анализа материала(Unit 6.Nature’s Fingerprints), возможности нанотехнологии(Unit 7.Nanotechnology,) различные версии гибели динозавров(Unit 8.Death of the Dinosaur), последствия изменения климата (Unit 9.Climate Change), теории исчезновения жизни на Марсе (Unit 10. What Happened to Mars).Нашли свое отражение в пособии и такие злободневные проблемы морально-этического характера как ответственность курильщиков перед некурящими (Unit 2.Smokers Get the Blame) и отношение общества к эвтаназии (Unit 3.Exit with Dignity).

Информативность и познавательная ценность текстов немало способствует решению основных задач комплексного обучения научных работников: научить быстро извлекать информацию при чтении, излагать содержание на языке оригинала просто и

понятно, делать сообщения и обсуждать научные темы, используя самые употребительные языковые средства и основные термины, то есть усвоить стиль нейтрального научного изложения.

Как известно, к важнейшим условиям порождения и стимулирования речи в современной методике относят, в первую очередь, наличие мотива высказывания, ситуативность и личностную ориентацию. Существенным для обеспечения речевых ситуаций языковым материалом является выделение двух уровней речи: подготовленного и неподготовленного. В рецензируемом пособии подготовленный уровень речи, предполагающий предварительное обеспечение ее языковым материалом со стороны обучающего или со стороны самого учащегося, является доминирующим. Что касается неподготовленной речи, то она готовится практически всем ходом занятия и осуществляется при выполнении задания №10.

Вопросы, предлагаемые после изучения двух дополняющих друг друга или рассматривающих одну и ту же проблему с разных сторон текстов, способствуют развитию коммуникативных умений учащихся. В данном случае возможно как обсуждение затронутой темы в диалогической форме (преподаватель—учащийся; учащийся1—учащийся2),так и монологическое высказывание в виде последовательного и достаточно развернутого ответа на вопросы. Например, в части 2, где детально прорабатывается проблема курения и его возможных последствий для окружающих, содержится обращение к личному опыту учащихся:When and why did you start smoking? Do your relatives object to your smoking? How do you feel when you smoke in the presence of non-smokers?

Do you think that enough is done in Russia to fight smoking particularly among teenagers? What would you do to fight smoking on the national scale? В части 9, посвященной глобальным климатическим изменениям, ответы на вопросы требуют не только (и не столько) знания прочитанных текстов, но, скорее, общей и профессиональной эрудиции коммуникантов, например:What do you know about the present condition of the ozone layer? What chemicals are believed to be causing the ozone depletion? What are the economic

applications of these chemicals? What other phenomena may be responsible for the development of ozone holes? What is being done in Russia to fight climatic changes? Таким образом, стимулируя свободные, но при этом предметные высказывания учащихся на заданную тему, данное задание активизирует навык говорения.

Интенсивность обучения достигается за счет предоставления текстов и заданий различного объема и степени сложности в пределах одной части(Unit).Если первоначальное чтение текста в задании №2 является ознакомительным, то выполнение заданий №6, №7 и №8 требует изучающего чтения. Кроме того, задание №8 имеет целью развитие такого сложного речевого умения как письмо. Реферативное изложение текста в письменной форме формирует у учащегося навыки по трансформации различных лексических и грамматических средств языка для более краткой передачи смысла. Учебная функция реферата заключается в том, что работа над ним прививает аспирантам и соискателям навыки, необходимые в дальнейшем при чтении специальной литературы и подготовке сообщений.

К несомненным достоинствам работы М.М. Сизова следует отнести методически продуманный характер заданий, логичность структуры каждой части, последовательную и постепенную реализацию принципа коммуникативной направленности учебного процесса. Универсальный характер текстов позволяет использовать данное пособие как для обучения специалистов в области естественных и точных наук, так и в группах гуманитарного профиля.

Н. Н.Гончарова (ИЯз РАН)

Рецензия на учебное пособие А.А. Словесной «Let's Speak and Write Science»

Ответственный редактор Н.М.Разинкина М.: Советский писатель, 2010 г. (62 стр.)

Учебное пособие А.А. Словесной направлено на развитие навыков устной и письменной речи в группах II и III (кандидатского) семестров. Особое внимание уделено подготовке слушателей к сдаче третьего и четвертого пунктов кандидатского экзамена.

Пособие состоит из двух разделов. В первом разделе представлены лексика и упражнения на темы Giving Opinion, Agreeing and Disagreeing, Explaining, Making Suggestions, Interrupting, Questioning, Reporting и Dealing with Questions. Цель раздела — формирование коммуникативной компетенции в стандартных ситуациях научного общения. Необходимо отметить простоту и доступность, игровой характер подачи материала; стилистическую нюансировку лексики, усвоение которой позволит слушателю и блеснуть на конференции, и стать душой компании в неформальной обстановке.

Второй раздел пособия включает ряд актуальных тем (что опять-таки является мотивирующим фактором), а также упражнения на развитие письменной и устной речи. К темам относятся следующие: Ecology. Climate Change Problems, Science and Inventions, Living with Computers, Globalisation, Psychology. Human Body and Mind. Упражнения раздела отличаются большим разнообразием, а их подбор системностью и эвристичностью. Это задания множественного выбора, деловые игры, дискуссии, написание эссе по собственному или предложенному плану, перевод с русского языка на английский и с английского на русский, логические задачи. Упражнения служат не только узко практической цели обучения языку и культуре речи, но и цели творческого развития. Ряд из них дополнен запоминающимися иллюстрациями (принцип наглядности). Задания ориентированы как на индивидуальное, так и на коллективное выполнение, последнее важно для занятий в группе. Нетривиален и тест "машинального

рисования": слушателям предложено составить свой психологический портрет. Это позволит создать персонализированные программы обучения для каждого.

Достоинство пособия и в целесообразной и разумной организации материала, ясности и конкретности его изложения. Разделы работают "сообща", дополняя друг друга, что повышает уровень усвоения материала. Кроме того, демократический стиль подачи создаст доброжелательный и в то же время деловой микроклимат в отношениях как внутри группы, так и между группой и преподавателем.

Пособие окажет неоценимую услугу как сдающим кандидатский экзамен, так и всем, кто хочет грамотно и эффективно общаться на английском языке. На мой взгляд, работа Анны Андреевны займет достойное место среди проверенных временем трудов преподавателей нашей кафедры.

П.С.Дронов (ИЯз РАН)

Рецензия на учебное пособие О.В. Сиполс

“Develop Your Reading Skills: Comprehension and Translation Practice”

Ответственный редактор Н.М.Разинкина. М.: Флинта, 2007 г. (372 с.)

Как известно, в настоящее время идет культурная экспансия английского языка. Сюда входит не только собственно перенимание элементов культуры, но и распространение научных достижений, появившихся в США и странах Британского Содружества. Одновременно, как полагает ряд исследователей, английский язык в ходе своего развития поглощает различные аспекты культур всего мира [1] (ср. также знаменитую фразу поэта Р.У. Эмерсона: *“I like to be beholden to the great metropolitan English speech, the sea which receives tributaries from every region under heaven”*).

Как следствие, английский сейчас является одним из наиболее распространенных языков на планете. В настоящий момент на нем издается большая часть научной

литературы. В связи с этим, людям самых разных профессий приходится развивать навыки чтения и понимания английского текста. Именно для них, прежде всего, предназначена рецензируемая работа, написанная Ольгой Вильновной Сиполс, доцентом Кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, и опубликованная издательством «Флинта●Наука» в 2007 г.

Цель данного пособия — обучение чтению и пониманию англоязычного текста. В его основе лежит обширная подборка оригинальных текстов, затрагивающих самые разные темы: образование, развитие компьютеров, расшифровка генома человека, теории происхождения языка и т.д. Автор выбирает тексты, отличающиеся жанровым разнообразием и легкостью изложения.

Структурно учебник состоит из двух частей. В первую часть, озаглавленную *"Vocabulary and Grammar Practice"*, входит 27 уроков (*Units*). Кроме того, она делится на две главы: задания в первой даны для среднего уровня подготовки, тогда как во второй сложность значительно возрастает. Каждый урок подразделяется на 3 части — подготовка к чтению (беглый просмотр текста с целью выяснения его тематики, обсуждение, разбор ключевых слов и словосочетаний), чтение и перевод текста, послетекстовая часть (подробный анализ лексики и грамматики, упражнения).

Обращает на себя внимание тот факт, что, излагая правила английского словообразования, морфологии, синтаксиса, лексики, автор старается не прибегать к долгим объяснениям и лингвистической терминологии. Английские грамматические конструкции, значения слов и устойчивых словосочетаний объясняются с помощью моделей и таблиц. Постоянно даются контексты, содержащие объясняемые слова, и наиболее распространенные словосочетания с переводом, ср.:

reference *n.* (to) ссылка на, упоминание о (line 1 [т.е. первая строка приводимого фрагмента текста])

in/with reference to — ссылаясь на, относительно чего-то

reference book — справочник

to make reference to — ссылаться на, упоминать о (с. 19);

It is necessary **that** the teachers of history and the designers of syllabuses **should have** a responsibility… = It is necessary **for** the teachers of history and the designers of syllabuses **to have** responsibility…

Необходимо, чтобы учителя истории и составители учебных планов **отвечали**… (с. 207).

Вторая часть пособия О.В. Сиполс состоит из 13 блоков обучающих тестовых заданий (Practice Tests), которые отрабатывают и закрепляют общие языковые навыки, навыки восприятия смысла (беглый просмотр — *skimming*), выделения основной мысли, нахождения определенной информации (*scanning*), понимания последовательности аргументации в тексте и скрытого смысла. Целью здесь является переход к беспереводному пониманию текста.

Обилие тем и практических авторских разработок составляет главное достоинство работы. Пособие отличают стройность и логичность предъявления материала, строгая продуманность и доказательность приводимых заданий и типов упражнений. Несомненным достоинством работы являются также подробные методические указания для студентов, преподавателей и тех, кто желает обучаться самостоятельно.

Следует также отметить, что многие тексты в пособии О.В. Сиполс снабжены превосходно выполненными переводами, которые могут быть использованы для обучения переводчиков.

К сожалению, книга не лишена недочетов, однако они невелики и носят технический характер, ср. опечатки *comprehention* вместо *comprehension* (титульный лист), *hobbiests* вместо *hobbyists* (с. 259). В целом, данное пособие заслуживает весьма высокой оценки.

Литература

1. Graddol, D. The Future of English? British Council, 1997 // http://www.britishcouncil.org/de/learning-elt-future.pdf

О.В.Наумова (ИЯз РАН)

Рецензия на учебное пособие М.А. Павликовой “Лексико-грамматические тесты по обучению пониманию английского научного текста”

М.: Советский писатель, 2007 г. (55 стр.)

Интеграция современного российского общества в мировые экономические и общественно-политические процессы, изменения социокультурного контекста общественной жизни влечет за собой изменение требований, предъявляемых современным обществом к образованию в целом и языковому образованию в частности.

В современных условиях целью обучения и одновременно условием, обеспечивающим успешность ее достижения, является развитие способности обучаемых использовать иностранный язык как инструмент общения в диалоге культур и цивилизаций современного мира.

Овладение иностранным языком как средством общения стало реальным требованием времени. Для полноценного общения необходимо научиться говорить, т.е. понятно и правильно высказывать свои мысли, но и не менее важно научиться читать и понимать научную и научно-популярную литературу. Данная цель развития у русскоязычного читателя навыков понимания английской научной и научно-популярной литературы ставится в учебном пособии М.А. Павликовой “Лексико-грамматические тесты по обучению пониманию английского научного текста”. Автор пособия решает данную задачу обучения навыкам понимания через систему грамматических и лексических заданий тестового характера, которые призваны способствовать аналитическому прочтению предлагаемого материала, т.к. анализ читаемого абсолютно необходим для адекватного восприятия исходной информации.

Новым и полезным является рассмотрение функциональной направленности тестов. Как известно, современный языковой тест носит, в первую очередь, контрольный характер: контрольное тестирование сегодня широко применяется на всех этапах обучения иностранным языкам с целью выявления и/или оценки сформированности у

учащихся языковых навыков и умений. Автор приходит к выводу, что языковой тест может (и должен) носить и обучающий характер (т.е. служить тестом-упражнением) и применяться в ходе самого процесса выработки навыков и умений владения языком.

Тестовые задания данного пособия направлены, прежде всего, на отработку так называемых «грамматических и лексических трудностей» научного стиля современного английского языка (артикль, формы глагола, инфинитив и инфинитивные обороты, причастие/герундий и причастные обороты/герундиальные обороты, общенаучная лексика). Далее, отдельные разделы пособия имеют своей целью подвести читателя к восприятию текста на логико-смысловом уровне (например, раздел по модальности и раздел, посвященный эмфазе и инверсии); кроме того, на ту же цель направлены и отдельные творческие задания каждого раздела, имеющие отношение к целостности восприятия определенного смыслового отрывка (например, «Find the main idea of the passage» или «Give the best title to the passage»).

Пособие включает 8 разделов, посвященных основным явлениям грамматики английского научного текста и состоящих из текстов и тестовых заданий к ним. Тексты представляют собой образцы письменной научной и общей английской речи по разнообразной проблематике, подобранные из различных источников: научные и научно-популярные статьи, монографии, пособия по чтению, сборники текстов для чтения и др.. Помимо тестовых заданий по грамматике, в каждом из разделов предлагаются задания по обучению английской общенаучной лексике, а также задания, нацеленные на облегчение понимания читаемого текстового отрывка. Составитель стремился, по возможности, унифицировать структуру разделов.

Пособие отличают стройность и логичность предъявления материала. Типовая структура раздела представлена следующим образом:

I. Общенаучный текст № 1, содержащий ряд однотипных грамматических и/или лексических трудностей. Тестовые задания (Assignments), нацеленные на проверку общего понимания текста и знакомство с лексико-грамматическими трудностями, содержащимися в нем.

II. Общенаучный текст № 2, содержащий ряд языковых трудностей, аналогичных трудностям текста № I. Тестовые задания, нацеленные на проверку общего понимания текста и активизацию владения вводимым лексико-грамматическим материалом.

III. Общенаучный текст № 3. Тестовые задания, направленные на активизацию введенного материала и его дальнейшее усвоение.

IV. Общенаучный текст № 4 (контрольный). Тестовые задания, нацеленные на проверку глубокого и полного понимания текста на основе усвоенной грамматики и лексики.

Задания каждого раздела снабжены «ключами» («clues»), которые даны непосредственно после самого задания, что должно облегчить процессы самоконтроля и самокоррекции понимания читаемого отрывка.

Пособие М.А. Павликовой сбалансировано в композиционном плане и хорошо выверено, что является одним из его достоинств. Можно надеяться, что работать по нему будет приятно и удобно как преподавателям, так и учащимся.

Такое построение пособия позволяет преподавателю в пределах одного занятия решать сразу несколько задач кандидатского курса обучения иностранному языку — изучения и закрепления наиболее сложных явлений грамматики и лексики научного текста; развития навыков чтения, понимания и перевода; развития навыков устного реферирования, т.е., практически, и навыков говорения.

Методически оправдана подача материала в пособии. Пособие предназначено для аспирантов и научных сотрудников, готовящихся к сдаче кандидатского экзамена по английскому языку, а также для научных работников, желающих самостоятельно овладеть навыками чтения и перевода научной литературы. Актуальность и практическая значимость данной работы не подлежит сомнению, так как в настоящее время ощущается большая потребность в учебно-методической литературе, посвященной анализу и переводу научного текста. Пособие М.А. Павликовой может быть интересно для широкого круга специалистов. К несомненным достоинствам данной работы следует

отнести тот факт, что она может использоваться и служить хорошим учебным пособием как для работы в группах третьего семестра, так и для самостоятельной подготовки аспирантов и научных работников с различным уровнем подготовки, стремящихся овладеть навыками чтения и перевода научной литературы.

Для Кафедры иностранных языков РАН данное учебное пособие, направленное на оптимизацию процесса подготовки аспирантов и научных работников к сдаче кандидатского экзамена по английскому языку, является неоценимым и заслуживает глубокого уважения и благодарности.

З.Г.Прошина (МГУ им. М.В.Ломоносова)

Рецензия на монографию Е.В.Тереховой «Рекуррентные конструкции в современном английском политическом дискурсе (статус и функционирование)». Москва: Флинта/Наука, 2010 г. (173 стр.)

Рецензируемая работа представляет собой актуальное на сегодняшний день самостоятельное исследование, которое содержит научно-практические наработки, систематизированные и обработанные в соответствии с заявленной темой. Автору монографии впервые удалось обнаружить и изучить свойства рекуррентных конструкций, «летучего отряда» устойчивых словосочетаний, возникающих на периферии хорошо изученного и описанного класса фразеологизмов. В рецензируемой работе делается, с нашей точки зрения, удачная попытка всесторонне изучить эти новые образования в аспекте их семантики, синтактики и прагматики, определить их статус и функционирование в современном английском политическом дискурсе. Актуальность выбранной тематики не вызывает сомнений: в хорошо изученном мире фразеологических единиц сделано маленькое, но открытие, которое поможет определить, как возникают устойчивые словосочетания, каковы источники их появления, какие факторы влияют на

процесс их возникновения, становления, развития, кодифицирования в словаре или незаметного сходы со сцены. Наряду с лингвистическими трудностями межязыковых контактов, Е.В. Терехова также интерпретирует внеязыковые сложности исследования данных конструкций, к которым относятся лингвокультурологические и социальнокультурные аспекты.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка цитируемой литературы, источников и словарей. Первая глава посвящена выявлению статуса изучаемых конструкций и состоит из одиннадцати подразделов-параграфов, которые комплексно исследуют рекуррентные конструкции, их типологию, причины возникновения, сходства и различия с окказионализмами, событийную и жанровую принадлежность, а также специфику их «работы» в английском политическом дискурсе.

Глава 2 состоит из десяти параграфов и, в соответствии с заявленной темой, сфокусирована на функционировании рекуррентных конструкций в современном английском политическом дискурсе. Вторая часть очень удачно дополняет первую, ибо она посвящена семантическим, синтаксическим и прагматическим механизмам развертывания изучаемых конструкций в дискурсе. Автор монографии исследует такие вопросы, как устойчивость данных словосочетаний, их структурно-семантические модели образования, внутреннюю форму и метафоризацию, а также прагматические особенности информации, передаваемой рекуррентными конструкциями в политическом дискурсе.

Несомненной заслугой Евгении Викторовны Тереховой следует считать то, что она написала книгу научно-прикладного характера, с многочисленными переводческими примерами, которые очень украсили эту работу. Монография своевременна, актуальна и, несомненно, найдет своего читателя.

Н.М.Разинкина (ИЯз РАН)

Рецензия на работу Т.О. Сухановской «Физика атмосферы. Комплекс словарей»

Москва: Флинта/Наука, 2009 г. (225 стр.)

В отечественной лексикографической практике рецензируемая работа является одновременно традиционной и новаторской. Традиционна она потому, что продолжает линию так называемых отраслевых терминологических словарей, дающих перевод отдельного специального термина на русский язык. Эта серия словарей довольно многочисленна; она охватывает как области естественных наук, так и (особенно в последнее время) наук гуманитарных.

Новаторской рецензируемая работа является потому, что она впервые построена как комплекс словарей. Этот комплекс включает следующие три основных блока:

1. Англо-английский толковый словарь по физике атмосферы;
2. Англо-русский словарь терминов и терминологических сочетаний по физике атмосферы;
3. Частотный англо-русский словарь-минимум по физике атмосферы.

Остановимся на этих разделах в отдельности, поскольку каждый из них имеет собственную целевую установку и собственное построение.

«Англо-английский **толковый** словарь по физике атмосферы» представлен — в содержательном плане — с помощью разделов, которые одновременно связаны между собой благодаря общей тематической направленности и в то же время каждый раздел имеет свою собственную целевую направленность. Составитель Словаря выделил восемь таких разделов:

1. Essential Characteristics of Electromagnetic Fields and Waves;
2. Radiation, Paths, and Velocities of Electromagnetic Waves;
3. Electromagnetic Properties of Propagation Media;

4. Phenomena Related to the Boundaries of Propagation Media;

5. Tropospheric Propagation and the Effect of the Ground;

6. Terrestrial Ionized Media;

7. Effects of the Ionosphereж

8. Influence of Propagation on Communications.

К перечисленному выше добавим, что, в свою очередь, шесть из восьми приведенных выше разделов делятся (в общей сложности) на 16 подразделов. Одни эти цифры не могут не убедить читателя в том, сколь тщательно и вдумчиво структурирована рецензируемая работа.

Каким образом строится раздел в толковом англо-английском словаре? Рассмотрим этот вопрос на примере подраздела “Radio Wave Propagation”. Автор Словаря выбирает ключевое слово для данного раздела, например, **wave.** Далее это слово «обрастает» словосочетаниями, такими, как plane wave, uniform plane wave, free wave, traveling wave, standing wave и т.д.

Каждое словосочетание объясняется (толкуется) отдельно, причем целый ряд entries имеет при себе раздел *Note* (или Notes). Последний детализирует и /или приводит дополнительные сведения, касающиеся данного терминологического словосочетания. Например, **plane wave** имеет при себе следующее пояснение: For a plane wave, the real part *k’* of the wave vector *k* has a fixed direction.

Большое число Notes имеет развернутый характер. См., в частности, пояснения к терминологическому словосочетанию **complex Poynting vector (**p. 17), к словосочетанию **surface wave (**p. 17).

Для преподавателя английского языка, который ставит перед собой задачу научить своих слушателей читать и переводить оригинальную научную литературу (желательно без словаря), особый интерес представляют такие толкования терминов и терминологических словосочетаний, которые включают стандартные (повторяющиеся, типичные) лексические единицы и словосочетания, а также грамматические явления, характерные для научного текста. Например: на стр.52, 58 находим: глаголы to occur, to

take account of, to deviate, to contain, to distribute, to vary, to exhibit, to consider, to result from, to result in, to equal smth.

К перечисленному (to mention but a few) добавим также такие, в высшей степени характерные для научного текста, словосочетания, как, например,

with certain reservations

to be considered as being (equal to…)

to be regarded as…

where applicable

with respect to

only и the only

Существенно не только то, что толкования терминов насыщены подобными лексическими единицами, но также и то, что они используются в грамматических конструкциях, также в высшей степени характерных для научного текста. Это, к примеру, сложные для перевода случаи пассивных конструкций, модальные глаголы, парные союзы, слова-заместители и др.

Сказанное выше позволяет сказать, что эта часть рецензируемого словаря может быть с успехом использована в практической преподавательской деятельности: для сос тавления контрольных работ, для введение и закрепления лексического иатериала, для иллюстрации в использования грамматических явлений, характерных для научного текста, наконец, в плане развития навыков устной речи, для организации и проведения обсуждения той или иной группы терминов.

Понятно, что данный аспект не упомянут в рецензируемой работе, однако опытный преподаватель без труда найдет способы его применения на практических занятиях английским языком с физиками — как студентами, так и аспирантами. Все зависит от выдумки и изобретательности самого преподавателя.

Вторая часть рецензируемой работы представляет собой, как было отмечено выше, англо-русский словарь. Он включает около 5000 терминов и терминологических

словосочетаний по проблемам физики атмосферы и геофизики. Составитель Словаря отмечает, что, помимо этих двух областей знания, в Словарь вошли также наиболее употребительные термины из таких областей, как математика, астрономия, радиоэлектроника.

Примечательной особенностью этой части рецензируемой работы является то, что она включает немалое число словосочетаний. См., например, словосочетания с существительным absorption (с. 79), с существительными condition (с. 88), effect (с. 95), factor (с. 97). Жаль, что, с полиграфической точки зрения, эти словосочетания представлены в высшей степени неудачно: они никак не выделены ни с помощью отбивок, ни с помощью соответствующих шрифтов. В результате, возникает ощущение «кома», в котором трудно найти нужное место. Попутно отмечу, что в другой работе («Учебный англо-русский словарь с синонимами и антонимами»), изданной в том же издательстве, словосочетания представлены наглядно и убедительно.

В отношении этой части Словаря хотелось бы высказать замечание, связанное с тем, чего в работе нет, и что хотелось бы в ней видеть. Данная, т.е. переводная, часть Словаря включает не только перевод словарных единиц, но также их толкование (автор говорит об этом на с.78). Поскольку первая часть рецензируемой работы также представляет собой толкования, но только на английском языке, хотелось бы видеть во второй части какой-либо значок (это может быть, например, звездочка), который указывал бы на смысловую связь той или иной словарной единицы с точки зрения ее перевода на русский язык и с точки зрения толкования этой же единицы по-английски.

Последняя, третья, часть рецензируемой работы представляет собой частотный англо-русский словарь-минимум по физике атмосферы. В эту часть Словаря вошли как отдельные слова, так и наиболее употребительные словосочетания, выбранные из приблизительно 200 000 словоупотреблений. Последние взяты из оригинальной научной литературы. Не совсем понятно, почему в эту часть вошло такое слово, как '*no*'с указанием на то, что это есть отрицание.

Следует подчеркнуть, что третья (частотная) часть Словаря, как и первая часть, также может быть с успехом использована преподавателем в учебном процессе для составления контрольных работ.

В заключение хотелось бы сказать, что рецензируемая работа создана опытным преподавателем, который хорошо знаком с научной литературой по широкой специальности «физика атмосферы». Представленный в Словаре материал, безусловно, полезен для тех, кто читает оригинальную научную литературу, кто занимается переводом этой литературы на русский язык, наконец, для тех, кто готовится к экзамену кандидатского минимума по английскому языку.

У рецензента имеется пожелание следующего характера: преподаватели кафедры иностранных языков (Институт языкознания РАН), имеющие большой опыт работы с научной литературой по различным областям знания, могли бы явиться авторами *разноплановых* учебных терминологических словарей. Такие работы, помимо узкой утилитарной цели подготовки учащихся к экзамену кандидатского минимума по английскому языку, внесли бы определенный вклад в наше представление о языковых особенностях современной английской научной литературы.

Г.А. Широкова (ИЯз РАН)

Рецензия на учебно-методическое пособие С.П. Ивановой «Научные тексты для самостоятельной работы и работы с преподавателем в группах кандидатского семестра». Ответственный редактор Н.М. Разинкина

Москва: Советский писатель, 2011 г. (85 стр.)

Современные условия обучения аспирантов иностранным языкам (увеличение состава группы, неоднородность языковой подготовки слушателей) диктуют новые требования к учебным материалам, используемым на кандидатском семестре. Так, в 2010

году на кафедре иностранных языков Института языкознания РАН под редакцией доктора филологических наук профессора Н.М. Разинкиной была издана серия учебно-методических пособий по английскому языку «Научный текст с комментариями и упражнениями» по различным отраслям науки: история, археология, этнография и другие. Эти работы ориентированы на то, чтобы слушатели кандидатского семестра могли совершенствовать навыки чтения, понимания и перевода текста по специальности не только под руководством преподавателя, но и самостоятельно.

Пособие С.П. Ивановой является своего рода продолжением этой серии. Оно предназначено для аспирантов и научных сотрудников, готовящихся к сдаче кандидатского экзамена по английскому языку, а также для желающих самостоятельно овладеть навыками понимания, чтения и перевода научной литературы.

Рецензируемая работа является сборником текстов и в соответствии с названием состоит из двух частей: в первой части представлены тексты для самостоятельной работы, а во второй — тексты для работы в группе под руководством преподавателя. В первую часть пособия включено десять текстов. Каждый текст сопровождается комментарием, в котором дается перевод отдельных предложений, вызывающих, по мнению автора, трудность для понимания, и объяснение грамматических явлений. Например, «The more we know, the more we do not know — чем больше мы знаем, тем больше мы не понимаем — парные прилагательные в сравнительной степени, использующиеся два или больше раз подряд, переводятся: чем... тем... так и тем».

Такая работа над текстом, несомненно, рассчитана на тех, кто уже хорошо знаком с грамматической структурой английского языка. Вероятно поэтому перед текстом автор не приводит перечень основных грамматических трудностей. Однако, опыт показывает, что даже хорошо подготовленные аспиранты не всегда могут объяснить, почему то или иное явление нужно переводить именно так. В этой связи вполне уместны приводимые в комментарии отсылки автора к конкретным параграфам учебника М.Г. Рубцовой «Полный курс английского языка. Учебник-самоучитель». Например, «Popov was one of

the first to use practically the results obtained by H. Hertz. — Попов был одним из первых, кто использовал на практике результаты, полученные Герцем.

the first to use… — инфинитив to use используется здесь в роли определения (подробную информацию см. М.Г. Рубцова «Полный курс английского языка», урок 23 параграф 48).

После комментария к тексту автор предлагает задания на грамматику («Найдите в тексте предложения, в которых употребляется правило согласования времен», «Вспомните значения модальных глаголов may и have to, найдите их в тексте и переведите соответствующие части предложения» и другие) и на перевод отдельных предложений с английского языка на русский, а также выделяет лексику, подлежащую активному усвоению.

Произвольный порядок расположения текстов (а не по принципу нарастания грамматических трудностей, как это обычно бывает в учебных пособиях такого рода), очевидно, свидетельствует о том, что они могут быть использованы для самостоятельной работы выборочно в зависимости от интересов аспирантов.

Вторая часть сборника представляет собой собрание текстов для работы в группе под руководством преподавателя. Автор не выделяет основные грамматические явления, используемые в этих текстах, видимо, руководствуясь наличием у преподавателя творческого отношения к организации педагогического процесса, высокой квалификации и мастерства. Пособие только выиграло бы, если бы содержало рекомендации по вопросам методики работы с этими текстами, сопровождалось упражнениями, заданиями и выделением лексики.

Несомненным достоинством работы являются включенные в сборник тексты. Они современны, заимствованы из оригинальных источников и охватывают различные научные направления. В них содержится интересная и полезная информация по разнообразным темам. Это позволит аспирантам и научным работникам использовать пособие С.П. Ивановой независимо от их специальности, а также будет способствовать поддержанию их интереса к изучению английского языка.

В заключение хочу отметить, что рецензируемое пособие поможет слушателям кандидатского семестра рационально организовать самостоятельную работу над текстом и, как следствие, приобрести и закрепить навык правильного и полного понимания содержания прочитанного, а также расширить словарный запас.

Содержание

Проблемы описания языка

С.Ю.Бочавер (ИЯз РАН)
Особенности драматургического синтаксиса (на материале пьесы Ф.Гарсия Лорка «Кровавая свадьба»)……..…. 3 стр.

Я.В.Желонкин (ИЯз РАН)
Гастрономическая метафора в обозначении понятия ‘нищета’ (‘бедность’) во французском языке ……..... 10 стр.

Е.Р.Иоанесян (ИЯз РАН)
Аргументативные свойства кванторных слов…….. 26 стр.

Н.Ю.Казакова (ИЯз РАН)
Общечеловеческая ценность «успех» в языковом сознании русских и немцев на современном этапе…… 89 стр.

А.В.Калашников (НИУ – ВШЭ; ИЯз РАН)
Традиции и подходы к переводу характеристических имен в литературе 107 стр.

В.И.Карпов (ИЯз РАН)
Феномен CODE-MIXING как объект исторической текстологии …….. 125 стр.

И.Б.Кульчицкая (ИЯз РАН)
Квантитативная вариативность слова в китайской речи ……. 132 стр.

В.С.Люсина (ИЯз РАН)
Глаголы с основами на велярный в романских языках ……... 146 стр.

Е.С.Мишура (ИЯз РАН)
Шансы галльского языка на выживание (сопоставление с аквитанским). 177 стр.

М.А.Павликова (ИЯз РАН)
Эволюция функционально-семантического поля длительности в ранненовоанглийском языке…… 203 стр.

В.А.Панов (ИЯз РАН)
К типологии и диахронии глаголов движения в латинском языке……. 212 стр.

Б.Х.Псеунова (ИЯз РАН)
Проблемы классификации антропонимов-сленгизмов (на материале словарей)…….. 239 стр.

М.М.Руссо (ИЯз РАН)
Лексические источники названий «народных царств»…… 242 стр.

Е.Г.Свинчукова (ИЯз РАН)
Семья и ребенок в языковом сознании русских России и Казахстана (по материалам ассоциативного эксперимента)…….. 275 стр.

Проблемы преподавания языка

И.Л.Голова (ИЯз РАН)
Приёмы мнемотехники для успешного запоминания при изучении иностранного языка…… 291 стр.

Н.А.Капустина (ИЯз РАН)
Лингвометодические основы контроля в послевузовском курсе обучения иностранных учащихся русскому языку (как иностранному)… 302 стр.

Н.В.Мощинская (ИЯз РАН)
Принципы отбора и презентации персоналий в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ)..... 318 стр.

О.В.Наумова (ИЯз РАН)
Культурологический аспект как основа формирования иноязычной культуры в процессе обучения английскому языку..... 333 стр.

Н.М.Разинкина (ИЯз РАН)
Метафора (учебный материал с вопросами и заданиями на материале английского и русского языков)…… 363 стр.

Обзоры. Рецензии

Н.М.Абакарова (ИЯз РАН)
Рецензия на пособие М.М.Сизова «Комплексное пособие на материале научно-популярных текстов на английском языке» (обучение чтению, аудированию, говорению, письму и переводу). Москва: Советский писатель, 2008 г…… 396 стр.
Н.Н.Гончарова (ИЯз РАН)
Рецензия на учебное пособие А. А. Словесной «Let's Speak and Write Science». М.: Советский писатель, 2010 г……. 400 стр.
П.С.Дронов (ИЯз РАН)
Рецензия на учебное пособие О.В. Сиполс “Develop Your Reading Skills: Comprehension and Translation Practice”. М.: Флинта, 2007 г…….. 401 стр.
О.В.Наумова (ИЯз РАН)
Рецензия на учебное пособие М.А. Павликовой “Лексико-грамматические тесты по обучению пониманию английского научного текста”. М.: Советский писатель, 2007 г…… 404 стр.
З.Г.Прошина (МГУ им.М.В.Ломоносова)
Рецензия на монографию Е.В.Тереховой «Рекуррентные конструкции в современном английском политическом дискурсе (статус и функционирование)». Москва: Флинта/Наука, 2010 г……..… 407 стр.
Н.М.Разинкина (ИЯз РАН)
Рецензия на работу Т.О. Сухановской «Физика атмосферы. Комплекс словарей». Москва: Флинта/Наука, 2009 г…… 409 стр.
Г.А.Широкова (ИЯз РАН)
Рецензия на учебно-методическое пособие С.П. Ивановой «Научные тексты для самостоятельной работы и работы с преподавателем в группах кандидатского семестра». Москва: Советский писатель, 2011 г……. 413 стр.

Об авторах

Абакарова Наида Мурадбековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: naika72@mail.ru

Бочавер Светлана Юрьевна, аспирантка сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН; e-mail: sbochaver@gmail.com

Голова Ирина Львовна, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: irina-golova@mail.ru

Гончарова Наталия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail:nng@bk.ru

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: nord.dronov@gmail.com

Желонкин Яков Васильевич, аспирант кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: gimalaiskii@yandex.ru

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru

Казакова Наталья Юрьевна, аспирантка сектора психолингвистики Института языкознания РАН; e-mail:t_i_kazakova@mail.ru

Калашников Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики (НИУ-ВШЭ); e-mail: remkas@mail.ru

Капустина Наталия Алексеевна, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: nkapust@gmail.com

Карпов Владимир Ильич, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора германских языков Института языкознания РАН; e-mail: vilkar@yandex.ru

Кульчицкая Ирина Борисовна, аспирантка, отдел экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН; e-mail: kulchitskaya2004@mail.ru
Люсина Валентина Сергеевна, аспирантка сектора типологии Института языкознания РАН, e-mail: krotcaja@gmail.com
Мишура Елена Сергеевна, аспирантка Института языкознания РАН; e-mail: drug.mishura@gmail.com
Мощинская Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, заведующая секцией русского языка для иностранцев Института языкознания РАН; e-mail: nataliamosch@mail.ru
Наумова Ольга Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН**;** e-mail: study2004@rambler.ru
Павликова Марина Аркадьевна, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН**;** e-mail: ya.usakov@yandex.ru
Панов Владимир Александрович, аспирант сектора типологии и общей компаративистики Института языкознания РАН; e-mail: panovmeister@gmail.com
Прошина Зоя Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В.Ломоносова
Псеунова Бэла Халидовна, аспирантка Института языкознания РАН; e-mail: b_pseunova@yahoo.com
Разинкина Нина Марковна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, заведующая секцией английского языка Института языкознания РАН; e-mail: n.razinkina@gmail.com
Руссо Максим Михайлович, соискатель; сектор типологии Института языкознания РАН; e-mail: maks.rousseau@gmail.com
Свинчукова Елена Геннадьевна, аспирантка сектора психолингвистики Института языкознания РАН; e-mail: elena-neutral2@rambler.ru
Широкова Галина Алексеевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: Shirokov_Vladimir_A@cat.com